

ИЗБЕРИ ЖИЗНЬ

Диалог
Арнольда Тойнби
и Дайсаку Икеды

ИЗБЕРИ ЖИЗНЬ

**ДИАЛОГ
АРНОЛЬДА ДЖ. ТОЙНБИ
И
ДАЙСАКУ ИКЕДЫ**

Издательство Московского университета

2007

УДК 316
ББК 60.5
Т50

Тойнби А.Дж., Икеда Д.

Т50

Избери жизнь. Диалог Арнольда Дж. Тойнби и Дайсаку Икеды / Перевод с английского Ю.М. Канцура. Сверка и дополнения по изданию на японском яз. Экуко Сайто-Бэнц. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 448 с.

ISBN 978-5-211-05343-4

Книга-диалог между выдающимся английским ученым-историком Арнольдом Дж. Тойнби и известным японским общественным деятелем, президентом миротворческой общественно-религиозной организации Сока Гаккай Дайсаку Икедой была впервые издана на японском и английском языках. С той поры минуло уже целых три десятилетия. Тем не менее в диалоге был довольно глубоко затронут весьма широкий круг серьезных проблем, которые и в настоящее время нисколько не стали менее актуальными. Такие проблемы, как образование и воспитание, внутренний мир человека, подсознание и психика, манипуляция сознанием, наука и религия, отношение к природе, международные экономические и политические отношения, проблемы войны и мира, процессы демографии, урбанизации, глобализации и т.д., стали еще более острыми в современном мире, и с учетом этого авторы откровенно делятся своими взглядами на прошлое, настоящее и будущее человеческой цивилизации. Книга определенно представит интерес для широкого круга читателей, интересующихся процессами, происходящими в человеческом сообществе в условиях вызовов XXI века.

УДК 316
ББК 60.5

Scan by Skorpio Professional

- © Daisaku Ikeda and Oxford University Press, 1976
«Choose Life: A Dialogue» was originally published in English in 1976. This translation is published by arrangement with Oxford University Press.
- * Книга «Избери жизнь: Диалог» была опубликована на английском языке в 1976 г. Настоящий перевод публикуется с согласия Издательства Оксфордского университета.
- © Русский перевод, Сока Гаккай, 2007

ISBN 978-5-211-05343-4

Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь
и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие.

Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое ...

Библия. Второзаконие. Гл. 30. Пс. 19

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к русским читателям	8
Предисловие	13

I. ЛИЧНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

1. СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Некоторые из наших животных черт	18
Наследственность и окружающая среда	24
Душа и тело	29
Бессознательное	31
Разум и интуиция	38

2. ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Единство человека и природы	44
Стихийные бедствия и бедствия, созданные человеком	49
Проблемы урбанизации	54
Цены на землю и высотные сооружения	54
Транспорт	58
Возвращение в сельскую местность	60
Надвигающаяся гибель	64
Остановить загрязнение окружающей среды	68

3. ИНТЕЛЛЕКТ

Образование	72
Цели учебы	72
Продолжительность обучения	73
Финансирование образования	75
Совместное обучение	78
Преподавание и исследовательская работа	80
Влияние литературы	82
Интеллектуалы и массы	89
Участие интеллектуалов и представителей искусства в политике	95
Пределы научного интеллекта	98

4. ЗДОРОВЬЕ И СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ

Профессионалы искусства исцеления	104
Пересадка органов	108
Медицинское обслуживание: наука и общая практика	111
Помощь пожилым	115
Валовой национальный продукт, или Общенациональное благосостояние	119
Профессия – материнство	128
Размножение до предела	132

5. ЧЕЛОВЕК КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЖИВОТНОЕ

Рабочее движение	140
Досуг и его использование	147
Моральный критерий в общественной организации	152
Лояльность организациям	156
Государственный строй и разрыв между поколениями	163
Нейтральность средств массовой информации	169
Ограничения свободы прессы	174
Отмена смертной казни	177
Самоубийство и эвтаназия	182

II. ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

6. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА НЫНЕШНЕГО СТОЛЕТИЯ

Соединенные Штаты	193
Дух первых поселенцев (дух фронта)	193
Беспокойные активисты за рубежом	195
Расовое волнение внутри страны	197
Гонка в освоении космоса	199
Япония и Британия	200
Демократия	200
Дипломатия	202
Нет кандидата в короли	205
Упадок национального государства	207
Страны, восприимчивые к коммунизму	213
Всемирный патриотизм	219
Патриотизм и любовь к человечеству	219

7. ВООРУЖЕНИЕ И ВОЙНА

Экономический рост и война	222
Мирное использование ядерной энергии	224
Необъявленные войны и Азия	227

Самоборона и Конституция Японии	231
Будущие полицейские силы	236
Природа и будущее войны	240
8. ВЫБОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ	
Качества хорошего лидера	245
Меры предосторожности против фашизма	249
Природа, средства и цели власти	252
Демократия или диктатура	257
Демократия или меритократия	264
9. ЕДИНЫЙ МИР	
Международная валюта	271
Роль Восточной Азии	275
Вклад Японии в будущее	285
От биполярности к многополярности	288
Объединение мира	293
III. ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ	
10. ПРИРОДА ВЕЩЕЙ (ФЕНОМЕН И СУТЬ)	
Происхождение жизни	299
Вопрос о вечной жизни	302
Вселенная	313
Разумные существа на других планетах	319
За пределами волн и элементарных частиц	324
Религиозные подходы к абсолютной реальности	328
Буддийский подход	333
Эпистемология: теория Сантай	333
Десять состояний жизни	336
Жизнь как реальность, течение и сущность	341
Теория «Десяти факторов» для понимания динамики жизни	341
11. РОЛИ, КОТОРЫЕ ИГРАЕТ РЕЛИГИЯ	
Религия как источник жизнеспособности	346
Три западных религии	351
Возвращение к пантеизму	358
12. ДОБРО И ЗЛО, МОРАЛЬНАЯ ПРАКТИКА	
Смесь добра и зла (добро и зло в природе человека).....	367
Отношение к желаниям	372
Значение судьбы	382

Определение истинного прогресса	389
Любовь и совесть	394
Сострадание как реальная любовь	400
Расширяя сферу любви	405
Наивысшая человеческая ценность	411

ПРИЛОЖЕНИЯ

Примечания	416
Из биографии Арнольда Тойнби	442
Из биографии Дайсаку Икеды	445

ОБРАЩЕНИЕ К РУССКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Мне доставляет большую радость издание этой книги на русском языке, поскольку для России, связанной для меня с самыми теплыми воспоминаниями, возможно, она станет вехой для еще одного диалога.

В этой книге записаны беседы, проходившие между мной и ныне покойным английским историком Арнольдом Тойнби уже более тридцати лет тому назад. С тех давних пор, т.е. с 1975 г., она переиздавалась в разных странах и регионах мира. Настоящее издание на русском, 27-м по счету языке, как мне кажется, имеет особое значение в многолетней истории ее издания.

В целом наши беседы с доктором Тойнби продолжались более двух лет. А 19 мая 1973 г. в его доме в Лондоне мы завершили наш диалог. На прощание я попросил у доктора Тойнби совета, касающегося моей дальнейшей жизни. В свою просьбу я вложил переполнявшее меня чувство благодарности и уважения к человеку, который, невзирая на свой преклонный возраст – Тойнби было уже за 80, – взял на себя большой труд беседовать со мной и искренне отвечать на мои вопросы. «Моего учителя Тода уже нет со мной» – невольно сказал я тогда, словно говорил это своей душе.

Если бы Дж. Тода, мой Учитель, второй президент Сока Гаккай, был жив и здоров... Мой учитель ушел из жизни в возрасте 58 лет, за 15 лет до начала этих бесед. Широкий лоб, продолжное лицо с морщинками, пережившее нелегкие годы, теплый взгляд, внешность мыслителя и благородство личности – мне часто вспоминался облик моего учителя, когда я беседовал с доктором Тойнби. Мне казалось, что они в чем-то похожи...

На мою просьбу доктор Тойнби ответил скромно: «Я ученый. Вы, г-н Икеда, – человек действия, лидер важной организации. Поэтому, я считаю, мне неуместно давать вам какие-либо личные советы». Но, немного подумав, он сказал: «Я желаю вам, чтобы вы продолжали идти по *срединному пути*. Я уверен, что Сока Гаккай живет широкими перспективами, связанными с будущим мира».

Когда я слушал его, в моей душе всплыли горячие слова моего покойного учителя: «Охвати своим зрением столетние или тысячелетние перспективы, и работай силой диалога для объединения разломленного человечества...».

Послание моего Учителя руководило мною в беседах с высокими мыслителями и интеллектуалами всего мира, помогало делиться с ними буддийскими идеями, слушать их и вместе искать пути к всеобщему миру.

В тот день, завершив первый в своей жизни проект диалога с историком XX века, я простился с ним с глубоким волнением и благодарностью.

По пути домой наш переводчик передал мне записку от доктора Тойнби, в которой было перечислено несколько имен тех ученых, которых он рекомендовал мне в качестве моих будущих собеседников. Я был искренне тронут его вниманием.

Спустя некоторое время супруги Тойнби переехали в Йорк. Один мой знакомый, посетивший доктора Тойнби в его новой квартире, рассказал мне, что г-жа Вероника, жена Тойнби, которая была всегда рядом во время наших диалогов, спросила его о том, удалось ли мне установить контакты и начать вести диалоги с теми людьми, кого рекомендовал ее муж. Их тонкое, почти родительское переживание о моей работе согрело и вдохновило меня.

Спустя два года после завершения диалога наши беседы вышли отдельной книгой под названием «Choose Life (Избери жизнь)» в издательстве Оксфордского университета. Очень скоро после этого доктора Тойнби не стало. Я искренне сожалел, что мне так и не довелось встретиться с ним до его кончины.

«Срединный путь», о котором говорил доктор Тойнби, является квинт-эссенцией учения буддизма. И, несмотря на то что на страницах нашего предисловия я не смогу полностью объяснить его, я понимаю пожелание моего собеседника, чтобы я придерживался буддийского духа толерантности и интеграции всего сущего. Чтобы я не вставал на сторону ни левых, ни правых и, охватывая все различия и разнообразия, приложил бы все усилия ко всеобщему объединению человечества.

В последний день нашего общения доктор Тойнби сказал мне: «Возможно, что диалог, подобный нашему, сыграет важную роль для объединения народов мира и синтеза разных религий. Наш диалог был между Японией и Британией. В дальнейшем я желаю, чтобы подобный диалог состоялся между Японией и Россией, также между Россией и США и особенно между

Китаем и Россией. Они в значительной степени смогли бы продвинуть человечество ко всеобщей интеграции. И Сока Гаккай мог бы проявить инициативу для их начала...».

Я охотно согласился с ним и накрепко запомнил его слова.

Тойнби говорил о важности диалога с Россией, очевидно, из-за того, что в те годы международное сообщество было разделено на два лагеря острым антагонизмом между СССР и США, а отношения между СССР и Китаем были крайне напряженными. Но в целом пожелание доктора Тойнби было в том, чтобы разрушить «стены» в душе каждого человека, влекущие за собой дискриминацию и разьединение, и стремиться к «единой Земле», несмотря на различия в социальном строе, идеологии, религии, традициях.

С тех пор положение мирового сообщества сильно изменилось. Сегодня я снова хочу подчеркнуть важность диалога с Россией, потому что это страна глубокой духовности и родина незаурядных умов науки и искусства. Пожалуй, я имею право так говорить, так как мне посчастливилось близко познакомиться со многими русскими друзьями, узы дружбы с которыми меня связывают с советского времени и до сих пор. Дорогие воспоминания о наших встречах и неизгладимые впечатления от благородства их русского духа останутся в моей душе незаменными сокровищами на всю жизнь.

Мне также удалось создать серию диалогов, охватывающую многих мировых лидеров, интеллектуалов и людей, являющихся совестью современного мира. Начало всех этих диалогов, проведенных мной, было положено именно этой книгой – диалогом с доктором Тойнби. Среди моих собеседников были двое, имена которых в списке перечисленных доктором Тойнби, – это Аурелио Печчеи*, основатель и первый президент Римского клуба, и профессор Рене Дюбо*, микробиолог. Так что я, хотя бы частично, выполнил пожелания моего дорогого соавтора. И я уверен в том, что покойные супруги Тойнби обрадовались бы изданию этой книги на русском языке.

Как известно, отличительной чертой взглядов доктора Тойнби на историю было то, что в формировании цивилизации большое значение он придавал религии. В наших беседах он неоднократно подчеркивал этот момент. Его надежду на мировые религии и одновременно предостережение мы читаем в его следующем высказывании: «Высшие религии должны пойти на изменения: от вражды и противостояния между ними

*Словам, помеченным здесь и далее звездочкой, даются пояснения в Приложениях в конце книги.

перейти к любви и сотрудничеству. Высшим религиям на практике следует заниматься важнейшими задачами ядерной эры. Им необходимо убрать все наносное в учении и ритуалах, накопившееся за длительный период истории, которое только скрывает его глубинную религиозную суть» («Вызов, брошенный современности»).

Его утверждение о необходимости проявлять терпимость, наладить диалог между религиями, предпринимать конкретные действия для укрепления мира, а также о том, что для этого нужно сбросить с себя несущественные формальности и устаревшие религиозные ограничения, глубоко созвучны с моим убеждением, с которым до сих пор я работал в сферах миротворческого движения, культуры и образования. В пределах своих возможностей я также старался повлиять на религиозную реформу в Японии. Замечания доктора Тойнби по поводу мировых религий предельно точны. И здесь кроется причина того, почему доктор Тойнби подтолкнул меня, деятеля религии, к широкому разворачиванию диалога с представителями разных кругов.

В мире все еще накапливаются проблемы, создающие угрозу человечеству.

Буддизм говорит о том, что эти проблемы своими корнями уходят в глубинные слои человеческой жизни. В Сутре Лотоса написано: «Голод и нищета образуются в результате безмерной жажды. Эпидемия возникает из-за невежества. Война раздувается гневом».

Мы с доктором Тойнби, полностью разделяя точку зрения о том, что кризис мира есть не что иное, как кризис человека, затронули широкий круг вопросов, пытаюсь найти пути их решения, в частности найти источник силы для преодоления внутренней темноты человека. Обсуждая разные темы, мы каждый раз понимали, что основная тема нашего диалога – это жизнь, а значит, человек.

Для обеспечения мира на Земле человечеству очень важно осознать драгоценность жизни, иметь соответствующую философию жизни и сделать дух неприкосновенного уважения жизни всеобщей основой нашей цивилизации. Если настоящая книга поможет читателям поразмышлять над этим, для нас, соавторов, это будет лучшим вознаграждением.

Эта книга является плодом диалога между двумя цивилизациями, между Западом и Востоком.

В современном мире, где ужесточаются противостоящие и разделяющие силы дискриминации, насилия и равнодушия, следует сделать все возможное для того, чтобы не ослаб дух диалога – несомненная сила гуманности

человека. Диалог послужит мостом между цивилизациями. Мы будем верить в его продуктивность и созидательность.

Особенно важен диалог между двумя нашими странами, Россией и Японией. Широкий диалог как возможность привнесения нашими странами положительных изменений в мировое сообщество. Также мне очень хотелось бы, чтобы эта книга способствовала укреплению доверия и дружбы между нашими странами.

В заключение я со всей искренностью хочу поблагодарить Юрия Михайловича Канцура и Экуко Сайто-Бэнц за их нелегкую переводческую работу, в которой во избежание двойного перевода и в целях обеспечения его качества текст А. Тойнби был переведен ими с английского оригинала, а мой текст – с японского. Также я от души благодарен Н.С. Тимофееву, директору Издательства Московского университета, и всем его коллегам за приложенные ими усилия по изданию этой книги, а также за высокий профессионализм и доброе сотрудничество.

Дайсаку Икеда,

президент Сока Гаккай Интернэшнл (SGI)

16 февраля 2007 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читателю достаточно лишь взглянуть на оглавление этой книги, чтобы сразу понять, что она охватывает довольно широкий спектр тем. Эти темы представлены в виде диалога, поскольку они являются объектами личной заинтересованности обоих собеседников. Диалог публикуется в виде книги в надежде на то, что эти же самые темы окажутся предметом общей заинтересованности современников авторов в англоязычном мире, в Японии и в других странах.

Диалог первоначально состоялся в устной форме. Оба участника встретились в Лондоне, и их беседа продолжалась несколько дней. Запись их высказываний была отредактирована г-ном Ричардом Л. Гэйджем. Его редакторская работа была одновременно и искусной и нелегкой. Глазам читателя необходима иная манера подачи материала в сравнении с тем, которая удобна для ушей слушателя, и оба автора этой книги выражают свою благодарность г-ну Гэйджу за оказанную им услугу. Они полагают, что эту благодарность разделит с ними и читатель.

Темы, обсуждавшиеся в этой книге, очень разнообразны. Некоторые из них требуют срочного разрешения в настоящий момент, а некоторые – это проблемы непреходящей важности, над которыми размышляли и которые обсуждали люди с тех незапамятных времен, когда наши предки впервые осознали себя людьми. Весьма вероятно, что эти непреходящие проблемы будут оставаться актуальными до тех пор, пока человечество будет способно выживать в психосоматическом виде, в котором мы существуем в нашей материальной окружающей среде, иначе говоря, в биосфере, которая покрывает нашу планету Земля.

Дайсаку Икеда – представитель Восточной Азии, Арнольд Тойнби проживает на Западе. В наиболее близкой к нам главе истории человечества Запад играет лидирующую и доминирующую роль. В настоящей книге Тойнби излагает причины, по которым следует ожидать, что в будущем

лидерство перейдет от Запада к Восточной Азии. Человечество уже объединено на технологическом уровне в ходе всемирной экспансии западноевропейцев, происходившей в течение пяти последних столетий. Мнения обоих авторов совпадают относительно ожиданий и надежд на то, что человечество в следующей главе истории сумеет достигнуть политического и духовного объединения. Икеда более оптимистичен, чем Тойнби, в надеждах, что такая великая перемена может быть достигнута на добровольной основе, на принципах равенства между всеми видами человеческой расы, без дальнейшего доминирования одной из них над другими, то есть без того зла, которое в прошлом слишком часто являлось платой за политическое и духовное объединение даже в намного меньших, чем во всемирном, масштабах.

Тойнби в основном более пессимистичен, чем Икеда, в том, что, по его мнению, человечество должно будет заплатить высокую цену за такие глубокие преобразования в подходах, целях и поведении, которые оба автора считают неотъемлемыми условиями для выживания человеческого рода. Является ли относительный пессимизм Тойнби просто следствием его возраста (хорошо известно, что в пожилом возрасте люди склоняются к мнению о том, что «мир летит к чертям собачьим»)? Или это следствие того, что он – житель Запада, который в определенной мере разделяет мнение Освальда Шпенглера* о том, что в двадцатом веке мы являемся свидетелями упадка Запада? Или это потому, что он по своей профессии историк и поэтому особенно (возможно, даже чрезмерно) сознает трагическую до сей поры неудачу человечества в политическом, а еще более в духовном плане человеческой жизни – неудачу, которая особенно контрастирует с блестящими достижениями человечества в технологических областях?

Другой возможной причиной опасений Тойнби в том, что следующая глава истории может оказаться более насильственной и жестокой, чем, как считает Икеда, она должна быть, является различие религиозных традиций, в которых эти оба автора были воспитаны. Тойнби – христианин, Икеда – буддист северной (махаяна*) школы. Как буддизм, так и христианство получили широкое распространение (более широкое, чем даже любое нерелигиозное учреждение), но средства и последствия их распространения различаются. Буддизм, который распространялся почти исключительно путем мирного проникновения, поддерживает мирное сосуществование с другими религиями и философиями, которые уже сложились в тех регионах, в которых он распространялся. Буддизм установил *modus vivendi*

(временное соглашение) с даосизмом и конфуцианством в Китае и с синтоизмом в Японии. В противоположность буддизму христианство так же, как и родственная ему религия ислам, носит непримиримый характер: в целом ряде случаев христианство навязывалось силой, например большинству населения Римской империи, континентальным саксонцам и народам Мексики и Перу доколумбова периода. Осведомленность об этой темной стороне истории христианства может вызвать у христианина или экс-христианина больше скептицизма, чем у буддиста, относительно возможности мирного достижения великих социальных преобразований.

Несмотря на различие между авторами в их религиозном и культурном воспитании, в ходе их диалога высветилась значительная степень согласия в их взглядах и целях. Их согласие распространяется весьма далеко, их разногласия же сравнительно незначительны. Они едины в том, что религия есть главная движущая сила человеческой жизни. Они едины в том, что человеческое существо обязано постоянно стремиться преодолевать врожденную предрасположенность эксплуатировать всю остальную Вселенную и что вместо этого оно должно пытаться безоговорочно отдать себя служению Вселенной, чтобы его «Я» слилось с абсолютной реальностью, что для буддиста есть состояние Будды*. Они едины в том, что эта абсолютная реальность не является человекоподобной Божественной персоной.

Они также едины в вере в реальность кармы; это слово на санскрите означает «действие», но в словаре буддизма приобрело особое значение этического «банковского счета», в котором происходит постоянное изменение баланса из-за пополнения свежими кредитами и дебитами в течение всей психосоматической жизни человеческого существа на Земле. Баланс кармы человеческого существа в каждый конкретный момент определяется сложением или вычитанием сумм от прежних кредита и дебита; но носитель кармы может и действительно изменит баланс в лучшую или худшую сторону своими последующими деяниями. В самом деле, он творит карму для самого себя и, следовательно, хотя бы отчасти является свободным действующим лицом.

По мнению авторов, непреходящая духовная задача человеческого существа состоит в преодолении своего собственного высокомерия путем распространения своего «Я» до таких пределов, когда оно станет соразмерным с первозданной абсолютной реальностью, от которой на самом деле оно неотделимо. Есть поговорка на хинди: *Tat tvam asi*, что означает «Она (абсолютная реальность) есть то, чем являешься сам Ты (человеческое

существо)». Но высказывание об идентичности *Она* и *Ты* – это просто пожелание, и оно должно быть превращено в реальность проявлением энергичного духовного усилия. Это духовное усилие, прилагаемое каждым индивидуальным человеческим существом, и есть единственное эффективное средство для совершения социальных перемен к лучшему. Изменения в установившейся системе эффективны лишь в том случае, если они являются признаками и следствием духовного самосовершенствования личностей, отношения между которыми и образуют конструкцию человеческого общества.

Таким образом, согласие между восточноазиатским и западным участниками диалога, опубликованного в этой книге, весьма широко. Чем это можно объяснить? В настоящее время человечество во всем мире сталкивается с целым рядом острых проблем. Эти проблемы ныне затрагивают всех нас, богатых и бедных, технологически развитых и отсталых, независимо от того, принадлежит ли религия, унаследованная народом или отдельной личностью от своих предков, индуистской или иудаистской школе. Универсальность проявления этих современных всеобщих проблем является историческим следствием всемирной системы технологических и экономических отношений, сложившейся в результате активной экспансии западноевропейцев в течение последних пяти столетий. Технологические и экономические отношения порождают политические, этические и религиозные отношения. В самом деле, в настоящее время мы являемся свидетелями рождения общей глобальной цивилизации, возникающей на технологической конструкции западного происхождения, но духовно обогащаемой теперь вкладами со стороны всех других исторических региональных цивилизаций. Эта недавняя тенденция в истории человечества, возможно, и объясняет отчасти то поразительное совпадение основных взглядов, проявляющихся в мировоззрениях Дайсаку Икеды и Арнольда Тойнби. Возможно также, что в ходе обсуждения вопросов, связанных с философской и религиозной жизнью, авторы углубились в сферу подсознательной психики человеческой природы настолько, что затронули такие ее элементы, которые свойственны всем без исключения человеческим существам, везде и всегда, поскольку они унаследованы из первородной общей основы существования, которая лежит в основе всего сущего.

До этого места настоящее предисловие представляло обоих авторов этой книги, но теперь Тойнби выражает благодарность Икеде за проявленную им инициативу в организации встреч и за публикацию этого диалога в

виде книги. Когда Тойнби достиг возраста, в котором ему было уже трудно путешествовать, Икеда прилетел из Японии в Англию для встречи с ним. И так же именно Икеда организовал перевод своей собственной части диалога с японского на английский язык, а также редактирование всего диалога таким образом, чтобы он мог быть читаем как книга. Это довольно трудоемкая задача, и Арнольд Тойнби очень благодарен Дайсаку Икеде за то, что он взял эту ношу на свои молодые плечи.

Примечание издателя. Это предисловие написано г-ном Тойнби в третьем лице от имени обоих авторов, и в соответствии с их пожеланиями оно приводится здесь в данном стиле.

I

ЛИЧНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

1. СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Некоторые из наших животных черт

Икеда: В наше время сексуальная свобода – это глобальный феномен, хотя он особенно заметен в Европе, Америке и Японии – распространяется с такой скоростью и силой, что угрожает потрясти самые основы современного общества. Вещи, которые когда-то считались вызывающими смущение, ныне произносятся и делаются совершенно открыто.

Естественно, что секс должен быть правильно понят; было бы глупым скрывать его, поскольку это лишь подкрепляло бы искаженное отношение к нему. С другой стороны, у меня есть сомнения, что нынешняя бесцеремонность и вседозволенность в сексе, на чем настаивают некоторые люди, ведет к освобождению человека. Свобода и распущенность – это не одно и то же, и я убежден, что имеет место серьезный дефект в современной сексуальной свободе: в таком подходе к сексу утрачивается нечто фундаментальное.

Тойнби: Человек ощущает себя в неловкой и приводящей в замешательство ситуации, поскольку он одновременно является и животным и сознательным одухотворенным существом. Он понимает, что духовная составляющая его природы наделяет его чувством собственного достоинства, которое отсутствует у других животных, и он чувствует, что обязан поддерживать свое достоинство. По этой причине человеческие существа смущены теми физическими органами, функциями и инстинктами, которые одинаковы и у них и у неодухотворенных животных и которые оспаривают чувство собственного достоинства, напоминая нам о нашем физиологическом родстве с неразумными зверями.

В отличие от человека другие животные не смущаются функционированием их физиологических организмов, потому что они не осознают себя. Смущение, вызываемое опасением утраты собственного достоинства, и

унижение от действительной его утраты есть черты, специфически присущие исключительно человеку.

Человеческий инструмент для поддержания чувства собственного достоинства, вопреки животным аспектам человеческой природы, состоит в том, чтобы выделить себя из среды животных нечеловеческого типа, вводя определенные условности, которые животные не могут и не способны выработать, для отношения к тем животным органам и функциям, которые являются встроенной частью нашего тела, неизбежным биологическим наследием. Одним из критериев уровня развития или цивилизации является та степень, до которой мы при посредстве искусственных условностей различаем человеческий способ отношения к физическим органам и функциям, которые одинаково присущи всем животным.

Икеда: У всех цивилизаций есть свои собственные обычаи и условности относительно секса, и обычно они передаются от одного поколения другому. В настоящее время образование в области секса преподносится как нечто очень специфическое, в то время как оно в той или иной форме является частью всех культур.

Тойнби: Естественно, большинство цивилизаций имеет свои условности по этим проблемам, и эти условности многократно изменялись. Сегодня в нашей культуре мы прикрываем наши сексуальные и экскреторные органы, мы не совершаем публично половых актов, или, иными словами, не подчиняемся открыто тому, что застенчиво именуется зовом природы, мы соблюдаем правила поведения за столом. Правила поведения за столом очень разнообразны. Они являются деликатным показателем различий в культуре, но они вовсе не являются надежным показателем здоровья или болезни самой культуры, поскольку человеческие существа не стыдятся приема пищи и питья, то есть таких животных функций, которые у них такие же, как у крыс и у коров (если только мы не едим или не пьем в манере, подобной грызунам или жвачным животным). С другой стороны, экскреции (выделения) и половые сношения являются внутренне смущающими функциями для всех людей, к какой бы культуре они ни принадлежали, и поэтому все человеческие существа соблюдают определенные условности выполнения этих естественных функций.

Секс – это функция, наиболее вызывающая смущение, поскольку человеческое половое влечение не проявляется до достижения половой зрелости. Поэтому человек в юношеском возрасте должен быть посвящен в таинства сексуальных фактов жизни, а это мудреная сторона обучения. Если его

старшие будут делать тайну из секса и сохранять просвещение ребенка до той поры, пока его захлестнет половая зрелость, то это может вызвать эффект возбуждения детского любопытства и возникновение сопротивления пребыванию в неведении. Это может привести к тому, что ребенок окажется обуян мыслью о сексе и чрезмерным желанием вступить в половую связь. С другой стороны, если родители вступают в половую связь на глазах у ребенка, они теряют свое достоинство в его восприятии. Вследствие этого ребенок может стать сексуально озабоченным еще задолго до достижения им физической зрелости. В вопросе о половом воспитании очень трудно найти наиболее удовлетворительную середину между вредоносной излишней откровенностью и дозволенностью, с одной стороны, и вредоносной излишней секретностью и запрещениями – с другой.

Икеда: Вы совершенно правы. Эта проблема, вероятно, всегда была трудной, она, конечно, трудна и сегодня.

Тойнби: Слабым местом нашего ощущения собственного достоинства является то, что мы не можем найти лучшего способа его поддержания, чем укрытие искусственным покровом наших животных органов и функций. Если бы было возможно хотя бы временно одарить нечеловеческое существо подобием человеческого интеллекта и дать ему возможность независимого исследования человеческого образа жизни, то этот воображаемый наблюдатель наверняка произнес бы, что человеческое достоинство есть не что иное, как притворство, поддерживаемое умышленными условностями для сокрытия истины, которая состоит в том, что человеческие существа в действительности несколько не более благородны, чем любые другие представители живых существ. И все же человек искренне верит в то, что он действительно обладает достоинством и что он опустится на недостойный человека уровень, если не будет поддерживать свое достоинство. Я считаю, что именно это, а не вердикт моего воображаемого исследователя относительно человеческого достоинства и есть истина. Человеческое чувство собственного достоинства – это, другими словами, признание им самим того, что он является одухотворенным существом помимо и вопреки тому, что он с физиологической точки зрения является животным организмом.

Икеда: Да, если мы утверждаем, что духовная деятельность человека есть лишь мираж или выдумка, то все поведенческие условности, которые изобретены человеком для поддержания собственного достоинства, становятся бессмысленными. Истина, однако, состоит в том, что человек является одухотворенным существом и его духовная деятельность составляет

огромную часть его существа. Следовательно, условности, окружающие секс, прием пищи и другие животные функции человека, имеют существенное значение.

Тойнби: Устанавливая для себя некоторые правила обращения со своими животными органами и функциями, человек утверждает и защищает свою человечность. Тем не менее у человечества нет универсальных однообразных правил. В разных человеческих обществах действуют самые разные правила. Когда мы сравниваем различные своды правил, мы приходим к выводу, что одни лучше, чем другие. Мы постоянно видоизменяем наши собственные правила, но ни одно человеческое общество, насколько нам известно, не отменяло все правила полностью. Трудно себе представить, как какое-нибудь общество, соверши оно действительно подобный шаг, могло бы оставаться человеческим. Человеческие существа обладают большей степенью свободы в своих действиях, чем животные других видов. Мы свободны в выборе повести себя хуже или лучше, чем животные нечеловеческого вида. Если бы мы жили, не соблюдая правил, мы наверняка вели бы себя хуже.

Правильный критерий в решении проблемы сексуальных отношений состоит в сохранении человеческого достоинства, и в этой области человеческих отношений достоинство есть обязательное условие гуманизации сексуальных отношений их духовным качеством, которое еще более важно, чем само достоинство, и которое называется любовью. Человеческие сексуальные отношения, лишённые любви и достоинства и сводимые ни к чему другому, кроме удовлетворения лишь животного влечения, превращаются в духовную деградацию. У животных нечеловеческого вида реакция на сексуальный импульс неосознанна и по этой причине неосуждаема. Более того, в половой жизни этих животных сексуальные контакты регулируются врожденным естественным контролем. В человеческой жизни секс без любви и достоинства не просто развратен: духовно и морально он ниже уровня, который отведен природой для сексуальных отношений диких животных.

Икеда: Конечно, общество без правил не сможет оставаться человеческим. Оно перестанет быть даже близким к этому состоянию, потому что, как установлено учеными, все животные, даже обладающие ограниченными духовными качествами, соблюдают правила. Некоторые обезьяны, например, соблюдают определенные правила поведения в отношении приема пищи и половых контактов. Этим правилам аккуратно следуют члены обезьяньих

сообществ. Человек, не признающий никаких правил, был бы социально на более низкой ступени, чем эти обезьяны.

Тойнби: Правила, касающиеся секса, являются наиболее важными, потому что секс – это наиболее серьезная часть среди животных аспектов человеческой природы. Другие животные функции влияют только на отдельно взятого человеческого индивида. Сексуальные отношения оказывают воздействие, по крайней мере, на двух лиц и могут воздействовать на большее количество, если за ними последует естественный результат – рождение детей. Индивидуальные человеческие существа могут жить без сексуальных отношений. Монахи и монахини отказываются от них. Но человеческая раса в целом не может выжить без них, поскольку она не сможет воспроизводить себя другими способами. Благодаря регулированию сексуальных отношений снисходительный подход к заложенному природой половому влечению может сопровождаться, облагораживаться и преобразовываться любовью. Любовь между мужем и женой, между родителями и детьми, согласно учению Конфуция, есть сердце человеческой социальности и моральности.

Икеда: В целом я согласен, однако я предполагаю, что на основе таких явлений, как утрата сексуальной морали и отсутствие любви в сексуальных отношениях, лежит тенденция восприятия человеческой жизни только как материальной. Именно эта тенденция материализации жизни позволяет отделение плоти от духовности, в результате которого секс превращается не во что другое, кроме как в средство получения физического удовольствия.

Тойнби: Существующий в человеческом обществе полный набор правил, обычаев и норм поведения представляет собой единую взаимосвязанную сеть. Логической связи между правилами, которыми регулируются различные аспекты человеческого бытия, может и не быть, однако определенно существует психологическая связь в том смысле, что дозволенность или запретительство в какой-либо одной области имеет тенденцию распространиться на остальные. Конечно, не является случайностью то, что распущенность в сексуальных отношениях в нынешнее время сопровождается вседозволенностью в употреблении наркотиков, нечестностью, использованием насилия в качестве кратчайшего способа достижения своих личных или политических целей.

Одной из причин недавнего взрыва беззакония в целом ряде областей жизни явилось превращение миллионов мужчин в солдат, сражавшихся в двух

мировых и многих локальных войнах, имевших место с 1914 года. Война – это преднамеренная отмена нормально существующего запрета на лишение человека жизни. Для солдата убийство своего человеческого собрата является исполнением долга, вместо того чтобы считаться преступлением, каким оно является, если он совершает убийство, будучи гражданским человеком. Подобная произвольная и аморальная отмена главного этического правила является сама по себе сбивающим с толку и деморализующим фактором. Более того, солдат, находящийся на военной службе, вырван из своих обычных социальных установок и потому освобожден от всех своих обычных социальных ограничений. Когда ему командуют убивать, то неудивительно, что он также перестает подчиняться нормальным запретам на изнасилования, грабежи, употребление наркотиков. Утрата человеческой морали американскими войсками во Вьетнаме является вопиющим примером того, что всегда происходит с солдатами во время военных действий.

Икеда: Во все времена война приводила и приводит к подобного рода деморализации.

Тойнби: Война – это зло, а тенденция развития науки им не является. Однако я считаю, что неумышленно и косвенно тенденция развития науки внесла свой вклад в нынешний подъем беззакония, особенно в область сексуальных отношений. Этической заслугой науки является ее приверженность совершать открытия и иметь дело с истиной. Наука бросает вызов всем традиционным верованиям, условностям и обычаям. Традиционные условности сексуального поведения во всех обществах носят в разной степени ограничительный характер. Я уверен, что с этической точки зрения это правильно. Однако чем суровее эти ограничения, тем более частыми и вопиющими будут их нарушения и тем лицемернее будет продиктованная благоразумием маскировка этих нарушений. Дети в наше время обучаются – не только просто формально, но по духу нашего времени – научному рвению к правде и научному пренебрежению к обманам. Вследствие этого в наше время наносится ущерб кредиту доверия в отношении престижа, а значит, и авторитету как родителей, так и правительств. Нынешние дети подготовлены к тому, чтобы поверить, что их родители сами не выполняют тех правил в области сексуальных отношений или в других областях, которые они проповедают.

Если это является одной из причин, а я считаю, что это так и есть, нынешнего восстания против традиционных условностей в области сексуальных

отношений, то маловероятно, что подрастающее поколение захочет регулировать свои сексуальные отношения как под действием репрессивных мер со стороны общественных властей, так и даже путем добровольного движения за сексуальный аскетизм.

Икеда: Я рассматриваю тенденцию к сексуальной вседозволенности подрастающих поколений в ином свете. Я вижу ее истинную причину в ослаблении внутренней жизненной силы. Это ослабление вызвано подавляющим влиянием современной техногенной цивилизации. Из ослабленной жизненной силы не может быть порожден трепетный дух любви. Вы давно утверждаете, что путь преодоления сложившейся ситуации может быть найден в действенной силе любви. Я, конечно, согласен с этим Вашим утверждением. Однако не кажется ли Вам, что, если мы хотим, чтобы наше чувство любви было настоящим и глубоким, нам следует обратить пристальное внимание на здоровье более глубокой психической сферы, которая, служа основой сознания и эмоций, рождает и само чувство любви. Для восстановления человечности в сексуальном поведении важно освободить дух подрастающего поколения от материализованного мировоззрения, и параллельно с этим нужно развивать, активизировать и укреплять у этого поколения жизненную энергию, являющуюся источником любви. Нам следовало бы задаться вопросом: как это может быть обеспечено?

Тойнби: Единственно возможным средством лечения сексуальной вседозволенности должно быть такое, которое носит положительный характер. Сексуальная вседозволенность является отражением утраты веры в будущее человечества. Средство для исправления ситуации обязательно должно дать подрастающему поколению некую цель, которая, не являясь утопической, могла бы вдохновлять. Никакой свод правил сексуального поведения не является священным, но человеческая жизнь превращается в животную, если человеческие сексуальные отношения не управляются сводом правил, который, по общему признанию, придает чувство человеческого достоинства этой наиболее смущающей физиологической функции из всех тех физиологических функций человека, которые являются общими с другими животными.

Наследственность и окружающая среда

Икеда: Современную генетику грубо можно разделить на две школы: ортодоксальную школу, основанную Менделем* и Морганом*, и школу Лысенко*, названную именем основавшего ее русского ученого.

Школа Менделя выделяет гены – элементы передачи наследственности – в самом живом организме и утверждает, что основа феномена наследственности состоит в передаче родительских черт потомкам. Гены располагаются в строго определенном порядке в хромосомах, которые находятся в ядрах клеток и следуют неизменному механизму при оказании влияния на передачу наследственности. Недавние исследования в области биохимии и молекулярной биологии подтвердили эту теорию. Далее, молекулярная биология показала, что дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК) является основным компонентом генов, а работы Дж. Д. Ватсона* и Ф. Х. С. Крика* установили природу сложной структуры этого вещества.

Лысенко и другие русские биологи, однако, подчеркивают роль окружающей среды в передаче наследственности. В соответствии с их теорией наследственность – это особое качество живых организмов, требующее определенных условий для поддержания и роста своей жизни и реагирующее на эти условия определенным образом. Русские ученые настаивают на том, что наследственность следует понимать как часть метаболического шаблона организмов. Лысенко, безусловно, заслуживает уважения за то, что он этим новым подходом рассматривал феномен наследственности с точки зрения отношений живого организма с окружающей средой. Однако в дальнейшем своем развитии его теория, связанная с марксистской идеологией, стала рассматривать окружающую среду как единственный фактор, определяющий наследственность, и дошла до того, что стала игнорировать наличие генов, что навлекло на Лысенко критику относительно научности методики его исследования. После смерти Сталина газета «Правда» осудила Лысенко, его школу и его догмат как препятствие на пути развития биологии, тем самым обнажая тот факт, что наука не может нормально развиваться, если она политически ангажирована, связана рамками определенной идеологии.

Я полагаю, что в генетических исследованиях не следует игнорировать как фактор наличия и функционирования генов, так и фактор влияния окружающей среды.

Тойнби: Я согласен с тем, что при любой попытке объяснить природу или, по крайней мере, принцип функционирования эволюции или зарождения следует принимать во внимание как гены, так и окружающую среду, какая бы из этих двух концепций ни казалась ближе к истине в объяснении реальных изменений.

Икеда: История исследований генетического явления по упомянутым двум направлениям школ Менделя и Лысенко, а также научные достижения обеих школ, несомненно, ценны и достойны справедливой оценки. В то же время для дальнейшего более глубокого понимания наследственности целесообразно было бы исследовать этот феномен с точки зрения неразрывности связи и взаимовлияния между живыми организмами и окружающей их средой. Принятие такого подхода в исследованиях на базе уже достигнутых школами Менделя и Лысенко результатов открыло бы новые возможности и позволило более полно охватить явление наследственности.

Тойнби: Возможно, что разграничение между наследственностью и окружающей средой является результатом тех умственных представлений о неразделимой реальности-в-себе, которые вынужден выстраивать человеческий разум из-за ограниченности его способности к пониманию. Установление определенного порядка генов, который передается от одной особи вида к другой при производстве потомства, равносильно установлению центра для организма, охватывающего всю Вселенную. Конечно, такая ориентация Вселенной на один из, вероятно, бесконечного числа соперничающих локальных и временных центров может быть допускаема лишь частично или временно.

Икеда: Вы имеете в виду, что любые отдельные особи того или другого вида живых существ пытаются сделать из себя центр мироздания?

Тойнби: Да. Каждая конкретная особь вида умирает. Хотя механизм воспроизводства с помощью стабильного набора генов обеспечивает сохранение вида путем последовательно сменяющихся особей, сам этот вид вполне может вымереть. Вероятно, большее число видов живых существ, которые существовали со времени первого возникновения жизни на этой планете, уже вымерло; выживающие виды составляют небольшое меньшинство. Тем не менее в течение короткого промежутка времени, отведенного для жизни каждой отдельной особи вида, эта, несомненно, незначительная частица Вселенной находится в подлинном смысле слова в сосуществовании со всей Вселенной. Обычно делается попытка организовать всю Вселенную целиком вокруг этого конкретного живого существа как центра всей Вселенной, и хотя и в бесконечно малой степени, но вся Вселенная действительно испытывает влияние со стороны живого существа, прилагающего силы для поддержания своей жизни. Таким образом, среда, окружающая живое существо, не только состоит из остальной Вселенной, но в действительности является неотъемлемой частью самого живого существа. Умозрительное

различие между живым существом и его окружающей средой, я полагаю, окажется не соответствующим реальности-в-себе, если при этом допустить, что реальность-в-себе познаваема человеческим разумом.

Икеда: Ваше объяснение неделимого единства живого существа и окружающей среды согласуется с буддийским понятием *эшо фуни*. Здесь слово *эшо* означает все окружающее (э) в целом и субъект жизни (*шо*), а *фуни* – неразделимость. Согласно данному концепту, несмотря на то что в мире явлений распознаются субъект жизни и его окружающая среда как два разных явления, по существу, эти два осязаемых феномена, взаимно воздействуя друг на друга, сливаются в единое целое объективной реальности.

Тойнби: Похоже, что *эшо фуни* есть лаконичное выражение того, что, как я полагаю, является истинным состоянием. Эгоистическая попытка со стороны живого существа организовать Вселенную вокруг себя – это есть условие и проявление его жизнеспособности. В самом деле, жизнь и эгоизм – это два взаимозаменяемых термина. И если это верно, то верно и то, что платой за альтруизм является смерть. Альтруизм, иными словами, любовь – это попытка поступить вопреки естественному усилию живого существа организовать Вселенную вокруг себя. Любовь – это попытка со стороны живого существа в противоположном направлении, то есть попытка посвятить себя Вселенной, вместо того чтобы ее эксплуатировать. Посвящение себя или самопожертвование означает ориентировать себя на какой-то другой центр мироздания, а не на себя лично.

Икеда: Главные проблемы религии и философии состоят в попытках понять отношения между индивидуальным существом и Вселенной и в том, чтобы постараться создать для этого самого индивидуума пути добровольно относить себя к мирозданию.

Тойнби: Все великие религии и философии заявляют, что надлежащей целью любого живого существа является подавление и уничтожение своего естественного стремления поставить себя в центр Вселенной – как бы умереть ради самого себя. Они также единогласно заявляют, что усилие в этом направлении является трудновыполнимым, поскольку оно противоречит природе, но также единогласны в том, что оно в то же время есть единственный путь к самореализации и потому единственно подлинный путь к достижению самоудовлетворенности и счастья.

Самореализация через самоподчинение и самопожертвование – это парадокс. Если этот парадокс есть истина и правое дело, то попытка

утвердить индивидуальное живое существо в качестве отдельного от остальной Вселенной создания является неестественной с точки зрения Вселенной в целом, хотя она естественна с точки зрения живого существа, стремящегося утвердить свою обособленность и свое превосходство.

Как эгоцентризм (эгоизм), так и любовь (альтруизм) свидетельствуют о том, что реальность-в-себе, естественно включающая в себя наследственно детерминированного индивида и его окружающую среду, есть одно неделимое целое. Эгоцентризм является попыткой восстановить временно и частично нарушенное единство реальности путем помещения Вселенной вокруг какого-либо конкретного живого существа. Любовь есть попытка восстановить единство реальности путем отказа от эгоцентризма и возврата конкретного живого существа к слиянию с неделимой Вселенной. Хотя любовь и эгоцентризм являются антитезой с точки зрения целей и этики, они сходны друг с другом в том, что они два импульса, у которых общим полем деятельности является Вселенная в целом. Это показатель того, что умозрительного различия между живым существом и его окружающей средой не существует в реальности-в-себе.

Икеда: Я понимаю Вашу мысль. Согласно принципу *эшо фуни*, о котором я давал пояснения выше, биоэнергия (сила жизни) и закономерность движения всего сущего (закон), потенциально присущие самой Вселенной, имеют устойчивую тенденцию к проявлению. Благодаря этой тенденции формируются живые особи, которые, выделяя себя из остальной части Вселенной, выступают как субъект познания (*э*), одновременно формируя для себя объект познания (*шо*).

Если такая точка зрения будет учтена в дальнейших исследованиях феномена наследственности, то, как мне кажется, это могло бы приоткрыть новое направление в области генетики.

Хороший пример для размышления о дальнейшем пути развития генетики подает история развития психосоматической медицины. Как известно, современная западная медицинская наука развивалась в дуалистической модели – физическое лечение и психологическое лечение. Однако психосоматическая* медицина, концентрируясь на взаимоотношении духа и тела, развила совершенно новый взгляд на человеческую жизнь. Я предполагаю, что новая генетика сможет прийти к чему-то подобному, когда она будет базироваться на понимании, что живой организм, хотя он, безусловно, подвержен влиянию функций генов, находится в тесных взаимодействиях с окружающим его миром.

Тойнби: Вполне вероятно, что подобная новая генетика может развиваться в будущем.

Душа и тело

Икеда: С древних времен философы и мыслители формулировали различные концепции взаимоотношений между душой и телом. Из этих концепций родились многочисленные и разные по характеру доктрины, но все они делятся на две основные категории – материалистическую и идеалистическую. При этом и материалисты и идеалисты своим пониманием вопроса о жизни человека оказывали значительное влияние на направление развития земной цивилизации. Например, идеализм своим акцентом на мораль и любовь в человеческой жизни внес большой вклад в поддержание гуманности человеческого общества. Со своей стороны материализм сыграл огромную роль, предоставляя основу для формирования и развития современной науки.

И все же я не могу безоговорочно принять оба этих подхода. Хотя материалисты признают духовные функции человека своим утверждением о том, что физическое тело является исходным источником существа, они склоняются к тому, чтобы считать саму жизнь материальной по своей природе. Что касается идеалистов, то мне понятна их позиция, состоящая в том, что они придают важное значение таким духовным функциям человека, как интеллектуальная сила, разум, душа и чувства. Но в то же время трудно согласиться с их пренебрежительным и презрительным отношением к физическим аспектам нашего существования и к материальным потребностям человека. Похоже, как материалисты, так и идеалисты занимаются лишь одним аспектом проблемы и тем самым лишают себя возможности комплексного подхода к человеческому существованию, позволяющего изучать взаимоотношение между душой и телом.

Тойнби: Да, я согласен, что ни материализм, ни идеализм не дают удовлетворительного объяснения реальности, если принимать каждый из них в отдельности как исключительно верный способ объяснения. Материя не может быть постижима в понятиях духа, и, наоборот, дух не может быть постижим в понятиях материи. И то и другое может быть постигнуто в понятиях того единства, которое содержит их в себе. Мы не можем понять неделимость этих двух граней такого психосоматического единства, поскольку мы не можем упростить их, сводя к умственно постигаемому единству.

Икеда: Я думаю, отношения между телом и душой лучше всего выражены в буддийской концепции *шикишин фуни*. Слово *шики* означает все явления жизни, которые могут быть познаны с помощью научных методов, в частности через физические и химические исследования. Другими словами, *шики* есть телесный или материальный аспект жизни. *Шин* имеет дело со всеми функциями деятельности жизни, которые не могут быть охвачены физикой или химией. Разумеется, что *шин* включает в себя всю духовную деятельность жизни, к которой относятся разум, интеллект, эго и т.д., которые являются предметами исследований идеалистов.

Согласно буддизму, *шики* и *шин* есть два аспекта, но не два отдельных, а два неразделимых аспекта единого целого. Это единое целое, что составляет суть жизни, называется *ишинен*.

Следовательно, ни *шики*, ни *шин*, по буддизму, не являются более фундаментальными по отношению друг к другу. Каждый из них по-своему проявляет активное начало жизни, но вместе они представляют сложный конгломерат (*фуни*) живого организма.

Таким образом, буддийская доктрина *шикишин фуни* объясняет жизнь с точки зрения ее целостности, тогда как материализм изучает ее элементы, поддающиеся объяснению в научных терминах, то есть сферу *шики*, а идеализм пытается систематизировать все, что не поддается научному методу изучения, то есть сферу *шин*.

Тойнби: Поскольку мы можем просто гипотетически разложить реальное (хотя и непостижимое умственно) единство на эти явно несопоставимые составные части, то я полагаю, что концепция *шикишин фуни* является самым близкодостижимым приближением к пониманию реальности-в-себе.

Икеда: В последние годы психосоматическая медицина и такие теории, как теория Медарда Босса*, которая исследует взаимодействие между мыслительной и физической энергией в человеческой жизни, вплотную подошли к буддийскому принципу *шикишин фуни*.

Однако буддизм развивает свою доктрину дальше, объясняя сущность жизни, которая поддерживает активность своего существования путем взаимодействия между ее физическими и духовными функциями, в контексте интеграции с космической жизнью. Мне кажется, что такая позиция буддизма позволяет нам не просто осознать неразделимость души и тела, а утвердить творческое начало живого организма.

Тойнби: Я полагаю, что *шикишин фуни*, которая проявляется в каждой особи каждого вида живых существ как на нашей планете, так и всюду, является частью потока космической жизни. Как я уже сказал, каждое отдельно взятое живое существо является одинаковым по протяженности во времени и пространстве со всей Вселенной и по этой причине тождественно ей. Я считаю, что изречение на индусском языке *Tat tvam asi*, означающее, что отдельное есть всеобщее, отражает истину отношений между индивидуальным живым существом и абсолютной реальностью.

Бессознательное

Икеда: При рассмотрении вопроса о человеческой психике большое внимание с давних пор уделялось процессу сознания, то есть мышление, воля и ощущения явились объектами философских исследований. Основные течения западной философии, на мой взгляд, сформированы в результате изучения сознания. Однако следует отметить, что сознание – это далеко не единственная составляющая нашей психики, а скорее всего лишь малая часть внутреннего мира человека.

Тойнби: Да, я согласен, сознание есть просто отражающая поверхность психики. Это как видимая часть айсберга, основная масса которого находится под водой.

Икеда: Следовательно, для того чтобы получить общую картину внутреннего мира человека и его жизни в целом, необходимо изучать подсознательные сферы, лежащие в глубине действий, мыслей или желаний человека.

Тойнби: Подсознательное является источником интуиции, способной вдохновить рациональную мысль, на которую не способен разум, поскольку он ограничивает свою деятельность уровнем сознательного. Общеизвестно, что некоторые научные открытия, которые могут быть и действительно были логически объяснены и проверены экспериментально, были изначально сделаны с помощью не поддающейся проверке и логике интуиции и были перелиты в сознание из подсознательного.

Икеда: Верно. Великие научные открытия, как и творчество выдающихся художников, часто являются результатом духовной интуиции.

Тойнби: Подсознательное несомненно является источником поэзии и религиозного прозрения. Оно также является источником всех эмоций и

импульсивных действий. Этические суждения, которые мы выносим на уровне сознательного, различают хорошие и плохие эмоции и импульсы. Чем глубже нам удастся проникнуть нашим сознанием в подсознательное, тем сильнее становится степень нашего осознанного контроля над нашими эмоциями и импульсами. Сознательный контроль позволяет нам подавлять те производные подсознания, которые мы считаем плохими, и усиливать те из его производных, которые мы считаем хорошими.

В этой связи я полагаю, что крайне важно для человеческого благоденствия, чтобы мы исследовали глубины подсознательного человеческого психики, с тем чтобы поставить как можно больше этих эмоций и импульсов под возможно больший контроль со стороны нашего сознания. Это было бы приносящей пользу духовной активностью, но в то же время трудной. Подсознательное подобно мифическому греческому богу морей Протею. Оно пытается избежать контроля, оно сопротивляется, когда подпадает под контроль, и оно обладает искусными средствами для взятия реванша над сознанием за свое подчинение ему и для того, чтобы вырваться вновь на свободу, когда контроль над ним установлен.

Икеда: Вы подробно и внятно объяснили, что такое глубинное сознание. Во второй половине девятнадцатого столетия Зигмунд Фрейд* и другие ученые впервые применили естественнонаучные методы для изучения бессознательных процессов в психике, тем самым положив начало науке о глубинной психологии в Европе. Это, несомненно, явилось важным шагом для дальнейших поисков в области бессознательной деятельности человека. С другой стороны, известно, что в Древней Индии, еще в четвертом веке н. э., буддийские ученые, такие, как Асанга* и Васубандху*, трактовали так называемую доктрину *только сознание* (на санскрите *Vijnanavada*), которая рассматривает глубины духовной деятельности за пределами сознательного уровня человеческой психики.

Тойнби: Я согласен, что открытие и разработка подсознательных глубин психики, которые на Западе начаты только недавно поколением Фрейда, были предвосхищены в Индии, по крайней мере, еще поколением Будды и его индусских современников, то есть почти за 2400 лет до Фрейда. Современные попытки на Западе исследовать и взять под контроль подсознательное пока не пошли дальше примитивной и сырой начальной стадии. Индусы и буддисты ведут свои исследования в этом направлении гораздо более длительное время и продвинулись намного дальше. Западным ученым предстоит многому научиться в этой области из опыта Индии и

Восточной Азии. В опубликованных мной книгах и статьях я неоднократно обращал внимание западных читателей на этот исторический факт и на протяжении всей моей жизни пытался помочь современному западному жителю избавиться от своего нелепого, ошибочного мнения о том, что современная западная цивилизация превзошла все остальные, опередив их.

Икеда: Я хорошо знаком с Вашими трудами и с уважением отношусь к Вашим искренним усилиям в этом направлении.

Асанга и Васубандху, которых я упомянул ранее, анализировали способность человека к познанию мира. Согласно их теории, способностью распознавания внешнего мира признается *сознание через зрение, сознание через слух, сознание через запах, сознание через вкус, сознание через осязание*, что соответствует пяти органам чувств, и шестое по счету *сознание через мозг*, которое интегрирует образы и данные, получаемые с помощью этих пяти органов чувств, для рассуждения. Кроме того, эти буддийские ученые предполагали способность человека проникать в свой внутренний мир, которая соответствует седьмому *сознанию mano* и восьмому *сознанию алая*.

Седьмое *сознание mano* соответствует процессу самосознания и способности глубинного мышления и различения добра и зла. Декартово* определение «Я» из его выражения «Я мыслю, значит, я существую» подпадает под эту категорию. Восьмое *сознание алая* находится под этими семью сознаниями. Оно представляет собой подсознательный кладезь всех испытаний нынешней и предыдущих жизней, в совокупности называемых в буддизме кармой, и служит первоосновой всех духовных и физических феноменов индивидуума. Позже, вслед за этими учеными, в шестом веке н. э. китайский буддийский ученый Чжи И*, известный еще и как Тянь-тай, постулировал девятое *сознание амала*, которое является источником всей деятельности жизни. Оно остается свободным от всяких кармических загрязнений и по сему называется *фундаментальным* или *первозданным чистым сознанием*. Данное понимание лежит в основе всей теории философии буддизма Тянь-тая. Я коротко коснулся этих имен, чтобы показать, что с древних времен буддийские мыслители пытались понять глубинные зоны жизни за пределами сознательного «Я».

Тойнби: Конечно, усилия этих людей дали важные результаты, но я считаю, что даже сознательная поверхность психики, которая относительно познаваема, не может быть в полной мере и правильно понята, если не рассматривать ее как просто часть неделимого психического целого, в котором подсознательные глубины управляют сознательной поверхностью,

постольку-поскольку эти подсознательные глубины не познаны или игнорируются. Ценность перевода подсознательных глубин или по крайней мере их верхних пластов в сферу сознания состоит в том, что, получив возможность понимать их, мы можем ими управлять, вместо того чтобы, сами не ведая того, быть ими управляемыми.

Я полагаю, что индийский буддийский философ Васубандху и китайский буддийский философ Чжи И действительно проникли своим сознанием в нижние уровни бессознательного (пространственное определение словом «нижние» является не вполне подходящим и может ввести заблуждение, однако словарь пространственных терминов, примененный метафорически, — это единственный лексикон, которым мы располагаем для описания психических явлений). Я считаю также, что первичный пласт подсознательной бездны человеческой души идентичен абсолютной реальности, лежащей в основе всей Вселенной.

Икеда: Я подозреваю, что Ваша абсолютная реальность в основе Вселенной соответствует буддийской идее, называемой вселенской силой жизни, которая является источником всех явлений во Вселенной.

Однако, чтобы перейти к какой-либо более конкретной теме, я хотел бы поинтересоваться Вашим мнением о методологии, которая используется при изучении психических явлений. Исследования в этой конкретной области человеческого разума были стимулированы признанием и развитием фрейдистской теорией психоанализа и глубинной психологией.

Многочисленные разделы психологии можно грубо классифицировать в две группы. Одна из них — это психология сознания, которая имеет дело с сознательным уровнем человеческой психики. Другая — это глубинная психология, которая занимается и сознательным и бессознательным уровнями, но за исключением тех явлений, которые не поддаются объективной проверке.

Тойнби: Современная западная наука о человеческой психике намного моложе по сравнению с западной наукой о неживом и физическом аспектах явлений Вселенной. Разработанный на Западе научный метод для изучения физических аспектов явлений оказывается поразительно успешным в этой области. Его престиж стал настолько велик, что его стали неоспоримо применять в изучении психических аспектов явлений, когда Запад наконец стал тоже изучать этот аспект. Как мы говорили, буддисты и индуисты начали изучение психики в Индии почти на 2400 лет раньше европейцев, и в Индии оно проводилось при отсутствии предварительно хорошо поставленного

и успешного изучения физического аспекта явлений. Нефизический подход индусов к изучению психических явлений представляется мне более обещающим. Современная попытка западных ученых разработать науку о психике как продолжение созданной до этого физической науки может поставить западную психологию под угрозу оказаться введенной в заблуждение ложными аналогиями. Изучение психических явлений, похоже, более вероятно приблизится к истине, если оно будет проводиться наподобие индийского примера, по своим собственным независимым направлениям, которые соответствуют природе психического предмета этого изучения.

Икеда: Это, конечно, правильно. Глубокие пласты человеческой жизни основательно отличаются по своей природе от того, что проявляется на поверхности. Они неподвластны времени и пространству, и по этой причине попытки измерить их обычными стандартами пространства и времени, вероятно, не приведут нас достаточно близко к истинной природе самой жизненной силы. Следовательно, Ваше рассуждение о том, что индусский метод самоанализа может дать более правильные знания, чем попытки гадания о глубинных пластах психических явлений на основе методов, используемых при анализе сознаваемых явлений, представляется достаточно убедительным.

Я вкратце коснулся двух основных течений современной психологической науки, но в последние годы появилось несколько новых школ мысли, которые пытались продвинуться глубже пределов, достигнутых традиционной психологией. Одним из таких течений является парапсихология, которая концентрируется на изучении сверхъестественных явлений – телепатии (передаче мыслей на расстоянии), ясновидении, психокинезе и предвидении. В то время как несколько экспериментов в этой сфере выдержали проверку со стороны добросовестных ученых, немало так называемых успешных экспериментов было не чем иным, как подделками. Некоторые из таких явлений, на мой взгляд, в полной мере возможно было объяснить путем тщательного анализа глубинных подсознательных пластов без того, чтобы приписывать им якобы функции экстрасенсорного восприятия.

Тойнби: Определенно, в современных западных экспериментах по постановке и наблюдению психических явлений было довольно много мошенничества. Вероятно, подделка в психике легче, чем в физических исследованиях. Однако я верю, что большинство исполнителей и наблюдателей действовали добросовестно даже в тех случаях, когда их объяснения явлений звучали неубедительно. Я думаю, что справедливо сказать так не

только о западных исследованиях подсознательного, но также и об индийской йоге* и сибирском шаманизме.

Икеда: Помимо поддельных или не относящихся к теме случаев имели место явления, которые не могут быть объяснены иначе, как путем обращения к чему-то аномальному. Было бы ошибочным полностью отбрасывать парапсихологию. Например, гипноз, который когда-то считался не наукой, а обманом, теперь утвердил себя в качестве мощного средства психотерапии. Но при принятии разных течений парапсихологии важно обязательно подвергать те или иные приемы строгой проверке опытами.

Кроме парапсихологии есть еще спиритизм, предполагающий существование духов. Этот спиритизм уже очень далек от главных направлений психологии и почти не имеет ничего общего с экспериментальным научным подходом, а больше походит на некое верование.

Каково Ваше мнение относительно таких подходов к человеческой психологии?

Тойнби: Я полагаю, что все наблюдаемые явления являются нормальными явлениями. По-моему, так называемые сверхъестественные явления, которые являются объектом изучения так называемой парапсихологии, на самом деле есть нормальные явления, которые либо носят редкий характер, либо даже являются обычными, но такими, которые до недавнего времени не замечались и игнорировались на Западе. Я сам лично был свидетелем телепатической связи, которая была, я уверен, настоящей. Я полагаю, что все живые существа всегда общались друг с другом телепатически и что даже после того, как возникла человеческая речь, люди продолжают общаться друг с другом телепатически, так же как посредством слов устно или письменно.

Икеда: Для суждения и оценки тех или иных сверхъестественных явлений требуется взвешенный и обдуманный подход. Усиленное превознесение их как якобы мистических результатов действия какой-то сверхъестественной силы может привести к печальным результатам. Во-первых, это может спровоцировать рост ошибочных представлений и мошенничества на практике. Во-вторых, и это еще хуже, это может блокировать пути к поиску надежного и достоверного знания о таких явлениях. Но, с другой стороны, категорическое исключение и отрицание таких явлений таит в себе опасность не дать проявиться скрытым талантам или возможностям человека.

Вы говорите, что так называемые сверхъестественные явления по своей природе нормальны. В этом я с Вами согласен. В настоящее время результаты

парапсихологических экспериментов пока что отнесены к сверхъестественным явлениям. Но со временем, я уверен, будут найдены и объяснены логические связи между причиной и следствием таких явлений, после чего они будут восприниматься как нормальные. Животный мир дает бесчисленные примеры этому. Многие сверхъестественные способности животных, например инстинкт возвращения к месту рождения или навигационная способность перелетных птиц при миграциях на огромные расстояния, хорошо объяснены сегодня наукой. Если сверхъестественные явления подвергнуть добросовестным и тщательным наблюдениям и экспериментам, то они также могут стать объяснимыми.

Сегодня в большинстве случаев люди передают мысли другим людям с помощью слов. Но есть и другие несловесные способы для передачи мыслей. Например, в восточной традиции люди ценили непосредственные коммуникации *«от сердца к сердцу»* (по-японски *«ishin-denshin»*). Я полагаю, что он соответствует тому, что Вы считаете телепатией.

Часто такие скрытые, но присущие человеку таланты остаются невостребованными и непроявленными из-за неадекватного подхода к их развитию или просто из-за пренебрежения. Нечто подобное произошло и в случае интуиции. Зачастую отношение к интуиции менее справедливо, чем к разуму. Когда какая-нибудь интуитивная догадка оказывается, к несчастью, ошибочной, люди склонны преувеличить один такой неудачный пример и, распространив его на все остальные, дискредитировать саму интуицию. И поскольку процессы проявления интуитивных идей невяжны, они поспешно объявляются антинаучными. Подобное осуждающее отношение к интуиции грозит человеку опасностью полагаться исключительно на доводы разума и тем самым приносить в жертву свою интуицию.

Интуитивное познание в некоторых случаях превосходит рассуждение по скорости, чуткости и даже точности. Однако, как я подозреваю, человек, развивая цивилизацию, постепенно ослабляет эту изначально присущую ему способность. Это вызвано, с одной стороны, тем, что развитие цивилизации стало дополнять, а затем заменять функции интуиции таким образом, чтобы человек мог жить и без нее, а с другой – тем, что развитие поверхностного сознания человека, в частности рассудка, подавляло его интуитивное познание.

Тойнби: Известна тенденция к атрофии старой способности, когда она пополняется новой. Это достойно сожаления, поскольку редко бывает так, что новая способность выполняет все функции старой, хотя она и может более эффективно выполнять некоторые функции старой, а также новые

функции, которые старая никогда не выполняла и никогда не могла выполнять. К примеру, у ставших грамотными людей ослабляется память, и возможно, что грамотность в свою очередь пострадает из-за использования радио и телевидения как средств общения. Аналогичным образом подсолнечник у людей, я думаю, частично атрофировалось из-за обретения ими сознания, которое принесло с собой разум и культуру.

Мы можем наблюдать аналогичный процесс, имеющий место в сфере технологии коммуникаций. Каналы утратили значение с появлением железных дорог, железные дороги – с появлением скоростных шоссе, корабли – с появлением самолетов, почтовое сообщение уступило место телефонам. Однако эти новые приборы не выполняют все функции тех старых, которые они разрушили. Как в сфере материальной, так и в духовной прогресс, похоже, оплачивается такой ценой, которую мы с трудом можем себе позволить.

Разум и интуиция

Икеда: Разум, который составляет умозаключения индуктивным способом, и интуиция, которая работает дедуктивным способом, взаимно дополняют друг друга: разум предполагает обязательное функционирование интуиции, тогда как интуитивное познание корректируется и объясняется разумом. Кроме того, высокое умственное развитие человека создает благоприятную предпосылку для проявления научной или мудрой интуиции. В то время как интеллект обычно использует аналитический подход и раскладывает сложные объекты на простые составляющие элементы, интуиция охватывает объект как нечто целостное и проникает прямо в суть его природы. И хотя может показаться, что они противоположны друг другу, следует понимать, что на самом деле они представляют собой два аспекта познавательной способности человека, которые, взаимодействуя друг с другом, совершенствуют человека и делают его более благородным.

Тойнби: Информация, поступающая от чувственного восприятия, является сырьем для научных гипотез. Гипотеза есть пробная попытка объяснения этой информации. За ней должна последовать проверка. Существуют два способа проверочных испытаний, оба из которых должны быть применены. Один из них – проверка рассуждениями. Согласуется ли эта конкретная гипотеза с другими гипотезами и вообще с общим объемом предварительно накопленного знания. Вторая проверка состоит в критическом рассмотрении определенного ряда явлений, на основе которых была предложена эта гипотеза. Объясняет ли достаточно удовлетворительно

данная гипотеза эти явления? Или некоторые из них несовместимы с ней? Вполне очевидно, что какая-либо гипотеза не может быть признана правильной окончательно и бесповоротно. Это ясно, потому что мы никогда не можем быть уверены в том, что наш перечень любого ряда явлений является полным. В любое время в будущем нам может стать известно о явлении, подпадающем под критерии данного ряда, но которое не наблюдалось нами до этого. Наблюдаемое новое явление может оказаться несовместимым с объяснением данного ряда явлений с позиций гипотезы, которое было до того принято. Одного единственного противоречащего случая достаточно для дискредитации гипотетического объяснения ряда явлений, к которому относится данный случай.

Из чего происходят гипотезы? Они не преподносятся нам информацией, полученной через чувственное восприятие. Гипотезы – это не информация, они – объяснения информации. Они также не преподносятся нам рассуждением. Наша способность к рассуждению рассматривает и критикует гипотезы, но она не рождает их. Рассуждение не может вступить в действие до тех пор, пока у него не появится гипотеза, над которой следует работать. Как разум, так и чувственное ощущение действуют на сознательном уровне психики. Наши гипотезы преподносятся нам интуицией, которая вливается в сознание из глубин подсознательного. Сознание получает интуицию из подсознательного. Как рассуждения, так и чувственное восприятие бесплодны. Созидательная деятельность человеческой психики является интуитивной, и подсознательное является ее источником.

Икеда: Вы очень понятно объяснили суть творческой деятельности человека с точки зрения его психологического строения. Действительно, интуиция являлась и является тем источником, благодаря которому творческие личности могли совершать великие взлеты в науке, в искусстве и в религиозных прозрениях. Коль скоро рассуждение не созидательно по своей природе, человек полагается на свою интуитивную способность, когда ему нужно проникнуть в суть явления.

Однако поскольку интуиция носит сугубо субъективный характер, существует большая вероятность и опасность того, что интуитивное познание окажется лишь продуктом самоуспокоенности или самодовольствия. Следовательно, оно должно быть проверено и доказано рациональным мышлением. Я даже допускаю, что в процессе познания развитый интеллект и интуиция активно взаимодействуют, дополняя друг друга. В этом случае такой процесс можно называть неким «интуитивным разумом» или «разумной интуицией».

Примеры из жизни некоторых великих ученых в области физики иллюстрируют такую мою точку зрения. Теория относительности Эйнштейна и открытие Ньютоном закона всемирного тяготения появились как результат интуиции гениев. Но в обоих случаях огромное рациональное размышление предшествовало моменту интуиции. Невозможно ставить на одну доску великую пронизательность таких людей и случайные яркие идеи, не базирующиеся на каких-либо предварительных интеллектуальных усилиях. Те прозрения, полученные гениями через интуицию, первоначально являются для других людей гипотезами, которые должны быть объективно доказаны в будущем. Но для тех, у кого был блеск интуиции в результате интенсивных рациональных размышлений, такие постижения не просто гипотезы. И сработавшая интуиция в этих случаях, как я догадываюсь, не есть случайная, а скорее нечто, что могло бы называться «рациональной интуицией».

Тойнби: Я понимаю Вашу точку зрения и считаю, что она вполне уместна. Однако нам необходимо помнить, что как уровень сознания, так и подсознательный уровень распространяются в горизонтальной плоскости в человеческой среде и даже в целых обществах. Поскольку чувственное восприятие и разум действуют на уровне сознания, разные люди способны обмениваться мнениями о том, что они ощущают, и о том, как они рассуждают. Они могут прийти к общему мнению о явлении и к общим выводам из своих размышлений. Мы называем эти общие мнения и выводы объективными, имея в виду, что они не являются частными мнениями и идеями, которые принадлежат исключительно отдельному индивиду и потому отличаются от других, которые не являются общими для него и его собратьев по человеческому роду. Однако мы не располагаем средствами выяснить, являются ли эти общие итоги сознательных рассуждений объективными в том смысле, что они есть истинные и точные умственные отражения реальности-в-себе. Они могут оказаться всего лишь массовой галлюцинацией.

Некоторые интуиции субъективны в смысле их принадлежности отдельной личности, и эти личные интуиции могут быть неубедительными для других людей. Такие интуиции не являются самоочевидными для каждого ума, однако они тем не менее могут привлекать сторонников. Индивидуальные интуиции ученых, поэтов и религиозных пророков относятся к этому виду. Однако, судя по тому, насколько оно к данному моменту изучено, подсознательное, похоже, состоит из большого количества отчетливых

психических пластов. Похоже, что имеется пласт, лежащий ниже уровня индивидуальной интуиции, в котором подсознание порождает мифы некоего рода, которые К.Г. Юнг* отнес к категории «первобытных образов», или архетипов*. Подобно нашим умственным процессам на уровне сознания, эти мифы общеприняты всеми людьми. Тожественные архетипы всплывают на поверхность в ритуалах и фольклоре многих разных народов, равно как и в сюжетах изоощренных пьес и романов, написанных представителями разных цивилизаций в разное время и в разных местах. Архетипы несут в себе сильный заряд психической энергии и обладают убедительной мощью. Иногда они превосходят сознательную волю и вынуждают людей действовать вопреки их собственным обдуманым намерениям.

Икеда: Эти архетипы, по Юнгу, лежат в так называемом коллективном бессознательном. Другими словами, в глубине души каждого человека имеется общее хранилище опыта, который, являясь общим наследием для всех, передается через века с момента появления человеческой расы.

Религия пытается найти подлинную реальность существования, включая и такие подсознательные области человеческой психики. Следовательно, религиозные поиски истины часто прибегают к интуитивному откровению. Но когда религия претендует на истину, ссылаясь только на интуитивность и подчеркивая ее исключительность, она становится догматизмом.

Я верю, что даже самое важное религиозное познание, полученное через интуицию, может стать реальной силой жизни, если только оно освещается светом разума. Имея подобное в виду, я употребил ранее словосочетание «разумная интуиция». То же самое можно сказать относительно науки. Наука, как я полагаю, была бы скудна, если бы она полностью была лишена интуиции, а потому она должна быть поддержана «интуитивным разумом».

Тойнби: Я полагаю, что наука и религия извлекают интуицию и из индивидуального и из универсального уровней бессознательного. В этом плане гипотезы ученых родственны проницательности религиозных пророков, но ученые более строги, чем пророки, подвергая свою интуицию проверке сферой сознания. Пророки чаще желают давать догматические ответы на фундаментальные вопросы о природе Вселенной и о смысле человеческой жизни. На эти фундаментальные вопросы, которые большинство людей задают на том или ином этапе своей жизни, не могут быть даны проверяемые ответы. Это находится вне пределов человеческого разума. Тем не менее эти фундаментальные вопросы все более настойчиво встают перед нашим разумом и требуют ответов все более настоятельно. Ответы, которые дают

религиозные пророки, догматичны в том смысле, что они непроверяемы. (Греческое слово *догма* первоначально означало *мнение*, в противоположность установленной и общепризнанной истине.)

Ученые ограничивают свои цели наблюдением явлений, поиском их рационального объяснения и попытками проверить свои выводы. В противоположность науке религия предлагает людям карту загадочного мира, в котором в нас просыпается сознание и в котором нам предстоит провести наши жизни. Несмотря на то что эта карта является предположительной, мы не можем без нее обойтись. Она – потребность жизни. Она имеет гораздо большее практическое значение для нас, чем большинство научных проверенных и достоверных отчетов о крошечных частицах Вселенной, которые доступны нам для целей научного исследования. Конечно, наука тоже является потребностью жизни, но наука, без которой нельзя обойтись, элементарна. Научное наблюдение и обоснование требовались для изготовления самых ранних инструментов эпохи палеолита. Эта элементарная наука была достаточной для того, чтобы обеспечить выживание наших особей. Огромное последующее развитие науки было излишним для целей выживания, и оно фактически может завершиться самоуничтожением человечества.

Икеда: На современном этапе человеческой истории религия и наука являются, как Вы сказали, потребностями жизни. Я верю, что во благо человечества наука и религия не должны противостоять друг другу. Если наука будет иметь в поле своего зрения религиозное постижение, а религия будет уважать научные знания, то такая открытая позиция позволила бы им более эффективно взаимодействовать и совершенствоваться, тем самым более гармонично служить людям для повышения их уровня сознания. В этой связи я думаю, что слова Альберта Эйнштейна: «Наука без религии хрома, религия без науки слепа» – приобретают в настоящее время еще большее значение, чем тогда, когда он их произнес.

Тойнби: Науке и религии не нужны конфликты, и они не должны конфликтовать. Они – два взаимодополняющих способа мысленного подхода к Вселенной, чтобы познать ее. Науке запрещено вторгаться в сферу религии. Она не может преступить этот порог без того, чтобы делать непроверяемые догматические заявления, таким образом делая себя бессмысленной, отказавшись от своей собственной характерной процедуры проверки. Религия же иногда вторгалась в сферу науки, но она была вынуждена отступить,

когда наука заявляла свои права. Однако такого рода отступления оставляли в неприкосновенности собственную сферу религии.

Икеда: Религия и ее интуитивный подход призваны принести всему человечеству систему ценностей. Следовательно, важно, чтобы религия не противоречила разуму и ее основополагающие ценности были осознаны и разделялись всеми людьми. Рассматривая религию и науку как взаимодополняющие друг друга, я считаю возможным и предлагаю «возвести мост» между наукой и религией.

Под словами «возвести мост» я имею в виду диалоги между учеными и религиозными деятелями. Как Вы указали, религия дает догматические ответы на фундаментальные вопросы, а наука ищет рациональные объяснения и подвергает их проверке. Из-за своей рациональности, хотя сфера научных исследований естественно становится ограниченной, выводы науки являются более убедительными. Признав такие особенности религии и науки, которые ссылаются на интуицию и разум соответственно, религиозные деятели и ученые могли бы попытаться найти общий язык. Усилия к диалогам, безусловно, не имеют ничего общего с вторжением. Кроме того, наука в принципе не имеет подходящего инструмента для вторжения в религиозную сферу, хотя может подойти к ней беспредельно близко. Я считаю, что некоторые современные научные достижения могут послужить эффективным средством для снятия противоречий, имеющихся между отдельными мировыми религиями, а также для того, чтобы сделать религию более приемлемой для современных людей.

2. ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Единство человека и природы

Икеда: В соответствии с буддийским взглядом мир природы, включающий в себя и живые и неживые существа, в целом является *жизнью*. И для человека важно жить в гармонии с окружающей его природой. Только выбрав для себя этот путь сосуществования и получения благ от нее, человек может поддерживать свою жизнедеятельность и проявлять созидательное начало.

Основываясь на таком понимании, буддизм учит, что отношения между человеком и природой являются не противостоянием, а взаимозависимостью. Эти отношения описываются термином *эшо фуни*. *Шо* (или *шохо*) означает жизнь в форме «Я», которая, являясь центром мира, познает остальную часть мира как окружающую среду. А *э* или *эхо* – окружающую среду, которая поддерживает эту жизнь. Поскольку жизнь оказывает влияние на окружающую среду и зависит от нее, они обе (*э* и *шо*) неразделимы – *фуни*. Следовательно, как полагает буддизм, пока мы изучаем одно отдельно от другого, мы не можем правильно понять ни одно из них. Дело в том, что окружающая среда как таковая не является некой постоянной или фиксированной. Более того, даже если взять одни и те же воду, почву или климатические условия, они имеют совершенно разные значения для разных видов жизни, которые обитают в них. Существует окружающая среда, которую ощущают и познают люди, и есть другая окружающая среда, познаваемая птицами. Далее, разные люди по-разному воспринимают мир и тем самым имеют свою собственную окружающую среду. Именно по этой причине жизнь, как субъект познания, и ее окружающая среда существуют в неразделимых, взаимозависимых отношениях. Размышление буддийских ученых о таких отношениях между жизнью и окружающей средой, которые на самом деле не имеют четкого размежевания, в конечном счете приводит к заключению о наличии космической биоэнергии, пульсация которой пронизывает всю Вселенную.

Тойнби: Представитель Запада, знающий греческий и латинский языки и знакомый с дохристианской греческой и романской литературой, найдет

для себя понятие *эшо фуни* знакомым, оно было мировоззрением дохристианского греко-романского мира.

Икеда: Здесь нам, живущим в настоящее время, следовало бы обратить самое пристальное внимание на то, что современная научно-технологическая цивилизация является цивилизацией, которая допускает существование и позволяет высвобождение материальной алчности человека. И до той поры, пока мы не осознаем этот факт и не положим это осознание в основу наших суждений, мы не будем способны внести нужную поправку в направление современной цивилизации, которая сегодня живет за счет разрушения окружающей нас природной среды и может повлечь за собой и крах человека.

Тойнби: С тех пор как наши предки стали людьми, человек изменяет свою естественную окружающую среду так, чтобы она более точно соответствовала человеческим потребностям. В этом деле человечество не является единственным. Многие нечеловеческие виды живых существ делают то же самое, хотя, в отличие от людей, они не воздействуют на свою окружающую среду сознательно и преднамеренно. Однако до последних двух-трех веков ни человечество, ни другие формы жизни на нашей планете не уничтожали природную окружающую среду, воздвигая на ней искусственную окружающую среду.

Это правда, что даже в доиндустриальную эру некоторые плодородные регионы были превращены в бесплодные пустыни из-за перегруженности пастбищами, чрезмерно интенсивной культивации и вырубки лесов. Эти нарушения *эшо фуни* были только предзнаменованием того, что человек с тех пор сотворил с неодушевленной природой в индустриальную эру, поскольку эти ранние преступления против природы носили только местный и частичный характер. Они сдерживались в определенных пределах отчасти непреднамеренно, из-за ограниченности технологической мощи человека, но и на этом этапе сдержанность человека в искажении неодушевленной природы была отчасти и преднамеренной. Человек сдерживался воздействием *эшо фуни*. Эта концепция и идеал не были распространены только в Восточной Азии и греко-латинском мире. Я полагаю, что первоначально им следовало все остальное человечество.

Икеда: Вероятно, это так и было. Однако в сердцевине современной научной цивилизации существует концепция, утверждающая, что человек и природа – это противостоящие сущности и для блага человека необходимо покорить природу.

Тойнби: Революционная концепция иудейского монотеизма* открыла путь к преднамеренному всеобщему нарушению *эшо фуни*. Вера в то, что я назвал присутствием духа внутри и за пределами Вселенной, сконцентрированное в единственном, непревзойденном, человекоподобном Боге, повлекло за собой дальнейшую веру в то, что все остальное во Вселенной не является священным. Как человек, так и неодушевленная природа считались сотворенными этим гипотетическим Богом, по аналогии с созданием людьми инструментов, произведений искусства и общественных институтов. Предполагалось, что Творец обладает силой и правом распоряжаться всем, что он создал. Согласно главе I стиху 26–30 Книги Бытия, Бог отдал всю неодушевленную природу в распоряжение созданных им человеческих существ для пользования ею так, как они того пожелают.

Результатом этой революционной доктрины стал разрыв *фуни* между *шохо* и *эшо*. Человек был отделен от своей естественной окружающей среды, которая была лишена своей прежней ауры божественности. Человеку была санкционирована эксплуатация окружающей среды, которая больше не считалась священной. Благоговейное уважение и трепет, с которым человек первоначально относился к своей окружающей среде, были, таким образом, развеяны иудейским монотеизмом в версиях его еврейских создателей, а также христиан и мусульман.

Икеда: Пытаясь покорить мир природы, человечество нарушило основополагающий, естественный ритм природы. Страдающая и доведенная до грани разрушения деятельностью человека, природа теперь восстает против человечества.

Я усматриваю две причины того, что человек зашел так далеко в разрушении своего природного окружения. Во-первых, современный человек не относит себя к миру природы. Он не признает того, что мир природы хотя и в отличном от человеческой жизни формате, но тоже является *органически живым существом*, поддерживающим определенный баланс и ритм своего существования во взаимодействиях со всеми членами этого мира, в том числе, конечно, и с людскими жизнями. Вторая причина проистекает из иудейского монотеизма, о котором Вы упомянули. Уверовав в то, что он ближе к Богу, чем все остальные существа, человек счел для себя вполне естественным подчинение всех остальных созданий и поставил их себе на службу. Это мировоззрение легло в основу самых различных течений современного мышления и идей. Комбинация этих двух причин определила основное направление развития современной научно-технологической цивилизации.

Тойнби: Иудейская идеология была впервые сформулирована в Палестине еще в девятом веке до н. э., однако она не получила безграничного практического применения до семнадцатого века христианской эры. Практическое применение иудейской идеологии было исключительно редким среди тех людей, которые приняли эту идеологию в теории. Мусульмане, например, были более сдержанны, чем остальные цивилизованные народы, в отношении принятия новой технологии и вместе с ней идеалов и целей, которым новая технология служит. Иисус был ортодоксальным евреем, однако, согласно сообщениям о его учении, он проповедовал, что экономическая алчность несовместима со служением Богу. Поэтому он осуждал экономическое планирование, накопление капитала, технологию и в целом восхваление экономически вознаграждаемой работы.

Чувствительность Иисуса к алчности как злу знаменательна, поскольку Иисус жил в Палестине в то время, когда большинство палестинских евреев все еще были крестьянами, живущими в гармонии с окружающей их неодушевленной средой в духе *эшо фуни*. Было совсем мало по-новому мыслящих финансистов и производителей в еврейском сообществе в Палестине во времена Иисуса. Бросающаяся в глаза алчность была редким явлением в социальном окружении Иисуса, тем не менее он распознал и осудил алчность, которая везде и во все времена является врожденным свойством человеческой натуры.

История, учение и деятельность жившего в двенадцатом веке на Западе христианского святого Франциска Ассизского* еще более значительна. Отец Франциска, оптовый торговец одеждой, был одним из самых ранних на Западе преуспевающих капиталистических предпринимателей. Франциск восстал против образа жизни своего отца. Как и Сиддхартха Гаутама (Будда), который был сыном небольшого царька, Франциск отказался от собственности и сознательно избрал путь нищенства. И опять, так же как и Будда, Франциск создал монашеский орден для распространения своих идеалов и своих заповедей по претворению этих идей в жизнь. Франциска вдохновил Иисус, и хотя оба они были воспитаны в иудейской традиции, их отношение к *эхо* было прямой противоположностью того отношения, которое безоговорочно подразумевается иудейской идеологией. Никто из них не одобрял эксплуатацию неодушевленной природы человеком. Иисус восхвалял отсутствие экономической заинтересованности у птиц и диких цветов и призывал своих человеческих учеников следовать их примеру. Франциск признавал родство человека с неодушевленной природой, как живой, так и неживой, и находил в этом наслаждение. Согласно буддийской

терминологии, Франциск был страстно верующим в *эшо фуни* и любящим его. Мне кажется, что Франциск интуитивно предчувствовал появление в будущем на Западе культа алчности, обслуживаемого научной технологией.

Икеда: Ваше предположение о том, что Иисус и Святой Франциск в определенной мере были поклонниками и верующими в идеи, которые представлены в буддийской терминологии как *эшо фуни*, особенно интересно для меня, поскольку я убежден, что *эшо фуни* и есть такая идея, которая необходима для преодоления проблемы загрязнения окружающей среды. Основываясь на этой идее, вполне возможно объединить и усилить многочисленные современные общественные движения, выступающие против разрушения окружающей среды, создав из них широкомасштабное новое течение современной цивилизации. Коль скоро я считаю, что от современной цивилизации требуется новый образ мышления.

Тойнби: Если человечество не хочет уничтожить само себя, оно должно устранить загрязнение, которое оно допустило, и воздерживаться от любого дальнейшего загрязнения. Я убежден, что это может быть достигнуто только при сотрудничестве в мировом масштабе. Меры против загрязнения окружающей среды на национальном уровне могут быть достаточными для восстановления чистоты почв, озер, рек, но величайшей угрозой пригодности окружающей среды для обитания человечества является загрязнение воздуха и океана. Болезни могут распространяться из-за выпускаемого самолетами в стратосферу ядовитого дыма и затопления кораблями ядовитых отходов посреди океана.

Мы теперь осознали, что загрязнение представляет собой угрозу выживанию человечества и что оно не может быть устранено без ограничения алчности. Однако целесообразность сама по себе недостаточно сильный стимул. Люди, которые стали склонными к алчности, предпочитают близорукий взгляд: «После меня хоть потоп». Они могут знать о том, что, если они не смогут усмирить свою алчность, они тем самым обрекут своих детей на истребление. Они могут любить своих детей, но тем не менее эта любовь может не подвигнуть их на то, чтобы принести в жертву часть своих богатств ради обеспечения будущего для своих детей. Я считаю, что ничто другое, кроме обращения в религию (понимая слово религия в самом широком смысле), не сможет подвигнуть нынешнее поколение развитых стран на немедленные жертвы за их собственный счет ради *эшо фуни*. Я был бы рад увидеть, что *эшо фуни* стало принятым во всем мире религиозным верованием, которое влечет за собой моральную обязанность. Иначе

говоря, я хотел бы, чтобы Франциск был признан синтоистами как *ками* и буддистами как Бодхисаттва*.

Икеда: Хотя я и буддист, но я чувствую, святой Франциск заслуживает большого уважения. Я полагаю, что и святой Франциск, и Иисус принадлежат к тому, что мы, буддисты, называем миром бодхисаттвы. Путь бодхисаттв – это милосердное и сострадательное служение людям и миру.

Тойнби: Для спасения человечества от последствий технологии, вдохновляемой алчностью, я считаю, что нам необходимо сотрудничество в мировом масштабе сторонников всех религий и философских воззрений. Я надеюсь, что индуисты, буддисты, синтоисты проявят в этом инициативу. Сторонники иудейских религий находятся в затруднительном положении из-за парализующего воздействия традиции исключительности и нетерпимости, которая является частичной карой за их монотеизм. Среди индусов и народов Восточной Азии всегда была традиция взаимной терпимости и уважения к последователям разных религий. Позитивное сотрудничество существует между буддистами и синтоистами в Японии. Это именно та практика и тот самый дух, которые необходимы для целенаправленной всемирной борьбы с загрязнением среды путем вырывания его корня, каковым является алчность.

Стихийные бедствия и бедствия, созданные человеком

Икеда: В последние несколько лет во многих частях мира с вызывающей беспокойство частотой имели место широкомасштабные стихийные бедствия. Некоторые ученые заявляют, что в течение тысячелетий человек редко подвергался таким многочисленным бедствиям за такое короткое время. Сошлюсь лишь на некоторые примеры, такие, как наводнения в Италии в 1968 году, засуха в Китае и в Корее в том же году, жестокие волны морозов в 1969 году. В 1969 году весь мир охватили волны холода, вследствие которых, как сообщалось, в ряде регионов Европы и Соединенных Штатов средняя температура летнего и зимнего сезонов понизилась более чем на три градуса. В 1970 году опустошительные жаркие ветры с температурой до 49 градусов по Цельсию, которые пронесли над Индией и Египтом, оставили за собой много погибших. Япония тоже не исключение. Летом 1971 года ее южные острова Окинава подверглись длительной засухе, тогда как на северном острове Хоккайдо и в Северо-Восточном регионе основного острова Хонсю было одно из самых холодных по метеорологическим параметрам лето, которое нанесло жестокий урон урожаю

риса. А тайфун, который обрушился на Японию в августе того же года, выбрал себе крайне странный маршрут движения.

Метеорологи объясняют, что эти стихийные бедствия в Америке и Европе были вызваны такими аномалиями уровня атмосферного давления, которого не было уже десятки тысяч лет. Наблюдалось, что изменения давления, вызывая движения атмосферы, ускорили скорость вращения Земли вокруг своей оси приблизительно на три с половиной десятитысячных секунды, хотя это ускорение может быть только временным.

Высказываются разные мнения относительно причин подобной климатической аномалии. В свете этого я не могу не поинтересоваться, в какой мере вмешательство человека нарушило порядок в природе.

Тойнби: С незапамятных времен до сравнительно недавнего времени человек был почти в такой же полной зависимости от природы, как и формы жизни, существовавшие до появления человека. Переворот во властных отношениях между человеком и неодухотворенной природой произошел все-таки так недавно, что нам трудно признать этот факт и еще труднее нам почувствовать, думать и действовать в соответствии с этой революционно новой ситуацией.

Икеда: Я подозреваю, что переворот во властных отношениях между людьми и неодушевленной природой в какой-то мере связан с природными бедствиями. Конечно, существует много различных путей для их объяснения. Некоторые указывают, что они вызываются пятнами на Солнце или изменениями температуры воды в морях. Возможно, что это так, но тем не менее хотя непосредственные причины этих аномальных явлений могут быть естественными (такие, как нарушения атмосферного давления под влиянием солнечных пятен), я предполагаю, что частично виной тому является деятельность человечества. По сути, все виды деятельности всего живого мира, к которым относится и человеческая деятельность, оказывают воздействие на неживой мир, и это становится частью тех причин, которые вызывают природные катаклизмы. Если верно мое предположение, то многие из стихийных бедствий последнего времени, поскольку они косвенно связаны с человеческой деятельностью, являются не совсем стихийными, а могут быть названы бедствиями, созданными людьми, но проявившимися в виде разрушительных природных явлений.

Человеческий фактор вполне очевиден в причинах аккумуляции в атмосфере больших городов углекислого газа, который, вызывая парниковый

эффект, приводит к повышению температуры. Он также вполне очевиден в причинах увеличения количества плавающих в воздухе мельчайших частиц, которые препятствуют прохождению солнечных лучей и вызывают всеобщее похолодание. Выброс нефтяных отходов в морские воды препятствует испарению морской воды и тем самым создает климатические изменения. Такие изменения в свою очередь вызывают дальнейшие аномалии в других природных явлениях. Следовательно, если мы ничего не будем делать, то это вполне может привести к катастрофическому изменению природы на нашей планете.

Планета Земля – это плавающий в космосе оазис, сохраняющий жизнь. И для того чтобы спасти эту ничем не заменимую родную планету от катастрофы, нам, людям, необходимо трезво оценить степень воздействия человеческой деятельности на природу и строго регулировать те виды деятельности, которые несут в себе опасность нарушения гармонии природы.

Тойнби: Мы, вероятно, недооцениваем, до какой степени человек ныне господствует над окружающей природой и изменяет ее. Я согласен с тем, что помимо природных бедствий, являющихся явным следствием деятельности человека, существуют также и другие современные природные бедствия, которые, возможно, вызваны человеком, хотя мы пока не в состоянии точно проследить их человеческую причину.

Икеда: Почти все бедствия, которые случались до возникновения и всемирного распространения современной научно-технологической цивилизации, были стихийными и были связаны с резкими и разрушительными изменениями природы. Поскольку эти стихийные бедствия были страшными угрозами, человечество сопротивлялось им изо всех сил и постепенно научилось преодолевать их. Например, развивали инженерно-строительную технику или технику метеорологического наблюдения. Для борьбы с эпидемиями развивались такие области науки, как гигиена и медицина. Иными словами, развитие некоторых наук было обусловлено борьбой за выживание и обуздание стихийных бедствий.

Однако сегодня очевидно, что большинство бедствий, которые угрожали бы существованию человечества, не относятся к стихийным, а в большей степени являются следствием человеческих действий. Современная научно-технологическая мощь человечества настолько велика, что даже трудно представить чисто стихийные бедствия, которые не включали бы в себя человеческий фактор.

Тойнби: Видимо, не подлежит сомнению, что человеческая власть над окружающей его средой уже достигла такой степени, что эта власть приведет к самоуничтожению, если человек продолжит использовать ее для удовлетворения своей алчности. Человеческая натура алчна, поскольку алчность является одной из характерных черт жизни. Человек такой же алчный, как и другие виды живых существ, но, в отличие от неодушевленных особей, благодаря обладанию сознанием может осознавать свою алчность. Он может знать, что алчность, удовлетворяемая властью, разрушительна и потому есть зло, и он может предпринять трудное моральное усилие к самоограничению.

Икеда: То есть для предотвращения бедствий важно сознательное усилие внутри каждого человека. Нам необходимо изменяться самим и менять наше отношение к природе. И политикам, и промышленникам, и ученым в том числе. Если люди не осознают своих внутренних причин в бедствиях окружающей их среды, трудно ожидать надежных мер для ее оздоровления.

Некоторые ученые утверждают, что дальнейший прогресс науки рано или поздно приведет к тому, что всем природным бедствиям будет положен конец. Я не согласен с этим. Вера в то, что дальнейшее развитие науки закончит с бедствиями, вызываемыми загрязнением окружающей среды и деятельностью человека – это просто способ отвлечения внимания от настоятельной необходимости приведения человеческой этики в соответствие с нынешним уровнем земной цивилизации. Ослепляя человека и уводя его тем самым от этой необходимости, такая вера в науку может привести к бедствиям, которых мы еще не знали.

Было бы справедливо признать заслуги науки, благодаря которой современная цивилизация способна обуздать определенные виды стихийных бедствий. Но, с другой стороны, мы не должны упустить из поля зрения то, что применение этих же научных достижений зачастую само вызывает сотворенные человеком бедствия или дает толчок к бедствиям нового типа.

Тойнби: Для того чтобы справиться с вредными последствиями владения, необходимы не интеллектуальные, а этические меры. Но наука представляет собой интеллектуальную деятельность, которая в этическом плане нейтральна. Поэтому результат дальнейшего развития науки будет зависеть от того, будет ли наука использоваться в добрых или злых целях, с точки зрения этических значений слов *добро* и *зло*. Зло, порожденное наукой, нельзя излечить самой наукой.

Икеда: Это совершенно верно. Научная технология не должна использоваться для того, чтобы покорять и контролировать мир природы, в том числе и животный мир. Напротив, она должна использоваться для того, чтобы человек мог наилучшим образом жить в гармонии с природой и чтобы природа могла максимально сохранить свой естественный ритм при условии современной человеческой цивилизации. Такое отношение между технологией и природой можно сравнить с отношениями между лекарством или хирургической операцией и здоровьем человека. Препараты и хирургические операции, в сущности, предназначены не для покорения человеческого организма, а для того, чтобы способствовать укреплению собственной силы выздоровления, свойственной всякой жизни.

Хочется пожелать всем, прежде всего ученым, политикам и тем, кто работает в современной индустрии с применением высоких технологий, исключительно верно понимать правильные пути использования научной технологии. Тогда человечество сможет предотвратить бедствия, которые возникают вследствие негативного воздействия на мир природы.

Следовательно, настоятельным требованием времени является коренное изменение отношения ученых и всех современных людей к природе. Такое изменение и внутреннее борение против своего эго должно происходить в глубине души каждого индивидуума. Здесь я вижу роль и значение религии в научно-техническую эру. Я имею в виду примерно следующее: религия может обеспечить современным людям глубокое переосмысление жизни на основе высокой, гуманной этики. Ученые и инженеры, прошедшие такую внутреннюю процедуру и, следовательно, осознающие свою ответственность перед природой, должны проявить инициативу в установлении правильного отношения науки к природе. На основе этого будет обеспечено развитие нового поколения науки и технологии.

Тойнби: Наука будет использоваться в разрушительных целях, если мы будем действовать исходя из предположения, что природа существует для человека. Такое коллективное эгоцентричное мнение может быть преодолено только в области индивидуальной духовной жизни. Каждая человеческая личность должна управлять своим собственным эгоцентризмом. Религия, и я согласен с этим, есть единственное свойство человеческой натуры, которое способно вдохновить человека властвовать над собой индивидуально или коллективно.

Только религиозное отношение к человеческой жизни и окружающей ее среде могут дать нам возможность вновь осознать, как осознавали наши

предки, что, несмотря на свою исключительно огромную мощь, человек есть часть природы и должен сосуществовать с остальной природой, если хочет, чтобы выжили и природа и человек в своей необходимой природной среде.

Мне представляется, что религия – это потребность жизни для существа, обладающего сознанием и, следовательно, силой, а потому также неизбежно обязанного делать выбор. Чем сильнее мощь человека, тем больше он нуждается в религии. Если использование науки не будет вдохновляться религией и направляться ею, наука будет применяться на потребу алчности и будет служить этой алчности настолько эффективно, что станет разрушительной.

Проблемы урбанизации

Цены на землю и высотные сооружения

Икеда: Сегодня большие города во всем мире сталкиваются с проблемами, которые все более усложняются и становятся все более серьезными. В частности, в больших городах Японии остро стоят проблемы, связанные с дорогой, жильем, водоснабжением и канализацией, мусором, уменьшением зелени, транспортными заторами, высокими ценами, загрязнением окружающей среды и т.д. Все это резко ухудшает условия жизни горожан.

Эти проблемы в определенном смысле отражают собой концентрацию и последующее извержение тех недостатков, которые свойственны современной цивилизации. Конечно, эти проблемы надлежит решать правительствам. Но, принимая во внимание обостряющуюся урбанизацию сельских районов, необходимо принятие немедленных и решительных мер с участием специалистов самых разных областей.

Тойнби: Урбанизация – это одна из характерных тенденций современного образа жизни, и условия жизни в современных городах красноречивы. Подобно выпуклому зеркалу они отражают недостатки современной жизни, преувеличенно выпячивая их. Во всех быстрорастущих городах мира перечисленные Вами современные беды достигают максимальной интенсивности.

Большая часть растущего населения мира оседает в городах, и жизнь оставшихся в тающих сельских регионах урбанизируется. Сельское хозяйство и животноводство механизуются по мере того, как сами города простирают свои щупальца в виде скоростных магистралей все дальше в глубь страны.

Икеда: Ситуация довольно серьезная. Наряду с названными явлениями урбанизации еще одна головная боль для жителей больших городов – это

растущие цены на землю. Для многих горожан мысль о том, чтобы иметь землю и свой дом, стала не более чем мечтой.

Что касается Токио, то рост его населения уже достиг своего пика. В последние несколько лет в нем отмечено небольшое уменьшение населения, но условия проживания в городе только ухудшились. Дело в том, что многие жилые здания в Токио деревянные и были построены сразу после Второй мировой войны. У большинства из них заканчивается срок службы, и требуется реконструкция. Естественно, стоимость аренды новых жилых помещений выше той, которая была за старые. Это неизбежно причиняет огромные тяготы простым людям, которые вынуждены теперь платить больше за свой кров, чем они платили в прошлом.

Тойнби: Я представляю себе, что эти проблемы стоят очень остро в Японии, но это всемирное явление. Растущие цены на землю сегодня составляют жгучую проблему в Британии, о чем свидетельствуют бесчисленные статьи в британских газетах по жилищным проблемам. Но из-за невероятно многочисленного населения, которое должно разместиться на очень ограниченной территории, Гонконг, вероятно, испытывает наиболее серьезную во всем мире проблему крова над головой.

Когда мы в последний раз были в Гонконге, моя жена попросила показать ей некоторые новые жилые здания. Достижения там за последнее десятилетие просто удивительны, потому что за это время четверть населения – а это значит один миллион из четырехмиллионного населения – переселилась в высотные жилые здания. Когда один из британских официальных представителей повез нас посмотреть некоторые из таких зданий, мы были в восторге от того порядка, в котором жили китайцы в крайне трудных условиях. Благодаря тому что семьи китайцев очень сплоченны и их дети очень дисциплинированы, китайцы способны выживать в условиях, которые европейцы считают невыносимыми. Их способность в этом отношении весьма впечатляющая.

Икеда: Возможно, что многие восточные народы, включая китайцев, обладают талантом приспосабливаться к испытаниям со стороны окружающих условий. И все же жить в стесненных условиях совсем нелегко для всякого, будь он жителем Востока или Запада.

Кстати, возможно, это тоже всемирная тенденция, но следует упомянуть о том, что в последнее время в Японии недвижимость стала новым объектом для спекулятивных инвестиций. Владельцы недвижимого имущества и брокеры получают огромные прибыли в связи с растущими ценами на

недвижимость. Ежегодно в Японии публикуются списки людей с самыми большими доходами. И разбогатевшие от сделок по недвижимости стали постоянно занимать высшие места в этом списке, что говорит о не совсем здоровом положении вещей. Я считаю, что необходимо принять какие-то меры, чтобы исправить такую ситуацию.

Тойнби: Скандально огромные состояния делаются также и в Британии спекулянтами земель и зданиями. Эти люди готовы держать свои здания незаселенными многие годы, чтобы в конечном итоге прикарманить громадные доходы с капитала, которые они рассчитывают выиграть благодаря непомерно высокому росту стоимости зданий и земельных участков.

Несправедливо извлекать спекулятивную частную прибыль из собственности на землю, которая является одной из жизненных потребностей и пригодная площадь которой ограничена. Подобно другим жизненным потребностям, например таким, как вода и полезные ископаемые, земля не должна находиться во владении частных собственников, действующих в собственных эгоистических интересах.

Икеда: Вы правы. Во всяком случае рынок недвижимости не должен быть монополизирован только состоятельными людьми или спекулянтами-брокерами. Необходимо удерживать цены на землю для того, чтобы земельные участки и квартиры оставались доступными для простых жителей. Однако рост цен на землю напрямую зависит от огромного спроса. И пока есть высокий спрос, в условиях капиталистической экономики неизбежно завышение цен. Единственный путь, который я усматриваю для выхода из этой ситуации, состоит в постепенном обобществлении земли.

Тойнби: Я согласен с этим, в интересах общества она должна находиться под контролем. Земля является дефицитным товаром, и все остальные товары находятся в зависимости от доступности земли. Так же точно и любая другая человеческая деятельность. Поэтому я считаю, что вся земля и все строения должны находиться в общественной собственности. Жилые дома, принадлежащие занимаемым их владельцам, должны быть экспроприированы с выплатой щедрой, а офисные здания и фабрики – менее щедрой компенсации. Земельные участки и здания, находящиеся в собственности спекулянтов, должны быть конфискованы, и если вообще спекулянтам следует выплатить какую-то компенсацию, она должна быть значительно ниже тех затрат, что ими были вложены в их антиобщественную спекулятивную деятельность.

Икеда: Кроме такого варианта, который указан Вами, трудно представить другой более реализуемый способ. Однако я считаю, что требуется время и взвешенный подход для претворения его в жизнь.

Для более скорого решения жилищной проблемы используются многоэтажные строения, но это не совсем удовлетворительное решение. Вы упомянули большое количество жилых небоскребов, построенных в Гонконге. Аналогичные массовые жилые поселения сооружаются в возрастающем количестве и в Японии. Однако апартаменты в таких новых зданиях из-за их стоимости труднодоступны для рядовых граждан в отношении как аренды, так и покупки.

Кроме того, возникла еще одна проблема, связанная с ростом количества и размеров апартаментов в высотных домах. Гигантские бетонные блоки заслоняют солнечный свет и свежий ветерок непосредственно прилегающим домам. В свою очередь это оказывает крайне негативное физическое и психологическое влияние на людей, которые лишаются из-за этого естественных природных благ. В случае если строительство таких высотных жилых домов неизбежно, то это должно происходить в соответствии с генеральным градостроительным планом, предусматривающим равное обеспечение жителей необходимыми природными благами.

Тойнби: Затенение и преграда на пути свежего ветра из окружающей среды – это лишь только одна из проблем, связанных с высотным строительством. Во-первых, люди, живущие в громадных жилых кварталах, являются соседями только в физическом смысле. Устанавливается очень мало личных контактов между жителями таких домов, а это в социальном отношении очень плохо. Матери и дети страдают от таких высоких и больших по размеру зданий.

Иногда у матери нет времени, чтобы спуститься из квартиры на верхнем этаже здания для поиска площадки для детей, где они могли бы поиграть и оставаться с ними, пока они там играют. И если она сама не может спуститься с детьми вниз, у нее могут появиться сомнения относительно того, отпускать ли их одних, поскольку ее беспокоит то, что может случиться с ними, если она оставит их без присмотра.

Икеда: Действительно, по мере увеличения высоты жилых зданий усугубляется и отчужденность их жителей. Жилищные условия, созданные без учета потребности человека в общении с природой и с людьми, могут негативно сказываться на самочувствии и настроении людей.

При разработке градостроительного плана или политики землепользования для современных городов очень важно бережное отношение к самому человеку и понимание того, что человеку уютно, когда его окружает гармоничное общение и с соседями и с природой. Обобществление земли, о чем мы говорили, было бы одним из шагов именно в этом направлении.

Тойнби: Если предположить, что вся земля и все здания станут общественной собственностью, то какой должна быть политика общества в отношении высотных зданий, предназначенных для жилья? Спекулянты строили небоскребы для извлечения максимальной личной прибыли. У общества не было бы подобного мотива, чтобы заставлять людей жить в зданиях, которые неудовлетворительны и в социальном и в личном плане. Но общество все еще сталкивалось бы с проблемой недостатка земли. Греческий географ Страбон*, писавший приблизительно в начале новой эры, указывал, что древний город Рим простерся бы от моря до моря, если бы все высотные здания были бы заменены одноэтажными строениями.

В нынешний век, отмеченный взрывным ростом населения, надвигается острый конфликт социальных интересов между двумя соперничающими подходами к пользованию землей. Какому будет отдано предпочтение? Использование ее для сельскохозяйственных нужд и пастбищ или для жилья гуманного (невысотного) типа? Я полагаю, что должен быть найден компромисс, и, вероятно, все новые жилые строения должны будут размещаться на землях, имеющих минимальную ценность для производства продуктов питания. Но подобные участки будут топографически неудобными, и строительство на них будет дороже, поскольку в большинстве случаев такие участки будут отводиться на скалистых, неровных террасах, удаленных от нынешних мест концентрации офисов и производств, на которых работники тем не менее должны будут зарабатывать себе на хлеб насущный. Поэтому нам, возможно, придется постепенно децентрализовать и шире расселить не только жилые дома, но также и здания, предназначенные для экономического производства.

Транспорт

Икеда: У автомобиля, за исключением автобуса, недостаток в том, что он занимает большое пространство на дороге в соотношении с количеством пассажиров, которые он может перевозить. Помимо этого из-за заторов и дорожного регулирования, как, например, знак одностороннего движения и т.д., он часто не в состоянии показать свое достоинство скорости и оперативности движения. Он потребляет бензин, то есть ограниченный

природный ресурс, и он отравляет атмосферу выхлопными газами. Кроме того, у него высокая способность к убийству и нанесению увечий. В Японии из-за того, что автомобиль стал слишком частой причиной гибели людей, он заслужил мрачно-шутливое прозвище «путешествующий гроб».

Перечисляя недостатки автомобиля, я, конечно, не призываю к полному запрещению автомобильного транспорта. Поднимая этот вопрос, я только хочу подчеркнуть необходимость срочного принятия каких-либо мер против возможных негативных последствий и склероза артерий городского транспорта, которые могут серьезно возникнуть из-за дальнейшего увеличения количества автомобилей.

Тойнби: Я хотел бы, чтобы в пределах города было запрещено пользование личными автомобилями с одним исключением – для автомашин, принадлежащих врачам. Внутри этой запретной зоны мне хотелось бы видеть общественный транспорт, которому была бы предоставлена монополия. Тогда он был бы в избытке, стал бы скоростным и дешевым. Личные автомобили при подъезде к городу должны были бы, как это делается в Венеции, парковаться на автостоянках в пригородах. В случаях, когда коммерческим грузовикам и фургонам необходимо въехать в город, такие разрешения должны даваться им только в короткие промежутки времени, когда пассажиропоток в общественном транспорте минимален. Доступ коммерческого транспорта внутрь города должен быть закрыт в часы пик в начале и в конце рабочего дня.

Икеда: Следуя примеру, который был ранее дан Нью-Йорком, Япония объявила запрет на транспортное передвижение в воскресные и праздничные дни на оживленных, торговых улицах больших городов, сделав их пешеходными. Это приятное и в определенном смысле полезное мероприятие, но оно вряд ли способно коренным образом решить городскую транспортную проблему.

Если говорить о более серьезных мерах, то прежде всего следовало бы изучать возможность ограничения объема производства и продажи автомобилей с учетом пропускной способности дорог и скоростных трасс. А для уменьшения транспортных аварий следовало бы предусмотреть более жесткое психологическое тестирование и обучение этическим нормам и технике вождения автомобилей при предоставлении водительских прав.

Конечно, как Вы сказали, общественный транспорт в городах и пригородах должен быть развит до такой степени, когда введение ограничений на количество автомобилей не создаст трудностей для граждан. Учитывая все

эти соображения, я предполагаю, что наиболее многообещающими для городов в будущем станут метро, надземные поезда, монорельсовые и другие подобные средства массового транспорта.

Тойнби: Следует ограничить общее количество личных автомобилей, имеющих право ездить по дорогам за пределами закрытых зон, а условия получения водительских прав должны стать более жесткими.

Во всем, что касается политики правительства в отношении автотранспорта, соображения социального порядка должны иметь приоритет перед экономическими соображениями. В настоящее время производителей автомашин поощряют к максимальному выпуску продукции, не обращая внимания на негативные социальные последствия их деятельности, поскольку максимальный выпуск продукции способствует максимальной прибыли, росту занятости на производстве и экспорта. Это политика общества, приносящего в жертву свою собственную жизнь ради коммерческой прибыли. Вредные последствия такой политики являются одним из многочисленных свидетельств того, что назрела необходимость совершить радикальную переоценку наших приоритетов и ценностей.

Возвращение в сельскую местность

Икеда: В современных сельскохозяйственных работах чрезмерно используются различные химикаты и химические удобрения, которые могут быть дорогостоящими. Как сообщается, американцы инвестируют в сельское хозяйство столько же, сколько и в развитые отрасли промышленности.

Действительно, такие инвестиции обеспечивают высокомеханизированное земледелие и поэтому облегчают труд фермеров. Искусственные удобрения, однако, не только влияют на вкус сельхозпродукции, но и снижают сопротивляемость сельскохозяйственных культур патогенным бактериям, что вынуждает использовать сельскохозяйственные химикаты для борьбы с болезнетворными микробами. Согласно докладу одного японского агронома, в одной из английских школ дети часто болели, пока им давали на школьный обед пищу, приготовленную из продуктов, выращенных с использованием искусственных удобрений. Когда же, однако, эта школа стала давать детям только сельскохозяйственные продукты, выращенные на естественных удобрениях, они стали вполне здоровыми. Если этот доклад справедлив, то это свидетельствует в пользу того, что урожай следует выращивать с использованием естественных удобрений при условиях естественного освещения и температур.

Сельскохозяйственные химикаты не менее вредны, чем искусственные удобрения. Они отравляют природную среду и вместе с вредителями уничтожают много полезных насекомых и мелких животных. Учитывая то, что эти химикаты также оказывают вредное влияние на здоровье человека и могут стать непредсказуемой угрозой для природы в целом, мы теперь вынуждены инициировать существенный пересмотр нашей концепции модернизации сельского хозяйства.

Тойнби: Я тоже подозреваю, что недавний сенсационный рост сельскохозяйственной продукции при помощи массированного применения удобрений и инсектицидов может привести к тому, что пища, приготовленная на этой основе, будет менее питательной, а возможно даже вредной. Я также подозреваю, что естественное плодородие почв в конечном итоге может быть невосстановимо утрачено из-за применения этой противоестественной обработки.

Опыт почти десяти тысяч лет показывает, что при более низком уровне урожайности сельскохозяйственная земля может постоянно оставаться плодородной, если использовать смешанный прием ее обработки, при котором применяется внесение в почву навоза домашних животных и чередование культур. Если это невозможно выполнить, то поля могут периодически оставляться под парами.

Почвы, пригодные для сельскохозяйственного использования, — это дефицитный ресурс: они составляют малый процент от всей поверхности суши земного шара. Поэтому сохранению почв должно быть придано самое приоритетное значение. Даже в эпоху применения традиционных методов ведения сельского хозяйства некоторые площади, которые первоначально были плодородными, были доведены до опустынивания либо чрезмерной культивацией, либо слишком интенсивным использованием в качестве пастбищ. Опасность того, что из-за своего алчного желания немедленно увеличить продуктивность мы можем вызвать опустошение в еще больших масштабах, намного возросла в связи с недавним началом применения химии в сельском хозяйстве. Человечество не может себе позволить поставить под угрозу производство продуктов питания. Эти соображения определенно указывают на то, что мы обязаны вернуться к традиционным методам ведения сельского хозяйства. Это означает возврат к более трудоемкому способу сельского хозяйства.

Икеда: Как Вы сказали, возврат к традиционным сельскохозяйственным методам потребует увеличения в сельском хозяйстве рабочей силы, которую

в настоящих условиях будет трудно обеспечить. Однако с ростом автоматизации в индустриальном секторе промышленности можно ожидать снижение доли населения, занятого в этом секторе. Это дает возможность предположить в будущем обратный поток населения из городов в сельскую местность. В результате уменьшения рабочих мест в автоматизированной промышленности также можно предположить, что большинство населения будет занято в сельском хозяйстве. Я считаю, что такие перспективы позитивны с точки зрения физического и психического здоровья людей при условии, что автоматизированное производство товаров будет обеспечивать материальные потребности населения. Только следует ожидать, что попытки использовать меньше или вообще отказаться от химических удобрений или инсектицидов вызовут яростное сопротивление со стороны химических предприятий, которые пользуются невероятно огромным влиянием в современном индустриальном обществе. Чтобы преодолеть такое сопротивление, необходимо перестроить информирование масс населения и организовать широкое общественное движение.

В любом случае современная человеческая культура должна быть перенаправлена в новое русло. В современном обществе индустриальный сектор всегда составлял исключительный базис культуры. Этот базис теперь должен перенестись на сельскохозяйственный сектор. Если это невозможно, то по крайней мере сельское хозяйство и промышленность должны развиваться вместе на равных правах.

Тойнби: Перемены, которые Вы предлагаете, желательны в интересах не только сельского хозяйства, но и нынешнего городского населения. Со времен промышленной революции большинство населения технологически и экономически развитых стран перетягивается из сельской местности в города. Это социальное бедствие, поскольку работа на городской фабрике или работа в конторе дает намного меньшее психологическое удовлетворение, чем работа в сельском хозяйстве, животноводстве как с точки зрения образа жизни, так и с точки зрения средств на пропитание. Урбанизация и индустриализация превратились в экономические проблемы, так как прогресс автоматизации и компьютеризация делает трудоемкий физический и канцелярский труд излишним.

Высокоурбанизированные регионы будут вынуждены демобилизовать свое городское население. Это будет болезненный процесс, поскольку за последние двести лет городские жители привыкли к городской жизни, хотя и не сумели найти способы и средства сделать ее счастливой. Если безработные,

в прошлом занятые в промышленном производстве, будут вытеснены из городских трущоб в сельские трущобы, где они так и останутся безработными, их страдания и неудовлетворенность возрастут. Поэтому будет благословением, если в то же самое время, когда рабочая сила будет становиться излишней в городе, работа в сельской местности потребует притока рабочей силы.

Однако даже при этом обратная миграция большинства населения так называемых развитых стран из города в сельскую местность станет трудным, болезненным и длительным процессом. Этим странам, вероятно, предстоит пройти через длительное кризисное состояние, прежде чем завершится процесс их деиндустриализирующей контрреволюции. К счастью, высокоиндустриализированные и урбанизированные общества составляют все же меньшинство человечества. Большинство все еще пока не ушло далеко от сельского образа жизни, основанного на интенсивном физическом труде в сельском хозяйстве и животноводстве, который был присущ экономическому и социальному устройству этого большинства со времен неолита. Этому так называемому отсталому большинству будет легче приспособиться, чем развитому меньшинству, к стабильному глобальному состоянию, которое в будущем должно обрести человечество в целом.

Это предполагает, что может произойти драматическая перемена в судьбах. Сегодняшние развитые страны, вероятно, должны будут пройти через длительный период трудных испытаний. Сегодняшние отсталые страны, вероятно, смогут достигнуть будущего всеобщего стабильного состояния менее болезненно и намного скорее.

Икеда: Ваш прогноз о том, что развитые страны могут в определенной мере стать отстающими, а отсталые страны – развитыми, крайне интересен. Возможно, что пробуждение интереса у молодежи в Соединенных Штатах и Европе к японскому *дзен* или индийской *йоге* свидетельствует о том, что они считают неиндустриальные и неэкономические вещи наиболее совершенными элементами в наш век. Однако если они и правы в своем предположении, то до тех пор пока их интересы будут связаны лишь с такими экзотическими культурными объектами, которые остаются в стороне от повседневной жизни обычных граждан развитых обществ, они не смогут повлиять на преобразование цивилизации в целом. Но молодежь мира может внести свой вклад в массовое преобразование цивилизации, если она направит свое внимание на вопросы, непосредственно связанные с производственной и социальной жизнью, и постарается извлечь что-то

важное для их решения из традиций и старой мудрости, которые сохранились до наших дней в Азии и Африке.

Тойнби: Если мой прогноз убедителен, то Китай может ретроспективно гордиться тем, что откладывал индустриализацию. Это стоило Китаю вековой слабости и унижительного обращения, но это может оказаться меньшей платой за то, что он избежал чрезмерной урбанизации и индустриализации. С другой стороны, русским и японцам остается сожалеть о том, что они отреагировали так быстро, энергично и эффективно на вызовы, брошенные им индустриализацией западных стран. Русские и японцы отреагировали на этот вызов Запада, следуя тем же путем. Они противодействовали, окунувшись по горло в индустриализацию. С сиюминутной точки зрения это кажется дальновидным решением. Однако с точки зрения длительной перспективы, которая начинает сейчас проявляться, может оказаться, что это была близорукая, опрометчивая реакция.

Надвигающаяся гибель

Икеда: По утверждению многих интеллектуалов, будущее человеческой расы видится каким угодно, только не светлым. Когда осмысливаешь современное состояние мира, часто повторяющиеся во всем мире катастрофы и научные данные, предсказывающие дальнейшие бедствия, то невольно задаешься вопросом, доживет ли человечество до двадцать первого века. Нынешние страхи перед всеобщим катаклизмом в определенной мере, казалось бы, напоминают многочисленные теории конца света, которые появлялись время от времени в течение всей истории человечества. Однако я не могу не заметить существенное различие между ними.

Например, эсхатология* в иудаизме, христианстве и исламе предсказывает последний Божий суд и последующую полную перемену вселенского порядка. В этом еще оставлена возможность сохранения оптимизма. То есть в христианстве, даже когда перед глазами представляется коллапс реального мира, в уме и душе человека все еще может сохраняться надежда на потустороннюю жизнь, которая обещана добрым людям после Страшного суда. Другими словами, в этих концепциях конца света человек еще может опираться на свою совесть.

По сравнению с этим сегодняшняя трактовка надвигающейся опасности полного уничтожения человечества вообще не оставляет места для надежды на будущее. Она также не принимает в учет добродетель людей и тем самым погружает человечество в отчаяние.

Тойнби: На западных окраинах Старого Света, то есть к западу от регионов, в которых индуизм и буддизм наиболее распространены, существует вера в то, что мир в том виде, который нам известен, прекратит свое существование по велению всемогущего Бога в определенный в будущем день, который установлен Богом наперед и который он не называет. Эта вера в конец света, уготованного Божественной волей, возникла впервые у зороастрийцев и затем унаследована от них иудеями, христианами и мусульманами.

Хотя наш век не первый в истории, когда человечество сталкивается с перспективой того, что жизнь, существующая в известной нам форме, может достичь своего конца, я согласен с тем, что нынешние обстоятельства являются беспрецедентными. В прошлом человечеству иногда угрожала гибель от сил природы, над которыми человек не властен. Но вот впервые мы узнали, что наше будущее будет определяться тем, что мы сами сделаем или не сможем сделать.

Икеда: Всемирный потоп времен Ноя символизирует силы природы, которые угрожали человечеству. Вероятно, люди прошлого рассматривали природные бедствия, подобные наводнениям, как угрозы, перед которыми человек бессилен. И вряд ли удивительно то, что такие бедствия увязывались с идеями о конце света. Однако современный страх перед надвигающейся гибелью имеет дело с вопросом о том, как относиться к силе, которой обладает сам человек. Современные люди столкнулись с запутанной ситуацией, в которой человек использует науку в качестве оружия, чтобы обладать силой, достаточной для того, чтобы не только покорить мир, но и полностью перевернуть его, но сам оказывается преданным той же цивилизацией, которую он создал этой силой, и она же ведет его к уничтожению.

Исследуя причины нынешнего бедственного состояния мира, мы с удивлением обнаруживаем, что именно мы сами привели себя на грань смерти. Будь этой причиной сила природы, что-то, лежащее вне нас самих, мы, возможно, утратили бы на время надежду, но поднялись бы снова, чтобы бросить вызов тому, что поставило нашу жизнь под угрозу. Но сегодняшнее положение таково, что, чем больше мы используем свою мощь научной технологии, тем ближе может наступить преждевременная гибель человечества. Найти путь избавления от этого страха совсем нелегко.

Другое различие. В прошлых интерпретациях конца света прослеживается мысль о том, что человечество вымирает в условиях физического голода, вызванного природными катаклизмами. А современная интерпретация хотя

и не исключает демографической и продовольственной проблем, уделяет больше внимания вероятности гибели от алчности посреди материального изобилия. Современные люди подвержены новому виду голода, вызванному гипертрофированной потребностью, иными словами, духовному голоду.

Тойнби: Вы правильно сказали, но мы не должны быть пораженцами, пассивными или равнодушными в отношении к нынешним бедам, которые угрожают выживанию человечества. Если бы эти напасти были вызваны силами, неподвластными человеку, тогда единственным доступным для нас путем было бы смирение и повиновение. Однако наши сегодняшние напасти сотворены человеком, и они должны быть излечены им же самим.

Икеда: Это очень важный момент. В качестве аргументов, указывающих на угрозы существованию человечества, называются разные проблемы, но я считаю, что основополагающими причинами являются следующие два фактора.

Во-первых, ядерное оружие, появившееся на свет в результате выдающегося научного достижения в области современной физики и предназначенное для массового уничтожения. В один ряд с этим следует поставить биохимическое оружие, разработанное биологической и химической науками. Во-вторых, проблема загрязнения и разрушения окружающей среды, которая с началом 1970-х годов резко обострилась одновременно в разных уголках мира. Нелишне упомянуть о том, что она самым тесным образом связана с климатическими изменениями и нарушением экологической системы.

Я верю, что человечество сможет изменить характер своей цивилизации, служившей до сих пор причиной загрязнения земного шара. В человеке заложены нужные для этого духовные ресурсы. С его мудростью и усилиями человечество также способно найти путь дальнейшего развития, в котором ядерное оружие навсегда останется невостребованным. Но для этого важно преодолеть причины внутри нас самих — алчность и эгоизм, которые плотно заслоняют наше духовное око мудрости и делают нас бессильными. Пока мы согласны идти на поводу у таких эмоций, мы не можем опровергнуть мощные аргументы, утверждающие о надвигающейся гибели человечества.

Тойнби: Причиной вызванных нами самими бедствий являются алчность и агрессивность, которые вытекают из эгоцентризма. Поэтому лекарство от этих бедствий следует искать в преодолении эгоцентризма. Опыт показывает

нам, что это трудная и болезненная задача, но опыт также показывает нам, что некоторые люди достигли этой цели, – несомненно, не в полной мере, но вполне достаточной для того, чтобы совершить революцию в своем собственном поведении и также в поведении других людей, вдохновленных их примером. Подавление эгоцентризма в условиях, когда некоторые праведные люди уже достигли этого революционного уровня, конечно, может быть достигнуто в определенной степени и всеми людьми. Святые – это такие же люди, и то, на что способны они, не является чем-то полностью запредельным для способностей всех остальных.

Позорно, что нынешняя угроза выживанию человека исходит от человечества. Но было бы еще более позорно, если мы не сумеем спасти себя в ситуации, в которой мы располагаем достаточной возможностью для своего спасения, если только предпримем духовное усилие для обуздания нашего эгоцентризма. Позорность такой ситуации должна стимулировать нас предпринять это усилие, а сознание того, что мы способны добиться успеха, должно придать нам надежды, смелости и энергии для того, чтобы возвыситься над ситуацией.

Перспектива разрушения неподвластными человеку силами или энергией парализует, поскольку не оставляет никаких надежд на то, что это разрушение может быть предотвращено действием человека. Но в этом случае пассивное смирение перед такой перспективой не является деморализующим, потому что не стыдно человеку смириться перед чем-то, что он не имеет сил предотвратить. С другой стороны, стыдно, а потому аморально допустить уничтожение самих себя из-за отказа предпринять усилие, которое явно находится в нашей власти и которое явно спасет нас, если мы проявим волю сделать это усилие. Бездействие в такой ситуации равнозначно самоубийству, это, в сущности, саморазрушение.

Икеда: Для того чтобы достойно преодолеть и разрешить ныне сложившиеся проблемы, современное человечество должно приложить все возможные усилия. В этом нет никаких сомнений. В этой ситуации определенное беспокойство вызывает тенденция современной молодежи. Некоторые относятся к собственной жизни и вообще ко всему безразлично, другие отводят глаза от реальности, отвлекая себя развлечениями. Их неудовольствие иногда выражается в разрушительных действиях против общества. Немало из них погружается в мир наркотиков, чтобы уйти от самих себя. Все эти способы ухода от действительности, как мне кажется, несут в себе глубокое неверие и отчаяние в общество и в самого человека.

Остановить загрязнение окружающей среды

Икеда: Современное положение с загрязнением и разрушением окружающей среды берет свое начало главным образом из двух источников – промышленных отходов и бытовых отходов в больших городах. В отношении первого сравнительно легко выявить промышленные объекты, являющиеся источником загрязнения, установить химические составляющие их отходов и принять соответствующие меры для прекращения и предотвращения ими дальнейшего загрязнения. Но что касается последнего, то к нему причастно все городское население, а содержание отходов неопределенное. В прошлом предполагалось, что создание усовершенствованной городской инфраструктуры и адекватное управление ею может обеспечить почти полную утилизацию жидких и других видов отходов. Однако из-за резкого увеличения городских отходов, которые могут содержать прежде неизвестные вещества, многие типы существующего оборудования больше не в состоянии справляться с городскими бытовыми отходами.

В случае же промышленных отходов и загрязнения ими ответственность несет известный ряд промышленных объектов, а жертвами являются большинство граждан. Следовательно, их искоренение сравнительно легко достижимо политическими или административными мерами, а также путем внесения изменений в законодательную базу промышленной деятельности или привлекая общественное движение. Однако трудности в разрешении проблемы загрязнений, связанных с городской жизнью, заключаются в том, что большинство горожан одновременно являются здесь и виновниками и жертвами.

Тойнби: Я согласен, что загрязнение окружающей среды порождается двумя источниками – промышленными отходами и расточительным личным потреблением всего населения, проживающего в современных городских условиях. Я также согласен с тем, что первый источник намного легче перекрыть, чем второй.

Как Вы сказали, промышленные отходы производятся ограниченным количеством предприятий бизнеса, которые легко могут быть установлены и деятельность которых, вероятно, может эффективно регулироваться законодательным путем. С другой стороны, частное потребление может сдерживаться только добровольными действиями многочисленных индивидуумов. Законы, регулирующие расходы, в противоположность законам, имеющим отношение к промышленности, как правило, доказали свою неэффективность. Добровольные действия по ограничению потребления,

вероятно, будут также неэффективными, если только они не будут вдохновляться религией.

Икеда: Проблема, действительно, трудная, но решение ее ни в коем случае не безнадежно. Однако серьезной предпосылкой к этому должно стать то, что каждый вместо того чтобы указывать на ошибки других, сам старался изменить свой образ жизни. Будучи гражданином своего общества, каждый из нас должен проверить самого себя, как он живет и потребляет, и приложить все усилия к минимизации своей доли участия в качестве источника загрязнения.

Например, автомобиль. Их производители, ежегодно меняя модели, предлагают покупателям все новые и новые машины. Их рекламные акции искусно внедряют в сознание потребителей то, что если у тебя не последняя модель автомобиля, значит, ты идешь не в ногу со временем. А ряд производителей бытовой техники или бытовых товаров старательно подчеркивают в своих рекламах пользу товаров одноразового использования.

Когда потребитель, подпадая под обширную целенаправленную информацию и рекламу и не имея своего индивидуального суждения, потворствует своей материальной жадности, то это в конечном счете приводит к пороку его самого и человечество в целом. Мы со всей серьезностью обязаны осознать, что расточительное отношение современников к потреблению в повседневной жизни, накапливая в отдельности свои мелкие негативные последствия, в совокупности лишает потомков права на существование. Именно это осознание должно позволить каждому самостоятельно определиться, как ему жить в современном обществе.

Тойнби: В прошлом, когда все человечество было бедным, нашим предкам постоянно угрожал недостаток пищи, одежды, жилья и других предметов первой необходимости. В этих обстоятельствах бережливость считалась добродетелью, а роскошь – пороком. Однако со времени промышленной революции бережливость стала угрозой производителям, сокращая рынок сбыта их продукции, и в конечном итоге угрожает их работникам потерей рабочих мест. Поэтому бережливость со стороны потребителя стала в глазах производителей и их работников пороком, а не добродетелью. Производители вынуждены пытаться искусственно стимулировать потребление с помощью рекламы. Вовсе не случайно, что рекламный бизнес возник одновременно с промышленной революцией.

Однако, как Вы указали, корпоративный интерес производителей и их работников в стимулировании потребления наносит вред общим интересам

общества. Стимулирование жадности с помощью рекламы приводит к массовому загрязнению. Это угроза для здоровья и даже для жизни людей, живущих сейчас. Наша нынешняя жадность к тому же угрожает нашим будущим поколениям тем, что обкрадывает их, активно используя невозмещаемые ресурсы.

Более того, жадность сама по себе есть зло. Это животный признак человеческой натуры, но ведь человек помимо того, что он животное, является еще кое-чем бóльшим. Потворствуя собственной алчности, мы теряем человеческое достоинство. Поэтому, напротив, вместо стимулирования нашей жадности мы должны ограничивать ее, если человечество хочет пережить загрязнение среды. И это принципиально, даже если бы алчность не вела к катастрофическим материальным результатам по загрязнению среды для нынешнего поколения и к ограблению будущих поколений. Со времени промышленной революции производители стараются с помощью рекламы довести общество до отдания приоритета перед всеми остальными целями максимальному удовлетворению алчности. Нам нужно повернуть вспять этот порядок наших приоритетов, чтобы ограничить алчность и на практике принять бережливость в качестве первоочередной задачи. К этому имеются, по крайней мере, три основания: поддержание человеческого достоинства, защита нашего собственного поколения от угрозы загрязнения среды и сохранение для будущих поколений ограниченных природных ресурсов на нашей планете. Нам необходимо заменить идеал, спровоцированный рекламной индустрией, идеалом, который своим примером дает буддийское и христианское монашество.

Икеда: Совершенно верно. Свобода имеет огромное значение, однако еще более важно решение о том, какому из многих человеческих аспектов дать свободу. Алчность, которой предоставлена неограниченная свобода деятельности, угнетает свободу возвышенной духовности, потому что неизбежно попирает то, что имеет наивысшую ценность в человеческом сознании. Ситуация, при которой алчность имеет преимущества, аналогична тому, что могло бы произойти, если бы опасный преступник получил свободу действий против неповинного населения. Подобно такому злодею, который должен находиться под охраной, а если потребуется, то и в кандалах ради благополучия и свободы добрых людей, алчность должна быть обуздана ради всего, что есть лучшего в человеке. Но это обуздание не должно быть навязано обществом извне, оно должно возникнуть из независимого самосознания каждого индивида.

С точки зрения уважения достоинства человека я предлагаю следующую схему действия. Первое – ограничить до минимума потребление материальных средств и максимально утилизировать отходы для повторного использования. Этот шаг эффективен для устранения загрязнения окружающей среды и абсолютно необходим для предотвращения истощения природных ресурсов. Второе – максимально использовать физическую энергию человеческого тела. В дополнение к уменьшению загрязнения и сохранению ресурсов этот шаг укрепит и будет поддерживать здоровье человека. Третье – распространять знание о том, что всякие химические продукты, будь то лекарства или добавки к продуктам питания, обязательно имеют два аспекта для человеческого организма: пользу и вред, и, следовательно, о том, что необходимо предупредить их чрезмерное употребление.

Каждому гражданину следовало бы найти конкретное претворение этих принципов в своей повседневной жизни. Также следовало бы не оставаться равнодушным к тем людям вокруг нас, которые, нарушая их, наносят вред будущему человечеству, и противостоять их действиям. Например, будучи учеными или специалистами, они могут использовать свои научные знания для просвещения людей, а журналисты должны употребить силу своего слова для высвечивания зла, порождаемого такими действиями. Домохозяйки должны поднять голоса с позиции безопасности семейного здоровья, а трудящийся – на своем рабочем месте.

Для того чтобы движение такого рода было эффективным и значительным, оно должно иметь крепкую духовную основу, и я согласен с Вами в том, что такой основой должна служить религия. В этом смысле она должна содержать в себе учение и иметь убеждающую силу об абсолютной неприкосновенности жизни человека и о том, что жизнь – неповторимое сокровище, рожденное на Земле, – может поддерживать свое существование только в гармонии с природой.

Тойнби: Да, существующая сегодня угроза выживанию человечества может быть устранена только путем революционных перемен в сердце каждого отдельного человека. Эта перемена в сердце должна быть вдохновлена религией, чтобы вызвать силу воли, которая необходима для практического претворения в жизнь новых труднодоступных идеалов.

3. ИНТЕЛЛЕКТ

Образование

Цели учебы

Икеда: Наиболее важными вопросами в области образования являются те, которые помогают человеку ясно увидеть, каким он должен быть и как ему следует жить.

Действительно, поиск ответов на эти вопросы может дать практическую пользу. Но такая польза остается побочным эффектом. В своем лучшем проявлении учеба и образование не стимулируются исключительно желанием получить практическую выгоду, не ставят они подобную выгоду и своей целью. Однако в современном технологическом обществе некоторые люди считают, что учеба и наука состоят на службе утилитаризма. Подобный взгляд в свою очередь порождает сомнение относительно ценности обучения и образования.

Тойнби: Я считаю, что целью образования обязана быть религиозность, но не корысть. Образование обязано быть поиском понимания значения и цели жизни, а также поиском верного жизненного пути. Я верю в то, что правильный духовный путь фундаментально одинаков для всех людей. Верный практический путь был также одинаков для всего человечества до той поры, пока возникла необходимость в разделении труда вследствие перехода человечества от первоначальной простоты социальной организации и технологии к сложной.

В эпоху технологической цивилизации для обучения правильному жизненному пути необходима дополнительная профессиональная подготовка в специальных отраслях знания и различных практических навыках. Но, вступая в свою профессию, каждый, кто получил профессиональную подготовку, обязан принести клятву Гиппократу, которая предписана для вступающих в медицинскую профессию. Каждый вступающий в любую профессию обязан дать обет использовать свои знания и профессиональные навыки для служения своим человеческим собратьям, а не для их эксплуатации. Он должен отдать приоритет этой обязанности служения

перед менее существенной необходимостью зарабатывать на жизнь себе и своей семье. Максимум служения, а не максимум прибыли – это та цель, которой он должен посвятить себя.

Икеда: Полностью с Вами согласен. Досадно, что современное образование посвящает себя утилитаризму, поскольку это принесло два неблагоприятных последствия. Во-первых, наука, в известной степени превращаясь в инструменты политики и экономики, выпустила из своих рук первоначальную независимость и, следовательно, основанное на ней достоинство. Во-вторых, из-за того, что научными ценностями признаются только и прежде всего те наука и технология, которые способны принести практическую пользу, наука и образование смирились с тем, что они стали средством передачи знаний и технологий. Это может привести к обесцениванию места человека в науке. Наука и образование, в которых люди сегодня служат знанию и технике и которые должны угодить политике и экономике, обязательно должны вернуться к своему подлинному предназначению – поиску смысла и цели человеческого существования.

Продолжительность обучения

Икеда: Мне думается, что образование только в стенах учебных заведений, где один учитель вынужден заниматься сразу десятками учеников, недостаточно для развития и совершенствования индивидуальных способностей. Каждая личность уникальна и обладает своим, особым талантом и своими достоинствами. Они должны быть найдены и усовершенствованы и за пределами школы в разных аспектах, и на разных этапах жизни, и в семье, и в обществе.

Что касается школьников, то в процессе их воспитания взрослым не следует судить о детях только по их успеваемости в школе. Путь жизни человека не обусловлен только тем, что получено в процессе школьного образования. Отличники в университете не всегда становятся самыми преуспевающими или значительными фигурами в обществе. Наоборот, бывает так, что тот, кто особенно не блистал талантами в школьные годы, становится выдающейся личностью в зрелом и преклонном возрасте.

Помимо этого, наука сегодня развивается настолько быстро, что то, что изучалось в школе, становится позже устаревшим, а возможно, и бесполезным.

Тойнби: В нашем современном мире, в котором наше знание расширяется и наше толкование его меняется постоянно, недостаточно законченного

школьного образования. За ним должно последовать пожизненное самообразование без отрыва от производства. То, что было познано в юношеском возрасте, ныне более недостаточно на всю жизнь. Вследствие этого степени, которых учащийся был удостоен по окончании школы или университета, должны рассматриваться не как пожизненное качество, а как просто временная оценка. Во взрослой жизни каждому из нас следует многократно проходить тестирование и переоценки. В качестве тестов должна быть использована практическая результативность человека от одного этапа к другому. Было бы одновременно и абсурдно и несправедливо раз и навсегда квалифицировать личность, которой всего лишь шестнадцать лет или двадцать два года, как специалиста первого или третьего сорта.

Есть люди, которые созревают медленно и достигают успеха в жизни позже. И наоборот, бывают люди, которые блестяще начинают жизнь, но которым не удастся оправдать те надежды, которые они подавали ранее. Уинстон Черчилль был явно отсталым ребенком, несомненно, блестящим юношей, явным неудачником в среднем возрасте и, несомненно, великим человеком в свои шестьдесят лет. Другим человеком, оказавшим решающее влияние на ход английской истории, был живший в седьмом веке греческий христианский миссионер Феодор Тарсийский*. Когда он был направлен в Англию для реформирования христианской церкви, Феодору было почти столько же лет, как Черчиллю, когда того назначили премьер-министром для спасения Британии от ее завоевания. Как и Черчилль, Феодор блестяще справился со своей миссией. Он реформировал английскую церковь за двадцать лет усердного труда, когда ему было за шестьдесят и даже за семьдесят лет. Конечно, можно было бы привести и обратные примеры карьер, вызывающих разочарование.

Икеда: На самом деле в социальной жизни человек оценивается не столько по предметам школьного обучения, сколько по широте души или глубине рассудка, основанного на жизненном опыте, и по другим человеческим качествам. Для того чтобы человек смог полностью реализовать свой талант в обществе, также важно обладать крепким здоровьем и отзывчивым характером, хотя это зависит от того, чем он занимается – физическим или умственным трудом. Принимая это во внимание, я полагаю целесообразным уже на стадии школьного образования совмещать теоретические занятия с практикой. Например, предусмотреть в учебной программе занятия по месту работы для непосредственного участия в трудовой жизни. Это также может быть внеаудиторная деятельность учащихся (вне учебного заведения) или участие в социальной жизни. Чем больше такого опыта,

тем лучше. Я хочу этим подчеркнуть необходимость образования для всестороннего развития человека.

Тойнби: Я имел в виду, что одним из преимуществ продолжения человеком обучения в зрелом возрасте является то, что взрослый может использовать свой личный опыт, применив его к тому, что он учит теоретически (то есть с чьих-то слов). Теперь я добавлю, что возможности для получения личного опыта во внеаудиторной деятельности и социальной жизни должны создаваться у учащихся юношей на возможно более ранних этапах их обучения.

Это признается в Британии в образовательной системе так называемых *public schools*, что в дословном переводе означает общественные школы. Некоторые из них, которые на самом деле являются не общественными, а частными школами, подвергаются критике как заповедники правящих кругов, тем не менее они дают юношам более старшего возраста возможности для тренировки в использовании власти и для обретения чувства ответственности. В этом отношении британские привилегированные частные школы, по моему мнению, подают ценный пример. Я получил образование в одной из таких школ. Парню, который был главой школьников, постоянно напоминали о древнегреческом девизе, который гласит: «Власть — это испытание для характера».

Человек имеет самые разные способности, и все эти разнообразные способности имеют общественную ценность. Конкретные способности каждой личности следует выявлять и укреплять. Этого возможно добиться, предоставляя учащимся возможности для обретения и использования практического опыта и продолжая на протяжении всей жизни такое обучение, в котором сочетаются теория и практика, дополняя и стимулируя друг друга.

Финансирование образования

Икеда: К сожалению, в настоящее время во многих странах обучение ведется под контролем государства и в соответствии с целями, которые ставит перед собой правительство. Научные исследования, с которыми изначально связано образование, особенно тесно привязаны к потребностям государств, так как без государственной финансовой помощи невозможно должным образом осуществлять дорогостоящие исследования научных проектов. В результате приоритет финансирования отдается тем областям исследований, которые отвечают государственным интересам. А те научные области, которые напрямую не связаны с ними, или те ученые,

чи утверждения могли бы нанести ущерб государственной власти, несправедливо остаются без внимания.

Такое положение дел в научных и исследовательских кругах прямо отражается на мире образования. То есть упор делается на преподавание тех учебных предметов, которые необходимы для государственных интересов, в то время как другими пренебрегают. Кроме того, бывает, что государство необоснованно вмешивается в содержание учебных материалов. Это особенно беспокоит меня, так как подобный контроль ведется, как правило, вопреки гуманистическим идеалам и может привести к искажению мировоззрения учащихся.

Тойнби: Нежелательно, чтобы финансирование, контроль и управление образованием были монополизированы государством, поскольку государство подвержено соблазну поддерживать такие направления исследований, которые наиболее вероятно усилят его мощь. Государство также испытывает искушение придать финансируемому и контролируемому от имени правительства образованию идеологическую направленность для того, чтобы сформировать в учащихся надежную поддержку идеологии существующей государственной системы.

Финансируемое из госбюджета образование, конечно, имеет свои преимущества; например, оно дает равные возможности для мальчиков и девочек. В современной Британии некоторые выдающиеся личности разных профессий являются выходцами из бедных семей и получили наилучшее образование благодаря государственному субсидированию.

Икеда: С точки зрения равных возможностей получения образования государственные или муниципальные субсидии в самом деле неизбежны, поскольку не каждый в полном объеме в состоянии выдержать бремя платы за обучение. Но в то же самое время необходимо избежать политического вмешательства, и прямого и косвенного, в содержание и направление образования. В этом смысле важно выработать адекватную систему субсидирования.

Тойнби: Со времени окончания Первой мировой войны мы создали в Британии полугосударственные корпорации, финансируемые из общественных фондов, но не подконтрольные правительству. Они административно возглавляются автономными правлениями. Одной из них является Комитет по университетским грантам, который в настоящее время предоставляет и распределяет большую часть фондов британским университетам. (Только

небольшая часть этих фондов состоит из студенческих взносов за обучение и частных пожертвований.) Замысел состоит в том, что правительство должно будет воздерживаться от вмешательства в дела полугосударственных корпораций, используя власть кошелька. Так или иначе этот замысел в целом выполняется на практике, однако пока еще слишком рано утверждать, будет ли в долговременной перспективе проявляться уважение со стороны парламента к автономии Комитета по университетским грантам и других полугосударственных корпораций (например, Британской вещательной корпорации, то есть Би-би-си, которая является одним из важных образовательных агентств).

Очевидно, что у полугосударственных корпораций нет надежной основы. Важно достичь независимости образования на полностью безопасной и постоянной основе. Для этого, мне кажется, необходимо выполнение двух условий: постоянные финансовые пожертвования, которые не подконтрольны государству или экономическим корпорациям; штат преподавателей и администраторов в сфере образования, чьи этические и интеллектуальные стандарты настолько явственно высоки, что они будут уважаться и поддерживаться обществом.

Такие пожертвования могут быть предоставлены в виде безвозвратных даров; это дары, которые делаются донорами с принятием на себя юридических обязательств, лишающих их и их наследников права в любом виде вмешиваться в управление пожертвованием. Именно таков принцип деятельности американских частных фондов развития исследований и образования. Таков же принцип земельных грантов, которые являются одним из источников доходов государственных университетов и колледжей в Соединенных Штатах. Земля является самой лучшей формой постоянно действующего пожертвования, поскольку цена земли изменяется обратно пропорционально реальной стоимости валюты, а ее стоимость имеет тенденцию к снижению даже тогда, когда нет такой инфляции, какой является нынешняя по высоким темпам и уровню. Стипендия, которую я завоевал в Винчестерском колледже в 1902 году, финансировалась из доходов от земельного пожертвования, которое предоставил основатель этого колледжа в 1395 году.

Я хотел бы, чтобы все образовательные учреждения во всех странах располагали безвозмездно пожертвованной землей в таких размерах, которые позволили бы поддерживать низкую плату за обучение для студентов и высокие зарплаты для преподавателей. Это обеспечило бы

свободу от контроля со стороны государства и крупного бизнеса. Образовательные учреждения должны быть полностью автономными корпорациями. Уставы этих корпораций должны предусматривать представительство не только администрации и штатных преподавателей, но также родителей (в школах) и студентов (в университетах и школах высшей ступени). Ответственность должна быть представлена, поскольку образование является общественной деятельностью, в которой жизненно заинтересовано общество в целом. Определение соответствующих полномочий этих различных участников в формировании и проведении в жизнь образовательной политики будет в высокой степени спорным, на что указывает нынешние дискуссии в данном вопросе во всем мире.

Совместное обучение

Икеда: До окончания Второй мировой войны обучение мальчиков и девочек в Японии под влиянием конфуцианской морали проводилось раздельно. Однако с той поры во всех общественных школах были введены системы совместного обучения, начиная от начальных школ и кончая университетами. Я знаю, что совместное обучение в Англии тоже имеет сравнительно короткую историю. Каково Ваше мнение относительно положительных и отрицательных свойств системы совместного обучения?

Тойнби: В Англии совместного образования не было до 1870 года, и это по причинам экономического, а не принципиального характера. В это время системы начальных и средних общественных школ (то есть системы, оплачиваемые из общественных источников), были переведены на совместное обучение, тогда как частная система, включая университеты, оставалась с раздельным обучением. В то время в Британии было мало университетов — только два в Англии и четыре в Шотландии, — и все они не допускали женщин к получению ученых степеней. Моя жена посещала Кембридж. Ее допустили к сдаче экзаменов, и она была удостоена высших оценок, но она не могла получить степень. В Соединенных Штатах, конечно, в смешанных колледжах давно допускалось совместное посещение занятий и получение степеней представителями обоих полов. В сегодняшней Британии студенты и студентки свободно общаются, и идет разговор о введении смешанных колледжей американского типа.

Я думаю, можно много говорить как о раздельной, так и о совместной форме обучения. В настоящее время совместное обучение создает очень серьезную проблему в связи с сексуальной неразборчивостью в среде

студентов 13–18 лет. Общеизвестно, что это крайне сложный период для молодежи, период, когда образование независимо от того, какое оно, совместное или раздельное, весьма вероятно, будет создавать много проблем. В настоящее время весьма часты случаи, когда молодые девушки беременеют в возрасте 14–15 лет. Это не обязательно следствие совместного образования, однако это действительный факт и источник большой печали и трудностей.

Когда мне было 14 лет, школы были строго раздельными. Уже были раздельные колледжи для женщин и раздельные школы для более молодых девушек, но отношения между полами тщательно регулировались. Мы редко видели друг друга. Конечно, это устраняло неразборчивость в сексуальных отношениях между юношами и девушками, но это не устраняло гомосексуализма. Когда я в 14 лет поступал в школу-интернат, я никогда раньше не слышал о гомосексуализме. Я услышал о нем очень многое после поступления туда, потому что он был частой темой для обсуждения. К сожалению, гомосексуализм является одним из бед школ-интернатов.

Найти взвешенную оценку преимуществ и недостатков этих двух систем для меня представляется весьма затруднительным. Если попытаться решить проблему неразборчивости в сексуальных отношениях между полами, то окажешься перед в равной степени серьезной проблемой гомосексуальных отношений.

Икеда: Как Вы говорите, проблемы возникают и при той и при другой системе. Я верю в то, что мужская и женская гомосексуальность является относительной проблемой. Некоторые общества принимают ее, как, например, древние греки; некоторые клеймят ее. Сексуальные отношения между мужчиной и женщиной связаны с более глубокими вопросами, поскольку они ведут к беременности и по этой причине связаны с достоинством жизни как таковой. Поэтому, если бы меня заставили сделать выбор, я бы сказал, что, вероятно, гомосексуальные отношения между учащимися являются меньшим из этих двух зол. В средних и высших школах, которые я основал, обучение раздельное. (*Примечание от редакции Оксфорда: эти школы перешли к совместному образованию с апреля 1982 года.*) Я предпринял этот шаг не потому, что меня беспокоило возникновение проблем сексуальной неразборчивости среди учеников, а в надежде создать условия, вдохновляющие учащихся полностью отдать себя своим занятиям. Конечно, я не желал бы, чтобы проблемы секса, в том числе и гомосексуальные проблемы, возникали между учащимися. Но все же они могут и появиться. В этом случае я стою на том, что этот вопрос должен быть разрешен благодаря

совести учащихся. Я верю в то, что учебное заведение призвано помогать учащимся в формировании достойной личности и уважать свободное суждение каждой этой личности. Оно также должно предоставлять детям знания и материалы, необходимые для правильного суждения по тем или иным вопросам. И при этом если дети сделают ошибочные выводы, то школа должна пересмотреть и улучшить содержание обучения, но не нарушать свободу индивидуального мышления. Навязывать готовый ответ взамен свободного суждения индивидуума – это не что иное, как свидетельство педагогической неспособности учителя или его лени. Вам может показаться, что моя позиция идеалистична, но это именно то, каким, как я считаю, должно быть школьное образование.

Преподавание и исследовательская работа

Икеда: Раньше Вы говорили о том, что в будущем желательно разделить профессии, связанные с преподаванием и исследованиями. Это верно, так как образование и исследовательская работа – два разных по характеру вида деятельности, и чем выше специализация в области исследования, тем чаще преподавание приносится в жертву во имя исследовательской работы.

Поэтому такое мнение для меня очень интересно, но я считаю, что нужно обратить внимание и на негативные аспекты реализации такого разделения. Разделение учебно-образовательных институтов и чисто исследовательских может проводиться относительно безболезненно. Но тем самым преподаватели будут лишены их прежней роли ученого-исследователя, что в свою очередь может лишить их свежести знаний, которая является существенной для их работы.

Следовательно, возможное разделение этих двух профессий должно быть тщательно изучено с точки зрения обеспечения взаимных связей между ними и поддержания качества преподавания.

Тойнби: Я полагаю, что на университетском уровне образования преподавателям должны быть предоставлены время и возможности для исследовательской работы, которая наряду с преподаванием должна рассматриваться как существенная часть их обязанностей. Функция университетского образования состоит в том, чтобы научить студентов, как им обучаться самостоятельно. Для того чтобы делать это эффективно, преподаватели, я считаю, должны продолжать самообразование. Для них исследовательская работа является средством самообразования.

С другой стороны, исследователю не обязательно быть преподавателем. Склонность к научной работе не всегда сопровождается склонностью к

преподаванию. Я не думаю, что какой-либо исследователь способен выполнить первоклассную работу, если проведет всю свою трудоспособную жизнь в исследованиях, исключив всякую другую деятельность. Если он поступит так, то он изолирует себя от общего течения человеческой жизни и лишит себя практического опыта, который не может быть получен в лабораториях и библиотеках. Наиболее продуктивными исследователями оказываются те, кто сочетает исследовательскую работу с какой-то другой деятельностью.

В моей области, которой являются исторические исследования, наиболее знаменитые историки не были по совместительству преподавателями, по совместительству они были политиками, администраторами, солдатами или бизнесменами. Некоторые из них совмещали эти обе свои профессии одновременно, другие уже после ухода в отставку, добровольно или вынужденно, с какой-то профессиональной деятельности, занимавшей часть их трудовой жизни, принимались писать историю. Им удавалось написать замечательные исторические работы, поскольку они могли при этом использовать свой непосредственно личный опыт. Они принимали сами участие в той деятельности, которая впоследствии стала предметом их исследования, и это способствовало их проницательности и мудрости.

Икеда: Ваше замечание о том, что исследователи, которые получили вдохновение от практических аспектов социальной и человеческой жизни, смогли создать наиболее обстоятельные работы в области своей специализации, глубоко впечатляет меня, тем более что Вы сами являетесь выдающимся исследователем. Понимание этого предостерегает исследователей от разрыва с истинными чаяниями и действиями общества, а также от опасности того, что результаты их исследований, основанные на умозаключениях, далеких от реальной жизни, могут стать бесполезными или даже иногда вредными для людей.

Особенно для историков, социологов и других ученых-гуманитариев постоянно меняющееся человеческое общество является непосредственным объектом их исследований и живой библиотекой для научного вдохновения. Что касается исследователей в естественных науках, то социальные явления сами по себе не представляют для них научного интереса. Однако общество для них — это единственное пространство, которое дает оценку их научным результатам.

В этом смысле даже тому, кто занимается самой узкоспециализированной научной темой, стоило бы организовать возможность общения со

студентами или обычными гражданами, где он смог бы постараться передать или объяснить им свою работу на доступном для аудитории языке. Через такое общение исследователь сможет получить обратную реакцию от людей, что позволит ему посмотреть на свою работу незашоренным взглядом. Благодаря этому он также может обрести новую точку зрения и новый подход к своей задаче. Это также может послужить тормозом или регулятором в случае, если его исследование идет в противоречие с человеческими ценностями.

Влияние литературы

Икеда: Задумываясь о роли литературы, я вспоминаю знаменитый вопрос Жан-Поля Сартра*: что может дать литература голодающим? С тех пор высказывалась масса противоречивых мнений относительно роли литературы в современную эпоху. Некоторые из тех, кто с одобрением отзывался о позиции Сартра, приняли нигилистическую позицию в отношении литературы, в то время как другие, кто верит в роль литературы, борются над созданием новых жанров.

Тойнби: Что может дать литература голодающему? Ответ на этот вопрос станет ясным, если также спросить: что может дать научное исследование голодающему? Научное исследование может мало или ничего не дать для голодающих, если оно примет в качестве своей цели задачу накормить голодающих и если оно ограничится попыткой достижения этой желаемой практической цели. Наука, зашоренная подобным образом, обречена на неудачу, потому что, связывая себя подобной ограниченной целью, она создаст себе препятствия для совершения важных новых научных открытий, как бесполезных, так и полезных. Научное исследование ведет к открытиям только тогда, когда оно ведется ради самого исследования, так сказать, для удовлетворения интеллектуальной любознательности без какой-либо утилитарной *arriere-pensee* (задней мысли). Некоторые открытия, которые были сделаны в ходе исследований, проведенных без предварительных социальных или иных скрытых мотивов, совершенно непреднамеренно, неожиданно и на удивление всем оказывались по своим прикладным свойствам социально полезными. Истинность этого кажущегося парадокса доказывалась так часто и так убедительно, что многие частные торгово-промышленные корпорации, существующие для получения финансовых прибылей, пришли к заключению, что экономически более оправданно дать постоянный доход научным исследователям и предоставить им

полную свободу выбора любого направления исследований, к которым их приведет собственное любопытство, вместо того чтобы направлять их исследования на достижение определенных результатов, имеющих несомненную ценность для корпорации в ее сфере деятельности. Эта парадоксальная истина в отношении науки вполне может быть отнесена и к литературе.

Литературные труды великого русского писателя девятнадцатого века Л. Толстого оказали общемировое влияние, пробуждая сознание богатого и обладающего властью меньшинства к тому, чтобы попытаться даже ценой своих собственных привилегий многопланово реформировать общество, в том числе накормить голодающих.

Отношение Л. Толстого к жизни прошло через два периода, которые разделены резким духовным переломом в его отношении к религии. В каждом из них его отношение в тот период отражалось на характере опубликованных им работ. В течение своего допереломного периода Толстой писал непринужденно, просто для удовлетворения своего влечения создавать литературные произведения. После произошедших с ним перемен он пришел к выводу о том, что занятие искусством ради искусства является потворством собственным желаниям и социально безответственным занятием и что художник обязан сознательно посвятить свой талант улучшению человеческой жизни.

Произведения Толстого, публиковавшиеся после произошедшего с ним перелома, были направлены на достижение этой конечной практической цели. Однако его допереломные произведения не только были превосходнее, если судить по их чисто литературным достоинствам, но также были более действенными в социальном отношении, чем те, которые были опубликованы им после происшедшей с ним перемены и сознательно нацелены им на то, чтобы вызвать социальные последствия. Его книги, написанные до перелома его отношения к религии, захватывали читателей своими литературными достоинствами и поэтому вдохновляли их на то, чтобы попытаться изменить общество в тех направлениях, которые подразумевались в романах Толстого, но не были его сознательной целью при их создании.

Коммунистический строй в Советском Союзе принял более позднюю точку зрения Толстого на предназначение литературы. Советское правительство считает, что литературная деятельность должна служить общественному благосостоянию. (Их интерпретация общественного благосостояния намного уже и более противоречива, чем у Толстого; для русских

коммунистов общественное благосостояние означает укрепление коммунистической идеологии и власти советского правительства, но это различие не обесценивает сравнения.) Следствием явилось заметное снижение как литературных достоинств, так и социального влияния русской литературы. При коммунистическом режиме русские писатели, которые следовали партийной линии, стали бесплодными, в то время как те, кто писал непринужденно, так, как направлял их дух творчества, не поощрялись и им создавались препятствия, даже тогда, когда они не подвергались действительным преследованиям.

Икеда: Использование художественной литературы в пользу определенной идеологии неизбежно оставляет отпечатки искажения художественности в таких литературных трудах. Более того, когда оно производится политической властью, то это становится нарушением свободы слова, которое является одним из основных прав человека.

Хотя я не могу детально обсуждать эту проблему, поскольку располагаю лишь ограниченной информацией относительно условий в Советском Союзе, я подозреваю, что то, о чем Вы говорите, верно и что трудности, с которыми столкнулся Солженицын, как Вы говорили, вытекают из подавления свободы слова.

Тойнби: Императорский режим в России до 1917 года тоже не любил литературную свободу и боялся ее, но царское правительство, будучи менее доктринерским, чем нынешний коммунистический режим, чувствовало, что попытки принуждения русских писателей посредством репрессий окажутся, с его точки зрения, контрпродуктивными. Они понимали, что это усилило бы влияние писателей вместо того, чтобы его уменьшить.

Урок современной истории России, мне кажется, состоит в том, что литература вероятнее всего будет иметь практическое влияние пропорционально той непосредственности, которую она предоставляет писателю для проявления своего творческого порыва. Это выглядит парадоксально лишь внешне, потому что творить — значит черпать вдохновение из родниковых источников человеческой духовной жизни.

Икеда: Очень верно. В случае служителя пера, как и в случае ученого, поистине великий шедевр рождается на почве свободного духа. Стоит его чем-то ограничить в каких-либо социальных целях, он будет не в состоянии создать настоящую литературу. По этой простой причине, даже если литература не смогла бы ничего сделать для голодающих, не следовало бы ограничивать ее целями и тем самым сорвать всходы свободного творческого

порыва. Об этом свидетельствует то, что спустя полвека после революции в советской литературе еще не появился писатель, превосходящий Достоевского.

И в Европе в прошлые времена, когда духовная свобода была сильно стеснена, я предполагаю, что многие литераторы или художники должны были пережить многострадальное бореие.

Тойнби: Вообще говоря, существуют два различных мотива, по которым отказывают в свободе выражения. Один мотив выражает заботу о поддержании идеологической ортодоксальности (христианской, мусульманской, марксистской, капиталистической и какой угодно еще); другой – заботу о поддержании этических стандартов.

Цензура по теологическим* принципам оказывает губительное влияние на литературу и, по моему мнению, никогда и ни при каких обстоятельствах не может быть оправдана. Идеологическая цензура, однако, более легковыполнима. Решение о том, дозволительно ли или недозволительно выражение какой-то мысли или чувства, принимается указом всемогущей авторитарической политической или церковной власти. Цензура по моральным принципам представляет собой более сложные проблемы. Найдется мало людей, которые стали бы утверждать, что подстрекательству – будь то в индивидуальном порядке, по радио или по телевидению – к сексуальной распущенности или извращениям, к наркотикам или алкоголизму, к физическому насилию следует дать полную свободу при любых обстоятельствах. Большинство взрослых сочло бы неприемлемым подвергать молодежь возможному разлагающим влияниям. Однако нет консенсуса по вопросу о том, что именно считать разлагающим и где провести черту между разрешением и ограничением. Более того, можно спорить о том, что любое ограничение несет в себе вероятность оказаться контрпродуктивным, что его вероятным итогом станет возникновение повышенного любопытства и разрастание противодействия.

Икеда: Поскольку литература – это выражение духа века и зеркало, отражающее тенденции, происходящие в обществе, которое ее создает, многие литературные течения возникают в век многообразия ценностей, каковым является нынешний век. Порнография может быть просто отражением только одного аспекта изменяющегося отношения в наше время. Однако я не могу поверить в то, что современное повальное увлечение подобной литературой может продлиться долго, потому что и жадный интерес к порнографии, и удовлетворение от нее скоротечны. Придет время, когда

большинство людей не будут обращать особого внимания на порнографию. Существует мнение, что необходимо усилить цензуру по этическим и нравственным аспектам, и оно основывается на том, что подобные произведения оказывают плохое влияние, ведущее к нравственному падению молодежи и разложению общественного порядка. Возможно, что именно такое мнение было и является господствующим. Но все же я в корне против любых ограничений на свободу выражения. Прошлый опыт показывает очень наглядно, как цензура, однажды установленная в какой-либо форме, может быстро распространиться на вопросы мышления, веры и религии.

Тойнби: Правящие круги не имеют никакого морального права использовать свою власть для подавления всех других религий, философий и идеологий, кроме своих собственных. Религия или искусство, которые в глазах правящих кругов считаются неортодоксальными, не могут процветать в тоталитарном климате. В таком климате ортодоксальная литература, как и искусство, может увянуть, если режим настолько деспотический и инквизиторский, что даже ортодоксальный автор или художник должен в первую очередь заботиться о том, чтобы избежать риска стать жертвой цензоров. Эта озабоченность заглушит ту непосредственность, которая является обязательным условием для творчества.

В то же время, и это исторический факт, некоторые выдающиеся произведения литературы и искусства были созданы при тоталитарных режимах: при режиме, существовавшем в христианских странах с четвертого по семнадцатый век новой эры, и при режиме, существовавшем в мусульманских странах вплоть до более недавнего времени.

Поэт или художник может иметь взгляды, настолько совпадающие с господствующей идеологией, и может быть настолько восторженно вдохновлен ею, что, сам того не сознавая, может оказаться скованным тем самым тоталитарным режимом, при котором он живет и творит. Пока он не ощущает ограничений, он будет оставаться духовно свободен.

Данте, несомненно, знал о том, что в западном христианском мире его времени были еретики, которые были осуждены и преданы смерти. Возможно, Данте считал вполне правильным и само собой разумеющимся такое обращение с еретиками, и ему, видимо, никогда не приходило в голову, что он сам, возможно, еретик. Это состояние сознания, которое я приписал Данте, возможно, было присуще и художникам, которые создавали картины, скульптуры и иконы для христианских церквей, и авторам слов и музыки христианской литургии. Если бы кто-то сказал Данте, что

он живет в тоталитарном режиме и что он не является свободным человеком, то он, я уверен, с полной убежденностью отрицал бы это.

Тоталитарные режимы различаются, конечно, по степени своей деспотичности. Средневековый христианский мир показался бы индусу или наблюдателю из Восточной Азии тоталитарным, и этот диагноз был бы справедлив. Тем не менее Данте был, я уверен, не менее свободен духовно, чем если бы он был поэтом в дохристианской Италии, или в Индии или в Восточной Азии его времени, где существовал плюрализм религий и где преследование на религиозной почве было редким и относительно мягким.

С другой стороны, русские писатели-романисты девятнадцатого века создавали и чувствовали на себе угнетение со стороны царского режима в России. При современном советском режиме трудно себе вообразить русского коммуниста – двойника средневекового западнохристианского поэта Данте, который был бы настолько искренне предан установившейся коммунистической вере, что мог бы выразить учение и мифологию марксизма-ленинизма в величественной поэзии с исключительной непосредственностью и не будучи отягощенным осознанием темной тучи тоталитарной нетерпимости, нависающей над его головой.

При марксистско-ленинском режиме ценой духовной независимости, несомненно, является преследование, и это преследование может стать ценой за пределами границ нынешних коммунистических стран, если всемирный тоталитарный режим превратится – и я полагаю, что это возможно, – в необходимое агентство по стабилизации хаотической деятельности человечества.

Греческий поэт Эсхил сказал в двух лапидарных словах, что страдание есть единственный путь познания. Перенесенное страдание, несомненно, явилось одним из источников поэзии Данте. Данте никак не пострадал от рук тоталитарного религиозного режима, при котором он дышал, чувствовал и думал, будучи абсолютно свободным, но он был несчастен в любви и был изгнан из своего родного города-государства. Если бы он не страдал от этих двух жестоких несчастий, то его «Новая жизнь» и «Божественная комедия» никогда бы не увидели света.

Икеда: Данте, живя в средневековом христианском мире, мог быть свободной личностью и не ощущать никаких внешних давлений благодаря тому, что у него была сильная вера, которая соответствовала ортодоксальному религиозному мировоззрению того времени, и он употребил эту веру в качестве источника формирования своего собственного непоколебимого «Я».

В случае с Данте нет сомнения в том, что достижение практических социальных задач не являлось главной мотивацией творчества. В случае же с русскими писателями девятнадцатого века, однако, именно оно стало основной целью их творческой деятельности, о чем свидетельствует то, что некоторые из них стали нигилистически настроенными, когда поняли, что их попытка выполнить социальную миссию закончится бесплодно.

Эта тенденция присутствует и в современной литературе. Как много писателей прибегают к нигилизму, заключив, что литература не может спасти голодающих. Это подтолкнуло их к крайне интроспективному искусству, исполненному бессилием и пессимизмом.

Тойнби: Нигилизм, я полагаю, означает отчаяние и отрицание человеческой жизни и всей Вселенной без представления какой-либо альтернативы. Если эта негативная реакция является мощной и широко распространенной, она вероятнее всего найдет способ выразить себя в литературе, равно как и в других формах. Убедительное отображение образа мышления в литературе может укрепить этот образ мышления. По этой причине я считаю, что нигилистическая литература является предосудительной.

У интроспекции есть две возможные альтернативные цели. Она может быть уходом в себя от контактов с другими людьми и со Вселенной или она может быть поиском в подсознательных глубинах души контакта с наивысшей абсолютной духовной реальностью. Интроспекция, направленная на первую из этих целей, есть изоляционизм, а преследующая вторую цель — стремление к единению. Первая негативна, вторая позитивна. Интроспективная литература может быть негативной, соответствуя природе той интроспекции, которой она навеяна. Я осуждаю интроспективную литературу, если она негативна, но приветствую ее, если она позитивна.

Я не думаю, что предназначение литературы состоит в пропаганде какого-то определенного мировоззрения, будь оно хорошим или плохим. Литература, сознательно направленная на определенную социальную или метафизическую цель, скорее навредит этой своей собственной цели. Настоящее предназначение литературы состоит в описании и объяснении фактов и проблем из человеческой жизни. Я считаю, что литература должна быть беспристрастной, но смелой.

Икеда: Когда писатель не ограничивает свою творческую деятельность какой-либо сознательной целью и когда ему не угрожает внешнее давление, литература будет непосредственно отображать все то, что есть в душе писателя. Каково его духовное состояние и мировоззрение, такова будет и

его литература. Выходит, чем выше или шире душа писателя, тем благороднее будет затрагивать его произведение струны души других людей. Это сила литературы. И это называется влиянием литературы на общество, но не преднамеренным, а естественно вытекающим только как результат того, ради чего искренне страдал писатель. Именно в этом смысле, веря в величие человеческого духа, я не могу не надеяться на появление поистине великой литературы, которая способна спасти даже голодающих.

Тойнби: Подлинное искусство ради искусства – это и искусство ради жизни. Конечно, искусство становится бесплодным, если художник превращается в профессионального специалиста, который пишет в первую очередь или исключительно только для своих коллег-специалистов вместо того, чтобы писать для своих собратьев. Насколько я понимаю, это не искусство ради искусства, это искусство ради профессионалов. Даже с точки зрения интересов профессионалов это ошибочное представление. Поэтому я убежден, что если литература, или наука, или ученость становится понятной лишь для посвященных, то это несчастье, это симптом социальной болезни.

Икеда: Я возлагаю надежду на литературу, которая вдохновляет людей избрать жизнь. Мне трудно оправдать литературу, которая, находя прелесть в образе человека, летящего вниз головой в преисподнюю, настраивает людей на отрицание жизни. Потому что я верю, что человеческое достоинство состоит не в чем ином, как в его искреннем старании жить и быть человеком.

Тойнби: Литература обязана отображать недостатки и трудности жизни, не впадая в отчаяние по поводу способности человеческой природы успешно преодолеть трудности жизни. Мы должны стремиться победить в борьбе за жизнь несмотря на то, что гарантии победы у нас нет.

Интеллектуалы и массы

Икеда: Многие цивилизации сохранили различие между интеллектуалами и массами, но я думаю, что современное общество обязано отказаться от него. Мы должны прежде всего исходить из того, что все мы одинаковые люди независимо от того, куда каждого из нас относит это условное разделение. Во всяком случае, на уровне повседневной жизни невозможно найти обоснованное разграничение между интеллектуалами и массами. Каким бы выдающимся интеллектуалом ни был человек, в быту он все же остается в среде масс, ведя примерно тот же самый образ жизни,

что и остальные люди. Люди, которых обычно называют массами, тоже обладают, может быть, каждый по-своему, богатыми знаниями, и в этом смысле они тоже «интеллектуалы». Выдающийся физик может оказаться менее способным сбалансировать семейный бюджет, чем обычная домохозяйка. Несмотря на это, в обществе его уважают намного больше умной домохозяйки. Это, по-моему, только из-за редкости его профессии.

Тойнби: Наиболее важным качеством людей является их принадлежность к общей человеческой природе. Человек должен принадлежать к человеческому роду, прежде чем станет какой-то конкретной человеческой личностью: черным или белым, буддистом или конфуцианцем, иудеем или неиудеем, интеллектуалом или малообразованным. Наиболее важные человеческие переживания являются универсальными и неизбежными. Каждый человек рождается и обречен умереть. Трудность существования в качестве наделенного сознанием живого существа и загадочность Вселенной, в которой мы находимся, одинаковы и для интеллектуалов и для неинтеллектуалов. Человеческие существа обеих категорий сталкиваются с теми же самыми неумолимыми фактами жизни и смерти.

Когда общество разделяется на интеллигенцию и массы и когда каждая из этих двух секций общества ощущает другую секцию в качестве чуждой, то это симптом социальной болезни. Россия страдала от этой социальной болезни после ее неожиданной, скорой, насильственной и поверхностной европеизации, осуществленной Петром Великим. Интеллигенция (это русское слово) была новым классом, который был создан политикой Петра Великого, направленной на вхождение России в западное общество. Русская интеллигенция состояла из прозападных русских, предназначением которых было обеспечить нации возможность участвовать в жизни западного общества. Они были несчастным классом, потому что их переход к западному образу жизни отрывал их от своих русских сограждан и не давал им возможность чувствовать себя как дома на Западе. В девятнадцатом веке многие из них жили в качестве эмигрантов в западных странах, частично добровольно, а частично в качестве политических беженцев, поскольку западное образование интеллигенции отвратило ее от того прирожденно авторитарического режима в России, которому она была обязана своим рождением.

Великолепные русские романы девятнадцатого века – это продукт русского гения, вдохновленного протестом русской интеллигенции. В романе Толстого «Анна Каренина» описана наглядная сцена, в которой Левин, землевладелец, воспринявший западный либерализм, созывает на собрание

своих крепостных с намерением дать им участки на своей земле. Крестьяне растерянны и подозрительны; они не могут понять мотивы своего хозяина, и они не верят в его искренность. Землевладелец озадачен и раздражен. Затея не дала положительных результатов.

Революция в России в 1917 году была совершена русской интеллигенцией, большинство которой провело многие годы в изгнании на Западе. Их программой было реформирование русского образа жизни по так называемому передовому западному пути. Когда эти люди пришли к власти, сцены наподобие той, которую я привел из романа Толстого, масштабно разыгрывались в реальной жизни. Революционно европеизированные русские интеллектуалы и исконно русские массы не поняли друг друга. Когда революционные интеллектуалы захватили власть, они силой навязали чуждую западную идеологию русскому народу, как это ранее делал исконно русский автократический режим, который был свергнут ими как миссионерами современной просвещенности.

Икеда: После реставрации Мэйдзи* в 1868 году в некоторых отношениях просматривается сходство между российским опытом и опытом японским. Понимая, что долгие столетия изоляции от остального мира привели нацию к отсталости в некоторых областях, лидеры правительства Мэйдзи стали неистово перенимать у Запада все, что только могли. Японское общество даже сегодня находится под влиянием лихорадки обучения всему у Запада, из-за чего об интеллектуалах судят не по их собственной мудрости, а по тому, насколько много им известно об идеях и философиях западных ученых.

Это, безусловно, увеличивает пропасть между интеллектуалами и обычными людьми. В сущности, интеллектуалы используют свой интеллект и знания для пользы людей только в том случае, когда они живут в народе. Иными словами, народ – это корни, а интеллектуалы – цветы, которые порождаются этими корнями. Но неблагоприятная тенденция интеллектуалов состоит в том, чтобы выделить себя из обычных людей. Возможно, что эта склонность обусловлена той особенностью интеллекта, что он отлично использует методы анализа и дифференцирования. Но, отграничивая себя от обычных людей, интеллектуалы сами лишают себя главной опоры и делают себя бесполезными для народа.

Неудивительно, что массы отказываются признавать значимость класса интеллектуалов, который, с точки зрения обычного человека, ни на что не способен, кроме болтовни. Такое взаимное неприятие и отчуждение двух условно разделенных классов – несчастье для человеческого общества, и необходимо приложить все усилия к устранению разрыва между ними.

Тойнби: Вообще говоря, когда интеллектуалы отчуждают себя от масс, они, как правило, теряют связь с универсальными реальностями человеческой жизни, в то время как массы могут оказаться лишенными интеллектуальной культуры, которая должна быть в полной мере настолько доступной для каждой личности, насколько эта личность способна ее воспринять. В современном западном мире интеллектуалы подвержены нездоровой тенденции образовывать замкнутые кружки профессиональных специалистов, которые живут и работают исключительно друг для друга. Эти интеллектуалы презирают обычную публику за непрофессионализм и невежество; общественность игнорирует интеллектуалов, поскольку считает их непонятными и непрактичными. Это взаимное отчуждение вредно для обеих сторон и вредно для общества.

Икеда: Вы затронули очень важный вопрос. Я думаю, что одной из причин появления этих замкнутых кружков профессиональных специалистов, о которых Вы упомянули, является сама специфика современной науки. По мере и в результате быстрого развития науки и техники произошла чрезмерно высокая и узкая специализация областей исследования. Все труднее становится понимание их содержания для обычных людей. И реакция на это со стороны масс по отношению к интеллектуалам может быть почти враждебной либо, наоборот, слепым уважением к ним. Интеллектуалы в свою очередь вероятнее всего начинают смотреть на невежд свысока из-за их якобы неспособности к пониманию. Таким образом, причиной сегодняшнего разрыва между массами и интеллектуалами в значительной степени является то, что сегодня науки по своему содержанию стали настолько насыщенными и к тому же детально специализированными, что для несведущих они становятся все более недоступными.

Для преодоления этой проблемы необходимо изменить вектор развития науки: от специализации к обобщению и от разветвления к интеграции. Важно, чтобы в мире науки уважали не обособленность, а неразрывность с реальностями жизни масс, что означало бы еще и возможность воздействовать на жизнь населения. Здесь слово «воздействие» может быть неадекватно. Я имею в виду значимость и полезность науки на уровне человеческой жизни.

Тойнби: Я абсолютно согласен с осуждением чрезмерной специализации. Это отчуждает друг от друга специалиста и обычных людей, включая образованных, но неспециализировавшихся членов общества. Специалист склонен презирать неспециалистов как дилетантов. Неспециалисты склонны

списывать специалиста со счета как бесполезного для любого, кто не входит в узкий избранный круг этого специалиста. Я лично считаю, что неспециалисты правы. У специалиста появляется искаженный взгляд даже в своей собственной специальной области, если он изучает ее в отрыве от окружающей его обстановки. Специализация, как мне представляется, станет ошибочным подходом к попытке познать современный мир и иметь с ним дело, потому что все народы, все стороны жизни и все сферы деятельности становятся все более взаимозависимыми. Мы живем в таком мире, который требует глобального мировоззрения.

Икеда: Это справедливо, и хочу дополнить Вас следующим. Изолирующая тенденция интеллектуальных групп стимулируется еще и современной системой образования. Дело в том, что для получения хорошего образования сегодня необходимо иметь в достатке деньги и время, чего, как правило, не хватает у большинства людей. Выходит, что семейное благосостояние предопределяет, кому стать интеллектуалом, а кому необходимо начать работать в раннем возрасте. Это для молодого человека не что иное, как предопределенность, потому что все время, пока он учится, он полностью зависим от родительского финансирования и сам не может изменить эту ситуацию.

Есть примеры, когда государство или фонды оказывают финансовую поддержку талантливым студентам из несостоятельных семей. Но их очень мало. Поэтому у тех, кто не мог продолжать учиться из-за условий, никак не зависящих от его стараний, остается осадок зависти к тем, у кого были более благоприятные условия. Это тоже является дополнительным фактором взаимного разобщения интеллектуалов и масс.

Тойнби: В определенной мере я согласен с Вами, однако картина несколько более сложная. Для того чтобы стать интеллектуалом, человек должен иметь три вещи: умственные способности – природный дар, распространенный очень неравномерно; намерение упорно трудиться и достойно вести себя, что полностью во власти самого человека; и продолжительное обучение, а это требует денег, которые должны быть предоставлены либо родителями студента, либо какими-то общественными источниками, поскольку оно (длительное обучение) связано с задержкой того времени, когда интеллектуал сможет зарабатывать себе на жизнь.

Таким образом, интеллектуал и окружающее его сообщество связаны взаимными моральными обязательствами. Интеллектуал обязан обществу тем, что должен приносить общественную пользу в оплату за общественные

средства, затраченные на его обучение. Со своей стороны, общество, считая работу интеллектуала общественно полезной, обязано оплачивать его работу должным образом, чтобы он мог эффективно ее выполнять.

Для моего поколения в Британии стипендии были очень редкими, и конкуренция за их получение была, я считаю, слишком острой. Конечно, даже при самых неблагоприятных условиях, имевшие крайне высокие способности всегда выигрывали и всегда будут побеждать. Однако, если условия очень трудные, все, кроме имеющих высочайшие способности, могут оказаться лишенными шанса реализовать свой потенциал служения обществу.

Икеда: Принимая во внимание то, что в подростковом возрасте не все могут получать желанное образование из-за недостатка денег и времени, я хочу подчеркнуть необходимость создания системы непрерывного образования, в которой все могут учиться по желанию и способностям без отрыва от работы в любом возрасте. Я верю, что создание и распространение подобной системы образования будет способствовать устранению отчужденности между интеллектуалами и массами.

Тойнби: Я согласен, что следует предоставить достаточное время и средства для учебы взрослых без отрыва их от работы и что рабочее время и заработная плата должны быть отрегулированы таким образом, чтобы любой, кто имеет способности и желание, мог совмещать непрерывное обучение без отрыва от работы с зарабатыванием себе на жизнь в течение всей своей трудовой деятельности. Я считаю, что для этого имеются следующие веские основания: непрерывное образование без отрыва от работы – это надежный путь к повышению интеллектуального и морального уровня масс; в настоящее время даже в течение жизни одного человека происходят настолько серьезные изменения условий, что нам необходимо приспосабливаться к этим изменениям; при всех обстоятельствах опыт ответственной взрослой жизни является ценным помощником в учебе; и по этой причине образование в зрелом возрасте может быть более плодотворным, даже если это обучение будет не единственным занятием для взрослого человека.

Икеда: Разрешение этой проблемы дает нам важный ключ к разрешению ряда других вопросов, которые касаются человеческой цивилизации и самого существования человека.

Самое главное в том, чтобы всем нам, и интеллектуалам и массам, занять конструктивную позицию для совершенствования общества, в котором мы

вместе живем, а не быть охвачены взаимным недоверием. Антипатия и споры исключают возможности сближения позиции в дискуссии и потому не способны вносить вклад в улучшение ситуации. История создается не отдельными группами или классами, а всеми людьми сообща. Осознание того, что нет интеллектуалов и нет масс, а есть человек, позволяет нам устранить отчужденность между группами и классами и сплотиться вокруг решения проблемы по созданию лучшего общества.

Тойнби: Несомненно, нам необходимо сегодня признать нашу общую принадлежность к человечеству и жить вместе, как члены единой семьи. Я верю в то, что религия – это именно та область, в которой у интеллектуалов и масс имеется наилучший шанс снова обрести общность.

Участие интеллектуалов и представителей искусства в политике

Икеда: Некоторые люди осуждают интеллектуалов, писателей и художников, которые проявляют активный интерес к общим политическим проблемам. Хотя я не согласен с такой позицией, в ней есть и доля истины, поскольку интеллектуалы и художники, вовлекая себя в политические проблемы, рискуют испачкать свою чистую деятельность в искусстве или науке политическими красками.

Однако, поскольку человек не может жить отдельно от общества, все мы неизбежно так или иначе связаны с политикой. Невозможность жить отшельником – это единая судьба современного человека. Если даже интеллектуалам и художникам удастся замкнуться в башнях из слоновой кости или в изолированных мастерских, я не думаю, что такое уединение полезно для создания подлинно творческой работы или динамичного произведения.

Тойнби: Невозможно стать интеллектуалом или художником без того, чтобы прежде стать человеком, а человек – это общественное животное. Он вовлечен в проблемы человеческой жизни, как в те, которые являются вселенскими и вечными, так и в те, которые являются специфичными для его собственного времени и места. Интеллектуал или художник, который игнорировал бы вселенские и вечные проблемы, выставил бы себя в смешном виде. Если причиной для их игнорирования с его стороны были бы безразличие или слепота, то он утратил бы вдохновение и потому стал бы неспособен вдохновлять. Существовали некоторые исключительно великие мыслители и художники, которые направляли свою энергию на вселенские и вечные проблемы, но не реагировали на проблемы своего времени и

места. Платон не ощущал себя духовно дома в своих родных Афинах; Гёте не участвовал политически и даже эмоционально в столкновении Германии с Наполеоном, хотя Гёте не мог не знать, что это столкновение является поворотным пунктом в истории его страны. С точки зрения другой крайности Маркс и Ленин были настолько страстно озабочены проблемами их собственного времени и места, что Маркс превратил свою философию в программу политических действий, а Ленин осуществил программу Маркса в России, захватив контроль над Российским государством и используя свою власть для совершения революции в России.

Икеда: Такие блестящие философы и писатели, как Сократ, Платон, Руссо, Гёте, Маркс, Ленин и Достоевский, изменили ход человеческой истории своими идеями и произведениями, хотя способы и формы, избранные ими для этого, были различны. Поэтому мне хочется верить, что многие из них все-таки не игнорировали проблемы своего времени, а, имея свое критическое мнение по ним, выдвинули мысли и идеи, необходимые для их преодоления.

То же самое можно сказать относительно ученых и художников. Научные статьи, или лекции, или же литература, или изобразительное искусство, несмотря на то что они, возможно, напрямую и не касаются современных проблем, но они выражают мысли и волю этих ученых и художников. И это, естественно, оказывает определенное влияние на политическую и социальную жизнь общества. А если это произведение окажется великим, то его влияние может быть настолько глубоким, что может изменить ход истории или вызовет крупные политические перемены.

В этом смысле нет ничего плохого в том, что интеллектуалы или художники проявляют интерес к политике или активно занимаются преобразованием условий своего времени. С другой стороны, для них важно воздержаться от слишком глубокого участия в политике, чтобы они сами не поддались искушению власти, что положило бы конец их творческой работе.

Тойнби: Я согласен с тем, что для интеллектуала или художника верным отношением к проблемам его собственного времени и места является некий срединный путь. Он обязан не оставаться полностью глухим к злободневным проблемам, но и не должен вовлекаться целиком в их решение. В качестве примеров художников слова, которые нашли этот срединный путь, я бы выделил русских писателей девятнадцатого века – Тургенева, Достоевского и Толстого. Из философов, нашедших такой путь, я бы отметил Зенона* – основателя школы стоиков и Эпикура. Эти два греческих философа относятся

к тому поколению, для которого города-государства уже не могли создавать удовлетворительные условия в рамках социальной и этической греческой жизни. Греки оказались духовно дезориентированы. Зенон и Эпикур выработали для своих современников-греков новые отношения, создавшие возможность продолжения греческой жизни, после того как греческое традиционное властное учреждение – город-государство – развалилось.

Икеда: Срединный путь, который подразумевает сбалансированное совмещение независимости и сопричастности, – это то, к чему нужно стремиться, но в то же самое время это тонкий вопрос, потому что на практике ему очень трудно следовать. В истории немало случаев, когда интеллектуалы или художники, попытки которых следовать ему закончились неудачей, превратились в слуг власти и принесли в жертву свою свободу и творческий талант. Именно из-за таких неудачных примеров рассматривать политику без учета злоупотреблений власти стало проблематичным.

В свете этих трудностей что бы Вы порекомендовали интеллектуалам и художникам, участвующим в политике?

Тойнби: Мне кажется, что французская поговорка *noblesse oblige* (положение обязывает) дает ценное правило поведения для интеллектуалов и художников, если интерпретировать слово *noblesse* (благородство) не как аристократическое происхождение, а как гуманность, то есть заложенные в человеке моральные обязанности. Сократ, будучи плебеем по происхождению, занимался, как и его аристократический ученик Платон, главным образом универсальными и вечными проблемами, но, в отличие от Платона, Сократ участвовал в политической жизни своего родного города-государства Афины. Хотя Сократ обычно не вмешивался в противоречивые политические проблемы, если считал, что придется принимать непопулярную политическую позицию, он не колебался, когда считал, что такой шаг является частью его гражданского долга. По крайней мере однажды он открыто голосовал в афинском собрании против предложения, которое было очень популярным, но с моральной точки зрения очень ошибочным. Он согласился быть скорее осужденным на смерть, чем заявить, вопреки своим собственным убеждениям и наперекор истине, что его учение несет моральное разложение. Будучи приговорен, он отказался от возможности спастись бегством куда-либо за границу. Избранный Сократом путь – не стремиться к вовлечению в политику, но и не уклоняться от ответственности, – как мне представляется, и есть верный путь для интеллектуала и художника.

Икеда: Не стремиться к вовлечению и не уклоняться от ответственности – это истинно выдающийся пример, поданный Сократом. Но трагичность его смерти – не обязательный пример для всех. Для сравнения с его подходом я приведу другой исторический пример – жизнь Шакьямуни*-Будды. Он родился в царской семье как наследный принц. И поскольку он был юношей очень отзывчивым и сочувствующим, если бы он не пошел по пути аскетической практики для поиска истины и остался во дворце, он мог бы стать добрым царем и проводить политику великого милосердия для своего племени. Однако, когда он увидел, что одними только политическими и экономическими мерами невозможно полностью утолить людские страдания, он отважился совершить великий уход.

Шакьямуни вовсе не был безразличен к политике. Об этом свидетельствует то, что Шакьямуни после просветления обращал в свое учение многих правителей и знатных людей разных городов-государств Древней Индии, не говоря уже о его царских родственниках, в надежде на то, чтобы учение милосердия буддизма легло в основу их политики. Цель его учения была не политика, а человек. И именно поэтому он считал необходимым, чтобы и политика служила человеческому счастью.

Кстати, и при жизни Шакьямуни-Будды, и в дальнейшей истории развития буддизма буддисты неоднократно подвергались политическим репрессиям. Однако характерно, что буддисты никогда не пытались иметь дело с политическими властями, используя их же методы, а всегда относились к ним с более возвышенного уровня. Буддизм не одобряет принесение в жертву своей жизни ради политических или иных убеждений (что не относится к вечным и универсальным категориям). Сам Шакьямуни-Будда со спокойствием и умиротворением встретил свой конец земного пути.

Приведя этот пример, я никоим образом не отрицаю Сократа, который для защиты своих убеждений вступил в прямой конфликт с властями города-государства и предпочел скорее смерть, чем подчинение. И невозможно отрицать то огромное влияние, которое Сократ после своей трагической смерти продолжает оказывать на человечество вплоть до нашего времени. Но по влиянию на будущее Шакьямуни-Будда и без трагической смерти не уступает ни Сократу, ни Иисусу Христу. Меня не восхищает трагическая смерть, потому что в душе людей она вызывает возмущение и ненависть к политике и людям.

Пределы научного интеллекта

Икеда: Наука ограничивает поле своей деятельности, тщательно выбирая себе объекты исследования. Некоторые важные для человека вопросы

исключаются из него в силу того, что однозначный ответ не может быть найден научным способом. На эти вопросы религия предлагает гипотетический ответ в форме веры. И так как человек нуждается в ответе, религия является для человека важной необходимостью.

С другой стороны, научный способ мышления добился блестящего успеха относительно выбранных объектов исследования, выяснив и установив определенные законы природы. Научный способ мышления – это «научное око», которое, бесспорно, отличается от религиозного. Но чем и как именно они отличаются?

«Око науки» есть интеллектуальная способность познания. В своем процессе познания оно использует аналитический способ, затем обобщение и абстрагирование явлений. Аналитический метод осуществляется зачастую с переводом объектов исследований в количественные выражения.

Тойнби: Совершая произвольные абстракции из общего содержания информации от чувственного восприятия, науке удастся получить объективный взгляд на избранное ею поле для обозрения, если мы примем слово *объективный* как явление или идею, которые являются обязательно идентичными для понимания всеми людьми, когда они сравнивают свои мнения об этих явлениях. С другой стороны, если мы обозначим словом *объективный* истинное и точное отражение реальности-в-себе, я думаю, что мы должны прийти к выводу о том, что научная абстракция из явлений, вероятно, все еще дальше от реальности-в-себе, по крайней мере на одну ступень, чем эти явления были до того, как они были обработаны и упрощены наукой. Наука претендует на то, что она объясняет явления, однако она с неменьшей убедительностью может быть обвинена в их искажении.

Икеда: Не может быть, чтобы сам объект по своей природе до обработки научным методом и картина, составленная о нем научным оком из извлеченных и переведенных в количество материалов, были полностью идентичны. Здесь, пожалуй, есть существенные ограничения научного ока в его подходе к реальности.

Тойнби: Наука преднамеренно игнорирует те характеристики явлений, которые не являются общими для всех экземпляров данного вида и по этой причине не могут быть определены в количественных терминах. Ценой количественных характеристик является игнорирование уникальности. Это высокая цена, потому что в действительности уникальность, как и единообразие, является внутренним и существенным свойством явлений.

Каждый образчик так называемых неорганических видов явлений является в определенной мере уникальным. Элемент уникальности сравнительно еще более значителен у живых существ, а у существ, наделенных сознанием, его значение достигает максимума. Поэтому совсем не случайно, что избирательная мыслительная процедура, совершаемая наукой, наиболее успешна тогда, когда она применяется к явлениям неживой природы (в физике и в неорганической химии); она менее успешна в приложении к живым организмам (в органической химии и в биологии); еще менее успешна она в применении к сознательному уровню психики (в эпистемологии*, то есть в теории познания, и в логике).

Только совсем недавно было принято отважное решение – начать исследование подсознательных слоев психики, которыми индийская философия занимается уже около двух с половиной тысячелетий. Пока еще слишком рано предсказывать, преуспее ли наука или потерпит неудачу в этом наиболее молодом и наиболее трудном из своих исследований, но ясно, что это критический момент для испытания способности науки дать нам возможность познания и понимания явлений. Из всех явлений, доступных человеческому сознанию, психические явления на подсознательном уровне являются, вероятно, самыми важными для нас и самыми неуловимыми для науки.

Икеда: Когда научный метод следует обычным путем от анализа к обобщению, некоторые особенности и специфические черты наблюдаемых явлений теряются. Например, факты, которые не могут быть оценены в количественных категориях или не могут быть обобщены, отбрасываются. Если изучаемый объект представляет собой людскую массу, то индивидуальные особенности функции разума и духа и тонкие характеристики эмоций и сознания опускаются.

Тойнби: Наука успешна в той степени, в которой она пренебрегает теми характеристиками явлений, которые крайне важны для людей в любой области, за исключением технологии. Для нетехнологических целей перевод из качественных характеристик в количественные условные выражения – это умственное и эстетическое обеднение. Звуки, которые мы слышим, и цвета, которые мы видим, имеют для нас большее значение и более приятны нам, чем те количественные характеристики, к которым они сводятся науками – акустикой и оптикой.

Икеда: В силу своей ограниченности в способах исследования наука рассматривает все строго с материальной точки зрения. Когда объектом

изучения является живое существо, для которого материальные аспекты еще далеко не все то, что составляет его существование, наука объясняет жизнь на своем абстрагированном и обобщенном языке, не способном выразить уникальность духовных аспектов этого существа. Иными словами, научное мышление неизбежно содержит в себе процесс, который низводит жизнь до простого соединения вещей.

Тойнби: Когда мы говорим, что такой-то человек – пустое место, мы унижаем его. Мы имеем в виду, что он лишен характерных, существенных и ценных качеств человеческой натуры. Тем не менее наука буквально сводит человека к ничтожеству, когда предлагает в цифровых выражениях свой вывод о его духовных качествах и о психосоматическом организме, с которым эти духовные качества связаны. Она сводит его к ничтожеству и другим способом, когда подменяет его личное имя номером на удостоверении личности или на карте, предназначенной для введения в компьютер.

Икеда: Другими словами, если мы хотим, чтобы наука, по своей природе изучающая закономерности явлений, состоялась, то у нас нет другого пути, как отбрасывать индивидуальные факторы и уникальность.

Я признаю, что такой научный образ мышления сыграет определенную роль в усиливающейся тенденции неуважения к жизни и отчужденности от непосредственной реальности человека. Но это потому, что мы еще не поняли, что такие научные методы, в том числе шифровка или кодирование людей, не могут быть использованы для всех целей, что они не универсальны и тем более не самоцель.

Тойнби: Человеком можно манипулировать настолько, насколько он может быть лишен человечности. Вероятно, что это впервые было обнаружено во время войны. Выяснилось, что человек должен быть гипнотизирован муштрой, чтобы убедить его рисковать своей собственной жизнью при попытке убить другого человека, с которым у него нет ссоры. Бюрократизация и компьютеризация – это альтернативные способы сделать человека податливым воле других людей. Манипуляция – это технология независимо от того, применяется ли она к человеку, к неодушевленному живому существу или неживому предмету. Технология облегчается количественными характеристиками, и хотя количественные параметры создают искаженный мысленный образ и эстетически обезличивают объект, к которому они применяются, их полезность с технологической точки зрения превращает их в источник власти как над неживой природой, так и над

людьми. Таким образом, важность науки имеет одну практическую ценность, а именно технологическую манипуляцию.

Хорошо это или плохо, что с помощью применяемых наукой количественных параметров возрастают технологические возможности? Это, по существу, ни хорошо и ни плохо. На этот вопрос следует отвечать особо. Ответ зависит от того, достаточно ли высок моральный уровень человека, обладающего благодаря науке властью, чтобы он имел возможность употребить свою возросшую мощь во благо, а не во зло.

Икеда: Это верно, поскольку сила науки как таковая нейтральна. Польза или вред ее проявляется только в процессе ее применения. Поэтому наряду с тем, что Вы сказали, нам важно в интересах ее полезного использования правильно понять ее достоинства и слабые места, ее возможности и ограничения в процессе познания. Потому что, когда мы принимаем условное за абсолютное, наше обращение к нему не может быть правильным.

Буддизм объясняет, что человек обладает способностью познания мира, которая состоит из пяти типов видения, или пяти видов познания. Это – *око тела*, *око небес*, *око благоразумия*, *око дхармы** и *око будды*. Здесь слово *око* является риторическим выражением. *Око тела* – это то восприятие, которое человек получает через глаза или – шире – через органы чувств. *Око небес* означает чуткость и проницательность в понимании других людей, что необходимо для лидеров. Слово *небеса* при этом подразумевает руководящую позицию. *Око благоразумия* – это интеллектуальная способность абстрагировать явления и находить в них универсальную закономерность. То есть, по буддизму, это око соответствует тому, что сегодня мы называем научным способом. Но буддизм предполагает наличие способности человека достичь более глубокого познания мира и постижения истины, называя их *оком дхармы* и *оком будды*.

Око дхармы открывается в человеке по мере его усилия к духовному очищению и самосовершенствованию. Духовное очищение, по буддизму, означает извлечение милосердия и сострадательной души из глубины нашей жизни. Тем яснее очищенный дух человека, чем отчетливее на нем отображается подлинный образ объектов восприятия. *Око будды* – это предельная мудрость человека, которая проявляется, когда он всем своим существом прочувствует бьющуюся силу жизни во Вселенной, в самом себе и истину сего феноменального мира. Эта мудрость позволяет нам понять верный путь человека к счастью. Смысл такого объяснения буддизма в том, чтобы напомнить и открыть наше духовное око, расположенное в глубине за

сферами нашей интеллектуальной способности и физических органов чувств, предназначенных для восприятия мира. Я верю, что, когда в людях откроются око дхармы и око будды, люди будут способны направлять свое око благоразумия, то есть научный образ мышления и научные знания, на благо человечества. Именно здесь я вижу важную роль буддизма как духовного учения.

Тойнби: Око дхармы и око будды дополняют и корректируют око человека (*чувственное ощущение*), око небес (*психологическое видение*) и око мудрости (*интеллектуальная способность, включая научный способ использования этой способности*). Как и око благоразумия, око дхармы и око будды – это не просто способ видения, они также и способ действия. Сострадание, которое вызывается оком дхармы, представляется мне противоядием против обезчеловечивающего воздействия науки.

4. ЗДОРОВЬЕ И СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ

Профессионалы искусства исцеления

Икеда: Поскольку объектом медицинского обследования и практики является физическое и умственное здоровье, вопрос этики в медицинской науке заслуживает пристального внимания. Медицинская наука на Западе совершила поразительный прогресс. Особенно во вторую половину этого столетия достижения в биологии и биохимии и развитие в хирургии и анестезии дали возможность хирургам проводить операции на сердце, на головном мозге – в областях, которые до недавнего времени считались священными и неприкосновенными. Пересадки внутренних органов и замена органов искусственными заменителями почти вошли в обычную практику. Вскоре, вполне допустимо, наступит возможность такой крайности, как замена личности путем пересадки головного мозга. Прогресс в фармакологии достиг такого уровня, когда овладение возможностью свободно контролировать память, мысли и желания с помощью лекарственных средств уже не является просто фантазией.

По мере того как у медицинской науки возрастает возможность контролировать жизнь, перед ней возникает новая проблема по поводу того, как применять свое умение. Сегодня, если использовать ее во благо, медицина может внести неизмеримый вклад в человеческое счастье. Но использованная во вред, она необратимо разрушит достоинство человеческой жизни.

Сегодня в связи с этим стали серьезно рассматривать проблему утраты у медиков уважения к человеческой жизни и снижение их этических норм. Думаю, что не только сегодня, но и в прежние времена были врачи, у которых уровень медицинской этики не был достаточно высок. Но такие врачи были, как правило, исключением и ни в коем случае не составляли большинство, а вред от таких врачей был не столь значителен, так как медицина того времени еще не обладала такой мощью, как сегодня. В Японии медицину издревле считали «милосердным искусством исцеления», называя ее «врачеванием». И соответственно врачи, обладающие этим искусством и сострадательной душой, пользовались уважением и доверием.

Тойнби: Конечно, медицина должна быть искусством исцеления. Высокое звание врача, хирурга требует от него сделать службу своим собратьям по человечеству своей первостепенной заботой и ставить ее превыше зарабатывания на жизнь себе и своей семье. Конечно, побочная экономическая составляющая свободной профессии не только законна, но и необходима.

Икеда: К большому сожалению, у людей в современном обществе стало намного меньше доверия к личности врача как к практикующему милосердное искусство исцеления. В свою очередь это затрудняет возможность установления доверительных отношений между врачом и пациентом, на которые на самом деле опирается медицина.

Я полагаю, что наблюдаемая деградация этических норм в мире медицины, с одной стороны, связана с личностными качествами каждого врача. Но, с другой стороны, это и есть отражение характера самой современной медицины, выросшей из европейской науки Нового времени. То есть причина кроется в самом цивилизованном обществе, которое в целом пренебрежительно относится к жизни индивидуума. На фоне этого у медиков немало искушений использовать свои знания для собственной выгоды.

Тойнби: Ваше предположение представляется верным. В последние годы в Соединенных Штатах практики медицинской профессии подвергаются критике общественности в связи с тем, что они отныне используют свою профессию не как служение, а прежде всего как предприятие, приносящее им денежные доходы. Специалист терапевт или хирург, первейшей заботой которого является продать свои способности по возможно более высокой цене, которую может предложить рынок, может быть и высококлассным специалистом, но он вряд ли может быть гуманным и сострадательным другом своего пациента.

Может ли врач быть другом своего пациента, то есть вступить в отношения, которые связаны с эмоциональным участием, и в то же самое время быть расчетливым научным специалистом, то есть подчиненным задаче, требующей эмоциональной беспристрастности? Медицинская профессия благотворна, профессия военного вредоносна, но тем не менее эти обе профессии имеют одну общую черту. И врач и солдат должны делать свое дело, находясь в постоянном контакте с физическим и духовным страданием, со страхом смерти, с самой смертью и с горем от тяжелой утраты. Если они не смогут быть эмоционально беспристрастными, они

не смогут эффективно выполнять свою работу. И все же, если врач не сможет быть сострадательным, оставаясь сверх того беспристрастным, он не сможет в полной мере соответствовать на практике своей профессии.

Икеда: Это очень важная точка зрения. Если таких настоящих врачей становится меньше, то этот вопрос требует не только рассмотрения духовности каждого врача, хотя это одна из причин моральной деградации, но еще и пересмотра однобокости направления стремительно развивающейся медицины.

Не стоит повторять, что после Декарта в основе современной медицины лежит научный образ мышления. Научный прогресс, предоставляя эффективные средства для исследования болезней, позволил современной медицине достичь небывалых успехов. Однако такое развитие имеет обратную сторону, при которой выбирается объект исследования, отделяется от остальной части и разрезается «скальпелем» разума. Условная сепарация объекта от остальной части используется не только в медицине, но и при проведении любого научного исследования. Поэтому, например, когда научное око смотрит на природу, природа в отрыве от самого наблюдателя становится объективным существом. Таким же образом, когда человеческая жизнь освещается научным светом, эта жизнь становится объектом исследования, оторванным от духовных связей врача. Естественно, что в ходе этого процесса жизнь человека превращается в некое вещество.

Я хочу процитировать признание одного моего знакомого врача, которое произвело на меня большое впечатление и которое, как мне кажется, свидетельствует о том, каким влияниям подвержена психика врача. Он сказал: «Когда человек долго работает хирургом, то со временем он начинает воспринимать пациентов, лежащих на койках, не как живых людей, а всего лишь как тела».

Это означает, что усовершенствование научного мышления врача подвергает его душу риску усиления материалистического взгляда на человеческую жизнь. В этом, как мне кажется, дилемма, которую не может обходить современная медицина. Современная медицина из-за своей научности молча, но постоянно требует от тех, кто глубоко входит в нее, сохранять хладнокровное отношение к жизни и не поддаваться чувствам колебания перед ее неприкосновенностью. Несмотря на то что медицина нуждается в хладнокровной разумной научной основе, от самого врача требуется не только безупречное знание, но и, может быть, даже в большей степени теплота и человечность его души. Его сочувствие и участие в жизни пациента.

Тойнби: Таким образом, врач должен быть как хладнокровным специалистом, так и сопереживающим, заботливым другом. Возможно ли одновременно быть любящим и безразличным? Сторонники теистических религий ответили бы, что врач обязан выполнять свою работу из любви к Богу и что это даст ему возможность совместить два эмоциональных состояния, которые иначе были бы несовместимы. Средневековые христианские госпитали назывались в честь святых, и римско-католические христианские монахи служили и служат Богу, ухаживая за больными в качестве медсестер. Современная светская профессия медсестер на Западе как в протестантских, так и в католических христианских странах произошла от ухаживания за больными в некоторых католических религиозных орденах. Современная светская форма медсестер и обращение «сестра», которое используется в Британии в отношении медсестер, – это напоминания об историческом происхождении этой профессии. Дохристианская греческая медицинская профессия была посвящена древнегреческому богу врачевания Асклепию*.

Икеда: Очень важно то, чтобы в своей медицинской деятельности врачи руководствовались какими-то возвышенными духовными критериями и, что еще важнее, имели свои религиозные убеждения, которые могли бы послужить им моральной опорой, и всегда следовали бы им. Сегодня в кругу медиков часто высказывается необходимость установления гуманизма для преодоления той дилеммы, с которой столкнулась современная медицина. Несомненно, что на христианском Западе и в Америке основой такого гуманизма являлась вера в Бога. Но сегодня эта основа сильно пошатнулась. Для того чтобы в таких условиях современная медицина окончательно не потеряла моральные устои, она нуждается в новой философской опоре. Такой опорой, по моему глубокому убеждению, могла бы служить буддийская философия жизни. Потому что подлинный гуманизм, необходимый современной медицине, должен базироваться на глубоком и ясном прозрении о сущности жизни и человеческой природы, и благодаря этому базису он способен надежно поддерживать моральные и этические качества медиков.

Тойнби: Вы предположили, что западное христианство ныне находится в упадке и что альтернативное вдохновение для медицинской профессии может быть найдено в буддизме. Я согласен, что вряд ли возможно для любого человека быть духовно и морально достойным врачом, если он не обладает религиозным или философским взглядом и отношением к человеческой жизни и к Вселенной, в которой живет человечество.

Пересадка органов

Икеда: Пересадка сердца – это наиболее впечатляющая, но наиболее спорная из операций по пересадке органов. С того момента, когда в Южной Африке доктор Кристиан Барнард* выполнил первую пересадку сердца в декабре 1967 года, во всем мире начались неистовые споры общественности вокруг этой темы с точки зрения морали, философии и даже с точки зрения религии. В Японии операция по пересадке сердца, выполненная доктором Дзюро Вада в Медицинском институте Саппоро в августе 1968 года, до сих пор остается в центре дискуссии, особенно в связи с вопросом о том, было ли его решение о проведении такой операции оправданным с моральной точки зрения. Различные мнения по этой проблеме были высказаны учеными и медиками на национальном съезде Медицинской ассоциации Японии в 1971 году.

В отличие от пересадки почек пересадка сердца неизбежно связана со смертью донора. Это вызывает опасение в том, что, поскольку необходимо сохранить неповрежденными ткани сердца, целесообразность этого может привести к использованию сердца еще до того, как будут устранены все сомнения по поводу смерти донора. Доктор Вада утверждает, что, принимая решение провести пересадку сердца, он предпочел спасти жизнь одного человека, чем быть вынужденным лицезреть смерть обоих.

Я считаю, что пересадка почек или роговицы глаза заслуживает одобрения при условии, что с медицинской точки зрения необходимость этого достаточно подтверждена. Хотя нынешняя медицинская технология по пересадке почек еще не может обеспечить удовлетворительного уровня успешных результатов, все же допустимо, чтобы медики принимали оптимальное решение по пересадке почек для каждого конкретного больного с учетом состояния этого пациента. Потому что в подобных пересадках не возникает вопрос о констатации смерти донора.

В отличие от них в случае пересадки сердца, печени, а в дальнейшем, возможно, и головного мозга серьезнейшим вопросом становятся критерии констатации смерти донора. Опираясь в своем суждении на мнения ученых-медиков, в этом вопросе я стою на позиции, что при настоящем уровне медицинской науки эти виды пересадки в принципе еще не должны осуществляться. В частности, что касается головного мозга, я категорически против, поскольку его пересадка означала бы замену «мыслящего Я» реципиента на чужое. В случаях пересадки сердца и печени я считаю, что врачи должны воздерживаться от таких операций до тех пор, пока не будут установлены неоспоримые научные основания для определения смерти.

Тойнби: Ваши суждения охватывают три отдельных вопроса, которые я хотел бы отличить друг от друга. Во-первых, желательна или нежелательна в принципе пересадка органов или какого-то отдельного органа? Во-вторых, если мы сочтем, что она желательна в принципе, желательно ли ее применение на практике при современном уровне медицинского знания и технического исполнения? В-третьих, желательно ли ее применение на практике при современном уровне моральных норм и поведения?

Критерием для решения принципиального вопроса является, по моему мнению, убежденность в том, что первостепенное значение следует при- дать сохранению прав человека, из которых наиболее важным, как я считаю, является сохранение человеческого достоинства. Человек имеет право на то, чтобы его не лишали жизни против его воли, и было бы нарушением человеческого достоинства, если бы человека использовали против его воли в качестве средства, даже средства для сохранения другой человеческой жизни.

Но предположим, что человек уже мертв, но его сердце еще живо в том смысле, что если его успешно пересадить, то появится эффективное сердце у живущего человека, чья жизнь таким образом была бы спасена. Предположим снова, что живой человек добровольно приносит в жертву свою жизнь ради спасения другого человека, как, например, Алкестида*, которая, согласно греческому мифу, добровольно сошла в царство мертвых Аида* вместо мужа, или как в повседневной жизни люди иногда теряют жизни, утопая или погибая в огне, пытаясь спасти других. Предположим, наконец, что мозг умершего человека доступен для пересадки и что живой человек, чей мозг поврежден, просит пересадить ему мозг этого умершего, несмотря на то что он понимает, что это может привести к изменению его личности.

Во всех этих трех воображаемых случаях, мне кажется, трансплантация соответствовала бы человеческому достоинству или на самом деле была бы востребована им. Если бы я сам ощутил, что становлюсь дряхлым или схожу с ума, я думаю, что я должен был бы пожелать заменить мой поврежденный мозг неповрежденным, если бы я был уверен, что после этого я могу быть полезным, а не обузой для себя и для моих сограждан.

Ответ на второй вопрос сравнительно прост. Было бы лучше не пред- принимать в настоящее время какую-то пересадку, если медицинская наука все еще не способна принять удовлетворительный критерий для опреде- ления момента наступления смерти при современном уровне медицинского и хирургического знания и мастерства, если медицинская наука все еще не способна предсказать возможные последствия данной пересадки или если

хирургическое мастерство в данной области развито еще недостаточно для того, чтобы обещать нечто большее, чем слабую надежду на успех.

Третий вопрос, возможно, самый трудный из трех. Судя по прошлому опыту, медицинские знания и хирургическое мастерство скорее всего возрастут; вероятность этого дает вполне обоснованную надежду на то, что если какая-то пересадка считается профессионально не оправданной на настоящем этапе, то со временем она может стать профессионально оправданной. Однако опыт не дает оснований для соответствующей надежды на то, что возрастут этические нормы и поведение. Нет никаких доказательств того, что они возросли с тех пор, как наши предки стали людьми.

Икеда: Когда ясно, что сохранение жизни какого-то человека невозможно без пересадки сердца, и когда есть подходящий донор, то, несмотря на вышеприведенные еще не решенные проблемы нынешней медицины, все равно возникают и вопрос и желание применения пересадки для этого конкретного случая. Здесь, мне думается, важно предусмотреть достаточно осмотрительный и осторожный процесс принятия решения. Например, до того как группа врачей, ответственных за трансплантацию, примет окончательное решение, должна быть проведена детальная консультация с участием специализированных врачей других профилей, в том числе иммунолога, нейрохирурга и других, а также философов, юристов и т.д. И в случае, когда в результате досконального обсуждения и консультации принимается смелое решение по пересадке сердца, необходимо строго разделить врачей на тех, кто отвечает за изъятие донорского сердца, и тех врачей, которые ответственны за пересадку его реципиенту. Кроме того, необходимо вменить в обязанность этой группе врачей публично сообщать детали операции и послеоперационного периода.

Тойнби: Если какая-то конкретная пересадка признается законной в принципе и если она осуществима технически, то решение о том, следует или нет попытаться в данном случае ее провести, должно быть принято коллегиально группой врачей. Разные члены этой команды могут обладать разными этическими уровнями и жить, в разной степени соответствуя этим своим нормам. У них также будут разные личные взгляды на данный случай. Реципиент и донор (если он еще жив) будут лично глубоко озабочены, как и их соответствующие родственники и друзья. Хирурги, которым предстоит изъять орган и пересадить его, будут также очень сильно обеспокоены; эксперты-консультанты и представители закона и властей будут относительно беспристрастны. Степень вовлеченности каждого участника может повлиять на его моральное поведение в отношении данного случая.

Икеда: Я твердо считаю, что нам следует руководствоваться основополагающим принципом, что пересадка органов, связанная с неизбежной смертью донора, не должна проводиться на нынешнем уровне знания. Я отрицательно отношусь к пересадке органов в настоящее время, потому что, во-первых, определение смерти еще подлежит уточнению и, во-вторых, потому что все еще нет медицинского способа преодоления реакции отторжения, которые сводят на нет эффективность пересадки органов.

В будущем, когда будет решена проблема отторжения, я считаю, что медицинской науке в качестве приоритетного направления следует развивать область создания искусственных органов вместо того, чтобы в огромной степени полагаться на пересадку органов.

Тойнби: Это частный случай общей проблемы. Рост научного знания и технического мастерства влечет за собой усиление власти. Усиление власти ставит перед людьми вопрос об ответственности делать выбор, которого они ранее не имели. Такое расширение спектра выбора может создать беспрецедентные этические проблемы.

Медицинское обслуживание: наука и общая практика

Икеда: Основное течение современной медицины относится к европейской медицине, опирающейся на образ мышления науки Нового времени. Как подчеркивают ученые в области психосоматической медицины, в результате аналитического подхода и узкой специализации отдельные врачи смотрят сегодня болезни, а не больного человека. Действительность западной медицины сегодня такова, что усердным старанием ей удалось накопить огромные данные и знания о патологиях, но в этом процессе она упускает и забывает заботу о страданиях больного.

Тойнби: К сожалению, за последние три столетия медицинская наука на Западе прошла тот же путь, что и наука в целом. Она приняла аналитическое, избирательное и специализированное направление. Специалист-медик ограничивает себя занятием с каким-то одним органом или с какой-то одной физической болезнью. Специалист не занимается всем больным в целом, чей орган или болезнь он лечит, и считает терапевта, который действительно занимается этим, мастером на все руки, у которого нет никакой специализации.

В Соединенных Штатах современная западная медицинская специализация доведена до крайности. Там терапевт почти полностью исчез. Специалисты сидят в своих кабинетах, расположенных в ряд под одной

крышей, и пациент переходит от одного к другому. Теперь у пациента проблема в том, чтобы определить, с кем из специалистов он должен проконсультироваться в первую очередь. У больного нет терапевта, который поставил бы ему диагноз. Однажды у моей жены была сильная ангина, когда мы прибыли на территорию одного американского колледжа. Жена президента этого колледжа была вынуждена гадать, какого специалиста моей жене было бы лучше посетить.

Икеда: Трудность выбора врача-специалиста становится действительно серьезной проблемой, когда человек имеет дело с болезнью, касающейся вопроса жизни или смерти.

Специалистам-медикам, несомненно, нужно отдать должное. Но проблема в том, что больной человек страдает всем своим существом, а не только патологически пораженной частью. Конечно, патологические изменения в органе или ткани вызывают у человека нездоровое состояние, но невозможно поставить знак равенства между ними и страдающим человеком, так как при этом неизбежно присутствуют многие другие факторы, в том числе и психологические. Более того, если считать подобные патологические изменения единственными составляющими заболевания, то это не соответствовало бы действительности.

Наибольшее беспокойство относительно западной медицинской науки вызывают последствия, которые наступают у конкретного больного из-за чрезмерной заботы о патологически измененных частях тела. Например, иногда врачи так поглощены лечением патологических симптомов и до такой степени игнорируют состояние пациента в целом, что в результате общее состояние больного ухудшается. Так, в исключительных случаях даже при летальном исходе хирургическое вмешательство тем не менее оценивалось врачами как успешное.

Тойнби: Именно по той причине, что подобные случаи могут иметь место, я подчеркиваю особенно большое значение терапевта. Термин «семейный доктор», который часто используется в отношении терапевта, попадает в точку. Терапевт – это не просто человек, знающий свое дело, и даже не просто хорошо знакомый с научной стороной дела. Он – друг и доверенный для всех членов семьи, которую он посещает, и он эффективно использует профессиональные навыки в своей области, потому что применяет их при добром понимании своих пациентов и при гуманном отношении к ним, основанном на взаимном уважении и доверии.

Терапевту не угрожает профессиональный риск специалиста – стать самонадеянным. Он осознает пределы своих собственных общих знаний и мастерства, и когда он считает, что подошел к этим пределам, он приглашает соответствующего специалиста. Конечно, терапевт должен знать, кто этот соответствующий доктор, когда требуется помощь специалиста. В медицине диагноз крайне важен. Первый диагноз ставится врачом-терапевтом; он может быть неполным и даже ошибочным, но это обязательный первый шаг. Услуги терапевта будут необходимы от начала и до конца, потому что, в отличие от специалиста, он лично знает больного и его окружение. До тех пор, пока специалист не будет действовать с учетом тех сведений, которые может сообщить только семейный доктор, он будет слепо применять свое умение и по этой причине, возможно, причинит больше вреда, чем пользы.

Икеда: Досадно, что постепенно и у нас в Японии исчезают такие семейные доктора.

Нужно отметить, что существуют ученые-медики, которые пытаются преодолевать негативные последствия специализированной западной медицины. Например, теория воздействия стрессов на способность справиться с раной или болезнью, выдвинутая Гансом Селье*, и другие психосоматические теории вселяют надежду на эти новые веяния в сегодняшней медицине. Я хотел бы высоко оценить их усилия, направленные на создание гуманной медицинской науки, медицины не ради науки, а ради человека.

Наряду с этим сегодня западной медицине было бы полезно для развития такой науки переосмыслить ценность той медицинской системы, которая в течение тысячелетий создавалась мудростью и опытом народов Востока. Восточная медицина последовательно придает важность комплексной диагностике и представляет собой медицинские знания, систематизированные по принципу комплексного подхода к больным.

В Китае, например, врачи с западным образованием и мастера восточной медицины осуществляют совместное лечение пациентов. В Японии тоже стали переоценивать философию восточной медицины. Хотя это еще не приобрело всеобщего характера, но некоторые врачи стараются дополнить свои медицинские знания еще и восточной медициной.

Подобный интерес к восточной медицине обусловлен двумя причинами. Во-первых, потому, что все более очевидными становятся вредные последствия и побочные эффекты западной медицины. Во-вторых, в восточной

медицине можно найти подход к лечению болезни во всем ее единстве с остальными частями тела и психикой больного. То есть восточная медицина не ограничена восстановлением пораженных отдельных органов, а старается восстановить человека в целом.

В отличие от западной медицины, которая прослеживает физические причины заболевания и использует хирургическое вмешательство и медикаменты для избавления от них, восточная медицина уделяет первоочередное внимание самому больному, а не болезни в отдельности. Она настаивает на тщательном осмотре состояния больного человека для выяснения симптомов, которые следует воспринимать не отдельно, а как группу симптомов, затем анализирует их с точки зрения живого организма в целом, прежде чем начинать лечение отдельных органов.

Плюс к этому симптомы и патологические изменения пациента рассматриваются в контексте отношений организма этого больного с окружающей его средой и вселенским ритмом, а именно с климатическими, географическими и социальными условиями. В древнекитайской философской теории «Инь-Янь и пять элементов» такие отношения между человеком и окружающим его миром систематизированы как отношения микрокосма к макрокосму. Я считаю, что в целом она верна, хотя я вынужден оговориться, так как в истории развития этой теории наблюдается излишнее усложнение и формализм, в результате которого восточная медицина склонилась вместо практичности к умозрительности. Еще одно слабое место восточных медицинских школ – это отсутствие рационального научного мышления, которое является преимуществом европейской медицины. Когда восполнится ее слабое место достижениями европейской медицины, я уверен, она сможет проявить свою эффективность во много раз больше.

Тойнби: Метод восточной медицины, похоже, такой же самый, как и метод древнегреческой медицины пятого века до нашей эры, как излагается в писаниях Гиппократов, его коллег и учеников. Древнегреческая медицина изучала и лечила пациента как психосоматическое духовное целое в его социальном и физическом окружении. Современная западная медицина исторически происходит от древнегреческой медицины, и современные западные врачи-терапевты еще следуют самобытному древнегреческому методу.

Различие между ролями специалиста и врача-терапевта в западных странах, где врач-терапевт еще сохраняется, по моему мнению, совпадает с разницей между восточной и современной западной медициной. Естественно, оба этих подхода взаимно дополняют друг друга, а не

являются взаимоисключающими. Больной нуждается в обоих, но если бы мне пришлось выбирать, я выбрал бы страну, в которой еще были бы врачи-терапевты, и обошелся бы без специалистов. Специалист ценен; врач-терапевт обязательно необходим.

Икеда: Если такая традиционная медицина, которая существует и на Востоке и на Западе, и современная научная медицина смогут взаимно использовать все лучшее, что есть у них, и объединят свои усилия так, чтобы внести свои достоинства в общую копилку медицины, то это может придать новое дыхание процессу эпохального развития медицинской науки. Хочется надеяться, что медицина, которая совмещает высочайшие научные достижения и целостность в подходе к больным, станет поистине гуманной.

Помощь пожилым

Икеда: В так называемых развитых странах неизбежно меняется демографическая пирамида, в которой неуклонно повышается удельный вес пожилых людей по отношению ко всему населению. На фоне этого все большее внимание общества стали привлекать вопросы, связанные с жизнью в преклонном возрасте. Например, весьма актуальным считается увеличение количества домов для престарелых людей или усовершенствование пенсионной системы. Кроме того, для обычных людей, за исключением тех интеллектуалов, которые могут продолжать свою умственную работу и после ухода на пенсию, нелегкой задачей является решение вопроса о том, чем заниматься и как жить в обществе и в семье в пожилом возрасте. В связи с этим сегодня забота о пожилом населении в Японии стала злободневной темой, требующей незамедлительного решения. Является ли она в такой же мере важной в Британии, где уже действует надежная система социального обеспечения?

Тойнби: Да, конечно, она так же важна для Британии, как и для других систем социального обеспечения. Старые люди, в том числе и я, каждую неделю получают национальную пенсию, и имеются дома для старых людей. Но такое место ни в психологическом, ни в духовном отношении не заменяет семью из трех поколений, в которой все: дедушки с бабушками, родители и дети — живут вместе в атмосфере подлинно человеческих отношений. Один из моих однокашников старше меня на год. Когда несколько лет тому назад умерла его жена, его невестка пригласила его жить вместе с ней и ее мужем.

Пока его внуки были маленькими, он обычно отвозил их в школу. Таким практическим способом он принимал участие в жизни семьи, пока внуки

не выросли. Его сын – фермер, у которого есть наемные работники. Сейчас мой друг возит детей этих работников в школу. Он все еще принимает участие в семейной жизни. Очень важно, что его сын – фермер. Он живет в сельской местности, и поэтому в его доме есть комната для его отца, так же как для жены и детей. В городах большинство людей вынуждены жить в очень маленьких домах или маленьких квартирах, в которых нет лишних комнат, кроме как только для родителей и детей.

Икеда: Создание социальной инфраструктуры и системы социального обеспечения для престарелых необходимо, но, как Вы верно отметили, материальное обеспечение – это еще не все, что нужно пожилым людям. Необходимо уделять внимание еще и тому, насколько это способно удовлетворить их духовные потребности. Когда создается социальная система, обеспечивающая жизнь пожилых людей буквально «до могилы», было бы легкомысленным считать, что это и есть лучший подарок старым людям. Когда наличие хорошего дома для престарелых становится удобным поводом для того, чтобы отправить туда своих старых родителей, то это, наоборот, способно скорее разочаровать их.

Самое главное при решении вопросов о пожилom населении состоит в том, чтобы в старости люди смогли бы жить содержательно, с чувством духовной полноты. Если учесть этот момент, то становится ясно, что нельзя создавать такую систему или учреждения для пожилых людей, которые отрезали бы их от реального общества. Потому что человек обретает смысл жизни только тогда, когда он осознает себя членом общества. Для пожилого человека жизненно важно ощущение того, что он не исключен из общества, что он нужен людям и что он должен активно включиться в общественную жизнь и может создавать что-то полезное и ценное.

Тойнби: Проблема того, как спасти людей от психологического страдания из-за ощущения собственной ненужности, та же самая как для тех, кто уволен с работы по возрасту, так и для тех, кто выброшен на улицу в связи автоматизацией промышленности. Негативные последствия урбанизации разрушают традиционную семью из трех поколений, которая включает дедушек и бабушек, и делают физических соседей социально чуждыми.

Я твердо согласен с тем, что социальное обеспечение в его экономическом смысле не компенсирует психологическую незащищенность от ощущения общественной ненужности. Казенный дом для престарелых, как бы хорошо он ни был обеспечен медицинским обслуживанием и обустроен

материальным комфортом и удобствами, с психологической точки зрения является закамуфлированным лагерем для интернированных.

Икеда: К сожалению, это верно. Часто бывает так, что человек, как только он снимает с себя социальную ответственность и свободно вздыхает, начинает быстро стареть. А те, кто продолжает играть активную и ответственную роль в обществе, остаются молодыми. Поэтому не стоит и не следует отнимать у них работу под предлогом «беречь пожилых».

Лучше, если мы создадим такое общество, которое, учитывая особенности престарелого населения, создаст соответствующие рабочие места, благодаря которым люди в преклонном возрасте смогли бы чувствовать себя еще нужными обществу. При этом общество могло бы оценить такие характерные качества людей почтенного возраста, как упорство в выполнении однообразной работы или высокое чувство ответственности. Правда в том, что с возрастом люди неизбежно ослабевают физически, но есть также и много таких, у которых возраст не влияет на умственную и духовную силу. Мы знаем много замечательных случаев, когда такие люди вносят ценный вклад в жизнь общества благодаря своему многолетнему богатому опыту.

Тойнби: Увеличение средней продолжительности эффективной трудовой жизни полезно как для отдельного индивидуума, так и для общества, но это вряд ли отодвигает проблему старения в урбанизированной и автоматизированной цивилизации. Эта проблема, однако, не затрагивает пожилого человека, у которого есть общественно полезное занятие, требующее умственного, а не физического труда, и который сохраняет свои умственные способности и энергию до самой смерти. Я знал по крайней мере трех работников умственного труда, которые прожили более 90 лет, не утратив своих интеллектуальных способностей. В то же время я также знал других людей, которые умерли умственно еще до своей физической смерти. Это ужасная опасность, и она нарастает. Современная медицина достигла сенсационных успехов в продлении физической жизни, но не добилась соответствующего успеха в продлении интеллектуальной жизни. Сегодня чрезвычайно важно решить вопрос о том, должна ли медицина поддерживать жизнь дряхлых людей, используя имеющиеся у нее сегодня средства, или позволить природе избавить больного от его унижительной жизни мертвеца.

Сохранять свои интеллектуальные качества до конца жизни – это счастье для любого человека, и, конечно, прежде всего для работника умственного труда. Однако большинство людей все еще работники физического труда;

я был знаком с фермерами, которые были вынуждены оставить работу в связи с утратой физической дееспособности, имея перед собой мрачную перспективу многих лет бесцельной и бессмысленной жизни.

Икеда: Действительно, трудный вопрос: как организовать все для престарелых людей физического труда, на долю которых приходится большинство населения? В связи с этим я предлагаю создать дома или учреждения для престарелых, в которых предусмотрены мастерские с различными видами физических работ, которые соответствовали бы способностям пожилых людей. Это могло бы стать хорошим подарком для них. Многие, естественно, не могут работать, как они работали в своем юном или зрелом возрасте. Но следует найти и правильно оценить оставшиеся у них способности и, создавая соответствующие учреждения, пригласить их к участию в общественной жизни. Мы должны понять, что самое уважительное отношение к престарелым – это когда общество считает их значимыми для него.

Тойнби: В моем нынешнем возрасте я исключительно удачлив. Моя жена жива; у меня сохранилась самая драгоценная возможность человеческого общения. Мои умственные способности не ослаблены, хотя из-за коронарного тромбоза мои физические силы ослабли. Однако я все еще могу отвечать на вопросы как устно, так и письменно, и я все еще могу писать статьи и книги. Более того, другие люди хотят публиковать мои книги и статьи, и они хотят интервьюировать меня на телевидении или записывая на магнитофон, или задавая вопросы в письменном виде. Чем дольше я живу в этих счастливых условиях, тем больше я горько печалюсь о судьбе тех моих современников, которые погибли в Первой мировой войне в возрасте от двадцати до тридцати лет. Еще более я печалюсь о друге всей моей жизни, который был на три месяца моложе меня, который, к счастью, уже умер, но который до своей смерти постепенно одряхлел, хотя и не настолько, чтобы уже не страдать от осознания того, что с ним происходило.

Икеда: Происшедшее с Вашим другом вызывает огромное сочувствие. И Ваша печаль вызывает у меня боль. Буддизм относит старение к четырем неизбежным человеческим страданиям: страданию рождения, старения, болезни и смерти – и учит человека достойно относиться к ним. Старение – это процесс неизбежный. Но каждый человек должен определить, как жить этот период своей жизни. Сумеет ли человек достойно встретить свой почтенный возраст или нет – это во многом зависит от его внутренней духовной силы и от его взглядов на жизнь. Таким образом, в личном плане вопрос

этот, в конечном счете, глубоко связан с религиозным мировоззрением. А в социальном плане он должен быть рассмотрен не только с точки зрения материального обеспечения, но и с точки зрения психологических аспектов, чтобы система благосостояния стала по-настоящему гуманной. Другими словами, важно обеспечить престарелым людям возможность выбора пути самоопределения в социальной жизни.

***Валовой национальный продукт,
или Общественное благосостояние***

Икеда: В прошлом, после Второй мировой войны, между капитализмом и социализмом во время «холодной войны» происходило много различных споров и конфронтаций. Социалистический лагерь, опираясь на классовую теорию, с критицизмом относился к капиталистической эксплуатации и неравенству. А капиталистический лагерь подчеркивал страх и аморальность насильственных революций в некоторых социалистических странах. Однако в последнее время наблюдается определенное сближение позиций обоих лагерей: капитализм внедряет некоторые социалистические элементы, а социализм – капиталистические. Наглядным примером этому служит Югославия из социалистического лагеря, а Швейцария из капиталистического. Плюс к этому благодаря усилению многополюсного мирового порядка и сближению крупных держав антагонизм между капитализмом и социализмом отступает на задний план, хотя мир по-прежнему разделен на два лагеря. Продолжая частичное исправление и сближение двух экономических систем, человечество пытается найти оптимальный вариант социального строя. И хотя ответа на это до сих пор еще нет, многие взяли курс на создание системы социального благосостояния, на пути к которой тоже встречается немало противоречивых проблем.

На мой взгляд, то, что пропущено в этих двух социальных строях, где капитализм в погоне за прибылью приносит в жертву счастье и благосостояние отдельных людей, а социализм подавляет человеческую свободу ради равенства, – это осознание и признание неприкосновенного достоинства человеческой жизни. Думаю, что даже в случаях срединного пути без этого осознания социальное благосостояние не может стать настоящим.

Я лично считаю правильным, чтобы с учетом специфики нации и положения того или иного общества в конкретный исторический период каждое общество выбирало для себя оптимальную экономическую систему: либо капитализм, либо социализм, или ориентированную на социальное обеспечение плановую или смешанную и т.д. Но всегда выбор должен быть

сделан на основе двух принципов. Во-первых, основополагающее уважение к человеческой жизни и, во-вторых, осознание того, что судьба всех людей на земле едина. Этот гуманный взгляд даст нам возможность снимать разные противоречивые вопросы, присущие той или другой системе, и использовать любую систему во благо человека.

Тойнби: В области человеческих отношений нашей целью и критерием правильности или ошибочности средств, которые мы используем для достижения этой цели, должно стать утверждение человеческого достоинства. Человеческое достоинство требует как свободы, так и равенства. Эти две необходимости не являются взаимоисключающими. Однако капиталисты и социалисты совершили ошибку, считая их взаимоисключающими, потому что видение этих двух идеологий ограничивается только экономическим уровнем. Жизнь и деятельность человека протекает на нескольких различных уровнях, каждый из которых имеет свои собственные требования.

На экономическом уровне обязательно должно быть равенство и воздержание от алчности. На данном уровне нам необходима регламентация, и ради утверждения человеческого достоинства нам придется признать необходимым социалистический способ управления экономической деятельностью человечества. Это справедливая плата за социальную справедливость и за выживание. С другой стороны, на духовном уровне свобода является таким же обязательным условием для человеческого достоинства, как и регламентация на экономическом уровне. Если провести параллель с работой человеческого организма, я мог бы сказать, что регламентация в экономике освобождает человека и позволяет ему действовать свободно на духовном уровне, как в психосоматической жизни автоматическое функционирование сердца и легких освобождает мозг для того, чтобы быть физическим местоположением сознания и воли.

Икеда: Ваше замечание, что и капитализм и социализм являются идеологией, предназначенной для деятельности на экономическом уровне, очень ценно. Современники часто забывают об этом и также о том, что экономика – это только одна из многих других систем, созданных в человеческом обществе. Было бы неверно, если бы современный мир отводил чрезмерно важное значение только одной экономике, поставив все остальные аспекты человеческой деятельности, такие как культура, образование, техника и политика, в зависимость от нее.

Гипертрофическое развитие экономики в глобальном масштабе приводит к распаду разные системы человеческого общества. А дальнейший безусловный рост экономической деятельности обусловит потерю условий, необходимых для существования человечества на Земле. Нам следует срочно изменить настоящий принцип, который всегда отдает приоритет экономике. Следует все усилия направить на создание гуманистического общества, в котором экономика будет являться средством для поддержания культуры и образования. Тогда, я уверен, экономика будет исполнять более благоприятную роль, в качестве основы или смазочного масла, которая необходима для повышения духовного уровня и проявления творческого начала человека.

Также с точки зрения утверждения гуманизма необходимо изучать вопрос об оптимальной экономической теории будущего. Это будет являться основой для необходимой регламентации, контроля и планирования экономики, а также внедрения социалистических методов в капиталистических обществах.

Таким образом, любое мероприятие, в том числе и регламентация, планирование и управление, должно осуществляться во благо человека. Как только такая исходная позиция предастся забвению и мероприятия станут самоцелью, любая система будет заметно окрашена тоталитарными и диктаторскими оттенками, выдавая свою бесчеловечную сторону наружу. Более того, разумное планирование экономики должно проводиться в глобальном масштабе в целях сохранения и эффективного использования природных ресурсов и защиты окружающей природной среды от разрушения и загрязнения. Чтобы выполнять такой грандиозный проект, человечество нуждается в надежной философии и религии, дающей прочную мировоззренческую основу для действия.

Тойнби: Я согласен с Вами. Я надеюсь, что двадцать первый век станет свидетелем установления глобального гуманистического общества, которое будет социалистическим на экономическом уровне и свободомыслящим на духовном уровне. Экономическая свобода для одного человека или сообщества зачастую влечет за собой порабощение для других, но духовная свобода не имеет таких недостатков. Каждый может быть духовно свободен, не посягая на свободу кого-либо другого. В самом деле, широкое распространение духовной свободы означает взаимное обогащение, а не обнищание.

Икеда: Для реализации экономического равенства и духовной свободы, которые непременно желательны в будущем человеческом обществе, нам

еще необходимо преодолеть нелегкие задачи. Это прежде всего связано с природой власти. С одной стороны, для регулирования экономики необходима довольно сильная и централизованная власть. Но, с другой стороны, такая власть чаще всего не любит свободомыслящих людей и склоняется к их отвержению. Тем не менее я верю, что указанное Вами сочетание экономического равенства и духовной свободы является ясной ориентацией на будущее.

Пытаясь усовершенствовать общественный строй, ряд развитых стран в последние годы проводит политику, направленную на достижение социального благосостояния. В частности, считается, что в некоторых странах Западной и Северной Европы, таких как Британия, Западная Германия, Норвегия, Швеция, Дания, а также в Новой Зеландии уже создана необходимая система для полного социального обеспечения. Однако и эти новые попытки не свободны от проблем.

Первая проблема, которая дает о себе знать по мере распространения системы социального обеспечения, — это снижение темпа, или стагнация экономического роста. Британия тут, к сожалению, тоже не исключение. Как быть с таким парадоксальным вопросом, что равное распределение богатств и стабилизация уровня жизни сами по себе влекут за собой снижение мотивации к труду? Другими словами, само достижение идеального государства всеобщего благосостояния неизбежно становится тормозом для роста экономики страны.

Вторая проблема заключается в том, что в результате социальной защищенности человек теряет независимый дух и, не замечая того, постепенно все больше и больше полагается на услуги, предоставляемые государством. Это может оказывать огромное негативное влияние на формирование личности молодежи и дальше может сказаться на росте уровня преступности.

Третья и, по моему мнению, самая серьезная проблема. В материально защищенном обществе люди могут потерять необходимость проявления сильной воли к жизни и здорового духа конкуренции. В таком обществе также в полной мере не будет востребована и созидательная устремленность человека.

Помимо этого, система социального обеспечения будет сталкиваться с различными, в том числе и неожиданными, трудностями в связи с усложнением городских структур, с вопросами окружающей среды и природных ресурсов, ростом населения и так далее.

Перечисляя такие возможные слабые места системы социального обеспечения, я ни в коем случае не собираюсь отрицать эту систему или попытку

создания ее в обществе. Напротив, я один из тех, кто убежден, что Япония должна стать страной с развитой экономической системой национального благосостояния. Но при этом важно, чтобы общество создало систему не только для материального благополучия населения, но вместе с тем уделяло трепетное внимание обеспечению духовного благосостояния. Тогда социальное обеспечение станет целесообразным шагом вперед к идеалам общества будущего человечества.

Тойнби: Я дожил до того времени, когда в Британии частично установилось государство всеобщего благосостояния. Эта социальная революция, к счастью, бескровная, была воспринята доброжелательно прежним привилегированным меньшинством, чьи привилегии сократились с достижением большей степени социальной справедливости. Но в Британии государство всеобщего благосостояния еще не завершено, поскольку экономика все еще главным образом функционирует на основе конкуренции частных предприятий в погоне за прибылью. Объединенные в профсоюзы промышленные рабочие теперь присоединились к капиталистам в проведении этой экономической бешеной погони за богатством. Более того, все еще существует меньшинство, которое находится за чертой бедности и, возможно, большая часть нации, которая ныне зажата экономически между капиталистами и членами профсоюзов. Все так называемые развитые страны движутся в сторону введения государственной системы всеобщего социального обеспечения и во всех них, конечно, так же, как и в большинстве так называемых развивающихся стран, за некоторым исключением, например Бирмы, существует потребность экономического роста с целью подъема материального уровня жизни индивида. Я полагаю, что глобальный подъем материального уровня жизни неосуществим. Во всяком случае, страны и классы в тех странах, которые добились подъема своего материального жизненного уровня, осуществили это за счет эксплуатации своих более слабых собратьев. Даже процветающее меньшинство неспособно увеличивать свое процветание *ad infinitum* (до бесконечности). Невозместимые материальные ресурсы нашей планеты ограничены. Процветающее меньшинство поглощает эти ресурсы с нарастающей скоростью. В то же время увеличиваются также и темпы прироста населения планеты, особенно в беднейших странах и классах. Вполне вероятно, что в недалеком будущем единственной альтернативой глобальной катастрофе окажется всемирная экономическая стабилизация.

Нынешнее общество рассматривает успех и счастье с точки зрения постоянно растущего экономического изобилия. Эта цель не только не

осуществима экономически, но она также неудовлетворительна с духовной точки зрения. Однако она стимулирует некоторую мотивацию и интерес к труду. Напротив, страх перед обнищанием действует как шпоры в обществе, в котором существует конкуренция в экономической деятельности.

Я согласен с тем, что, поскольку государство всеобщего благосостояния обеспечивает экономическую безопасность, оно ослабляет стимул к работе. Если государство будет гарантировать некоторые жизненные потребности – образование для детей, пенсии для старых и бесплатное медицинское обслуживание для всех, – то взрослые станут относиться к зарплате, как ребенок относится к своим карманным деньгам, как к неожиданно свалившемуся счастью, которое может быть потрачено на удовлетворение сиюминутных детских желаний. Тогда люди перестанут относиться к зарплате, как к чему-то, что прежде всего необходимо будет потратить на школу и медицинские расходы, либо как к чему-то, что следует оставить про запас на тот период жизни, когда их заработки прекратятся. Государство всеобщего благосостояния действительно поощряет своих граждан сознавать, что их основные потребности обеспечиваются, даже если они сами выполняют свою работу лениво и неэффективно и даже если вследствие вымогательства более высокой зарплаты за небольшую и плохую работу они в конечном счете сами останутся без работы.

Экономическая безопасность подобного рода приводит к снижению экономической производительности и к несчастью. Если становится возможным заполучить что-то задаром, то появляется соблазн воспользоваться этой возможностью. Поначалу это приятно, в конечном же счете тягостно, поскольку жизнь становится скучной и бессмысленной, когда с исчезновением стимулов притупляется усилие.

Икеда: Что необходимо для преодоления таких негативных последствий? Думаю, что действенным способом для предотвращения таких явлений может быть только укрепление духовного благосостояния. До сих пор государство всеобщего благосостояния интерпретировалось как страна, которая главным образом благодаря социальной политике, политике полной занятости и разумной налоговой политике могла обеспечить население одеждой, питанием и жильем. Все это задачи для укрепления материального благосостояния. То, чего не хватает, – это понимание необходимости и важности духовного благосостояния. Хотя, как говорит крылатое восточное выражение «Одетые и сытые узнают мораль», это тоже факт в пользу

того, что предпосылкой повышения духовного уровня служит стабильность в материальной жизни.

Принимая во внимание, что для счастья человека необходимо как материальное, так и духовное, предлагаю современным людям изменить принципиальное отношение к ним в контексте национального благосостояния. В дальнейшем первой заботой и конечной целью общества должно стать повышение духовного благосостояния населения. В процессе достижения этой первичной задачи и должна осуществляться политика повышения материального благосостояния как часть общей программы. Другими словами, приоритетными областями государственной политики будут те, которые обогащают духовно-культурную жизнь, такие, как искусство, наука, образование, религия и т.д. При этом полная занятость и социальное обеспечение будут рассматриваться необходимыми условиями для достижения высокоразвитого духовно-культурного общества. Такой принцип позволит нам во многом избежать отрицательных сторон материального благосостояния, в том числе проблемы утраты мотивации к труду, или интереса к жизни, или стимула к созидательной деятельности.

Например, пожилым людям важно предоставить достойное жилье и пенсию. Но в то же время вполне вероятно, что больше счастья и радости им принесло бы посещение музеев и возможность мастерить и создавать что-нибудь своими руками или находиться в окружении детей и внуков, ощущая на себе теплоту семейного очага. Не это ли, в самом деле, дает человеку желание жить? Желательно было бы, чтобы государство, сначала обеспечив это, проводило прочие меры для равного распределения богатств, стабилизации жизни народа и продолжительного постепенного роста народного хозяйства.

Наряду с этим я хотел бы подчеркнуть, что развитые страны, которые стремятся к достижению государства всеобщего благосостояния, не должны ограничиваться видением только своих собственных внутренних проблем, но также должны уделять внимание и проблемам так называемых развивающихся стран. Этим развитым странам уже удалось стать экономически богатыми, и на этой базе они теперь, снижая темпы своего развития, взяли направление на создание социального благосостояния. Коль скоро это так, то эти страны не вправе требовать от развивающихся стран такого же сдерживания прироста их экономики, как для себя, а, напротив, должны оказать им активное содействие в том, чтобы сократить разницу между богатыми и бедными странами. Это соответствует тому, что Вы имели в виду, говоря о всемирной международной экономической стабильности.

Тойнби: Если бы всемирная экономика стала стабильной и автоматизированной, то большинство населения, вероятно, стало бы безработным в экономической области. Будет существовать какой-то предельный максимум для стандарта материального уровня жизни каждого, и в государстве всеобщего благосостояния разница между материальными стандартами различных классов и профессий будет относительно маленькой, поскольку каждый будет обладать экономической защищенностью в том смысле, что удовлетворение жизненных потребностей будет гарантировано. При таком режиме у людей нет экономического стимула, поэтому они несчастливы, пока будут продолжать рассматривать счастье прежде всего с точки зрения материального успеха и удовлетворения. Им не удастся вновь обрести счастье до тех пор, пока они не переориентируют свои амбиции. Они должны отречься от экономических амбиций и культивировать духовные стремления. Для того чтобы совершить эту духовную революцию, они должны выработать свой собственный ясный анализ смысла и природы жизни.

Икеда: Совершенно верно. Настоящее благосостояние человека предполагает его духовную революцию. Усовершенствование социальных институтов и технических возможностей создает только условия для счастья, но не само счастье. Эти условия должны наполняться плодами «революции в душе человека», чтобы человек мог жить счастливо. Если переосмыслить историю с этой точки зрения, то невозможно не заметить ошибку, неразумно допущенную современными людьми в экономическом аспекте жизни. Наглядным примером этому служит безоговорочная вера японцев в экономический параметр ВВП (валового национального продукта).

Как известно, послевоенная Япония, расценивая прирост ВВП как абсолютный показатель успеха, поставила перед собой цель – догнать и перегнать развитые страны, такие, как США или страны Европы, по уровню ВВП. Она без стеснения преследовала достижение максимальных прибылей, в результате чего достигла скачкообразных высоких темпов развития своей экономики. Но каковы оказались результаты? Наши люди все еще должны работать в тяжелых трудовых условиях, не учитывающих потребность жить по-человечески. Не видны перспективы улучшения такого положения. А маленькая территория страны страдает от загрязнения окружающей среды. Что касается японских экспортных товаров, то сначала во всем мире люди с восторгом встретили их на своих рынках, но в последнее время, по мере их чрезмерного увеличения, усиливается неприязнь к ним. После всего этого наконец японское правительство, по-видимому, стало думать о

переориентации своей политики в пользу социального благосостояния, хотя люди пока еще с подозрительностью относятся к серьезности деклараций правительства.

ВНП, конечно, важный показатель, по которому можно оценить определенный аспект экономической мощи государства. Однако я убежден в том, что в качестве основного экономического показателя следует применять ВНБ (валовое национальное благосостояние) – показатель уровня положительного воздействия экономической мощи страны на благосостояние населения. И при этом упор должен быть сделан на повышение духовного благосостояния.

Тойнби: Валовой национальный продукт не является даже показателем экономического процветания людей, составляющих нацию. Статистики делят цифру ВНП на количество населения страны и называют результат деления средним доходом на душу населения. Эта точка зрения бессмысленна, и ее количественное выражение заслуживает порицания, так как вводит в заблуждение. Данные о среднем материальном ущербе на душу населения имели бы больше смысла, потому что хотя в такой сфере, как обеспечение жилищем, ущерб от роста ВНП в обществах с системой экономической конкуренции распределяется неравномерно, загрязнение воздуха, почвы, воды и других компонентов природной окружающей среды оказывает вредное воздействие на всех жителей страны. Загрязнение может отравить дитя богатой матери точно так же, как и дитя бедной матери.

В стране, в которой национальный приоритет отдается росту ВНП, экономическая конкуренция между отдельными личностями и классами вероятнее всего является напряженной; поэтому неравенство в распределении ВНП вероятнее всего усугубится. К примеру, в современной Британии, которая отчасти является государством всеобщего благосостояния, у находящегося ниже уровня бедности меньшинства жилищные условия шокирующе плохие. Другими словами, Британия не гарантирует удовлетворения жизненных потребностей всем своим гражданам.

Я согласен с тем, что мы должны иметь своей целью не валовой национальный продукт, а валовое национальное благосостояние. Мои критерии благосостояния могли бы состоять в следующем: степень гармонии и взаимной доброжелательности среди членов общества; среднее духовное благосостояние на душу населения, которое определяет степень гармонии и взаимной доброжелательности; средний уровень самообладания, которое имеет ключевое значение для духовного благосостояния; степень, до которой

общество отказывается от прибыли ради того, чтобы избежать загрязнения как материального, так и духовного. Последний из этих критериев оценивает предел, которого достигло общество в отдании приоритета духовному благосостоянию над материальным богатством.

Профессия – материнство

Икеда: Ребенок, подобно белому полотну, благодаря своей восприимчивости таит в себе безграничные возможности. И труд воспитать его и содействовать его становлению человеком – это величайшая ответственность и одновременно привилегия материнства. Воспитание ребенка непременно требует огромного и продолжительного труда и трепетной заботы. Возможным это становится благодаря бескорыстной любви матери. И действительно, она самое важное для ребенка: он надолго сохраняет в себе ощущения и впечатления, полученные в начале пути своей жизни, когда она была еще ничем не окрашена.

Вопрос относительно материнства, который я хотел бы обсудить с Вами, состоит в следующем. Есть люди, которые утверждают, что для лучшего будущего человеческого общества нужно создать социальную инфраструктуру, которая способна заменить младенцам и детям материнскую заботу. Однако, когда ими подчеркивается, что освобождение матерей от нагрузки, связанной с заботой о детях, якобы есть путь к подлинному освобождению женщин, я испытываю глубокие сомнения.

Тойнби: Я всецело согласен с тем, что в домашней обстановке мать незаменима как воспитательница своих детей в ранние годы их жизни, когда формируется характер и темперамент ребенка. Частично личность ребенка, я полагаю, определяется генами, передаваемыми ему физически родителями путем сексуального соединения, в результате которого зарождается ребенок. Однако характер формируется в ходе взаимодействия между наследственностью человека и его реакцией на окружение, и, похоже, можно согласиться с тем, что, хотя характер может измениться на любом отрезке жизни, решающее развитие происходит в первые пять лет жизни и что в этот период формирования главным фактором в окружении является воспитательное влияние матери, если ребенок растет с матерью в семье.

В Британии во время Второй мировой войны многие дети оказались оторванными от материнского ухода и помещены в казенные учреждения, чтобы можно было мобилизовать женщин на военные работы. Психологи, изучавшие судьбу некоторых из таких детей, ставших взрослыми, приходят

теперь к согласию, что долговременные последствия потрясений в ранние годы жизни носят негативный характер.

Икеда: Будущее нашего общества зависит от нынешних детей. И то, что должно запечатлеться на «белом полотне» младенчества и раннего детства, обязательно должно быть теплым, душевным и человечным.

Сегодня мужчина играет ведущую роль в производстве ряда материальных ценностей, но в том, что касается «производства жизни», то есть взращивания и сопровождения маленького человека до его взросления, мужчина уступает женщине. Это потому, что женщина обладает чуткостью, которая помогает почувствовать деликатные изменения в душе ребенка, и самоотверженной любовью к ребенку.

Ребенок в свою очередь со всей своей непосредственной восприимчивостью получает в наследство от матери, которая обращается к нему с такой самоотверженной любовью, не только то, чему она учит и наставляет, но и понимание сути человеческой культуры через весь ее облик, эмоции и повседневное поведение. Как говорит старая японская пословица, дитя — это зеркальное отображение матери. Я добавил бы, что отраженное однажды в зеркале детской души не сотрется легко, а скорее всего останется на всю его жизнь.

Думаю, что даже самая лучшая образовательная программа, проводимая каким-либо общественным учреждением, не может превзойти весь спектр того, что дает ребенку мать и семья.

Тойнби: Для того чтобы женщины могли передавать знания и любовь детям, одновременно развивая и закрепляя другие их полезные таланты, мы обязаны попытаться создать общество, которое будет не мужским, не женским, а благоприятным для людей обоих полов. Для человека свобода означает право на реализацию своих возможностей, включая те, которые не являются общими для обоих полов, а являются специфичными для каждого пола вследствие его отличительных физиологических и психологических черт.

Икеда: Я полностью поддерживаю Вашу идею о том, что нужно попытаться создать общество, в котором оба пола, и мужчина и женщина, могут свободно реализовать свои таланты.

Социальное равенство между мужчиной и женщиной должно выражаться в предоставлении равных возможностей реализовать себя в обществе и одинакового уровня вознаграждения за одинаковую работу. Нынешнее состояние общества еще далеко и от того и от другого. Поэтому изменению

подлежат именно эти несправедливые положения, а я уверен, не женские привилегии относительно детского воспитания. Освобождение или отрыв женщин от тех занятий, в которых необходимо их непосредственное участие, таких, как домашние дела, воспитание детей или роды, скорее означало бы лишение их важной опоры или базиса и как следствие оскудение общества. Для женщин гораздо лучше сохранить эти привилегии и плюс к этому завоевать равные возможности для самореализации в общественной жизни и равный уровень заработной платы. Такое направление в самом деле больше отвечало бы интересам женщин и было бы приемлемо для большинства людей.

Современные женщины не всю свою жизнь связаны с воспитанием детей. Поэтому активное участие женщин в разных областях общественной жизни наравне с мужчинами должно только приветствоваться, хотя я понимаю, что в каждом конкретном случае могут возникать разные трудности.

Тойнби: Первоочередное решение данной проблемы состоит в том, чтобы реорганизовать разделение труда таким образом, чтобы какие-то работы с неполным рабочим днем были доступны матерям в тот период их жизни, когда они вынашивают и воспитывают детей. Время может быть выиграно для матерей за счет механизации домашних работ. Психологическая проблема является более трудной. Даже если для женщины может быть предоставлено время для выполнения и материнских обязанностей и для другой работы с неполным рабочим днем, для нее может оказаться трудным удовлетворительно поделить свое внимание и заботу. Ее дети, с одной стороны, и ее коллеги по профессии, с другой стороны, могут почувствовать с некоторой обидой, что она не уделяет им должную долю своего внимания и заботы.

Другое решение проблемы появилось с недавним увеличением средней продолжительности трудоспособного возраста в результате достижений медицинской науки. Женщина может теперь получить законченное высшее образование; затем может получить право на занятие какой-то профессией; затем может выйти замуж, родить детей и вырастить их, продолжая работать по своей профессии в той степени, чтобы поддерживать свои навыки и быть на уровне происходящих новшеств; и затем, вероятно, когда ее дети выросли, может работать по своей профессии полный рабочий день. К тому времени она, вероятно, будет все еще в расцвете сил, по крайней мере в обществе, в котором количество детей в семье добровольно ограничивается планированием семьи. Материнство – это такая важная и благодарная способность, что для любой женщины желание стать матерью вполне естественно.

Икеда: С учетом важности детского воспитания материнство должно занимать достойное место в социальном институте и должно быть защищено в экономическом плане. Обществу следует предоставить матерям такие условия, при которых они смогут гордиться своей ролью, а не пытаться освободиться от нее.

Тойнби: У людей появляется стимул хорошо выполнить работу, если им даются вознаграждения и статус, соответствующие этой работе. В экономической системе свободного предпринимательства главный символ статуса – это (возможно, к сожалению) оплата. Поэтому я предлагаю, чтобы матери наравне с другими педагогами-воспитателями обязательно получали заработную плату; чтобы эта заработная плата была высокой и чтобы она выплачивалась непосредственно самим матерям, чтобы они имели свой собственный заработанный доход, независимый от дохода их мужей. Закон о заработной плате матерям потребовал бы большой нагрузки на общий фонд заработной платы общества, и для того чтобы найти для этого деньги, сумма, распределяемая на зарплату мужчинам, должна была бы существенно сократиться. В нашем современном обществе такое перераспределение доходов общества между мужчинами и женщинами в пользу женщин привело бы к повышению социального статуса женщин.

Икеда: Ваше предложение превосходно и обоснованно. Это избавило бы женщин от ощущения того, что они приносят себя в жертву в результате возложенных на них задач по вынашиванию и воспитанию детей. В то же время это ясно показало бы всем членам общества невероятные трудности материнского труда. До сей поры общество, особенно мужская его часть, относится к воспитанию детей не более как к естественной задаче женщины, никогда не задумываясь о возможной необходимости вознаграждения за этот труд. Вследствие этого часть современных женщин стали расценивать материнство как тяжесть, которую они должны нести лишь потому, что они женщины, и считают справедливым требовать освобождения от нее.

Моя позиция по этому вопросу такова, что перед тем, как женщина будет почитаться как мать и как жена, она должна уважаться как независимая личность. В то же время признание женщины независимой личностью ни в коем случае не должно приводить к пренебрежению ее материнской и семейной ролью. Заявление о том, что женщины не желают быть привязанными к своему дому и семье, потому что хотят быть свободными, мне кажется, является неверным толкованием пути к освобождению женщин. Но я сразу же должен добавить, что немало уважаемых женщин, не создавших свою

семью, посвятили и посвящают себя профессиональной жизни, и права этих женщин, безусловно, должны быть защищены.

Тойнби: По моему мнению, освобождение, на которое женщины имеют право, не будет полным до тех пор, пока и если женщины, которые предпочитают воздержаться от замужества, чтобы в течение всей своей трудоспособной жизни заниматься не материнством, а полностью какой-то другой профессией, не смогут получить возможность вести профессиональную деятельность на равных с мужчинами правах. Однако даже если женщина сознательно отказывается от материнства, она может испытывать психологические страдания от того, что не выполняет такую важную женскую функцию, точно так же, как и наоборот, женщина может отчасти почувствовать крушение надежд при выполнении способности к материнству, если у нее есть очень сильное призвание заниматься какой-то другой профессиональной деятельностью.

В целом у меня сложилось мнение, что этот второй вид расстройства психологически менее вреден для женщины, чем страдание, которое она может испытывать из-за отказа от материнства. Я думаю, что самым удачным решением будет всемирная реорганизация трудовой деятельности таким образом, чтобы женщина могла совмещать материнство с занятием в течение другой части трудовой жизни какой-то другой профессиональной деятельностью. Во всяком случае, поскольку и до тех пор, пока она служит обществу как мать, я уверен, что женщина должна иметь высокий статус и большую зарплату, которую заслуживает такая ее ключевая профессия, как материнство. Ее статус должен быть, по меньшей мере, так же высок, как, скажем, профессора, судьи или пилота, и ее зарплата должна быть соответствующего размера.

Для ребенка материнская любовь и забота психологически необходимы. В настоящее время, когда женщины имеют некоторые альтернативы материнству, общество больше не может оставить на усмотрение самой природы обеспечение прироста необходимого количества хороших матерей. Общество обязано поэтому позаботиться об этом приросте, сделав эту профессию, которую физиологически не могут взять на себя мужчины, достаточно привлекательной для женщин. Материнство должно быть как высокопочетным, так и щедро вознаграждаемым.

Размножение до предела

Икеда: Вопрос контроля над рождаемостью затрагивает как отдельную семью, так и глобальную демографическую проблему.

Сегодня мы хорошо осведомлены о том, что для решения вопроса демографического взрыва, который наблюдается главным образом в развивающихся странах, необходимо проводить более эффективный контроль над рождаемостью. Но для воплощения его в жизнь существуют разные препятствия.

Во-первых, моральный аспект этого вопроса. Существует устойчивое мнение, что искусственное вмешательство, имеющее целью ограничить и исключить рождение неприкосновенной жизни человека, аморально и недопустимо. Основным аргументом этой позиции служит понимание того, что дети являются даром Божиим. По этому поводу я как религиозный человек глубоко сознаю высшую, незаменимую ценность человеческой жизни; я глубоко верю, что все действия человека должны основываться на осознании величия жизни. Но в то же самое время я уверен в том, что попытка уменьшения рождаемости путем применения мер по предотвращению зачатия не должна рассматриваться как попрание достоинства жизни. Если такие меры будут способствовать облегчению хронического голода в развивающихся странах, то это практически будет означать более внимательное и заботливое отношение к существующему населению. Во всяком случае, учитывая, что контроль над рождаемостью эффективно влияет на решение демографической проблемы и на выживание человечества на этой планете, мы должны конструктивно изучать этот вопрос.

Тойнби: Недавно развитие науки двояко повлияло на проблему человеческих сексуальных отношений. Наука снизила уровень преждевременной смерти, особенно детской смерти и смерти женщин при рождении ребенка, и увеличила среднюю продолжительность жизни. Это происходит не только в развитых, но также и в развивающихся странах. Помимо этого, наука открыла эффективные и, по-видимому, физически безвредные для женщин средства, которые позволяют им вступать в сексуальные отношения, не подвергая себя естественной предрасположенности стать беременной.

Первое из двух этих достижений науки стало причиной взрыва прироста народонаселения. Уровень смертности может быть быстро и легко сокращен мероприятиями общественного здравоохранения, однако снижение рождаемости требует сознательных действий индивидуумов. В свою очередь это требует не только знания и доступа к новым научным средствам предохранения от беременности, но также и разрыва с традиционным обычаем человечества размножаться до предела. Вследствие этого контроль над рождаемостью с целью компенсировать уже достигнутое снижение уровня смертности

проходит медленнее всего в развивающихся странах. Население этих стран составляет как самую большую, так и самую бедную часть человечества.

Влечение к бесконтрольному размножению, несомненно, заложено в человека самой природой, так же как и во все особи живых существ помимо человека, как инструмент (этот конкретный термин, конечно не следует понимать буквально) для обеспечения выживания рода. В человеке этот природный импульс рационализирован переводом в религиозные запреты. Было принято считать, что мужчина должен обязательно обеспечить после себя мужское потомство для выполнения ритуалов, которые предполагаются необходимыми для благополучия души умершего; или, как это имеет место в иудейских религиях, человек получил завет от Бога: «... плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Глава 1, стих 28 Книги Генезис в еврейской Торе, которую христиане называют Ветхий Завет).

Икеда: Позиции «рожать столько, сколько получится» и «жизнь дорога и нельзя этому препятствовать» следует исправить. Если они останутся неизменными, то это еще более усилит кризис перенаселения и серьезно разрушит уважение к жизни.

Издревле в народе существует традиционное мнение, что наличие детей доказывает мужественность настоящего мужчины и плодovitость женщины. В этой связи необходимо терпеливо просвещать людей о важности контроля над рождаемостью, чтобы люди могли расстаться с подобным наивным суждением. Ссылки на религиозное указание на этот счет может только осложнить решение этого вопроса.

Тойнби: Воображаемые религиозные предписания о бесконтрольном размножении, по моему мнению, являются суевериями, которые в действительности не являются ни истиной, ни морально обязывающими. Несмотря на это, они увеличивают психологические трудности разрыва с древним обычаем в выполнении одного из самых интимных актов жизни. Я сожалею о заявлении папы Павла VI, подтвердившего традиционный христианский запрет на использование любых искусственных способов ограничения рождаемости, за исключением воздержания от сексуального контакта в те периоды в половом цикле жизни женщины, в которых наиболее вероятна беременность. Такое дозволенное исключение противоречит логике, поскольку преднамеренное периодическое воздержание – это как раз то же самое, что и сознательное вмешательство человека в природный процесс с помощью использования противозачаточных средств.

Я утверждаю, что критерием должны быть не предполагаемые религиозные заветы или запреты, а утверждение человеческого достоинства. До тех пор, пока наука о человеке не открывала, как снизить уровень смертности и ограничить рождаемость, человек находился в том же унижительном положении, в каком находятся беззащитные особи нечеловеческих живых существ наподобие кролика. Человеческие сообщества, как и сообщества кроликов, уничтожались хищниками (что касается человека, то со времени зарождения цивилизации человек сам является наиболее пагубным хищником по отношению к человеческой жизни, помимо бактерий и вирусов). Поэтому человеческие сообщества, как и сообщества кроликов, производили максимум потомства, чтобы компенсировать максимальное количество жертв. Для человеческих существ недостойно вести себя подобно кроликам. Кроликам нечего терять, в то время как человеческие существа могут и действительно теряют духовное достоинство. Эта потеря причиняется себе самим человеком, когда прогресс науки сделал это необязательным, так же как и нежелательным.

Икеда: Я согласен с Вашим мнением, что критерием для ограничения рождаемости должно стать утверждение достоинства жизни человека. Я полагаю, что религиозные заветы или запреты, в том числе и те запреты католической церкви, о чем Вы упомянули, изначально, должно быть, были установлены с целью защиты человеческого достоинства. Если это так, то в случае, когда в новых исторических условиях эти устои уже утратили первоначальное значение или даже, наоборот, стали причинять вред достоинству человека, религия должна быть способна изменить или отменить их. Признание новых мер, которые в новой конкретной ситуации лучше могли бы утверждать неприкосновенную ценность жизни человека, больше соответствовало бы подлинному религиозному духу.

Тойнби: Человеческое достоинство требует порождения не максимального количества детей, а оптимального их числа. Оптимальное количество может быть определено как число, которое при определенных технологических и социальных условиях соответствующего времени и места предоставит каждому ребенку, появившемуся на свет, а также и всему обществу оптимальный уровень жизни, исчисляя этот уровень в духовном измерении и считая материальный уровень как средство, направленное к духовной цели, а не как конечную цель.

Мы обязаны не поддаваться религиозным запретам на использование ради человеческого духовного благополучия новой способности, которую

прогресс науки вложил в наши руки. Способность предохранить половой контакт от последующей беременности может быть использована во вред для удовлетворения сексуального аппетита без чувства достоинства или любви. Однако, с другой стороны, она может быть использована с пользой для блага детей, их матерей и общества. Мы обязаны не отказывать себе в использовании этой новой способности для благополучия, хотя, конечно, мы должны предпринять все возможное для того, чтобы убедить молодое поколение воздерживаться от злоупотребления этой же способностью.

Икеда: Для контроля над рождаемостью необходимо не только распространение соответствующих знаний среди населения, но еще и финансирование со стороны государства. Наряду с этим общество должно в достаточной мере предусмотреть меры против определенных социальных проблем, возникающих как побочное следствие контроля над рождаемостью. Одним из таких негативных последствий является усиление гедонического* отношения к сексу по мере распространения техники контроля над беременностью, о чем Вы упомянули. Изменение структуры и размера семей влечет за собой жилищную проблему. Следует также учесть изменение демографической структуры общества, то есть увеличение доли престарелого населения на фоне уменьшения доли молодого поколения и работоспособного населения. Это в свою очередь окажет серьезное влияние на структуру производства. Необходимо будет предпринимать меры по сокращению физического труда. Таким образом, проведение в жизнь политики контроля над рождаемостью предполагает комплексный подход, учитывающий множество разных факторов.

Тойнби: Вы указали на то, что неожиданное снижение рождаемости неизбежно вызовет дисбаланс в соответствующих размерах возрастных групп в обществе. Этот дисбаланс, однако, будет только временным. Между тем временный рост относительной численности пожилых людей будет компенсироваться увеличением средней продолжительности трудоспособного возраста, которое будет происходить благодаря улучшению питания и медицинского обслуживания, как общественного, так и частного.

Икеда: Согласно утверждению некоторых специалистов, для оптимизации населения на Земле необходимо ограничить количество детей двумя в одной семье. Есть ученые, придерживающиеся крайнего мнения, что в будущем нужно применять санкции к супружеским парам, которые рожают более трех детей.

Хотя трудно признать, насколько адекватно применение правового регулирования по таким вопросам, но я понимаю, что в дальнейшем мы должны будем вводить какие-то меры для сдерживания роста рождаемости. Какие меры или методы, по Вашему мнению, являются наиболее осуществимыми?

Тойнби: Сокращение числа детей должно быть по возможности добровольным, но исключительно добровольный отказ от древнего и глубоко укоренившегося обычая размножаться до предела вряд ли приведет к необходимому сокращению. Я ожидаю, что общество, представляемое публичной властью, будет вынуждено принудительно установить обязательный предел количества детей, которые производятся на свет. В прошлом это в порядке вещей относилось целиком к решению самих родителей. Бывали случаи, когда семьи с многими детьми отмечались властями, будь то положительно или хотя бы негативно. Однако до сих пор даже наиболее тоталитарные правительства воздерживаются от принятия прямых действий по увеличению или уменьшению размеров семьи. Однако я ожидаю, что наступит признание – и оно будет на практике в виде решительной политической акции, – что количество детей, производимых на свет, является не частным делом только одних родителей, но также заботой общественности и власти имеют право и обязаны не просто вмешиваться в это дело, но и принимать эффективные меры к тому, чтобы обеспечить последнее слово за собой, а не за родителями.

Икеда: Я тоже подозреваю, что некоторая форма ограничения со стороны общественной власти будет неизбежной. Хотя остается надежда, что люди добровольно предпримут соответствующие шаги и приучат себя к малочисленным семьям, я все же опасаюсь того, что к тому времени, когда эта желаемая ситуация будет достигнута, бедствие от перенаселения уже повсюду нависнет над нами.

Применение контроля над рождаемостью, однако, вызовет ряд разнообразных проблем. Человечество всегда считало, что увеличение народонаселения – это естественный путь, по которому надо следовать. Социальные структуры и бытовая этика строились на этом принципе. И изменение этой большой предпосылки естественно вызовет серьезные последствия.

Одна из проблем, вызываемых сокращением рождаемости, будет связана с воспитанием ребенка. Малочисленность детей может послужить негативным фактором при формировании характера детей. В семьях, где мало детей или один-единственный ребенок, родители склонны быть чрезмерно заботливыми и позволять им все. В результате дети, с одной стороны, будут очень

зависимы от родителей, а с другой – избалованны и неуправляемы. У таких детей будет слабо развито стремление к независимости. В довоенной Японии в средней семье было более пяти детей. Со времени Второй мировой войны мало супружеских пар рожали больше трех детей. И вполне ощутимо отрицательное влияние малочисленности детей в семьях на формирование их личности.

Тойнби: В относительно больших семьях, которые были обычными в прошлом, дети получали воспитание не только от своих родителей, но также и друг от друга. Обучение ладить друг с другом и ухаживать друг за другом являлось одной из наиболее важных составляющих в воспитании общительности подрастающего поколения. Это сердцевина человеческого воспитания, поскольку человек – это общественное животное, которое не может выжить, если его общественный характер недостаточно развит. Семья с полудюжиной детей – это миниатюрное общество и как таковое оказывает не формальный, но сильнодействующий воспитательный социальный эффект. Тот же самый эффект не может иметь место в семьях, ограниченных максимум двумя или тремя детьми.

Икеда: Детское общение имеет значение не столько с точки зрения передачи знаний, сколько для формирования «Я» в среде подобных себе. Пока ребенок окружен взрослыми, он получает их заботу и защиту. Но как только он оказывается в среде детей, он должен учиться устанавливать отношения с равными себе существами. Посредством этого ребенок обучается контролировать свою эгоистичность, мальчику приходится учиться обращаться с девочками, которые физически слабее, чем он.

Такая детская община может формироваться в отдельной большой семье между братьями и сестрами и может образоваться во дворе или среди соседских детей. Но когда детей мало вокруг, и в семье и на улице ребенок, как правило, общается преимущественно с родителями, а не с другими детьми.

Тойнби: Как нам добиться того, чтобы гарантировать существование семей, в которых количество детей не снизится ниже минимального количества, которое отвечало бы интересам самих детей? Мы вынуждены изыскать какой-то способ совмещения заинтересованности детей в общении их в их собственном миниатюрном обществе с общей заинтересованностью человечества в сокращении уровня рождаемости.

Эти два интереса конфликтуют между собой в семье со структурой, которая, к сожалению, стала нормальной в городской части современного общества.

Типичная городская семья сейчас ограничивается одной супружеской парой с их малолетними детьми. Но такая ограниченная семья – это недавний феномен. Это продукт индустриализации и урбанизации разрастающегося меньшинства человечества за последние две сотни лет. Традиционными семьями во всех человеческих обществах были семьи, состоящие из трех поколений: дедушек и бабушек, их сыновей и дочерей вместе с их соответствующими женами и мужьями и всеми детьми этого среднего поколения. В семьях традиционной структуры из трех поколений двоюродные родственники растут под одной крышей, а если ее не хватает, то по соседству со своими двоюродными родственниками. Отношения между двоюродными родственниками такие же близкие, как между родными братьями и сестрами. В семьях из трех поколений будет достаточно детей, чтобы сформировать миниатюрное общество, даже если для каждой супружеской пары – добровольно или обязательно – максимальное число детей было бы ограничено максимумом в два или три ребенка.

Сможет ли традиционная семья из трех поколений сохраниться даже в тех современных обществах, в которых она все еще выживает? И может ли она возродиться в обществах, в которых она недавно была заменена семьей из двух поколений? Решение этой проблемы будет трудным для уже урбанизированного меньшинства человечества. Частичное решение может быть найдено в децентрализации нашего современного гигантского городского населения. Однако эта децентрализация может быть проведена лишь постепенно, и определенное число больших городских скоплений, похоже, останется постоянным явлением человеческой общественной жизни. Поэтому мы должны выработать какой-то метод для того, чтобы семья из трех поколений стала возможной в городских условиях.

5. ЧЕЛОВЕК КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЖИВОТНОЕ

Рабочее движение

Икеда: В рабочем движении, похоже, происходит важное качественное изменение. Если раньше главной целью этого движения являлись экономические требования, то сегодня наряду с этим появились и увеличивают свой вес новые требования, касающиеся улучшения условий труда, которые позволили бы всем лицам проявить свои способности. Кроме того, благодаря повышению социального сознания трудящихся в некоторых случаях трудящиеся ставят целью рабочего движения протест против самой хозяйственной деятельности своего предприятия в случае, например, когда оно является источником загрязнения окружающей среды или вовлечено в производство вооружений.

Также на фоне политизации общественной жизни в целом наблюдается тенденция к тому, что профсоюзы часто становятся организациями, поддерживающими определенные партии. Как следствие этого возрастают политические амбиции их руководителей, и они выставляют свои кандидатуры в качестве кандидатов в депутаты. К сожалению, такие политические амбиции часто создают пропасть между лидерами профсоюзов и рядовыми членами.

Несмотря на эти феноменальные изменения, главную суть рабочего движения по-прежнему составляют отношения между трудящимися и работодателями. Я хотел бы обсудить с Вами вопрос классовых отношений.

Хотя на Западе высоко развито осознание трудящимися существования того, что называют рабочим классом, в Японии оно заявляет о себе реже. Это объясняется тем, что еще со времен феодального периода в японской истории производство создавалось вокруг семьи и по принципу семьи. Даже на больших современных предприятиях рабочие обычно не выступают против управленцев; вместо этого они предпочитают ощущать необходимость сочетания своих усилий с усилиями всех других подразделений организации для общего блага фирмы.

По сравнению с Европой или США у нас в Японии у людей слабо развито классовое сознание. Как Вам хорошо известно, в Японии традиционно

существовало патерналистское отношение внутри предприятия, где эмоциональная и семейная атмосфера объединяла всех работников в одну семью. Это отблеск семейного предпринимательства феодального времени, но он до сих пор присутствует на крупных современных предприятиях Японии. Благодаря этому работодатели и наемные работники не склонны к противостоянию, а, напротив, скорее объединяют свои усилия для процветания предприятия. Я предполагаю, что в условиях свободной конкуренции в либеральной экономике не только управляющие предприятия, но и трудящиеся вынуждены понять серьезность вопроса выживания своего предприятия и то, что от этого в конечном счете зависит и судьба самих трудящихся.

Хотя некоторые социологи считают подход к организации бизнеса по принципу семьи чисто японским явлением, мне представляется, что, по мере того как бизнес повсеместно имеет тенденцию к интернационализации, более тесные отношения между руководством и трудящимися будут становиться все более важными. Например, по мере того как конкуренция между двумя крупными автомобильными компаниями, скажем, между компаниями «Форд» и «Бенц», становится жестче, это может сказаться на том, что рабочие каждой из них станут проявлять больше солидарности с руководством своей компании, чем с рабочими в конкурирующей компании, несмотря на то, что идеология рабочего класса, как считается, не знает национальных границ.

Тойнби: До сих пор в Японии существуют более счастливые отношения между трудом и капиталом, чем в Британии, где патерналистская традиция улетучилась до разразившейся промышленной революции. На первом этапе индустриализации работодатели безжалостно эксплуатировали новый промышленный рабочий класс. Рабочие утешали себя мыслями о том, что частное предпринимательство будет в конце концов заменено социализмом. Они надеялись, что государство возьмет под свой контроль экономическую жизнь страны и затем законодательно установит социальную справедливость. Британские рабочие пытались защитить себя от эксплуатации до той поры, когда социализм станет реальностью, организацией профессиональных союзов. Британия все еще не стала социалистической страной. С другой стороны, профсоюзы стали настолько мощными, что они перешли от оборонительных к наступательным действиям.

Нарастание мощи рабочих произошло частично в результате их собственных действий по более полному объединению в союзы в каждой профессии и частично из-за повышенной уязвимости британского общества от дезорганизации, причиняемой забастовками. Поскольку технологический

прогресс поставил все сообщество во все большую зависимость от таких коммунальных услуг, как газ, электричество, водоснабжение и почта, объединенные в союзы рабочие в этих ключевых отраслях промышленности могут теперь добиваться увеличения зарплаты, нанося вред экономике и даже парализуя ее жизнь. Вследствие этого профсоюзы практически стали пользователями выгод от экономического строя частного предпринимательства с неограниченной конкуренцией, жертвами которого они когда-то были. Объединенные в профсоюзы рабочие теперь выступают даже более сильно против социализма, то есть законодательного ограничения цен и доходов, чем их капиталистические работодатели.

Икеда: Да, это очень важно иметь в виду при попытке анализа рабочего движения в новую эпоху.

Тойнби: Это будет важным соображением в будущем, но оно очень важно даже сейчас. В современной Британии, к несчастью, классовая война разразилась снова, но сейчас появилась новая разделительная линия между вовлеченными в борьбу классами. Теперь, когда промышленное оборудование стало исключительно дорогим, остановки производства продукции, вызываемые забастовками, становятся разорительными для нанимателей промышленного труда. Поэтому работодатели склонны идти на уступки требованиям рабочих об увеличении заработной платы и затем попытаться компенсировать свои потери поднятием потребительских цен на свои товары. Сегодня классовая борьба в Британии ведется между двумя группами: людьми, которые имеют возможность увеличить свои доходы либо за счет получения более высоких зарплат за необходимую работу, либо поднятием потребительских цен за жизненно важные потребности, и людьми, которые не имеют ни одной из таких возможностей. Первый класс включает как нанимателей производственного труда, так и их наемную силу.

Конечно, повышение зарплат и цен носит отчасти иллюзорный характер в денежном смысле, потому что деньги сами по себе обесцениваются, так как увеличение зарплат и цен в денежном выражении отстает от роста производства продукции. Несмотря на это, промышленники и объединенные в профсоюзы рабочие могут для самих себя компенсировать инфляцию постоянным повышением зарплат и цен в денежном выражении, в то время как другие члены сообщества не могут сделать этого и вынуждены обходиться фиксированными доходами, даже если сами деньги потеряют покупательную способность. Таким образом, на самом деле те люди, которые могут получать более высокие зарплаты, и те, которые могут требовать

более высокие цены за свою продукцию, грабят людей, которые не могут делать то же самое.

Я был бы удивлен, если не имели бы место сравнимые процессы в Японии, где наниматели и рабочие сотрудничают друг с другом гораздо более эффективно, чем это происходит в Британии. Другими словами, я был бы удивлен, если в Японии предприниматели и наемный труд не кооперировались бы в ущерб потребителю.

Икеда: К сожалению, Ваше замечание верно. И это становилось значительно заметнее в Японии в последнее десятилетие. Наглядный пример этому – железная дорога. Этот вид транспорта, который абсолютно необходим для повседневной жизни обычных людей, часто парализуется забастовками с требованиями о повышении заработной платы. Вслед за принятием требования о повышении зарплат повышают транспортный тариф для компенсации повышающихся издержек. В результате простым людям каждый год приходится получать двойные удары. Это лишь один пример из многочисленных аналогичных случаев.

Тойнби: Это несправедливо, однако ирония в том, что требования об увеличении зарплаты иногда наносят ущерб самим людям, которые их выдвигают. Частые повышения зарплат и цен делают невозможным для производства поддерживать себя в условиях соревнования с конкурентами. Например, в современной Британии повышение зарплат и цен раздувает ряды безработных и увеличивает количество банкротств. Тем не менее это сокращение доступных рабочих мест не сдерживает рабочих основных отраслей промышленности от извлечения максимальной пользы из своей все еще сильной позиции в переговорах.

Икеда: Такое обстоятельство вокруг рабочего движения заставляет нас еще раз переосмыслить его историческое и социальное значение.

Изначальный стимул и цель этого движения, безусловно, заключались в обеспечении прав трудящихся и улучшении условий труда. По моему мнению, сегодня к ним могут быть добавлены некоторые новые задачи, такие, как обеспечение основных прав всех людей на жизнь, протест против социальных проблем, угрожающих существованию человечества, и тому подобные. Я имею в виду трансформацию целей рабочего движения от удовлетворения человеческой алчности к обеспечению основополагающей безопасности человека. При этом, конечно, рабочее движение должно оставаться в руках трудящихся и преследовать свою изначальную цель, а не превращаться в некое умозрительное, далекое от реальности движение.

Тойнби: Какое-то новое движение очень назрело, потому что если все будет продолжаться так, как это обстоит сейчас, то я опасюсь, что конечный результат не может быть блестящим. Мой вывод состоит в том, что частное предпринимательство в условиях конкурентной экономики приговаривает себя к смерти, поскольку все участвующие стороны не в состоянии ограничить свою алчность. Этический или, возможно, неэтичный постулат идеологии конкурентного экономического предпринимательства выражается в том, что алчность – это добродетель, а не порок. Однако этот постулат противоречит истине, и ложь заслуживает возмездия. Неограниченная алчность саморазрушительна, потому что она самоубийственно близорука. Я считаю, что во всех промышленно развитых странах, где мотивом производства является максимальное извлечение личной прибыли, конкурентная экономическая система станет недееспособной. Когда это произойдет, социализм в конечном счете будет навязан диктаторским режимом. Это вызовет ожесточенное сопротивление как рабочих, так и их работодателей, потому что, хотя и временно, рабочие тоже получали выгоды от системы, которая эксплуатировала их на первых этапах своей истории.

Может показаться, что я марксист в предсказании наступления социализма, но я не марксист в своих этических суждениях. Маркс очернял наемников труда и идеализировал рабочих. Ленин, однако, преодолел иллюзии относительно рабочих и со временем подверг их принудительной. В моем представлении критика Маркса в отношении нанимателей труда его времени применима к рабочим моего времени. Человеческая природа одинакова и у нанимателей и у рабочих.

Икеда: Я согласен с Вами. Отправным пунктом любой реформы должна быть тщательная оценка человеческого фактора. Прошлые попытки социальной реформы хотя и увенчались частичным успехом, но в целом оказались неудачными, нацеленными только на изменение системы и структуры, но без учета психологических особенностей человека.

Тойнби: Человеческая природа алчна, и алчность ведет к катастрофе, если ее не сдерживать. В экономике, как и во всех других областях человеческой деятельности, самообладание – это, я полагаю, единственный способ самосохранения.

Ранее Вы сказали, что мы должны перейти от поиска способов удовлетворения человеческой алчности к достижению фундаментальной защиты человечества. Я согласен с Вами, но я боюсь, что этот переход не будет добровольным. Я боюсь, что его осуществит диктаторский режим. Все

участники процесса промышленного производства смирятся с этим режимом, который они неохотно признают как меньшее зло, чем полная экономическая катастрофа, к которой, похоже, ведет нынешняя система частного предпринимательства. Я надеюсь, что, если диктаторский режим, который я предвижу, сможет исполнить свой революционный мандат, он впоследствии будет заменен более мягким режимом, который будет более демократическим представителем субъектов всемирного государства, которое, я верю, должно быть основано на какого-то рода мировой диктатуре.

Икеда: Вы сказали о своем убеждении, что в экономике, как и в любой другой человеческой деятельности, самообладание – это единственный способ выживания. Я полностью разделяю с Вами эту точку зрения. Но то, что касается Вашего опасения, что качественное изменение рабочего движения и его переход от алчности к поискам путей сосуществования человечества не могут быть обеспечены добровольным образом, а могут произойти посредством внедрения диктаторского режима, мне хотелось бы уточнить это своими комментариями. Насколько я Вас понял, Ваше заявление следует воспринимать скорее как предостережение от объективной вероятности, оцененной взглядом историка, но, конечно, не как указание на фатальность будущего человечества.

Тойнби: Конечно, нет. Я не надеюсь на установление диктатуры. Я боюсь ее. По сути, диктатура – это абсолютное зло. Все же в прошлом диктаторский режим нередко был частью неизбежной цены за великие социальные перемены. Не имеет значения, насколько неохотно, но люди смирялись с диктатурами, потому что они им казались меньшим злом в сравнении с чем-то иным, что они могут обеспечить или вообразить. Короче говоря, гораздо проще установить диктатуру, чем избавить общество от другого рода системы, которая оказалась нежизнеспособной.

Токугава Иэясу* в Японии, Лю Бан* династии Хань в Китае и Август* в Римской империи были диктаторами: все они установили диктаторские режимы, которые существовали длительное время, в то время как аналогичные режимы, созданные их предшественниками Тоётоми Хидэёси*, Цинь Ши Хуан-ди* и Юлием Цезарем*, потерпели фиаско. Почему? Они преуспели, потому что сдерживали свое диктаторство в пределах, которые общественное мнение считало совместимыми с желанием избежать большего зла. В таком случае диктатура была меньшим злом, которое избиралось для того, чтобы предупредить гораздо большее зло социальной и политической анархии.

Люди не обречены на то, чтобы над ними устанавливалась диктатура. Но, когда возникает диктатура, это возмездие за неограниченный эгоизм и антиобщественное поведение. Я боюсь, что стабилизация современного мира, по крайней мере в материальном отношении, невозможна без некоторой степени диктатуры.

Икеда: Я понимаю приведенные Вами аргументы. На самом деле произвольные поступки мощных профсоюзов и гонки за прибылью в сфере экономики наносят удары по жизни большинства людей и делают общество в целом все более хаотичным. Эта ситуация может послужить толчком к повороту общественного мнения в пользу диктаторства. И если руководители профсоюзов и промышленных кругов не исправят свою сегодняшнюю позицию, допускающую принесение простых людей в жертву ради собственных интересов, вероятнее всего усилится настроение людей, предпочитающих наведение нового порядка, пусть и диктаторским путем. У этого сценария, который, как кажется, не оставляет места для альтернативы и выглядит неизбежным, по моему глубокому убеждению, все-таки есть выход, и человечество должно приложить все возможные и невозможные усилия к использованию этого шанса.

Такой шанс я вижу, например, в ранее приведенном мною случае, когда профсоюзы предприятий – источников загрязнения окружающей среды или военной промышленности встали на защиту интересов и благополучия общества в целом и мира. Здесь трудящиеся объединились не с эгоистической целью, что является естественным для человека, а с альтруистической. Движущей силой служила не алчность, а что-то другое, которое родилось в их сознании благодаря определенной духовной работе. В основе их убеждений лежит желание заботиться о счастье других людей, похожее на религиозное сочувствие. Кроме того, само собой разумеется, что трудящиеся имели знания, чтобы оценить возможные негативные последствия вредных отходов от их производств или угрозы их продукции человечеству.

Я верю в возможности рабочего движения и в то, что оно, как показывает этот пример, без создания хаоса в обществе может дать положительный результат, если его руководители и члены профсоюзов будут мужественно стремиться к гармоничному развитию общества в целом, на основе милосердных религиозных убеждений и благоразумных знаний. При этом под словом «мужество» я подразумеваю самосовершенствование и формирование такой личности, которая способна воспринимать горе и страдание других людей как свое собственное. Только милосердная душа может обеспечить гармоничное состояние общества в целом.

Нелегко осуществлять такое духовное совершенствование. Возможно и вероятнее всего для этого понадобится строгая религиозная практика. Но я верю в то, что человек способен совершить внутренний переворот при встрече с настоящей философией жизни и религиозным учением, разъясняющим истинный путь жизни для человека.

Досуг и его использование

Икеда: В развитых индустриальных странах по мере автоматизации производственного процесса и рационализации труда заметно увеличилось число выходных дней. И в нашей стране в правительственных или муниципальных организациях и в крупных компаниях стали внедрять пятидневные рабочие недели с двумя выходными. Поэтому люди стали больше думать о том, как проводить свое свободное время.

Вообще принято считать, что японцы необыкновенно трудолюбивые. Действительно это так в отношении нынешнего поколения среднего и вышесреднего возраста японцев, они не очень хорошо умеют интересно проводить выходные дни. Но наше молодое поколение уже другое: для них более важно уметь искусно отдыхать, и это признак достоинства человека. Соответственно процветает отрасль услуг отдыха для молодежи. Тенденция увеличения свободного времени, вероятно, будет усиливаться в будущем, что соответственно увеличивает значение качества досуга в жизни людей.

При обычных условиях труда ежедневная деятельность каждого предопределяется его служебными обязанностями. Каждый труженик обязан лишь выполнять свое задание точно и эффективно и не более того; он не должен беспокоиться о том, что ему делать. Однако, когда у него появляется свободное время, он должен спланировать свои собственные действия. Это для многих людей окажется неожиданно трудной, порой мучительной задачей.

Тойнби: Досуг расширяет нам спектр для выбора, и поскольку обязанность сделать выбор может оказаться мучительной ответственностью, человеческая природа избегает досуга. По подобной же причине она избегает демократии.

Человек может быть освобожден от ответственности принимать решения, если будет дегуманизирован наподобие того, когда его превращают в нечто вроде винтика в машине. Традиционными рецептами для обезчеловечивания являются политическая диктатура, а также военная дисциплина и муштра. Но со времени промышленной революции эти прежние дегуманизирующие анестетики были дополнены монотонной, по минутам организованной работой на механизированных предприятиях.

Политическая полиция и муштрующий сержант получили подкрепление в виде обезличенной тирании конвейерной ленты. Сегодня технология делает дальнейшие шаги вперед, переходя от научно организованного обслуживания машин к автоматизации. Это обещает – или угрожает – предоставить каждому время досуга, которое до сих пор было привилегией меньшинства.

Икеда: Допустим, что в недалеком будущем всякие виды производства будут переданы машинам, компьютерам и роботам и человек полностью будет освобожден от трудовой жизни. Конечно, даже в этой ситуации остаются определенные виды работ, которые нуждаются в человеческом участии: это прежде всего разработка основных производственных планов и программирование компьютеров в соответствии с этими планами. И пожалуй, эти работы будут выполняться избранными людьми, элитой. Но у большинства людей не будет необходимости работать. В этой новой ситуации самой серьезной проблемой станет вопрос о том, как и на что тратить бесконечные свободные дни. Это ситуация, когда свободное время перестает быть досугом. В таком обществе отдельные категории людей, такие, как писатели, художники и т.д., все еще могут находить радость в творческих занятиях и потому, возможно, не будут страдать от скуки при избытке свободного времени. Но большинство же обыкновенных людей вероятнее всего должны будут растрачивать свое свободное время на бессмысленные развлечения или тому подобные бесполезные занятия.

Учитывая современную тенденцию увеличения свободного времени у людей и то, что человек является творческим существом, которое не может жить без какого-нибудь созидательного и значимого занятия, я полагаю, что ключ к разрешению вопроса, связанного с досугом, лежит в том, как развивать и культивировать творческое отношение к любому делу в жизни.

Тойнби: Необходимо будет развивать как способности, так и сознание важности их использования, потому что люди, которые в прошлом обладали досугом, не всегда использовали его на добрые дела. Например, привилегированное меньшинство иногда находило свой досуг настолько скучным бременем, что оно избавляло себя от него, изобретая искусственные занятия в виде легкомысленных видов спорта или зловещих форм войны. Помимо такого искусственного времяпрепровождения, у этих тунеядцев была только одна задача – сохранение с помощью силы тех привилегий, которыми они обладали, не заслужив их служением обществу.

В противоположность этой группе творческое меньшинство из привилегированного меньшинства считает свободное время счастьем, а не бременем. Это такие люди, у которых, будь даже вся их жизнь досугом, отданным работе, всегда так много дел, что они не в состоянии полностью выполнить свои планы. В прошлом проблема свободного времени была свойственна исключительно праздному привилегированному меньшинству, однако в век автоматизации с ней столкнется большинство.

Если досуг будет в самом деле настолько нежелателен, что вызовет страстное желание избавиться от него и от связанных с ним обязанностей, то в эпоху автоматизации привилегированное меньшинство все еще будет существовать, но это будет меньшинство, которое может быть обеспечено работой, а не досугом. Это меньшинство будет составлять горстку рабочих, занятых в строительстве, обслуживании, а также в программировании компьютеров, которые избавят других людей от обязанности работать.

В эпоху, предшествующую автоматизации, большинство людей вынуждено работать, чтобы зарабатывать себе на жизнь, но их отношение к выполнению своих обязанностей противоречивое. Будучи вынужденными работать, они выражают возмущение по отношению к труду как к бременю, от которого несправедливо избавлено только привилегированное меньшинство. Однако когда те же самые люди оставались без работы, они были возмущены безработицей даже несмотря на то, что потерянная ими работа была монотонной, утомительной и неприятной.

Икеда: Я сочувствую возмущению людей при потере работы, поскольку увольнение заставляет человека почувствовать себя лишним и приносит ему невыносимые боль и страдания. Это в свою очередь, по моему мнению, означает, что, даже когда у человека не будет необходимости зарабатывать себе на жизнь, труд все же остается необходимостью для человека, чтобы он мог жить по-человечески. Потому что человек получает удовлетворение от процесса и результатов своего труда. Созидание чего-либо – это радость для человека. И эта радость одинакова как для кузнеца или фермера, тех, кто может непосредственно увидеть свою продукцию и плоды, так и для рабочих, скажем, крупного производства, которые не могут увидеть конечную продукцию своего труда.

Наша цивилизация развивалась с убежденностью в том, что сокращение рабочего времени и увеличение времени досуга соответствуют большему человеческому счастью. В определенной степени это верно, но есть и предел. Я не могу сказать, что мы достигли этого предела. Тем не менее современникам важно осознать то, что вопрос увеличения досуга, как и

любые другие вопросы, имеет свои положительные и негативные аспекты. Когда количество или соотношение досуга приблизится к критическому состоянию и превысит его предел, негативные аспекты будут давать о себе знать сильнее, чем положительные. Следовательно, если мы своевременно не заметим приближения к такому критическому моменту относительного увеличения времени досуга, можно предположить, что это вызовет определенный протест со стороны людей, потому что потеря места самореализации вызывает у человека сильное смятение духа.

Тойнби: У безработицы, конечно, много недостатков. Наиболее очевидным, но не самым серьезным из страданий, которые причиняет отсутствие работы, является экономическое обнищание. Однако психологическое страдание, вызываемое безработицей, еще более угнетающее. Бывший рабочий, оставшийся без дела, чувствует, что он стал социально лишним. Это унижительно, потому что человек – общественное животное, и социальная ненужность, представляется ему как превращение в несуществующую для общества личность. Еще хуже, оказавшись без работы, быть незанятым. Если безработный рабочий не является одним из тех редких творческих личностей, у которых наготове больше занятий, чем у них есть для этого свободного времени или сил в течение всей жизни, он окажется перед элементарным вопросом человеческого предназначения. Эта проблема немедленно встает перед человеком, когда он теряет работу, дававшую ему средства к существованию, или когда он прекращает заниматься собственным делом в неэкономической сфере независимо от того, является ли это собственное дело незначительным, вредным или творческим.

Вопрос о человеческой судьбе ожидает каждого человека, каким бы бестолковым или бесчувственным он ни был, потому что невозможно быть сознательным существом без того, чтобы испытать возможность осознать, что быть человеком – это нелегкая обязанность и ужасающее таинство. Мало людей проживают свою жизнь без того, чтобы время от времени не столкнуться с этой обязанностью и этим таинством в периоды личного кризиса. Хроническая безработица может оказать тот же самый эффект, что и преходящие кризисы: она неотвратимо сталкивает человека с проблемой человеческого предназначения.

Является ли благом или бедствием вынужденная встреча лицом к лицу с этой проблемой? Многие люди ведут себя так, будто это бедствие. Если они не анестезированы принудительной работой, они изобретают себе ненужную работу, чтобы успокоить себя. Если они выпадают из общества

и тем самым теряют доступ к общественным средствам успокоения, они анестезируют себя физически пьянством или наркотиками.

Икеда: Я думаю, суть этой проблемы состоит в следующем. Независимо от того, как много у человека свободного времени или как много он работает, для него важно утвердить самостоятельную активную жизненную позицию и следовать созидательному образу жизни.

Вопреки современной тенденции считать сокращение рабочего времени всецело как добро, следует помнить, что работа имеет два важных аспекта. Временами она может причинять страдание, но она также и одаривает человечество радостью быть созидательным. Следовательно, ошибочно смотреть только на одну сторону картины и спорить о том, что простое увеличение свободного времени в некотором смысле освободит человечество и обратит печаль в радость.

Я считаю, что мы должны создать всеобщую общественную систему, в которой личность может работать столько, сколько хочет, не по принуждению, а по своей собственной инициативе и в соответствии со своими способностями и склонностями. Эта система также должна дать возможность эффективного использования свободного времени.

Тойнби: То, что Вы говорите, верно, но позвольте мне кратко вернуться к вопросу использования свободного времени, чтобы разрешить проблему человеческого предназначения. Есть люди, которые считают благословением досуг, использованный подобным образом. Что касается проблемы человеческого предназначения, то это иное название для религии и философии. Среди творческого меньшинства внутри привилегированного меньшинства, чья привилегия состояла в том самом свободном времени, всегда находились люди, которые посвящали свои творческие качества религии и философии вместо искусства, науки или технологий.

Если некоторые люди способны найти способ самовыражения в свободное время в течение всей своей жизни, посвящая его изучению основных духовных проблем человека, то разве не в этом состоит потенциальная форма самовыражения для всех людей? Это должно быть так; если это верно, а это несомненно так и есть, то вопрос о человеческом предназначении ожидает каждое человеческое существо, которое пробуждается к сознательной жизни.

Поскольку человек – общественное животное, религия имеет как общественный, так и личностный аспект. Отшельники – индуистские, буддийские и христианские – чувствовали, что, отвечая потребностям своей

собственной духовной жизни, они выполняют общественную функцию. Их служение обществу признается и уважается их собратьями по человеческому обществу.

Религия, по-видимому, является наиболее многообещающей областью, в которой следует искать решение проблем, создаваемых автоматизацией. Религия представляет собой персональную и общественную деятельность. Как бы мы ни старались ее избежать, религия в тот или иной момент встанет перед нами в течение нашей жизни. Даже если бы было возможно навсегда вообще избежать религии, то ценой этого было бы не что иное, как утрата нашей человечности.

Моральный критерий в общественной организации

Икеда: Одним из вопросов, о котором мы в высшей степени осведомлены в дискуссиях о современной культуре, является проблема организаций. Наряду с технологией и коммуникациями организации представляют собой несущую конструкцию современной цивилизации, и трудно переоценить их пользу для общественной жизни человека. Но в то же самое время, и это тоже факт, организации могут стать серьезной угрозой для индивидуума. Иначе говоря, организация как таковая, к которой, кстати, относится и само современное общество в целом, тоже образуется и функционирует, отражая в себе волю людей. Но механизм, созданный для ее функционирования, может работать иногда крайне негативно по отношению к отдельным индивидам или к большинству соприкасающихся с ней людей. Автономная механическая деятельность организации, уже не учитывающей индивидуальные особенности своих членов, стала все чаще и все значительнее подавлять их человечность и тем самым искажать их личность. В этом мне видится одна из трагедий нашего времени.

Тойнби: Да, организации иногда приносят результаты, которые прямо противоречат идеям своих основателей. Создается впечатление, будто они обретают свои собственные желания и будто они устанавливают себе собственные цели, которые отличаются от целей их участников. На самом деле, я полагаю, организации не становятся автономными действующими лицами, но люди, которые управляют ими, в первую очередь озабочены тем, чтобы гарантировать устойчивое существование организаций, за которые они несут ответственность. Эти же люди ставят во вторую очередь достижение неотложной узкой цели, ради которой создавалась их организация, не принимая во внимание более широкое воздействие и конечные последствия.

Икеда: Наглядным примером того, что Вы отметили, служит загрязнение окружающей среды, наблюдаемое сегодня в высокоиндустриализованных обществах.

Существует множество причин загрязнения окружающей среды, но основной из них является непонимание отношений между человеком и природой. Это непонимание привело к развитию ценностных принципов, основанных на идее, позволяющей человеку покорить природу, вместо того чтобы осознать свое место как части Вселенной.

Однако здесь я хочу обратить особое внимание на то, что те принципы и идеи, в результате которых пострадала окружающая среда и которые ныне критикуются, когда-то на определенном этапе истории были одобрены и активно поддержаны людьми. Если это так, то изначально такие идеи и основанные на них действия не рождались под влиянием каких-то негуманных импульсов. Напротив, я допускаю, что в большинстве случаев они вырастали из самых лучших человеческих побуждений отдельных людей.

Но по мере того как они аккумулировались и становились частью социального механизма, добрые в основном человеческие намерения превращались в недостатки организаций и социальное зло, которые искажали, а иногда совершенно извращали первоначальные цели.

Допустим, например, исследователь разрабатывает новый медицинский препарат с верой, что он принесет колоссальное благо людям. Однако позже, уже на стадии его коммерческого производства, выясняется, что он производит опасный побочный эффект. В этом случае для компании, ставшей крупным производителем, весьма трудно вопреки изначальной гуманной вере принять решение приостановить изготовление этого лекарства, так как это является вопросом жизни и смерти целой компании-организации.

Тойнби: Иногда в целом полезные организации создают безвыходные ситуации для себя и для своих членов. Например, руководитель профсоюза может настолько успешно добиться повышения зарплат для членов своего союза, что в конечном итоге производство, обеспечивающее их работой, становится банкротом, таким образом надолго лишая работы всех членов этого профсоюза. Высокие зарплаты, завоеванные профсоюзом, перестают выплачиваться, и его члены вынуждены получать пособия по безработице от государства. Такой результат противоположен тому, что желали и руководитель, и члены профсоюза, и правительство. Это следствие недальновидных действий организации.

Икеда: Это верно. Опасность эту дальновидные мыслители предвидели и предупреждали о ней начиная с середины девятнадцатого века, когда проблема организации была еще не столь очевидной, как сейчас. Однако до сих пор не ясен путь к решению этой проблемы.

Ирония в том, что даже марксизм и социализм, которые пытались спасти трудящиеся классы, то есть жертвы капиталистического общества, неизбежно обретали болезненные черты, когда их идеи воплощались в общественных системах.

Таким образом, разные попытки снять противоречия, возникающие в отношениях между человеком и обществом или организацией, до сих пор остаются безуспешными. Это принесло разочарование людям, создав впечатление, что эта задача останется неразрешимой. Из-за этого сегодня некоторые отвергают всякую форму организаций или коллективов, склоняясь к нигилизму и анархизму.

Тойнби: Я думаю, что анархизм и нигилизм – это первые реакции на ошибки организации. Например, разъяренные молодые люди и нынешние хиппи устраивают демонстрации против провалов экономической системы конкурирующих частных предприятий, ориентированных на извлечение максимальной прибыли. Гневная реакция против системы ускоряет коллапс организации, против которой они направляют свой протест. Следующей реакцией, вероятно, станет жесткий диктаторский режим.

Икеда: Я тоже очень боюсь, что может возникнуть диктаторский режим. И все же я надеюсь, что человечество, перестроив современное общество, найдет верный путь, чтобы избежать этого. Принимаются различные меры, с помощью которых пытаются справиться с противоречиями, присущими современным организациям. В одних организациях принимаются активные действия по проведению внутренней, в том числе структурной, реформы, в других реализуются тезисы для качественного их изменения, считая, что организация должна носить характер некоего сообщества, основанного на личной инициативе, в котором индивиды не находятся в зависимости от организации, а являются ее добровольными участниками. Я считаю, что все эти попытки ни в коем случае не должны ограничиваться техническим реформированием организации. Ключ к снятию противоречий в вопросе организации, кажется, не в технике. Одни только реформы социальной системы и организационной структуры не могут обеспечить подлинное решение этого вопроса. Важно начать с переосмысления ценностной системы – той основы, на которой базируются мысли и действия

современных людей, по существу, с пересмотра нашего образа жизни в целом. То есть от нас требуются проверка образа жизни современников и уточнение того, что на самом деле важно и ценно в нашей жизни. Я считаю, что именно такое уточнение ценностей должно послужить отправной точкой, опираясь на которую мы сможем оценить адекватность той или другой формы организации.

Выражаясь кратко, после того как сначала будет установлен универсальный критерий ценностей, мы должны попытаться определить оптимальные организации и системы, которые внесут свой вклад в реализацию этих ценностей. То есть моя идея о пути, по которому следует перестроить современную цивилизацию, состоит в том, чтобы сформулировать философию нашего времени – в философию я включаю и религию – и совершить революцию в человеческом сознании, основанную на этой философии. Только духовный рост людей создаст условия для успеха в обновлении организаций и общества.

Тойнби: Я согласен, что слабость современного общества может быть излечена только духовной революцией в сердцах и умах человеческих существ. Социальные расстройства нельзя исправить организационными изменениями; все попытки таких рецептов поверхностны. Они либо отрицают всю организацию, либо просто заменяют один тип организации другим. Единственными эффективными средствами являются духовные. Каждая общественная организация или учреждение создаются на какой-то философии или религии, и организация всего лишь так же хороша или так же плоха, каков духовный базис, на котором она создана.

Я согласен, что человечеству необходим новый духовный базис. Если и когда будет найден базис для излечения нашей современной социальной болезни, тогда только и может быть построена новая и более удовлетворительная форма общества на этом новом и лучшем духовном основании. Если этот базис не будет найден, то я не вижу никакой возможности для излечения.

Икеда: Новый духовный базис необходим, и именно тот, который благодаря своей универсальности охватывает разнообразие существующих ценностей. Человеческие ценности не должны быть узкими, они никогда не должны быть ориентированы на удовлетворение эгоистических интересов и потребностей лишь отдельных людей, групп, наций, государств или идеологий. Они должны быть универсальными. Как свидетельствует история, ограниченность системы ценностей вносит противоречия и иррациональность в общество, которые зачастую влекут за собой трагические последствия.

По мере того как двадцатый век подходит к концу, наши ценности должны стать широкими и глубокими.

Вопрос о том, какой образ жизни обязаны вести человеческие существа, не может быть решен в рамках общепринятых общественных банальностей и просто обыденного здравого смысла. Это справедливо, потому что сам человек не ограничен единственным обществом в единственной стране, а является частью цепи, соединяющей человечество, то есть естественным явлением всей Земли и космоса. Так сказать, человек – это часть, и только всего лишь часть Вселенной.

Вообще говоря, до сих пор огромное внимание уделялось социальным аспектам человека, то есть только одной грани этого существа. Однако к существованию космической силы жизни, которая является изначальным источником всего человечества, часто относились с легкостью. Недостаток внимания к этому вопросу еще более заслуживает сожаления, потому что вопрос о жизненной силе имеет важное отношение к основополагающему равенству всех живых существ.

Когда человек будет признан частью жизненной силы, лежащей в основе всего сущего, немедленно станет ясно, что дискриминация, направленная против соседей, других рас, других биологических существ, природы или любого другого объекта во всей Вселенной, ошибочна, поскольку в понятиях космической жизненной силы все существующие объекты равноправны и взаимосвязаны. Природа человека как части жизненной силы – это универсальное явление, превосходящее общества, нации и расы. С другой стороны, человек как просто социальное существо меняется в зависимости от исторической эпохи, страны и расы. Чтобы человеческие существа вели жизнь, достойную их человечности, они должны вернуться к признанию своей природы как части вселенской жизненной силы и должны положить это в основу всех своих действий. Как только они воспримут такое отношение, они будут способны понимать ценности, что так действительно необходимо сегодня. Это понимание ценностей и придаст первостепенный приоритет самой жизни и потребует уделить главное внимание решению вопросов, связанных с жизнью, поскольку они определяют ответы на все другие вопросы.

Лояльность организациям

Икеда: В современном обществе практически каждый человек одновременно состоит в нескольких организациях: на предприятии, в местном обществе, в кооперативе, любительском кружке и т.д. Эти организации в

свою очередь являются членами более крупных организационных единиц: предприятие входит в национальный или международный союз, государство – в региональный договор о коллективной обороне и в ООН. В различных организациях индивид пользуется различными правами, но в то же время на него возлагаются обязательства перед ними, ограничивающие его поведение. Я думаю, что такая множественная принадлежность к организациям является важным моментом, который должен быть учтен при рассмотрении вопроса о свободе современного человека.

Тойнби: Широкое распространение плюрализма принадлежности к организациям, которое характеризует нашу эпоху, было инициировано духовной и политической революцией, которая произошла в западных странах в конце семнадцатого века. Одной из ее характерных черт является так называемое сокращение расстояний, ставшее следствием технологического развития. В свою очередь это означает, что некоторые из наиболее важных и привлекательных организаций, среди которых распределяется лояльность к ним человечества, уже больше не являются такими же географически компактными и локализованными, как нации и государства.

Икеда: Да, сегодня организации, которые являются важными как с личной, так и с общепринятой точки зрения, созданы скорее в соответствии с их назначением, а не по географической близости. Эти организации становятся все более сложными. Часто в качестве средства контроля членства в организациях используется сложная научная технология. При таких обстоятельствах защита независимости, свободы и достоинства отдельной личности становится все более трудной и более насущной проблемой. В прошлом человечество все больше сталкивалось с проблемами, связанными с природными явлениями, а сегодня межличностные отношения и взаимоотношения человека и организации стали одними из наиболее серьезных проблем современности.

В прошлом в человеческом обществе не существовало независимых организаций. Оставаясь монолитной, политическая власть в обществе представляла и экономическую и духовную власть. Глава этой власти монополизировал полномочия всех аспектов жизни этого общества. Такая форма организации человеческого общества, я полагаю, была необходимостью для тех времен, когда люди вынуждены были вместе бороться с природой для выживания. Однако она, разумеется, уже не является желательной формой для современников.

Тойнби: Я думаю, что наиболее деспотическими и поэтому наиболее нежелательными объединениями были организации монолитного типа, которые требовали исключительной лояльности от состоящих в них людей. Классическими примерами являются государства, в которых правительства используют политическую власть либо для того, чтобы навязать каждому своему подданному официально принятую религию, либо, если это не удастся, для наказания тех своих подданных, которые исповедуют другие религии. Этот тип организованной тирании был менее характерен для Восточной Азии и Индии, чем для западной части Старого Света со времени распространения там религий иудаистского толка. В христианских государствах с четвертого по семнадцатый век и в мусульманских до более недавнего времени официально установленная религия получала монопольное либо по меньшей мере привилегированное положение. Коммунизм в современных коммунистических государствах пользуется аналогичным привилегированным положением. Это неудивительно, поскольку коммунизм возник из христианства и по сути является атеистической христианской ересью.

В отличие от монистических режимов, которые превалировали в христианских и мусульманских странах, весь некоммунистический мир сегодня является плюралистическим. Плюрализм институтов всегда имел широкое распространение в Индии и в Восточной Азии.

Икеда: Возможно, это имеет отношение к тому, каким богам поклоняются разные народы. Религии иудаистского толка веруют в абсолютного бога, который всеведущ и всемогущ. Под властью этого единственного бога все виды деятельности в сочетании сплавиваются в единую культуру. Напротив, азиатские народы всегда мыслили в терминах политеистических пантеонов божеств, в которых каждый бог ведает определенным аспектом человеческой деятельности. Например, у фермеров есть бог земледелия, а у рыбаков – божество рыболовства.

Тойнби: Конечно, в Индии и других азиатских странах всегда существовал плюрализм религий и философий. Пример Китая хотя и несколько отличается, но тем не менее иллюстрирует Вашу точку зрения. Известно, что официальной философией Китайской империи, принятой во время правления Хань У-ди*, со 136 года до нашей эры и до 1905 года было конфуцианство. Однако это не помешало ни сохранению даосизма, ни распространению буддизма. Более того, преследования конфуцианцами буддизма в девятом веке были менее продолжительными и более мягкими, чем преследования иных

религий христианами и мусульманами или коммунистическими государствами.

Икеда: Одна из тенденций современного общества, общая как для Запада, так и для Востока, – это исчезновение патриархальности в отношениях между человеком и организацией. В прошлом патриархальной главе часто дано было право наказывать или помиловать членов его семьи-организации. Например, староста общины наподобие сегодняшнего муниципалитета мог требовать от жителей полного повиновения. В некоторых случаях только за то, что они поступали против его воли или вызывали его неудовольствие, он мог лишать их жизни. Подобная концентрация власти в одном лице, безусловно, крайне несправедлива.

Современный человек, особенно в развитых либеральных странах, пользуется большей свободой, чем когда-либо раньше в истории, освобождающей его от физического и прямого принуждения. Его основные человеческие права гарантируются. Единственная организация, которая может ограничивать или отменять эти права, – это государство. Однако даже в таком случае все действия должны предприниматься в соответствии с законами, установленными, даже если и не прямым образом, по воле народа. Приверженность к такой свободе – это одно из величайших достижений человечества.

Тойнби: Сегодня семья и большинство других организаций очень сильно отличаются от тех, которые были в прошлом, по одной важной причине. Нынешние основные организации – это диаспоры, чьи представители не составляют большинства в какой-либо местности, потому что разбросаны по всему земному шару.

До изобретения современных средств коммуникации диаспоры не были обычным явлением. Во-первых, географические расстояния затрудняли поддержание контактов между членами группы, если они не были сконцентрированы в одном месте. Вследствие этого локализованные организации считались нормальными в предшествовавшую механизацию эпоху, особенно в западной части Старого Света после его обращения в христианство и ислам. Географические границы, установленные для организации, возбуждали значительную нетерпимость среди ее участников. Нетерпимость христианского и мусульманского типа распространилась теперь на страны за пределами Запада, правительства которых приняли коммунизм.

Икеда: Правильно ли я Вас понял, что географические границы, в рамках которых во времена до механизации существовали старые организации патриархального типа, остаются и в наше время в форме государства?

Тойнби: Возможно, но во многих отношениях диаспора сегодня имеет более важное значение. Я сказал, что в эпоху, предшествовавшую изобретению современных средств коммуникации, диаспоры не были обычным явлением, но ни в коем случае нельзя считать, что их вообще не существовало. Классическим примером диаспоры предмеханизированной эры является еврейская. Еврейская диаспора и ныне существует бок о бок с другими более поздними диаспорами, которые, как и еврейская, объединены религиозными узами. Парсы (последователи зороастризма) в Индии представляют аналогичный случай. Но в нынешние времена возникло много нерелигиозных диаспор по всему миру. Примеры диаспор такого типа включают физиков, врачей и студентов всего мира. Для многих людей сегодня участие в диаспоре является более важным общественным фактом жизни, чем участие в локальной организации. Например, быть врачом может считаться, с точки зрения врача, более значимым, чем быть просто гражданином какого-то определенного государства.

Современная возможность участвовать одновременно во многих разных организациях утверждает свободу личности. Лояльность к диаспорам мирового масштаба, которая вступает в конфликт с лояльностью локальным организациям, с одной стороны, способствует обеспечению свободы личности и, с другой стороны, является важным этапом на пути к социальной консолидации человечества в глобальном масштабе.

Икеда: Могло бы показаться, что участие в диаспорах всемирного масштаба вместо того, чтобы остаться закрепленным за географически замкнутыми организациями, расширило бы свободу индивидуальной личности. Однако в самом деле увеличивается или расширяется индивидуальная свобода личности в современных организациях обрисованного Вами типа?

В результате принадлежности одновременно ко многим разным организациям человек может быть поставлен в затруднительную ситуацию. Поскольку каждая организация требует от ее участников соблюдения ее устава и выполнения различных обязательств, человек, выполняя свой долг перед одной организацией, может нарушить устав другой организации, членом которой он тоже состоит. Конечно, в отличие от деспотических устоев прошлого времени, в которых в качестве принуждения применяли физическую силу, сегодня человек подвергается лишь косвенному и психологическому давлению со стороны разных организаций до тех пор, пока он не нарушает государственные законы.

Возможно, различные косвенные влияния и психологическое давление не так ощутимы для людей и могут остаться неосознанными, но в итоге

это может оказаться для человека даже более тяжелым, чем физическое наказание. Действительно, стрессы, возникающие от подобного рода давления, часто приводят к психическим расстройствам. Нельзя не учитывать этот негативный аспект одновременной принадлежности ко многим организациям.

Тойнби: Да, несомненно, одновременная принадлежность ко многим организациям освобождает такого человека, однако иногда ценой этого может стать то, что он окажется вовлечен в конфликты лояльностей. Этот человек может стать перед необходимостью решить, какую из двух или более несовместимых лояльностей ему следует предпочесть. Необходимость выбора может оказать вредный психологический эффект даже тогда, когда она не угрожает наказанием или преследованием. Однако право выбора из широкого круга альтернатив более созвучно человеческому достоинству и более благоприятствует человеческому счастью, чем вынужденная необходимость выбрать лояльность к единственной организации. Осужденность к единственной лояльности весьма вредна, если эта лояльность насильно навязывается вопреки воле индивида. Еще хуже, если индивид добровольно выбирает исключительную лояльность какому-то учреждению, потому что не знает о существовании альтернатив.

Икеда: С этим я полностью согласен. Но следовало бы обратить внимание еще и на то, что современных людей все еще устойчиво связывают старые привычные мысли, определяющие отношение человека к организации и отношение организации к людям. Фактически в очень многих случаях организации выступают на первом плане как главное, а человека считают лишь принадлежностью к ней. Именно в этом кроется суть психического давления организаций на индивидов.

Здесь самое главное – это утверждение того, что любая организация образуется на основе необходимости удовлетворения различных нужд людей. Если это так, то отправной точкой организации является человек, точкой постоянного возвращения – тоже человек и его защита. Такое осознание позволяет индивиду более самостоятельно определить свою позицию к решениям или требованиям той или иной организации. Я остро чувствую насущную необходимость воспитания и укрепления независимого суждения индивидов.

Тем людям, которые занимаются управлением организации, следовало бы помнить, что они имеют дело не с механизмом, а со сложным организмом. Организация должна восприниматься как живой организм, потому что каждая составляющая ее часть, даже если она совсем

незначительна для целой организации, все же это сам человек, который имеет все основания быть целостным существом. Другими словами, важно понять, что индивид, являясь частью организации, остается дороже ее самой. Индивид существует внутри организации, а организация – внутри индивида. Такова должна быть основная философия управления организацией у руководящих людей. Вместе с тем такое понимание должно укрепиться и в сознании каждого человека.

Тойнби: Я полностью согласен с тем, что причина возникновения организаций всех типов состоит в обеспечении благополучия индивидов, которые в них участвуют. Подчинять или приносить в жертву благополучие людей ради сохранения или расширения любого учреждения – значит изменять правильные отношения между организациями и людьми на прямо противоположные. Это то зло, в отношении которого мы должны постоянно проявлять бдительность, потому что власти, ответственные за управление организациями, всегда склонны поддаваться искушению отдать предпочтение несущественным и случайным обязанностям по сохранению учреждения, в то время как их действительно первостепенная обязанность состоит в том, чтобы учреждение служило благополучию людей. В этом состоит проверка ценности любого учреждения. Если учреждение не выдерживает эту проверку, оно должно быть реформировано или запрещено. Попытка сохранить его без изменения в таких обстоятельствах является антиобщественным актом.

Икеда: Организации существуют для людей, а не люди – для организаций. Важно исходить из подобного понимания. И необходимо, чтобы члены организации были обеспечены интеллектуальными данными и действенными инструментами, которые позволили бы им выносить самостоятельное суждение и оценку своей организации относительно ее соответствия основной цели, а также, если необходимо, о ее реформировании.

Несомненно, что данный вопрос, вопрос взаимоотношений человека и организации, становится все более актуальным, напрямую связанным со счастьем и несчастьем человека. Когда-то я читал в книге печальный вывод некоего историка о том, что гуманность никогда не побеждала в политических делах. Но нельзя согласиться с фатальностью поражения гуманности, иначе человеческая история навсегда останется трагической. То, что требуется от нас, это приложение максимума усилий, чтобы гуманность побеждала и на политическом поприще. Правильное понимание взаимоотношений человека и организации необходимо также и для этого.

Государственный строй и разрыв между поколениями

Икеда: Я полагаю, что разное отношение двух групп к государственному строю в определенной мере объясняет существование разрыва между молодым и старшим поколениями. Вероятно, все поколения согласны признать важность свободы, равенства, уважения к личности и уважения к самой жизни. Хотя пожилые люди ценят индивидуальность, они склонны доброжелательно относиться к государственному строю. Полагая, что государственная система защищает их и их интересы, они хотят делать все возможное, чтобы сберечь ее, даже если в итоге они вынуждены будут пожертвовать своими собственными жизнями. Для людей, рассуждающих подобным образом, уважение к жизни и свободе – это только идеи, в то время как защита государственного устройства есть действительная и основная предпосылка для любого действия.

Диаметрально противоположное отношение молодого поколения состоит в том, что государственный строй, который обязан их защищать, на самом деле представляет громаднейшую угрозу их жизни и свободе. Эта точка зрения возникает из знания о том, что старшие поколения смирились с тем, чтобы быть несвободными, но сохранить при этом жизнь и безопасность в государственном строе. Однако из-за этого же они теряли и жизни. Молодость считает такие жертвы исключительной глупостью.

Желание более старшего поколения защитить государственный строй возникает из переплетения его безопасности с их собственными правами и интересами. Когда люди, ставшие пожилыми, были молоды, они горько переживали, потому что над ними существовала власть их предшественников. Теперь они имеют власть в своих руках, однако по иронии судьбы молодое поколение, которое должно последовать за ними, однажды может отказаться признать авторитет государственного устройства, на котором зиждется власть старшего поколения. Нынешние молодые люди до боли сознают срочную необходимость защитить гуманность. Поэтому они высмеивают гордыню государственного строя и идут так далеко, что пытаются разрушить его полностью. Если мы хотим понять действия молодых людей, мы должны постараться понять чувства, которые руководят ими.

Их главное возражение направлено против признания особых привилегий, которыми пользуются многие участники государственной системы. Каждая эпоха имеет свой собственный государственный строй, и каждый государственный строй изменяется с течением времени. Но как бы он ни

изменялся, он постоянно отчуждал тех, кто не смог стать его частью. Молодежь сегодня сопротивляется против такого механизма власти и против идей, которые поддерживают его.

Сегодня одним из проявлений оппозиции государственному устройству является яростная волна так называемых сил студенчества, которая захлестнула большинство стран. Родственными студенческому движению являются хиппи, которые пытаются глумиться над государственным строем отрицанием некоторых его традиционных символов – скромной одежды, опрятности в таких вещах, как прическа, и так далее. Принимая свои собственные необычные костюмы и отращивая длинные волосы, хиппи пытаются создать контркультуру. Эта так называемая субкультура распространяется широко.

Нам сегодня невозможно понять, насколько далеко идущими будут последствия сопротивления молодежи. Однако похоже, что обычные люди продолжают считать их действия неразумными. Все же по мере того как эмоции в поддержку действий молодых поколений становятся в основном привычными и распространяются в более широких областях, поколения, приверженные защите государственного устройства, начинают чувствовать себя в опасности. Они даже склонны терять уверенность в своих собственных действиях по защите государственного строя.

С течением времени нынешнее старшее поколение должно уступить дорогу. И только дело времени, когда нынешняя молодежь станет обладателем верховной власти.

Тойнби: Как Вы отметили, сегодня во всем мире происходит мятеж против государственного устройства. В этом, по сути, нет ничего нового. В Египте времен фараонов государственный строй, который построил пирамиды в эпоху Древнего царства, был свергнут в конце правления шестой династии; в греко-романском мире государственный строй был свергнут в третьем веке христианской эры; во Франции он был свергнут в ходе Французской революции; в Китае он был свергнут с падением династии Цин*, после того как она была у власти или была восстановлена после временной ее утраты на более долгий период времени, чем любой другой строй, о котором у нас есть исторические сведения, за исключением Египта времен фараонов.

Отчетливым признаком современной реакции в мире против существующего строя является то, что этот мятеж в основном принял форму войны между подрастающим поколением и поколением среднего возраста внутри

самого строя. Это верно, что многие прежние революции против государственного устройства возглавлялись молодыми членами самого этого строя; так же верно то, что в современном всемирном бунте люди, живущие за чертой бедности как в богатых, так и в бедных странах, составляют большинство мятежников. Но мятеж всего подрастающего поколения внутри самого государственного строя является отличительной чертой современного общего беспорядка.

Икеда: Конечно, во все времена существовала борьба между сторонниками и противниками государственного строя. Но в прошлом сторонники этого строя обычно были победителями, а их противники подавлялись. Когда прежний строй становился слишком прогнившим и невыносимым, он свергался противниками и происходила общественная трансформация.

Как Вы сказали, различие между всеми прежними восстаниями и современным напряжением между поколениями отмечается со стороны бунтующей молодежи. Что касается прошлых историй, то в большинстве случаев диссиденты образовывались из числа тех, кто оказывался вне государственной власти. Например, считается, что греко-римский строй пришел к упадку из-за иудаистских идей и германских народов, проникших в этот мир. Западная Римская империя, например, была свергнута германцами, которые были наемными солдатами этой империи и даже считались ее важным оплотом, но, по существу, оставались вне режима. То же самое было в случае Французской революции, где буржуа были частью старого режима, но они не были привилегированной частью строя, которую составляли аристократы и духовенство.

В отличие от этих примеров движущей силой сегодняшнего диссидентского подрастающего поколения являются студенты, то есть дети тех людей, которые играют центральные роли в существующей системе. Они являются теми, кого можно было бы назвать «резервом», и, следовательно, в определенном смысле они должны были бы находиться в самой сердцевине строя.

Тойнби: Я усматриваю разные причины современного бунта подрастающего поколения внутри самого государственного строя. Во-первых, поколение среднего возраста, находящееся в настоящее время у власти, со всей ясностью демонстрирует неспособность удовлетворительно вести международные дела. Во-вторых, вследствие ускоренного развития технологии ситуация изменяется так быстро и принимает настолько угрожающий вид, что подрастающее поколение опасается ныне, что, прежде чем оно

успеет унаследовать власть, поколение среднего возраста может допустить, чтобы человечество захлестнула какая-то, возможно, непоправимая катастрофа. В-третьих, подрастающее поколение отчуждается от старшего, потому что в так называемых развитых странах деятельность и образ жизни истеблишмента утратили привлекательность и престижность. Раньше существовал какой-то романтический ореол в жизни браминов, самураев, старых государственных деятелей эры Мэйдзи, римских сенаторов и магнатов Уолл-стрита. Однако нет никакой романтики в жизни современного члена корпорации, государственного гражданского служащего или чиновника профсоюза. Глупость, так же как и неэффективность современного государственного строя, провоцирует его детей на восстание против него.

Эта война между разными поколениями внутри государственного строя усугубляет опасность ситуации, которая сама по себе угрожающа. Поэтому мы должны попытаться исправить ситуацию и положить конец войне поколений, которую она провоцирует.

Икеда: Для того чтобы справиться с этой двойной угрозой, нам следует найти такой путь, по которому ныне разделенные поколения смогли бы идти вместе.

Тойнби: Напряженность между поколениями могла бы быть смягчена, если бы можно было убедить молодежь, что ни одно поколение не имеет и никогда не имело полную свободу действий и каждое поколение, приходя в свою очередь к власти, обнаруживает, что его свобода действий ограничена кармой. Подрастающее поколение презирает и ненавидит поколение среднего возраста даже больше за его вероятную неискренность и лицемерие, чем за очевидную неэффективность и скучность. Не вызывает сомнения, что поколение среднего возраста в государственном строе в некоторой степени неискренне и лицемерно, однако оно почти определенно менее таково, чем это кажется на самом деле. В то время как оно может искренне желать провести некоторые радикальные реформы, которых требует подрастающее поколение, оно может также обнаружить, — но не может внятно объяснить это, — что его связывает наследственная карма и что оно не в состоянии подходящим образом своими силами изменить свою наследственность, чтобы совершить те перемены в состоянии мира, которые оно добросовестно желает и пытается осуществить.

Икеда: Приведенный Вами пример указывает на слабость и хрупкость человека перед лицом кармы и судьбы. Молодому поколению, настроенному

против существующего строя, стоило бы тоже попытаться понять этот момент. Молодость верит в идеалы и думает, что возможно разрешить любую задачу и создать такой мир, в какой он верит. Это отличительная особенность юношества. Однако как только он получает реальную власть и ответственность управления обществом, ему приходится сталкиваться с проблемой кармы – с сугубо человеческими и потому почти неуправляемыми факторами.

Какими бы высокими идеалами ни была наполнена душа молодого человека, ему необходимо понять, что реальный мир настолько сложный, что одними идеалами и доводами с ним невозможно справиться. Это прежде всего потому что, даже он сам, этот идеалистически настроенный юноша, не свободен от собственных эгоцентрических чувств и негативной кармы. Более того, реальное общество – это сложнейший конгломерат множества людей, каждый из которых тоже является носителем своей собственной кармы. Как только человек попадает в это сложное сплетение обстоятельств, ему становится трудно двигаться вперед, не теряя из виду светоч идеалов. Важность предпосылки сохранения юношеских идеалов, а также преодоления пропасти между поколениями состоит в том, чтобы возвращать в своей душе человеколюбие и сочувствие к любому человеческому существу, основанные на глубоком понимании человеческой природы.

Тойнби: Раскол между истеблишментом, то есть правящими кругами и остальным человечеством, – это часть наследия нашей кармы. Сможем ли мы изменить свою карму до такой степени, чтобы закрыть ту социальную брешь, которая возникла на заре цивилизации, по крайней мере, пять тысяч лет назад? Удастся ли нам упразднить истеблишмент путем растворения его в массе человечества? Я согласен, что это должно стать нашей целью, потому что я согласен с тем, что привилегии власть имущих несовместимы с достоинством человека и что в конфликте интересов между государственным строем и человечеством мы обязаны отдать преимущество человечеству. Это само по себе верно, и это одновременно необходимое условие для обеспечения мира между враждующими поколениями. Однако история свидетельствует о том, что это трудное дело. Строй времен египетских фараонов, как и его китайский аналог, многократно восстанавливался после многократных низвержений. Французская и русская революции свергли старые правящие круги только для того, чтобы открыть дорогу для установления новых.

Икеда: В чем же причина того, что те, кто оказался у власти, начинают монополизировать полномочия и попирают свободу других людей? Почему социальные системы, изначально созданные с целью обеспечения благ и мира, превращаются в механизм, который причиняет людям страдания и угрожает мирному житию? Почему прежние попытки низвержения старого государственного строя неизбежно заканчивались созданием нового аналога старому? Я усматриваю главную причину всего этого в том, что люди не смогли по-настоящему владеть собой и преодолеть свое внутреннее зло. Встает вопрос: а вообще по силам ли людям изменить это свое внутреннее зло, которое формировалось в человеке как судьба или карма?

Доминирующим и общепринятым взглядом на этот счет во многих учениях было утверждение о неизменяемости земной судьбы или кармы и необходимости смирения с ней. Буддизм Ничирена Дайшонина* единственно выступает с позиции возможности ее изменения, полагаясь на собственную силу. В этом смысле его учение представляет собой революционную духовную идею, и я рассматриваю его как квинтэссенцию восточной мудрости. В его учении досконально и глубоко изучается сущность и природа человека и указан путь и практический способ преодоления кармических проблем. Согласно Ничирену, подлинное достоинство человеческой жизни не обеспечено до тех пор, пока для него не открыта возможность изменить свою карму, а истина в том, что человек на самом деле располагает творческой энергией для преодоления любой кармы.

Я верю, что сегодняшние и подрастающее и старшее поколения должны признать фундаментальное достоинство человека именно в этом смысле. Такая общая исходная точка дает обоим поколениям возможность найти общий язык в рассуждениях при рассмотрении всех остальных вопросов. Это в свою очередь позволит людям по-новому восстановить общественное устройство, образовательную систему и новый порядок человеческого общества в целом. При этом признание фундаментального достоинства человека предполагает отказ от всех действий и мыслей, согласно которым человек приносит себя в жертву системе. Конкретно все государства добровольно должны отказаться от права на ведение войны и отменить обязательную воинскую повинность. Разумеется, другие социальные образования также не должны пользоваться привилегированным статусом, дающим им такой авторитет, который может ущемлять достоинство и жизнь человека или угрожать им. Сказав так, я, конечно, осознаю, что современное состояние мира не дает оснований для слишком оптимистических перспектив реализации таких рекомендаций. Но все же они являются естественным

Выводом, к которому ведет признание неприкосновенности человеческой жизни. От людей требуется глубокое изменение сознания. Такое изменение может совершиться с помощью религиозного убеждения и энтузиазма, определяющего основополагающее направление человеческой деятельности.

Тойнби: Я думаю, что, во всяком случае, в основном мы согласны. Мы не сможем по-настоящему решить проблему государственного устройства, если мы не добьемся ничего, кроме перераспределения прибавочного продукта человечества по более справедливо дифференцированной шкале. Я разделяю Ваше мнение о том, что признание достоинства человека имеет существенное значение. Однако достоинство человека требует того, чтобы все профессии стали свободными профессиями. Мы должны упразднить и человека у конвейера, и человека в организации. Обязательно должна существовать возможность для любого человека зарабатывать себе на жизнь, выполняя работу, которая имеет внутреннюю ценность и которая ощущается таковой самим работником. В настоящее время большинство людей выполняет свою работу, чтобы заработать максимальное вознаграждение, а не ради ценности самой работы. Первостепенное значение не должно более уделяться мотиву прибыли. Однако такое весьма желаемое изменение мотивации может быть достигнуто только изменением в душе, а весьма желаемое изменение в душе может произойти только путем внутреннего духовного изменения. Это изменение должно произойти на религиозном уровне, а не на экономическом, и оно должно произойти в каждом человеке индивидуально.

Нейтральность средств массовой информации

Икеда: Средства массовой информации оказывают влияние на многие сферы современного общества и в определенной мере характеризуют нашу эпоху. Радиоволны мгновенно передают новости о событиях в одной стране большей части остального мира, а телевидение делает эти новости более оживленными, принося визуальные изображения о событиях в частные дома.

Тойнби: Современная технология невероятно расширила масштабы возможности для мгновенного информирования общества посредством прямых визуальных и звуковых средств коммуникации. В прошлом публичный оратор не был оснащен громкоговорителями, не мог он также передавать свой голос и изображение по радио и телевидению. Поэтому естественная способность человеческого тела ограничивала его аудиторию

некоторым количеством людей, которые могли собраться достаточно близко около него, чтобы иметь возможность слышать и одновременно видеть его. Греческий философ Аристотель оценивал это количество не более чем в пять тысяч, и соответственно он утверждал, что максимальный размер органа, состоящего из граждан, наделенных избирательным правом, не должен превышать более пяти тысяч представителей в том государстве, в котором формой правления является прямая демократия.

В противоположность этому радио и телевидение могут быть приняты мгновенно любым человеком во всем мире. Газетам и книгам требуется больше времени для распространения, даже если они отсылаются по воздуху. Но даже в этом случае они доступны только грамотной части человечества, и хотя в некоторых странах – Японии, Новой Зеландии, Германии – около ста процентов населения грамотно, большинство населения всего мира все еще неграмотно. Неизбежно, что печатное слово обладает меньшей возможностью влиять, чем устное слово и изображения, которые доступны неграмотному большинству и которые могут быть переданы мгновенно. Это достойно сожаления. То, что слышно по радио, и то, что слышно и видно на телеэкране, эфемерно. Оно исчезает так же быстро, как и передается, и запись этого остается лишь в памяти слушателей или зрителей, то есть той естественной способности, которая, как общеизвестно, является ненадежной.

Икеда: Одним из негативных последствий этого может стать то, что люди, постоянно незащищенно подверженные потокам информации, теряют возможность глубокого обдумывания и размышления и вместе с тем склоняются к сиюминутным и чувственным восприятиям. Кроме того, есть опасение, что односторонняя подача информации, притом довольно быстрая, сделает людей пассивными получателями готового взгляда и ослабит их созидательную духовную деятельность.

На самом деле объем информации, передаваемой через телевизор и другие виды СМИ, стал уже сегодня гипертрофированным, что и охарактеризовали в Японии как «загрязнение информацией окружающей среды». Возможно, здесь речь должна идти не столько об объеме, сколько о качестве информации. Но в любом случае очевидно, что современным людям нелегко справляться с потоками информации, в которых они оказались, и не терять свое собственное суждение.

С другой стороны, если смотреть на эту ситуацию со стороны тех, кто управляет СМИ, то необходимо отметить следующее. Поскольку средства массовой коммуникации имеют широкий диапазон распространения, им

постоянно сопутствует опасность того, что они могут превратиться в инструменты для манипулирования людьми. По крайней мере с большой вероятностью общественное мнение формируется или склоняется в ту или другую сторону под влиянием СМИ, даже если они и не намерены манипулировать им.

Тойнби: Влияние средств массовой коммуникации, конечно, очень широко, и люди, которые контролируют эти средства, могут использовать их для манипулирования своими слушателями. Эта сила манипуляции воздействует не только на сознательный уровень психики слушателя или зрителя. Операторы средств информации могут сделать сообщения проникающими через сознательную поверхность психики до глубин подсознания. Они могут манипулировать общественным подсознанием в своих собственных интересах. В Соединенных Штатах несколько лет назад частные торгово-промышленные фирмы, которые закупали время на радио и телевидении для рекламы своих товаров или услуг, использовали средства информации для обращения не к сознательной поверхности, а к подсознательным уровням души в качестве стратегии для обеспечения бессознательного желания общества приобретать их продукцию. Такое манипулирование справедливо вызывает яростные протесты. Во Франции во времена президентства Де Голля оппозиция была в этом вполне права, возмущаясь правительственной монополией на использование средств мгновенной массовой коммуникации. Оппозиция утверждала, что это является незаконным использованием правительством властных полномочий.

Икеда: Тут встает вопрос для специалистов СМИ о нейтральности их позиции. И это на самом деле весьма сложная задача.

Взять, например, газетный фотоснимок жертв войны во Вьетнаме. На самом деле люди, показанные в объективных фотографиях, могут быть ни вьетнамцами с Юга, ни членами Северного Вьетконга. Все зависит от того, что говорится в сопроводительных надписях: они могут тенденциозно использовать фотоснимки и сознание читателя в пользу любой из этих сторон.

Или если телекамера, набившая руку на столкновении между студентами-радикалами и полицией, показывает яростную атаку со стороны обезумевшего студента, прыгающего прямо из камеры в жилую квартиру, зритель вероятнее всего критически отнесется к этим молодым людям. Если, однако, камера покажет полицию, применяющую оружие для подавления студентов, симпатия, вероятно, потечет в другом направлении. Поскольку невозможно передать обе картинки одновременно, в таких случаях нейтральность

в строгом смысле почти невозможна. Тем не менее я верю, что нейтральность является одним из жизненно важных условий, которое мы должны требовать от средств массовой коммуникации.

Однако в чем состоит нейтральность? Очень трудно добиться подлинной нейтральности. В ряде реальных проблем невозможно сложить две разные позиции или мнения, а затем полученную сумму разделить на два. Даже в случае, когда это возможно, результат этого не означает нейтральность позиции. Вопрос о нейтральности прессы встает особенно тогда, когда речь идет о политической или прочей власти. Между обладателями правительственной властью и простыми людьми с самого начала нет паритета в силах, поскольку правительство, наделенное государственной властью, имеет подавляющие силы по отношению к народу. Следовательно, если средства массовой информации займут позицию посередине между людьми и правительством, хотя это покажется нейтральностью, на самом деле это не так. Мы должны иметь это в виду, когда думаем о нейтральности, являющейся невинной концепцией, содержание которой может быть сформулировано по-разному в зависимости от каждого конкретного случая.

Тойнби: Я совершенно согласен, что эта невероятная новая сила для оказания влияния на людей, которая создана современной технологией, должна использоваться нейтральным образом. Но мы должны прояснить значение нейтральности и найти управляющий орган, который и хотел бы и мог свободно использовать средства информации нейтральным образом, как это и желательно.

Нейтральность очень просто определить, когда, например, это касается вопроса пропорционального использования средств информации для политической пропаганды в ходе избирательной кампании в демократической стране. Время должно быть пропорционально распределено между соперничающими политическими партиями соответственно их численному составу. Финансовая плата за предоставленное время должна быть пропорциональна соответствующим размерам избирательных фондов различных партий (цифры должны быть открытыми и проверяемыми). Эти пропорции должны соблюдаться не существующим на данный момент правительством и не какой-либо политической организацией, а властью, которая наделена полномочиями управлять средствами информации.

Однако различие между хорошим и плохим, между правильным и неправильным определяется индивидуально каждым человеком и коллективно каждым человеческим сообществом. Существуют крайние разногласия относительно того, что конкретно является хорошим и плохим,

и какие конкретно действия правильны, а какие неправильны. Однако существует единодушное согласие в проведении интеллектуального различия между этими обеими категориями и в признании нашей моральной обязанности принять сторону того, что представляется нам правильным и хорошим, против того, что представляется нам неправильным и плохим. Эти факты вызывают вопрос: правильно ли и действительно ли возможно быть нейтральным между правильным и неправильным или между хорошим и плохим?

Например, в моральных кодексах большинства обществ политическая тирания, личная нечестность, использование насилия отдельными лицами во внутренней жизни страны и порнография заклеены как плохое и неправильное, хотя точное определение этих зол будет разным. Однако бывают занятия и учреждения, чей моральный статус вызывает противоречия даже среди членов одного и того же общества. Примерами могут быть война, смертная казнь как высшая мера наказания, самоубийство, гомосексуализм. Правильна ли или возможна ли нейтральность между добром и злом и между верным и неверным в рассуждении индивида или всего сообщества?

Я лично считаю, что в этой ситуации нейтральность невозможна, и если бы она была возможна, то это не было бы правильным. Пытаться быть нейтральным между тем, что человек считает правильным, и тем, что он считает неправильным, равнозначно тому, чтобы принять сторону того, что ему представляется неправильным, поскольку такая нейтральность явилась бы нарушением моральной обязанности человека принимать ту сторону, которая представляется ему правильной.

Икеда: Я думаю, что нейтральность позиции, которая требуется от средств массовой коммуникации, по существу, должна соответствовать идее защиты людей и уважения жизни.

Я согласен с Вами в том, что принимать просто срединную позицию во всех делах не всегда верно для тех людей, которые работают в сфере средств массовой информации, и даже может оказаться ошибочным. Когда вопрос касается добра и зла, журналисты скорее всего должны иметь собственный мнение и занять субъективную позицию, отвечающую их совести, и это должно рассматриваться в качестве правильного шага.

Однако, как Вы сказали, оценка того, что правильно и что нет, меняется в зависимости от времени и общества. Критерии добра и зла также различны, и они во многом зависят от истории и традиции конкретного общества, а также от тенденции того или иного времени. Поэтому я предлагаю

положить в основу нейтральности фундаментальную ценность – достоинство жизни человека, которая является непреходящим критерием добра и зла для всех времен и обществ. Средства массовой информации, защищающие права людей и передающие свои новости с позиции уважения к жизни, в конечном счете занимают нейтральную позицию.

Тойнби: При соблюдении важного и существенного условия, что нейтральность невозможна между правильным и неправильным, я согласен, что средства информации должны использоваться нейтрально. В самом деле, я бы пошел настолько далеко, что предложил бы, чтобы власть, управляющая средствами информации, давала возможность людям, позиция которых представляется ей морально неправильной, высказать свою позицию, хотя бы и не скрывая того факта, что у самой этой власти противоположное собственное мнение об этих людях.

Однако как нам подобрать исполнителей власти, которая должна стать нейтральной? И как нам обеспечить, чтобы нейтрально настроенная власть имела возможность на практике нейтрально управлять средствами информации? Я думаю, что ни назначения правительством, ни выборы контингентом избирателей, вероятно, не создадут нейтрально настроенное управление средствами информации. Я предлагаю, чтобы члены этого управления избирались бы на принципе достоинств каждого индивида. Но где найти деньги для финансирования управления средствами информации, не давая возможности использовать против него финансовое давление? В соответствии с этим критерием мы должны отказаться от таких источников финансирования этого управляющего органа, как налоговые средства, выделяемые политическими властями общества, и оплата рекламы частными торгово-промышленными фирмами. Альтернативой является взимание платы за лицензии на прослушивание и просмотр. Это ограничит возможность использования средств информации только теми людьми, которые способны оплачивать эти лицензии. Однако во всяком случае средствами массовой информации могут пользоваться только люди, которые могут позволить себе приобрести или арендовать принимающие устройства. По сравнению со стоимостью этих необходимых устройств стоимость платы за лицензию по разумной шкале за предоставляемую услугу будет маленькой.

Ограничения свободы прессы

Икеда: В современных правовых государствах в принципе признается свобода выражения, в том числе свобода слова и свобода прессы. Однако

из-за того, что печатные издания обладают большим влиянием на общественность, возникает вопрос об установлении пределов этой свободы. Общепринятые ограничения свободы выражения касаются общественной морали, государственных секретов и вторжения в личную жизнь индивида.

Что касается общественной морали, на Западе сегодня быстрыми темпами устраняется ее рамочное регулирование в связи с усилением тенденции либерализации порнографии. Некоторые люди считают, что эта тенденция нежелательна с точки зрения детского воспитания. Но, на мой взгляд, не стоит сильно беспокоиться о последствиях ее либерализации. Намного хуже и неправильно, когда порнография подавляется политической или полицейской властью. Нужно учесть психологию людей, что человек становится еще более любопытным относительно запретного. Поэтому вместо того, чтобы скрывать секс, мы, взрослые, должны помочь молодым людям выработать о нем правильное представление.

Тойнби: В некоторых случаях сокрытие не причиняет вреда, но оно и не может принести какую-то пользу. Например, я вырос в то время, когда в английских семьях из среднего класса секс считался темой настолько вызывающей замешательство, что детям о нем ничего не говорили. Когда мне было десять или двенадцать лет, мой отец сделал попытку объяснить мне половой акт, но его замешательство было столь велико, что его пояснения мне трудно было понять. Позже один из моих школьных учителей попытался разъяснить это мне, но и он не преуспел больше, чем мой отец, потому что он был точно так же смущен относительно затронутой темы. Перед тем как жениться, я обратился к врачу в Англии с просьбой оказать мне помощь, однако довольно странно, что даже этот профессиональный человек посчитал откровенную беседу по этому вопросу слишком неуместной и вместо разъяснений одолжил мне учебник с диаграммами. Таково было мое добрачное сексуальное образование, и это абсурд. У меня не развился вкус к порнографии вследствие этих ранних опытов, но я вижу, как секретность может привести людей к этому. Я полностью согласен, что если о сексе говорить открыто, он потеряет часть возбуждающей привлекательности и займет свое естественное место в человеческой жизни.

Икеда: Подлинная свобода выражения должна означать свободу, позволяющую человеку не только принять порнографию, но и отвергать ее. Следовательно, либерализация порнографии не может проводиться без всяких ограничений, но должна осуществляться в пределах, когда соблюдаются принципы уважения свободы выбора каждого индивида.

Относительно раскрытия государственных тайн я хочу подчеркнуть, что сам факт того, что государственная власть проводит какую-либо деятельность, которую она должна скрывать от своего народа или от других стран, крайне нежелателен. Как Вы утверждаете, государство должно быть институтом, который предоставляет своему населению социальное благосостояние. Если так, то ему не следовало бы заниматься какими-либо конфиденциальными мероприятиями. Я даже считаю, что население должно проявить смелость, чтобы раскрывать такие тайные дела государства и контролировать его, с тем чтобы правительство не повело страну по опасным тропам.

Тойнби: Государственные тайны являются показателем варварства политики, особенно международной. Во время обеих мировых войн я был примерно десять лет временным государственным служащим, работая иногда с секретными документами. Мне очень не нравилась секретность этой работы. Мотив секретности в государственных делах состоит в намерении нанести вред правительствам и народам других стран и в опасении того, что будет нанесен вред с их стороны. Когда я временно работал в Министерстве иностранных дел, каждый чиновник получал связку ключей для запираания и открывания ящиков, в которых секретные документы перевозились с одного места в другое. Поскольку я не имел желания провести весь остаток своей жизни, работая с бумагами, которые должны оставаться спрятанными, я отказывался всякий раз, когда в конце войны меня приглашали на постоянную работу в качестве госслужащего.

Открытость – это одна из причин, по которой современная наука смогла добиться огромного прогресса. До того как был открыт способ расщепления атома и получения атомной энергии, научные исследования и открытия были полностью открытыми. Все новое публиковалось, и каждый обменивался информацией с кем-то еще. Ученые не знали политических границ. Научные журналы, естественно, публиковались на многих языках; любая научная библиотека располагала всеми журналами, и все они были доступны каждому. Однако с того момента, как было изобретено атомное оружие, ядерная наука по меньшей мере превратилась в объект, подчиненный воле правительств и правилам секретности правительственной службы. Я боюсь, что это может произойти также и в остальных областях науки. Мы должны оказать сопротивление этой опасности и должны бороться за то, чтобы вернуть свободу науки как в этой области, так и в других, где не должно быть государственных тайн.

Конечно, человек, который дал присягу хранить государственные тайны и после этого за взятку их предаёт, совершает акт, который морально ущербен с персональной точки зрения. Но мне кажется, что в Британии наказание за такой акт непропорционален его тяжести. Мы покончили со смертной казнью в Британии. Убийство наказывается пожизненным заключением, хотя иногда срок приговора сокращается. Человек, который продает государственные секреты, получает такое же наказание, и может даже оказаться, что он еще более сурово наказан, чем убийца, которому сокращается срок за хорошее поведение.

Икеда: Подобное противоречивое наказание оправдывается на основе признания государственных тайн. Но на самом деле то, что должно подвергаться порицанию, так это сама секретность дел государства.

Теперь относительно вторжения в личную жизнь. На мой взгляд, именно в этой сфере свобода прессы немедленно должна быть ограничена во избежание ущемления личной жизни индивида. Несмотря на то что невозможно контролировать потоки всяческих слухов, целесообразно установить законное право человека опротестовать и приостановить печатную публикацию, содержащую неподтвержденные слухи о нем.

Тойнби: Да, частная жизнь должна быть защищена от непристойной публикации. В 1939 году мой старший сын совершил самоубийство. Немедленно после того как эта новость была опубликована, нас окружили репортеры, которые безостановочно надоедали нам. Моя жена и я упрашивали их уйти, но они настаивали на том, что потеряют свою работу, если не сумеют заполучить информацию. Когда мы решили поговорить с ними, они растерялись, и мы ощущали страдание. Это одно из вредных последствий безжалостной погони за сенсационными новостями.

Не так давно велась постоянная борьба между одной знаменитой женщиной и фотографом, который, вероятно, преследовал ее. Фотограф настаивал на том, что он имеет право зарабатывать на жизнь, преследуя женщину и ее детей и досаждая им своим фотографированием. Она заявляла, и вполне справедливо, что ее частная жизнь — это ее жизнь. Я был согласен с ней и считал, что она должна быть защищена. Ни один фотограф не должен иметь права беспокоить других людей, чтобы таким образом зарабатывать для себя деньги. В случаях, подобных этому, свобода прессы должна быть подвергнута ограничениям.

Отмена смертной казни

Икеда: Известно, что в Британии уже отменена смертная казнь. Однако в большинстве стран мира, в том числе и в Японии, она все еще применяется.

Мне было бы очень интересно узнать аргументы и исторические обстоятельства принятия решения об отмене смертной казни в Британии, а также Ваше мнение по этому вопросу.

Тойнби: Я очень рад, что в Британии смертная казнь отменена. Однако эта отмена неудивительна. Задолго до того, как был предпринят этот шаг, было достигнуто молчаливое соглашение в Британии между полицией и преступниками о том, что обе стороны обязуются воздерживаться не только просто от использования, но даже и от ношения оружия. Преступников не убедили отказаться от совершения преступлений, таких, как ограбления, но они обязались совершать свои преступления без физического насилия при условии, что полиция обязалась воздерживаться от использования насилия против преступников. Обоюдной целью было свести этим насилие к минимуму. Логично, что отмена смертной казни должна была стать большим следующим шагом по пути гуманизма; ответным шагом со стороны преступников должен был стать отказ от убийства.

К несчастью, в Британии за отменой смертной казни последовали убийства полицейских, которые, выполняя свой долг, пытались арестовать преступников. Сейчас, когда смертная казнь отменена, преступник может рассчитывать на то, что, если полиция схватит его, он будет приговорен к длительному тюремному сроку, если преступление, которое он совершил, носит серьезный характер. Предположим, что он сейчас убивает полицейского и затем схвачен, то наихудшее, что может произойти с ним, это то, что он может получить только больший срок. С другой стороны, если он убьет полицейского в момент его захвата, он может полностью избежать захвата. Преступник поэтому испытывает искушение убивать полицейских. В этой новой ситуации задача, стоящая перед полицией, становится более опасной, поэтому полиция предлагает восстановить смертную казнь как наказание за убийство в случаях, когда жертвой становится полицейский при исполнении своих обязанностей.

Икеда: Конечно, я могу симпатизировать британской полиции, но, как показывают события в других странах, восстановление смертной казни не кладет конец убийствам полицейских. Мои аргументы в пользу того, что я настаиваю на запрещении смертной казни повсеместно, базируются на буддийском уважении к достоинству жизни. Люди, которые отстаивают запрещение смертной казни, обычно выдвигают один из двух аргументов для подтверждения правоты своей позиции: один человек не имеет никакого права судить и казнить другого; отмена смертной казни не увеличит

количество совершаемых преступлений. Те же, кто выступает в защиту высшей меры наказания, непримиримы в отношении того, что смертная казнь сдерживает количество совершаемых преступлений. Имеет ли этот эффект концепция смертной казни или нет, она предполагает, что лишение жизни – это предупреждение другим людям или воздаяние за преступление. Однако одно воздаяние, неизбежно влекущее за собой другое, образует порочный круг. Что касается смертной казни в качестве урока для предупреждения другим людям, то я должен сказать, что жизнь как абсолютная сущность, заслуживающая глубочайшего уважения, никогда не должна считаться средством для достижения чего угодно, кроме самой жизни. Достоинство жизни само по себе является конечной целью, поэтому, когда обществу необходимо иметь сдерживающие силы против преступлений, определенно вместо смертной казни лучше изобрести другой способ, который не вносит самовольное изменение в жизнь. Использование смертной казни в качестве предостережения демонстрирует достойную сожаления жестокость, которая длительное время мучила человеческое общество и которая, похоже, усиливается сегодня. Эта тенденция – типичное обесценивание жизни.

Война – это одна из главных причин обесценивания жизни. В войне человеческая жизнь считается не более чем средство достижения государственных интересов и как таковая считается расходным материалом. Ни одно преступление, совершаемое человеком, не является столь отвратительным, как это. До тех пор пока этому чудовищному преступлению будет дозволено беспрепятственно существовать, не может идти речь об искоренении рассадника других жестоких преступлений.

Тойнби: Я надеюсь, что смертная казнь будет отменена во всех странах по следующим двум убедительным причинам. Ни один человек не имеет морального права лишать другого человека его жизни. Как Вы настойчиво утверждаете, запрещение смертной казни требует одновременного запрещения войны. Нелогично утверждать, что мы не имеем права приговаривать к смерти, причем, применяя наименее негуманные средства, отдельного человека, который совершил какое-то серьезное преступление, например убийство, против отдельных людей и против человеческого общества, а в то же самое время считать, что во время войны вполне законно убивать и ранить бесчисленное число людей, используя самые жестокие и варварские средства. Солдаты не нападали на своих человеческих собратьев до тех пор, пока они под угрозой потери своих собственных жизней

не оказывались вынужденными попытаться убить так называемых вражеских солдат, против которых у них нет никакой личной обиды. Война не только убивает людей, она заставляет людей становиться убийцами, и она становится причиной этих обоих преступлений не просто в единичном, но в массовом масштабе.

Вторая убедительная причина для запрещения смертной казни и войны состоит в том, что убийство – это безвозвратный акт. Пока человек жив, он имеет возможность перестроить себя морально, даже если он был преступником, совершавшим серьезные и частые преступления.

Икеда: Мы с Вами сошлись во мнении о том, что отмена смертной казни должна сопровождаться одновременным запрещением войны. При этом я бы хотел особо подчеркнуть, что отказ от войны естественно, прежде всего, включает в себя и твердый отказ от использования ядерного оружия. И даже если в мыслях согласиться с возможностью допущения смертной казни, то тогда к ней должна быть приговорена лишь искушенная дьяволом душа того, кто поджигает огонь войны и использует ядерное оружие. Ясно, что такое мое заявление ни в коем случае не подразумевает признание необходимости смертной казни. Напротив, я говорю о том, что все человечество должно занять твердую позицию в отношении искоренения величайшего преступления – этого массового убийства при помощи ядерного оружия, искоренив сами его корни.

Я поддерживаю всех тех, кто занимается серьезным поиском возможных для каждого общества сценариев отказа от смертной казни. И желаю, чтобы наряду с этим их усилия были бы направлены на построение такого общества, которое не порождало бы тяжелые преступления, для которых предназначалась бы смертная казнь. Для этого прежде всего нужно думать о том, что необходимо, чтобы в корне своем изменить пренебрежительное отношение к человеческой жизни в современном обществе.

В то же самое время нам необходимо определить, какую практическую позицию следует занять в отношении особо опасных преступников. Здесь я предлагаю приложить все возможные усилия, направленные на пробуждение совести в преступнике. Это мое предложение базируется на основополагающей вере в созидательную возможность жизни любого человека. Если вместо этих усилий государственная правовая власть применяет смертный приговор, то получается, что государство само совершает то же самое преступление – убийство. Как я упоминал ранее, когда какое-то общественное наказание абсолютно необходимо, должно быть найдено что-то иное, но не смертная казнь.

Тойнби: В стране, в которой отменена смертная казнь, альтернативой не может быть предоставление осужденному преступнику того же объема личных свобод, которым как юридически, так и морально наделены сограждане, не совершавшие преступлений. Если мы считаем, что убийца имеет право остаться живым, мы должны также считать, что его законопослушные соседи имеют право на защиту от риска быть убитыми им. Поэтому осужденный убийца должен содержаться в тюрьме до тех пор, пока можно будет полагать – и это может быть только предположением и никогда уверенностью, – что, если он будет освобожден, он не будет представлять опасности для других людей. Цель заключения в тюрьму не должна быть мстительной, она должна быть строго предупредительной и помимо этой негативной цели быть положительно-воспитательной и улучшающей. Тюрьма обязана, насколько это возможно, быть школой, в которой преступника учат, как перевоспитать себя. Но насколько это возможно? Эффективность воспитания пропорциональна степени добровольности. В воспитании, как и в других отношениях между людьми, принуждение вызывает тенденцию к сопротивлению. Школа, которой является тюрьма, – это школа, в которой принуждение и сопротивление, вызываемое принуждением, достигают своего максимума и объективно, и в сознании самого заключенного.

Икеда: Я согласен с Вами в том, что цель заключения преступника состоит не в мести, а в предотвращении возможной повторной ошибки. Вы также верно указали на низкую вероятность успешного воспитания в условиях принуждения. В тюремных условиях, я полагаю, единственным эффективным инструментом, позволяющим преодолеть эту трудность и сделать тюремное воспитание возможным, может стать лишь невероятный энтузиазм и глубокое человеколюбие воспитателя. Между воспитателем такого качества и заключенным могут создаваться человеческие душевные связи, что станет залогом для проявления у заключенного добровольного желания исправиться.

Для того чтобы отказаться от смертной казни и создать общество, не нуждающееся более в такой казни, я искренне желаю, чтобы буддийская идея сострадательного и милосердного отношения ко всему живому широко распространялась по всему миру и была бы принята человечеством за основу в отношении к людям. Я верю, что буддизм как ничто иное может убедительно разъяснить людям подлинную ценность жизни и может открыть око души для признания ее неприкосновенности.

Самоубийство и эвтаназия

Икеда: Вы давно высказываете мнение о том, что, когда человек пришел к выводу, что «его смерть есть меньшее зло по отношению к любимым людям и к самому себе», он имеет право совершить самоубийство. Но я возражаю этому Вашему суждению, потому что это противоречит самой важной для человека идеи неприкосновенности жизни.

Тойнби: Я думаю, что лишение другого человека права на жизнь — это величайшее из зол. Решение о том, оборвать или нет собственную жизнь, по моему мнению, должно принадлежать хорошо обдуманному суждению индивида. Точно так же оправдание или осуждение самоубийства должно зависеть от конкретных обстоятельств рассматриваемого случая.

Если человек не является *compos mentis* (вменяемым), я думаю, что необходимо воспрепятствовать его самоубийству, если это представляется возможным. Даже если он *compos mentis* (вменяем), то, я думаю, ему надо воспрепятствовать, если это возможно, когда он, судя по всему, действует импульсивно, под влиянием какой-то трудности, от которой жизнь кажется невыносимой в данный момент, но, по рассуждению других людей, она может наладиться, если этому человеку воспрепятствовать положить конец его жизни. Необратимость смерти свидетельствует и в пользу того, чтобы предотвратить совершение самоубийства, так же как и в пользу того, чтобы воздержаться от смертной казни, и в пользу запрещения войны. Умышленное сокращение чьей-то жизни как самим собой, так и кем-то другим нежелательно в любых случаях, для которых справедливо выражение «пока есть жизнь, есть и надежда».

Однако бывают случаи, при которых нет более никакой надежды, хотя жизнь еще продолжается. В таких ситуациях, если человек вменяем (*compos mentis*), я сторонник того, что хорошо обдуманному желанию умереть не следует препятствовать. Если человек в такой ситуации просит об эвтаназии, то есть о добровольной, согласованной с врачом смерти неизлечимо больного с помощью специальных обезболивающих средств, я считаю, что эта его просьба должна быть удовлетворена. Если он предпочитает совершить самоубийство, я считаю самым решительным образом, что не должно приниматься никаких попыток воспрепятствовать ему.

Икеда: Я считаю, что удовольствие и боль являются взаимодополняющими в логическом и этическом смысле. Иными словами, боль находится в прямой противоположности к удовольствию. И я верю, что людей необходимо предостерегать против того, чтобы приносить в жертву

свою жизнь ради удовольствия (как иногда случается в случаях злоупотребления наркотиками). Если верно данное мое суждение, то, должно быть, также верно сказать и то, что нужно воздерживаться от принесения своей жизни в жертву ради избавления от боли.

Тойнби: Я считаю эвтаназию убийством человека, но не с целью его наказания и не для защиты от него других людей, а как акт милосердия к нему. Человек, который является вменяемым, может пожелать умереть и может попросить умертвить его, потому что он считает невыносимым оставаться в живых; тяжелая утрата или беспомощность, возможно, превратили его жизнь в невыносимую пытку, или он может почувствовать, что она, его жизнь, несовместима с его собственным достоинством жизни, если превратится в обузу для других людей и, возможно, будет использовать то высокопрофессиональное медицинское обслуживание и уход, которые, по его мнению, лучше было бы использовать на пользу других пациентов. Может ли быть отвергнута просьба этого больного об умерщвлении? Я полагаю, что не должна. Я верю, что отказ в выполнении его просьбы в данных обстоятельствах является нарушением человеческого достоинства, на которое он имеет священное право.

Этот вопрос более сложен в случае, когда человек, который испытывает невыносимые физические или душевные страдания или одновременно и те и другие, является невменяемым. В данном случае решение за этого больного должно быть принято другими людьми: представителями медицинской профессии, правительством, друзьями и родственниками больного. В такой ситуации мы не будем колебаться в решении избавить нечеловеческое существо от его страдания. Но разве человек не имеет такого же права? Если мы колеблемся сказать, что он его имеет, то это потому, что мы считаем убийство человека более серьезным актом, чем убийство неразумного животного. Но разве не является это колебание трусливым и постыдным, если больной человек невыносимо страдает и если нет надежды на излечение или хотя бы на облегчение?

Если в таких обстоятельствах мы колеблемся убивать, то должны ли мы так же колебаться в решении сохранения жизни больному? Недавно медицинская наука открыла до той поры неизвестные способы физически поддерживать жизнь безнадежно больных людей. Не является ли неправильным использовать это новое искусство для продления жизней тех, для кого продление представляется не милосердным, а беспощадным? В таких обстоятельствах, конечно, благоразумно позволить пациенту умереть. И все же, если мы позволяем кому-то умереть, когда мы имеем возможность

поддерживать его жизнь, не является ли это этически равнозначным приговорить его к смерти?

Вопрос о том, оправданна ли эвтаназия в случаях, когда люди невменяемы и по этой причине не способны ни попросить о ней, ни отклонить ее, настолько труден, что, по-моему, менее всего будет вызывать возражения решение, которое должно приниматься на месте в каждом конкретном случае комиссией ответственных лиц. Состав таких комиссий должен был бы определяться законом, но закон не должен заранее предопределять решение, которое примет комиссия, назначенная в соответствии с ним.

Икеда: В случае, допустим, когда признается необходимость эвтаназии и нужно согласовать условия и процедуру для ее применения, Ваши предложения по этому поводу имеют большую убедительность. Но все же я не могу согласиться с ускоренной смертью путем физических, химических или любых внешних искусственных вмешательств в жизнь.

Однако я совершенно согласен, что бесполезно тратить силы на поддержание жизни безнадежно больных людей, так называемых людей-растений, чьи мозги уже более не функционируют и чьи организмы не могут принимать питательные вещества без посторонней помощи, хотя современная наука способна продлевать такие жизни даже тогда, когда нет никакой возможности лечения. Я согласен с Вами в этом, потому что считаю, что человек, оказавшийся в таком состоянии, больше не функционирует как человек и в определенном смысле уже мертв.

Критикуя эвтаназию, я имею в виду не по-настоящему безнадежных больных людей, а людей, которые фактически хотя и испытывают невыносимые страдания в данное время, но имеют какое-то время жизни в своем распоряжении, за которое они могут совершить что-то полезное или даже, возможно, выдающееся. Страдающий человек может и не видеть такой возможности, и обязанность тех, кто его окружает, объяснить это ему так убедительно, насколько это возможно. Признавая, что свобода решения об оказании помощи другому в избавлении от невыносимой боли, умерщвляя его, или решения совершить самоубийство является логическим выводом из гуманистических рассуждений, я опасаясь того, что если к этой идее относиться с недостаточно максимальной осторожностью, она может вырождаться в определенное обесценивание жизни, которое я часто осуждал.

Например, если люди станут относиться к эвтаназии как к вполне приемлемому выходу, не окажется ли так, что пожилые люди, которые в результате болезни прикованы к постели и зависят от заботы о них со стороны

других, которых они не имеют возможности отблагодарить, будут чувствовать себя виноватыми просто из-за того, что остаются живыми? В подобных случаях одобрение эвтаназии, вызванное чувством милосердия, может лишить сострадания все общество.

Я верю, что должны быть использованы любые имеющиеся в распоряжении средства, чтобы попытаться уменьшить страдание. Для этого должно быть предпринято максимум усилий. Однако никаким искусственным усилиям не должно быть дозволено нарушить право самой жизни на выживание.

Наслаждение и боль не обладают внутренним достоинством, в то время как жизнь имеет достоинство, которому нет эквивалента. Следовательно, никакое наслаждение, никакая боль не может перевесить достоинство жизни.

Тойнби: Но если, как Вы предлагаете, должен быть установлен контроль над желанием человека покончить с жизнью при наличии явно невыносимых условий, обязан ли такой контроль быть официальным? В Британии в настоящее время даже в таких обстоятельствах совершить самоубийство возможно только тайком, втихомолку. Это кажется мне негуманным и нарушением человеческого достоинства. Предположим, что если бы я сам принял хорошо обдуманное решение покончить жизнь самоубийством, то я бы определенно почувствовал себя оскорбленным, потому что я должен был бы сделать это, только умышленно обманывая других людей.

У меня было два друга, которые совершили самоубийство после хорошо обдуманного решения, которое казалось им и кажется мне вполне этически правильным. Одним из этих друзей была художница, которая была парализована. Она знала, что никогда больше не сможет заниматься своим искусством и что на протяжении всей ее оставшейся жизни она будет нуждаться в уходе. До того как у нее случился паралич, она дала кое-что миру, что имеет положительную ценность в виде созданных ею художественных произведений. После случившегося с ней паралича она вынужденно получала много, не отдавая ничего взамен. Чувствуя, что это несовместимо с ее достоинством как человека, она покончила с жизнью, которая, по ее мнению, сменила для нее и для других людей положительную ценность на отрицательную. Другой мой друг был писателем, который неизлечимо ослеп.

Оба этих друга были вынуждены принять меры к тому, чтобы изобрести способ совершить самоубийство, не вызывая подозрений и противодействия. В обоих случаях им это удалось, однако необходимость избежать того, что им помешают, отягощала трагическую ситуацию. Я чувствую, что такое

отягощение их доли было для них неоправданным дополнением к их горю. Я считаю, что в случаях, подобных этим двум, самоубийство законно и что препятствовать ему очень неправильно.

Икеда: Случаи с Вашими друзьями вызывают сочувствие, но все же я настаиваю на том, что следует относиться к своей собственной жизни с тем же максимальным уважением, которое должно уделяться жизни другого человека. Таланты и способности мышления – это только часть, а не целое всей сущности жизни. Согласиться с мыслью, что у человека нет и не будет смысла дальше жить, когда он лишен возможности проявить таланты, – значит слишком узко интерпретировать саму жизнь. Более того, если подобная интерпретация станет общепринятой, то она легко может пренебрежительно применяться по отношению не только к собственной жизни, но и к другим людям, не обладающим особыми способностями, мол, нет для них смысла существовать.

Я понимаю Вас, что сильное настраивание человека на жизнь, когда ее сохранение только обременяет других людей, может быть, особо не заслуживает похвалы с моральной точки зрения. Но все же я не могу не сомневаться в правильности выбора смерти, даже если это хорошо обдуманый выбор тех людей, которые оказались в самых несчастных ситуациях. Широко известно, что Людвиг ван Бетховен страдал от дефектов слуха. тридцатидвухлетний немецкий композитор один раз решил покончить с собой и даже подготовил завещание. Но, пройдя одинокое страдание и великое внутреннее бореение, он продолжал писать третью, «Героическую» симфонию, затем приступил к сочинению пятой симфонии, известной под названием «Симфония судьбы», которую он завершил спустя пять лет. В возрасте 48 лет его постигла полная глухота, к тому же его мучили и семейные проблемы. Казалось, в нем должны были иссякнуть любые источники творчества. И после таких тяжелейших жизненных испытаний он создал «Торжественную мессу», а также и другие шедевры. Мне не хотелось бы упоминать его жизнь в качестве исключительного примера великого гения, но следовало бы учиться у него чему-то важному для всех людей.

Есть люди, которые путем выбора смерти пытаются положить конец своим земным страданиям. В поисках освобождения от страданий они по собственной воле определяют конец своей жизни. Но это ли подлинное освобождение? Когда все в жизни получается не так, как хотелось, и когда жизнь человека становится неуправляемой и невыносимой, означает ли это, что у человека не осталось никакой свободы для преодоления такой

ситуации, а остался лишь выбор смириться или умереть? Если в подобных обстоятельствах человек сознательно выбирает смерть, не равнозначно ли это уходу от действительности или поражению человеческого духа перед предопределенностью?

Я уважаю Бетховена за то, что он обрел и проявил величие человеческого духа в борьбе с жестокой судьбой. Его сила духа, должно быть, была настолько сильна, что она сравнима с религиозным чувством. Конечно, если мы смотрим на самых себя, то, возможно, что не всем и не всегда хватает такой же силы. Но я считаю, что как раз в этом роль религии, чтобы поддержать человеческий дух, предоставляя «компас» человеческой жизни в дальнем плавании.

На самом деле отношение к самоубийству или эвтаназии во многом определяется тем, какое представление имеет каждый индивид о жизни и смерти, или, иначе, религиозным взглядом человека в широком мировоззренческом смысле этого слова.

Например, в Японии в эпоху Эдо* (1603–1867), когда под влиянием конфуцианства честь чьего-то имени пользовалась высочайшим уважением, самурай считал справедливым – иногда вынужденно – совершить харакири, чтобы очистить свое имя от бесчестия. В противоположность этому в Англии и в других христианских странах, где религиозные учения запрещали самоубийство, честь защищалась на дуэлях, но сберечь ее путем самоубийства, пожалуй, невысказано.

Вы сказали, что в современной Британии самоубийство должно совершаться украдкой. Мне кажется, что, когда общественные условия требуют секретности совершения самоубийства, присутствует религиозный элемент.

Тойнби: В Британии существует историческая причина того, почему самоубийство не одобряется и почему оно стало унижительно и мучительно трудным. В соответствии с христианской доктриной человек, который совершает самоубийство, совершает проступок против Бога. Он присваивает себе прерогативу Бога. Только Бог имеет право устанавливать тот момент, когда человек должен умереть.

Я не верю в существование человекоподобного Бога. Если бы я верил в то, что он существует, у меня не могло бы быть никаких способов узнать, какие прерогативы в сфере человеческих отношений он выбирает для того, чтобы держать их в своих руках. Однако я должен был бы предположить, что гипотетические божественные предписания не противоречат друг другу. Поэтому я должен был бы допустить, что если Бог запрещает человеку

убивать самого себя, то он тем более (*a fortiori*) запрещает ему лишать жизни других людей, совершая убийство, убивая во время войны или приговаривая к смертной казни за преступления. И наоборот, я должен был бы предположить, что Бог также запрещает медицинскую помощь и уход за больным. Продление жизни при содействии человека, так же как и прерывание жизни при содействии человека, было бы оскорблением Бога, если справедливо то, что только Бог имеет право устанавливать продолжительность срока, в течение которого человек должен жить.

Икеда: Буддийская точка зрения совершенно иная. Буддизм признает божественность самой жизни, энергия которой присуща Вселенной, но не предполагает силу антропоморфного Бога. Следовательно, в соответствии с достоинством жизни для человека предосудительно убивать, но похвальны усилия людей, которые направлены на продление жизни, насколько это возможно, если не требуется жертв со стороны других людей.

Кстати, мое представление о христианах до сих пор было таково, что большинство из них согласны с учением о том, что предосудительно сокращать срок жизни, и в то же самое время они не считают греховным поступком продлевать ее срок. Верно ли такое понимание?

Тойнби: Да, но в основном христианская практика не соответствует христианской теории. Человека, совершившего самоубийство, не разрешается хоронить на освященной земле, примыкающей к христианской церкви. С другой стороны, солдат, убитый в то время, когда он пытался убить вражеских солдат, погребается с христианскими почестями, и в его честь, возможно, будет сооружен монумент. Христиане чтят медицинскую профессию. (Христианские ученые уникальны среди христиан в том, что запрещали своим приверженцам пользоваться медицинской помощью.)

Я был воспитан как христианин, но получил образование в области дохристианской греческой и романской литературы и истории, и мое нехристианское образование оказало на меня большее влияние, чем унаследованная от предков христианская религия. Дохристианские греки и римляне не устанавливали запрета на самоубийство. Они считали, что свобода совершить самоубийство является одним из основных прав человека. Они также считали, что бывают ситуации, когда самоубийство становится единственным средством, позволяющим сохранить свое человеческое достоинство, и люди, совершавшие самоубийство в таких обстоятельствах, очень высоко почитались. Например, греческий философ Демокрит почитался не только за свои интеллектуальные достижения — он отец теории

атомного строения материи, – но также за то, что отказался продолжать свою жизнь, осознав, что его умственные способности угасали. Говорят, что Демокрит совершил самоубийство путем преднамеренного доведения себя до голодной смерти. Никто не пытался сохранить ему жизнь, насильно давая ему пищу. Катон, один из политических противников Юлия Цезаря, предпочел совершить самоубийство, отказавшись подчиниться антиконституционной и диктаторской власти Цезаря, навязанной с помощью военной силы. Катон был неумелым и неудачливым политиком, однако благодаря славе, которую он обрел, совершив самоубийство в защиту своего человеческого достоинства, он стал посмертно в течение полутора столетий наиболее грозным противником цезарианского автократического режима Римской империи.

Многие современные жители Запада, включая меня самого, полагают, что санкционирование дохристианскими греками и римлянами самоубийства ради сохранения человеческого достоинства соответствует отношению к самоубийству, которое существовало в Индии и в Восточной Азии во все времена. Я встречал свидетельства того, что при императорской власти в Китае официальный цензор (блюститель порядка), считавший своим долгом покритиковать правящего императора, считал также своим долгом вслед за этим совершить самоубийство. Я считал, что сорок семь ронинов* почитались в Японии и что южнобуддийские монахи, которые сожгли себя в Южном Вьетнаме во время американской оккупации, оказали такое же посмертное влияние, как и Катон. Может быть, мое мнение ошибочно из-за невежества?

Икеда: Как Вы сказали, и в Китае и в Японии с древних времен также не было особых запретов на самоубийство. И есть немало случаев, когда люди, которые закончили жизнь самоубийством, оказывали большое влияние на других людей. Особенно в Японии, когда появился *бусидо* (моральный кодекс самурая), к самоубийству стали относиться с почтением, как к поступку, соответствующему высокому нравственному достоинству. Сегодня, согласно действующему Уголовному кодексу Японии, за оказание помощи в самоубийстве предусмотрено наказание, но не за самоубийство или попытки его совершения. Возможно, было совершено немало эвтаназий, хотя эти случаи неизвестны. Например, японский писатель Огай Мори, живший на рубеже девятнадцатого–двадцатого веков в период модернизации страны, будучи также и врачом, написал роман о человеке, который был осужден за оказание помощи в эвтаназии.

Что касается буддийских монахов, которые сожгли себя во Вьетнаме, то я думаю, что эти самоубийства были мотивированы политическим протестом. Но они также были в соответствии с учением южного буддизма, последователями которого являлись эти монахи и который, в частности, учит освобождению духа от нечистой плоти.

Однако северный буддизм утверждает, что жизнь любого человека, включающая физический и духовный аспекты, есть драгоценная чаша, содержащая наивысшую ценность Вселенной – природу Будды или мир Будды. Жизнь неприкосновенна не только в том смысле, что ей абсолютно нет никакого эквивалента, но еще и потому, что в ней сокрыта природа Будды. Природа Будды – это мудрость, познающая суть мироздания и сущность своего существования. Это источник, из которого жизнь черпает безграничную силу и в котором индивидуальная жизнь сливается с жизненной энергией Вселенной. Это есть сущность той силы, которая, координируя общую гармонию живого существования, делает человека творческим существом для созидания счастья. С учетом такой буддийской веры в неприкосновенность жизни я думаю, что хотя доктрина северного буддизма и не содержит прямого выражения запрета на самоубийство и эвтаназию, но нельзя считать, что буддизм одобряет их.

Так как в самих буддийских сутрах не встречается конкретное учение или суждение относительно оценки самоубийства или эвтаназии, нам следует самим определиться с тем, принять или отрицать их, аргументируя это положениями буддийского учения.

Буддизм предполагает, что жизнь существует на протяжении всего прошлого, настоящего и будущего так же, как и карма. Страдание не прекращается со смертью, но, будучи встроенной в карму, продолжает существовать даже после смерти. Карма никогда не изменяется, если только сам индивид не изменит ее собственными усилиями. Эта буддийская концепция вполне очевидно устраняет все основания для того, чтобы эвтаназия была оправданна, поскольку страдание, которое порождает страстное желание смерти, со смертью не прекращается. Я также не могу одобрить самоубийство также и с точки зрения буддийского принципа, состоящего в том, что вся жизнь – это сосуд, вмещающий самые ценные сокровища.

Конечно, невозможно предоставить объективные доказательства непрекращающейся продолжительности жизни. Вследствие этого отношение к эвтаназии и к самоубийству с точки зрения этой объективно не верифицируемой предпосылки должно быть делом веры. Но до тех пор, пока

человеческая жизнь считается бесценной и незаменимой, я верю в то, что умышленная акция по ее прекращению не может быть оправданна.

Тойнби: Греки и римляне, как и китайцы и японцы, санкционировали самоубийство и эвтаназию; оба этих акта совмещены в харакири, при котором непременно вслед за садистским самопотрошением следует мило-сердное обезглавливание. Вы утверждаете, что отношение к этой проблеме в Восточной Азии и в дохристианской Западной Евразии несовместимо с принципами буддизма так же, как оно несовместимо с принципами христианства.

Мое эллинское образование превалировало над моим христианским. Вследствие этого я отношусь к самоубийству и эвтаназии как к фундаментальным и неотъемлемым правам человека. Я считаю, что достоинство человека нарушается другими людьми, когда его жизнь поддерживается ими против его воли в соответствии с принципами, в которые верят эти другие люди, но в которые это наиболее заинтересованное лицо, возможно, не верит. Я также считаю, что человек теряет свое собственное достоинство, если он не совершает самоубийство в определенных обстоятельствах.

Мы согласны, что достоинство человека – это наивысшая человеческая ценность, но мы расходимся в вопросе об отношении между человеческим достоинством, с одной стороны, и самоубийством или эвтаназией – с другой.

Икеда: Я не отрицаю Ваше утверждение, что человек имеет право выбора смерти. Однако при этом я считаю, что решение о том, когда именно «завершить свою жизнь», должно принадлежать самой жизненной силе, но не интеллекту или эмоциям человека.

Интеллект, рассудок и эмоции составляют поверхностную часть жизни, но не жизнь в целом. Эти внешние атрибуты жизни предназначены для служения целостной жизни, для ее защиты и ее более благородного проявления. Иными словами, они для того и функционируют, чтобы обеспечить и реализовать достоинство жизни. Следовательно, интеллект, рассудок и эмоции не имеют права разрушать жизнь или решать, когда ее прекратить. Только сама жизнь имеет это право.

Жизнь может прекратиться сама в соответствии с кармой или, возможно, вследствие нарушения физиологических функций, необходимых для поддержания жизни. Независимо от этих вариантов механизм прекращения жизни находится в сферах за пределами человеческого сознания, к которым нет доступа интеллекту и эмоциям.

Желательно, чтобы интеллект, рассудок и эмоции стремились стать справедливыми, смелыми и милосердными, что сделает человека более благородным. В этом смысле, когда человек рискует собственной жизнью ради этих высоких идеалов, это должно быть одобрено. Отказаться от идеалов в пользу самосохранения или из-за трусости или же сохранить свою жизнь за счет других лишь ранит достоинство жизни этого человека. С этой точки зрения буддизм учит нас жить мужественно и не щадить своей жизни, когда нужно защищать других людей и сохранить верность учению.

Идеи, которые Вы иллюстрировали ссылками на древних греков и римлян, и в частности на Катона, окрашены храбростью, справедливостью и высоким человеческим достоинством. В этом смысле Катон достоин восхваления, и та идея, которую он собой представляет, заслуживает одобрения. И все же это не обязательно означает восхваление самого самоубийства. Катон, возможно, нанес Цезарю психологический шок своим самоубийством, но он не спас Рим от диктаторского правления. Если бы Катон выбрал жизнь и борьбу, он, возможно, был бы побежден. Но он послужил бы мощным примером для свободолюбивых людей на многие века.

Что касается тех больных, у которых не осталось никакой надежды на улучшение, то, как Вы упомянули, я тоже против использования дорогостоящей медицинской техники только для того, чтобы искусственно поддерживать физическое функционирование этих людей. Потому что, как Вы верно указали, эта техника и средства могли бы быть использованы для других излечимых больных. Кроме того, потому что это является вмешательством в права самой жизни, которая уже выбрала завершение своего срока.

II

ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

6. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА НЫНЕШНЕГО СТОЛЕТИЯ

Соединенные Штаты

*Дух первых поселенцев (дух фронта)**

Икеда: Некоторые считают, что поражение американцев во Вьетнаме было не только политическим и военным, но также и моральным. Если это так, и США сами осознают это, то какое же значение может возыметь это для будущего Соединенных Штатов?

На мой взгляд, история Америки отличается так называемым «духом фронта», то есть духом первых поселенцев. В отличие от Европы, где много разных стран и народы должны были договариваться о том, как гармонично сосуществовать на ограниченной территории, первые поселенцы, продвигаясь на западные границы (фронт) североамериканского континента, строили города на неосвоенной земле без учета проживавших там аборигенов. Однако теперь, когда США имеют дело с другими странами и народами, этот дух первых переселенцев – дух фронта – заявляет о себе в виде навязывания своей воли державой своей позиции другим странам. Возможно, что поражение США во Вьетнаме показывает бесперспективность такого подхода США на международной арене.

Тойнби: Американцам давно присуще пренебрегать людьми в своем отношении к другим землям. Считая североамериканский континент зоной, не заселенной людьми, а заполненной только дикими животными, лесами и пустынями, они не обращали никакого внимания на местное людское население, которое они считали не более чем частью флоры и фауны. Этот дух – дух первых поселенцев – это то отношение, которое перенесено американцами в политику и которое они использовали в отношении Вьетнама. Открытие того, что вьетнамцы являются не флорой и фауной, а точно такими же людьми, как и граждане Соединенных Штатов, вызвало у американцев шок. Поражение во Вьетнаме, действительно, было моральным. Более важно то, что это урок, который, я надеюсь, американцы примут близко к сердцу.

Однако нам, европейцам, не следует испытывать самодовольство по этому поводу. Мы не всегда были настолько уж гармоничны в своих отношениях друг к другу.

Не все европейские страны могут похвастаться успешной гармонизацией отношений между народами, говорящими на разных языках и исповедующих разные религии, как это характерно для Швейцарии. Например, очень серьезные проблемы возникают в Бельгии между соперничающими франкоговорящей и фламандской языковыми общинами. Европейцы не имеют права быть самодовольными по поводу своей гармоничности в отношении друг друга, хотя у нас нет ничего подобного американскому духу первых поселенцев.

Икеда: Вероятно, в истории существует очень мало примеров, чтобы разные расы жили в полной гармонии в единой стране в течение длительного времени. В некоторых случаях какое-то время все идет плохо, затем условия улучшаются. В других случаях некоторое время между народами царит полная гармония, но затем происходит что-то, что отравляет ситуацию. Пример корейцев, проживающих в Японии, относится ко второй категории. В древние времена и в Средние века корейцев принимали в Японии доброжелательно и почитали как представителей развитой культуры. Но, вступив в Новое время, японцы стали относиться к корейцам плохо и с необоснованным пренебрежением. Несмотря на то что ситуация улучшилась со времени окончания Второй мировой войны, проблема все еще полностью не решена.

В случае США определенные предрассудки американцев в связи с расовыми вопросами являются особенно проблемными, поскольку это серьезно сказывается на американской внешней политике.¹ Серьезность этого еще больше подчеркивается тем, что США имеют несравненно большое влияние на международные отношения.

Тойнби: Совершенно верно, что дух первых поселенцев и лежащие в его основе предрассудки привели Соединенные Штаты к совершению многократно усиленных ошибок, поскольку они перенесли их в область международной политики. Я думаю, что в Юго-Восточной Азии они будут вынуждены отказаться от духа первых поселенцев. Он доказал свой разрушительный характер во Вьетнаме и вызвал конфликт между президентом и конгрессом в вопросе о Камбодже.

Ситуация в Израиле в силу целого ряда причин носит иной характер. С циничной точки зрения следует признать важное и, к несчастью, негативное

влияние, которое оказывает голос американских евреев на действия американских политиков. Второе – это фантастическое для рационалистов вроде меня, но неоспоримое убеждение для некоторых американских религиозных кругов в том, что Израиль – это на самом деле Земля обетованная, о которой говорится в Ветхом Завете, и, следовательно, по праву принадлежит евреям. Группы, которые придерживаются этого мнения, – это многочисленные в Соединенных Штатах старомодные, так называемые библейские христиане. Наконец, американцы переносят дух первых поселенцев на свой подход к проблеме Израиля, рассматривая арабов так же, как они рассматривали американских индейцев, – людьми, не имеющими прав перед превосходством израильтян. До тех пор, пока будет оказываться американская поддержка, Израиль будет способен сопротивляться установлению справедливого, основанного на взаимных уступках мира с арабами. Однако благодаря неожиданной счастливой случайности у арабов обнаружилась мощная позиция для борьбы. Они оказались обладателями большей части мировых запасов нефти. Во всем мире испытывается нарастающий дефицит нефти, и остается вопрос, пожелают ли Соединенные Штаты пожертвовать автомобилями и отоплением ради Израиля?

Как Соединенные Штаты, так и Советский Союз стремятся улучшить свои взаимоотношения и покончить с «холодной войной», но до тех пор, пока существует опасность на Ближнем Востоке, война между этими двумя мощными странами может разразиться против воли обеих. В общих интересах урегулировать проблему Израиля; для этого американцы должны изменить свое нынешнее эмоциональное и, на мой взгляд, иррациональное отношение к Израилю и арабам. Понятно, что такое изменение вызовет перемену, по крайней мере, в практическом применении духа первых поселенцев.

Беспокойные активисты за рубежом

Икеда: Нет никаких сомнений в том, что Соединенные Штаты играют важную роль фокуса мировой истории нашего столетия. В частности, было бы справедливым высоко оценить их роль в защите демократии и свободы в Европе, истерзанной фашизмом во время Второй мировой войны. С другой стороны, нельзя не обратить внимание на ошибки Соединенных Штатов, ввергнувших мир в «холодную войну» против Советского Союза и в войны в Корее и во Вьетнаме. Против этой войны во Вьетнаме люди развертывали антивоенные движения даже в самих Соединенных Штатах, называя ее «грязной войной». Сегодня, когда наконец потушен ее

огонь, спрашивается: какой курс выберут США в дальнейшем на поприще международной политики?

Вернутся ли они к доктрине Монро или будут дальше претендовать на инициативу в качестве супердержавы современного мира?

Тойнби: В Акте о нейтралитете, принятом Конгрессом в начале Второй мировой войны, Соединенные Штаты заявили о своей решимости не вступать в войну. Если бы не Пирл-Харбор, они бы, возможно, никогда не вступили в эту войну. Однако вызывает удивление, что после войны и до настоящего времени Соединенные Штаты проводят активную международную политику, которая полностью противоположна всей их прежней политике, начиная со знаменитого предупреждения отцов-основателей против иностранного вмешательства.

Полезно отметить, что в основном активная американская политика была направлена против коммунистов и особенно против Советского Союза. Даже участвуя дважды в мировых войнах против Германии и однажды против Японии, Соединенные Штаты кроме действительно боевых действий проявляли очень незначительную враждебность в отношении этих двух народов, в то время как с 1917 года они яростно выступали против Советского Союза. Почему так должно было быть?

Мне представляется, что американцы настолько внутренне самоуверенны, что не считают коммунизм достойным того, чтобы иметь с ним дело в сфере международной политики. Вместо этого они считают его внутренней угрозой кошелькам богатых американских граждан. Япония и Германия угрожали политической безопасности Америки, но они не угрожали обобществлением или же иной экспроприацией американского богатства, как это следует из самой главной идеи коммунизма.

Икеда: На мой взгляд, всю американскую историю пронизывает стремление к созданию идеального общества. Со времен переселения из Европы и освоения новой земли Американского континента в душе американцев, оставивших Старый Свет, жила надежда и энтузиазм создать идеальное общество в Новом Свете. Доктрина Монро была средством, чтобы посвятить себя беспрепятственному развитию их собственной страны.

Однако две мировые войны, возникшие в первой половине двадцатого века, больше не позволяли США оставаться в своей доктрине и не вмешиваться в проблемы Европы. Я полагаю, что американцы вступали в эти мировые войны неохотно. Когда через эти войны США осознали, что

обладают такой мощью, от которой зависит судьба остального мира, люди в Америке стали распространять свою мечту о строительстве идеальной страны в глобальном масштабе. Отсюда, я полагаю, родилась активная внешняя политика США. Но, к сожалению, их попытки достичь своих целей основаны на применении силы, что порождает различные проблемы в международных отношениях. Я не против того, что США обращаются к миру с подобным идеализмом. Но это должно быть не с применением финансовой или военной силы, а с использованием гуманных средств.

Тойнби: Да, это верно. К счастью для Америки ссора между Китаем и Советским Союзом несколько облегчила ее страх по поводу того, что коммунизм может нарушить внутреннюю ситуацию в этой стране. Я надеюсь, что ослабленное этим обстоятельством напряжение послужит тому, что Соединенные Штаты займут менее воинственную и открыто враждебную позицию в отношении Китая и Советского Союза, поскольку для всего мира имеет огромное значение, чтобы эти три державы сотрудничали на благо всего человечества.

Расовое волнение внутри страны

Икеда: Самая неотложная внутренняя проблема, стоящая перед Соединенными Штатами, – это расовая дискриминация. Белые англосаксы издавна удерживают лидирующие позиции в Америке. Другие белые народы, например граждане латинского происхождения, пользуются менее благоприятным положением. А черные или американские индейцы, коренные жители земли, поставлены в уничижительное положение.

Тойнби: У американцев определенно существует эта проблема. Белые англосаксы занимают превосходящее положение, но они делают это положение с белыми немецкого, скандинавского и голландского происхождения.

Расовая дискриминация, однако, ни в коем случае не является исключительно американским явлением. В Британии количество черных очень мало в сравнении с их количеством в США, и тем не менее британцы проявляют в отношении к ним те же эмоции ненависти. Всем нам следует быть скромнее в критике американцев по этому вопросу. Мы, британцы, давным-давно выгнали живших до нас коренных жителей Британии в горы Уэльса, но уэльсцы не забыли этого. Японцы тоже вытесняли айну все дальше и дальше на север, пока они почти полностью не оказались ограничены пределами Хоккайдо. Конечно, осталось очень мало айну, которые

помнят, что произошло с их предками, но когда-то в своей истории они, должно быть, вспоминали, что некогда обладали большей частью этой земли, и они, должно быть, сожалели об ее утрате и оказывали сопротивление людям, которые отобрали эту землю у них. Так что Вы видите, что у многих других народов есть расовые предрассудки и что они совершили совершенно то же самое, что и американцы, отбирая землю у американских индейцев.

Икеда: Предрассудки любого рода – это сложная проблема, а предрассудки, основанные на эмоциях, подобные тем, которые овладели некоторыми американцами, особенно трудны. Американский народ и правительство, я уверен, пытаются сделать все возможное для улучшения расовой ситуации, но стоящая перед ними задача очень сложна.

Некоторые американцы зашли так далеко, что предлагают создать независимые штаты для черных и для американских индейцев. Конечно, это один из вариантов решения вопроса, но тем не менее нужно учесть возможность осложнения проблемы в этом случае, как, например, это случилось в Израиле. До тех пор, пока враждующие стороны продолжают ненавидеть друг друга, создание независимых штатов не прекратит борьбу. В конечном счете единственный способ добиться мира – это стремиться покончить с ненавистью и предрассудками.

Тойнби: Я боюсь, что как черные, так и белые, возлагающие надежды на создание независимых штатов, проявляют чрезмерный оптимизм. Некоторые американские индейцы требуют создания независимых штатов внутри Соединенных Штатов, однако история резерваций, в которых живут эти американские индейцы, печальна. Им были выделены самые наихудшие земли, и они плохо снабжаются. Белые южноафриканцы пытаются вытеснить своих черных южноафриканцев в очень плохое подобие независимых штатов. Эти поселения называются бантустанами, но у них очень мало надежды на успех. Я думаю, что черная Америка и белая Америка будут вынуждены жить вместе и что им придется сделать это на условиях равенства, взаимного уважения и дружбы.

Икеда: Расовые проблемы, возникающие внутри единой страны, трудноразрешимы. Могли бы Вы привести положительные примеры, когда была достигнута гармония между совместно живущими народами?

Тойнби: Гавайи – это необычный случай, но американцы европейского, японского и китайского происхождения живут там вместе в явной гармонии и заключают смешанные браки. Если это возможно на Гавайях, то это может быть достигнуто также и в других местах.

Гонка в освоении космоса

Икеда: Я признаю важность программ освоения космоса, но не согласен с теми огромными расходами, которые сегодня тратятся на его освоение. Потому что считаю, что самая неотложная задача нашего времени состоит в избавлении от нищеты, причиняющей страдания на Земле. Даже величайший космический успех становится бессмысленным, если он достигнут за счет принесения в жертву благополучия жителей нашей собственной планеты. Страны вольны ставить свой престиж на кон в неистовой конкуренции, но если это накладывает такое тяжелое бремя на их национальные бюджеты, что не остается достаточных ассигнований для решения более важных проблем, таких, как бедность и техногенные угрозы для жизни, все их усилия становятся бесполезными и, даже хуже того, вредными.

Страны обязаны принять земное счастье в качестве первостепенной задачи своих космических проектов и, добиваясь его осуществления, обязаны координировать прогресс в этой области с развитием в других областях науки и технологии. Финансирование космических проектов всегда должно составлять разумную долю в национальном бюджете.

Тойнби: В принципе я не против космических исследований. Те смелость, искусство и скоординированные действия, которые требуются для их осуществления, заслуживают одобрения, и эти исследования приносят нам дополнительно ценные знания о физическом космосе. Однако я противник нынешних исследований космоса по двум причинам, о которых Вы упомянули. Во-первых, это главное, нынешний стимул состоит не в научной любознательности, а именно в соперничестве между Соединенными Штатами и Советским Союзом за доминирующее влияние на нашей планете – соперничество, в котором престиж, завоеванный успешными подвигами в освоении космоса, считается, как и обладание ядерным оружием, одним из довесков на весах соперничества. Во-вторых, расходам на космические исследования, а они огромны, не должен отдаваться приоритет перед другими потребностями находящегося в нищете большинства человечества, которое все еще испытывает недостаток пищи, одежды и жилья. Ресурсы у человечества ограничены, поэтому очень важен вопрос о приоритетах их использования.

Икеда: Геофизическая научная экспедиция на Южном полюсе успешно проводится при многостороннем сотрудничестве стран мира. Подобно этому примеру, если освоение космоса будет осуществляться как международный космический проект совместными усилиями разных стран, то

это, безусловно, будет эффективнее как по научно-техническим аспектам, так и по экономике проекта. Вполне понятно, что проводить международное сотрудничество в космосе не так просто, как экспедицию на Южном полюсе, поскольку в настоящее время вопрос освоения космоса рассматривается в контексте военной стратегии стран. Но тем не менее я думаю, что нужно искать возможность такого сотрудничества в будущем.

Тойнби: Только в случае, когда материальный уровень жизни трех четвертей всего человечества, прозябающих в нищете, будет поднят до нынешнего уровня меньшинства, живущего в изобилии, я был бы за то, чтобы рассмотреть вопрос, является ли исследование космоса первоочередной необходимостью для расходования излишка средств из доходов человечества. Только в случае, когда мы решим, что с нашей стороны оправданно с общественной и этической точек зрения продолжить освоение космоса, я был бы согласен, что оно должно проводиться как глобальный совместный проект, а не как мотивированное политическими соображениями соперничество между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

В существующих обстоятельствах освоение космоса представляется неоправданной расточительностью, потому что осуществляется за счет бедных. Я предвижу, что будущие поколения впоследствии осудят ее как антиобщественное безрассудство богатого меньшинства, сравнимое со строительством пирамид, Ангкора и дворца Людовика XIV в Версале.

Япония и Британия

Демократия

Икеда: Британия и Япония имеют немало исторических и географических сходств. Что касается политической структуры, обе страны приняли систему конституционной монархии. Троны британской королевы и японского императора являются, вероятно, самыми стабильными в мире. Но, естественно, в некоторых моментах Британия и Япония совершенно не похожи друг на друга. Например, идеи демократии и свободы, пережив долгие испытания, глубоко пустили корни в сознании граждан Британии, в то время как в Японии они имеют историю длиной лишь в четверть века. Более того, эти идеи не были завоеваны японцами своими силами и через борьбу, а были подарены американцами в результате Второй мировой войны. Другими словами, они не выросли сами по себе на благодатной ниве, а были привиты на чужое дерево. Поэтому есть серьезный разрыв между демократическими и либеральными идеями с одной стороны и традиционным образом мышления и сознанием японцев с другой стороны.

Тойнби: Британо-американский тип конституционного правления является, конечно, специфическим и отчасти случайным продуктом длительного локального исторического развития. Поэтому неудивительно, что в странах, для которых этот тип является экзотическим, считают, что его нелегко скопировать и использовать. Даже Франция, у которой было так много общего с Великобританией в ее средневековых учреждениях, нашла наш вид конституционного правления слишком трудным, чтобы с ним справиться.

Икеда: Понимаю. Тем не менее, что, по-Вашему, самое важное для нас, японцев, чтобы усвоить демократию, которая оптимальным образом подходила бы Японии? И чему японцы могли бы поучиться у Великобритании?

На этот вопрос можно было бы ответить по-разному. Я лично думаю, что самое основное, к чему японцам нужно привыкать, – это самостоятельность суждений и независимость позиции индивида. Возможно, люди в Британии не найдут ничего нового в таком моем утверждении. Но японцам следовало бы думать об этом, поскольку они хотя и усердно старались и стараются строить демократическую систему, но уделяли недостаточное внимание воспитанию самостоятельных, либерально настроенных людей. Это напоминает умельца, усердно отделяющего бочку, но забывшего закрыть ее дно.

Тойнби: По моему мнению, относительный успех парламентского конституционного правления в Великобритании обязан следующим факторам: (1) Сознательной политической сдержанности, берущей свое начало в семнадцатом столетии, как реакция, против политического насилия. (2) Организации парламентской деятельности через двухпартийную систему (высокая цена этого – регламентация деятельности каждого отдельного члена парламента; электорат теперь избирает тайным голосованием; член парламента должен голосовать открыто, и он наказывается своей партией, если не голосует в соответствии с партийной линией, так же как промышленный рабочий наказывается его профсоюзом, если он не участвует в забастовке). (3) Молчаливому согласию между двумя партиями, заключающемуся в том, что в фундаментальных вопросах они будут уделять первостепенное значение национальным интересам, а не интриговать ради достижения собственной выгоды. (4) Признанию того, что политическая оппозиция совместима с личной доброжелательностью и дружбой.

Начиная со Второй мировой войны британская традиция относительно пунктов (3) и (4) проявляет некоторые тревожные признаки разрушения,

например, в вопросах законодательства об отношениях между предпринимателями и рабочими и по проблеме присоединения к Европейскому экономическому сообществу.

На более фундаментальном уровне, чем функционирование британской политической конституции, я думаю, успех британцев в сохранении свободы личности в течение прошедших трех столетий обусловлен традицией, состоящей в том, что каждый гражданин, отстаивая свое мнение по принципиальным вопросам, морально обязан подвергать себя рискам и в случае необходимости приносить личные жертвы.

В ходе одной англо-немецкой дискуссии после Второй мировой войны я обнаружил, что немцы были удивлены, узнав, что мне однажды пришлось оставить профессорскую должность из-за несогласия по вопросу об академической свободе. Я упомянул об этом инциденте случайно, иллюстрируя какую-то черту британской общественной жизни. Я ушел в отставку, считая это само собой разумеющимся, но немцы сказали, что они считают это открытием для себя. По их словам, они считали, что британская свобода личности была просто дарована богами. Они не выяснили ее основу и не понимали, что она поддерживается только постоянными усилиями индивидов, что, я думаю, весьма важно.

Дипломатия

Икеда: Далее, если посмотреть на Великобританию и Японию на политической карте мира, то обе страны как островные государства расположены на периферии групп государств Европы и Азии. И, несмотря на это, обе вынуждены тесно взаимодействовать с США на политической арене.

Тойнби: Географическое положение Японии и Великобритании вынуждает обе эти замкнутые страны, являющиеся прибрежными островами Старого Света, поддерживать тесные отношения как с прилегающими частями континентального Старого Света, так и с Новым Светом, особенно, конечно, с Соединенными Штатами. Я полагаю, что для обеих стран отношения с их соседними континентами могут оказаться более важными, чем их отношения с Америкой. Поэтому я ожидаю и надеюсь, что каждая из них ассоциируется с региональной группой смежных стран – Восточной Азией в случае Японии и Европой в случае с Британией. Я также надеюсь, что эти региональные ассоциации будут ступенями, а не препятствиями к конечному объединению всего человечества в международном масштабе.

Икеда: В области дипломатии самостоятельная позиция Британии представляет собой контраст по отношению к Японии. Например, Британия

среди либеральных стран мира первой признала Китай. Что касается отношений с европейскими странами, Британия принимает активное участие в проблемах Европы в качестве члена Европейского сообщества. По сравнению с такой британской позицией, хотя мне не хотелось бы особо плохо говорить о своей стране, нельзя не признать, что в японской дипломатии наблюдается слабая самостоятельность в связи с ее американским уклоном. До сих пор, спустя четверть века после войны, Япония в своей дипломатии следует за США, а ее территория используется как американская военная база. Естественно, не следует портить дружественные отношения с США. Но люди в Японии хотят, чтобы страна смогла отстаивать свое собственное мнение независимо от того, совпадает ли оно с мнением США или нет.

Британия и Япония имеют разные исторические и традиционные отношения с США. Между Британией и США с самого начала существовали «родственные отношения». Кроме того, они вместе стали победителями во Второй мировой войне. В отличие от этого японо-американские отношения имеют сравнительно недавнюю историю. В результате Второй мировой войны Япония, потерпев поражение, была оккупирована США. А так называемое японское чудо послевоенного восстановления и развития экономики стали возможными благодаря покровительству США. Но сегодня, спустя четверть века после войны, Японии следовало бы, опираясь на свою мирную конституцию, пересмотреть свою внешнюю политику, которая до сих пор была постоянно ориентирована на позицию США. Японии следует установить самостоятельное и нейтральное положение в международном сообществе и иметь собственное видение, не зависящее от США. Я верю, что в долгосрочном плане это, очевидно, будет лучше не только для Японии, но и для США, чтобы обе страны могли развивать подлинно дружественные отношения.

Тойнби: Я должен сказать, что было некоторое подобострастие в британском, так же как в японском, отношении к Соединенным Штатам. Британцы до последнего времени имели снобистское желание считаться одним из заморских народов, а не европейцами. Этот снобизм ослеплял их в отношении суровой истины, что столь хваленые британские «особые отношения» с Соединенными Штатами на деле являются положением сателлита, которого американцы совсем не намерены принять в экономическое партнерство. Представление о том, что «особые отношения» могут решить британские экономические проблемы, кажется столь же иллюзорным, как и мнение, что британские проблемы могли бы быть решены участием в Британском

содружестве наций. По моему мнению, будущее британской экономики лежит в членстве в Европейском экономическом сообществе, в котором она будет одной среди множества равных партнеров.

Для Японии экономическое партнерство с Китаем в настоящее время еще недоступно, но в конечном счете экономическое будущее Японии, вероятно, приведет к таким отношениям. В сотрудничестве с Китаем и другими восточноазиатскими странами Япония была бы полностью независимой от Соединенных Штатов.

Икеда: Честно говоря, все еще нельзя сказать, что Япония в достаточной мере соблюдает свою моральную ответственность перед другими странами Азии. При оказании официальной помощи азиатским странам японское правительство отдает приоритет тем странам, с которыми оно имеет наиболее благоприятные отношения, ограничивая свою помощь недружественным странам. С другой стороны, Япония чрезвычайно активна в своей торгово-экономической деятельности в Азии.

В настоящее время Япония направляет свои усилия главным образом на экономическую дипломатию. Если до сих пор цель ее экономической дипломатии заключалась в увеличении собственной экономической мощи, то теперь Японии нужно будет переориентировать ее в сторону оказания экономической помощи бедным странам. Вместе с тем, я считаю, Японии необходимо развивать дипломатию посредством культурных обменов со странами мира, в особенности с азиатскими странами, в области образования, здравоохранения, науки и технологии.

Тойнби: Великобритания тоже представляет собой часть богатого меньшинства мира, хотя ныне Япония оставила ее далеко позади в экономическом развитии. Я согласен с тем, что богатые страны морально обязаны помогать бедным странам и воздерживаться от их эксплуатации. Экономическая помощь, предоставленная бедным странам континентальными членами Европейского экономического сообщества, я полагаю, больше, чем помощь, предоставленная Великобританией (как в процентах от валового национального продукта стран ЕЭС, так и в абсолютных цифрах). Являясь третьей самой богатой страной в мире по размерам валового национального продукта, Япония имеет пропорциональное обязательство.

Я согласен с тем, что помощь не должна быть только экономической. Лучшей формой экономической помощи является принятие экономически более сильным торговым партнером равноправных условий в двусторонней торговле. Это более предпочтительно, чем те подачки, которые мы

возмещаем за счет несправедливых условий торговли и вывоза прибыли от инвестиций из слаборазвитых стран. Этим странам нужно оказать помощь в том, чтобы они помогали сами себе, и в этой связи для них очень может быть эффективной помощь в области образования, искусства, здравоохранения, науки и технологии.

Нет кандидата в короли

Икеда: Британская королевская система, играющая уникальную роль в жизни страны, являлась одним из факторов, которые способствовали успеху парламентской демократии в Англии. Поэтому Япония взяла пример с Англии при внедрении парламентской демократии в своей стране в период ее модернизации, хотя японская императорская система не совсем схожа с британской.

На первый взгляд монархия и демократия кажутся противоречащими друг другу, однако, во всяком случае, они сосуществовали в Великобритании в течение долгого времени. Одни считают, что это естественный результат уважительного отношения британцев к традициям.

Тойнби: Даже еще до современного возрождения культа коллективной власти внутри суверенных государств политическая власть всегда вызывала некоторую степень эмоционального чувства преданности – чувства благоговения, если не симпатии, – со стороны подданных. Обычно такая эмоция обращена к держателям власти.

При монархических режимах в Японии и Великобритании исполнение властных полномочий и возникающие сентиментальные чувства распределяются между разными персонами. Сантименты концентрируются на монархе, который не осуществляет власть, а вершители власти не вызывают сентиментальности. В истории обеих стран это разделение между властью и престижем не было сознательно придумано. Это был результат объективного исторического развития. Результат этого разделения иногда – и, я думаю, справедливо – интерпретируется как счастливая случайность.

Икеда: Независимо от того, произошло это случайно или преднамеренно, отделение короля или императора как объекта почитания от властей предержащих было удачным, потому что люди, находящиеся у власти, далеки от того, чтобы заслуживать почтение, и их часто боятся или даже ненавидят. Для того чтобы объединить и направить усилия людей, необходимы что-то или кто-то, пробуждающие чувство благоговения. К такой роли подходит центральная фигура нации, но не те, кто находится у власти.

Британское разделение между этими двумя аспектами лидерства в высшей степени облегчило раннюю политическую стабилизацию в стране – более раннюю, чем в любой другой европейской стране – и проявление способностей и талантов британского народа. Точно так же я полагаю, что такое же самое разделение помогло Японии создать своеобразную культуру, несмотря на многочисленные случаи внутренней борьбы, смены власти и соперничество с иностранными державами. С середины девятнадцатого века, когда образование новых национальных суверенных государств обрело характер мировой тенденции, и до настоящего времени такое разделение между объектом почтительного уважения и держателями политической власти являлось, очевидно, положительным фактором в пользу стабильности страны.

Тойнби: При абсолютной монархии (как в имперском Китае или Египте времен фараонов) правитель приходит к власти либо путем наследования, либо путем избрания, либо в результате революции. Помимо того, что он является центральной фигурой лояльности, он исполняет всю коллективную власть в государстве настолько, насколько он персонально способен исполнять ее. Если формально абсолютный монарх оказывается политически неспособным, власть, которая номинально ему принадлежит, в действительности осуществляется членами его семейства, которые не имеют на это конституционных полномочий. Таким образом, при абсолютной монархии независимо от обстоятельств власть носит характер произвола. Эта система определенно хуже, чем системы в Японии и Великобритании.

Однако японская и британская системы не решили всех проблем правления. Де-факто держатели власти, которые исполняют эту власть от имени официального монарха, неизбежно испытывают искушение попытаться прикрыться престижем короны, чтобы завоевать общественную поддержку своей политике. И напротив, корона обязана утвердить и принять официальную ответственность за политику, проводимую от ее имени, но на которую она не имеет никакого влияния. Роль конституционного монарха психологически неблагоприятна.

Икеда: Сегодня во всем мире монархия становится формальностью, не имеющей особой перспективы. Конечно, в разных странах разная монархия, имеющая свою собственную историю и особенность. Поэтому трудно сказать что-либо о будущем монархии как таковой. Однако каким Вам видится будущее конституционной монархии как системы или какой она должна стать?

Тойнби: Вероятно, современные конституционные монархии – японская, британская, голландская, бельгийская, датская, норвежская, шведская – сохранятся дольше, чем любые другие. Если они тоже в конечном счете исчезнут, то это произойдет не вследствие их свержения; это, возможно, произойдет потому, что никто из членов королевской или императорской семьи не пожелает принять на себя такую непривлекательную работу. Если выразить это на языке производственных отношений, конституционные монархии, вероятно, прекратят свое существование в результате забастовок.

В текущем столетии число монархий уже сократилось. Монархия была отменена в Австро-Венгрии, в Германии и в Турции в результате поражений в Первой мировой войне. В арабском мире со времени окончания Второй мировой войны монархии уже отменены в Египте, Ираке, Йемене и Ливии, и очевидно, они теперь являются непрочными в тех арабских странах, которые все еще находятся под монархическим правлением.

Любая монархия, как абсолютная, так и почетная, является средоточием эмоциональной преданности подданных государства. Эта эмоциональная преданность была формой религиозного поклонения. Государства фактически воспринимались как божественные идола. Похоже, что прогрессирующее исчезновение монархий – это признак того, что государства прекращают восприниматься как идола и начинают рассматриваться как коммунальная услуга. Я считаю, что такая перемена отношения к государствам в высшей степени желательна.

Упадок национального государства

Икеда: Тенденция к падению престижа государства, особенно со времени окончания Второй мировой войны, наиболее заметно проявилась в так называемых развитых странах, где государственная структура достигла высокого уровня развития и самой большой эффективности. Кстати, понятие национального государства, как Вы рассматриваете его в качестве возрождения древнего культа коллективной силы, стало четко формироваться лишь после Нового времени. С этой точки зрения можно сказать, что государственность, хотя она, безусловно, полезна для человека, не является чем-то обязательно нужным, более того – священным. А националистическое мировоззрение, служащее идеологией для преданности национальному государству, скорее всего вредно для всечеловеческого сообщества.

Тойнби: Национализм – культ коллективной власти отдельного национального государства – стал основной постхристианской религией Запада,

у которой гораздо больше горячих сторонников, чем у любой другой современной религии. Он распространился по всему миру. Сегодня насчитывается приблизительно 140 официально суверенных отдельных государств, каждое из которых рассматривается как богоданное, обладающее священным правом вершить любые жестокости. Ни теоретически, ни на практике суверенное локальное государство не подчиняется никакому закону. Я согласен, однако, что после Второй мировой войны поклонение локальным национальным государствам сокращается.

Икеда: Одной из причин такого сокращения может быть интенсификация международного обмена в области экономики, культуры и в других областях человеческой деятельности.

По мере того как международные связи приобретают преимущественное значение, они оставляют мало места для вмешательства со стороны местной государственной власти. Сегодня в результате возросших международных контактов между народами широкое признание получает мнение о том, что государственная власть является препятствием для свободной деятельности.

Другой причиной для падения авторитета государства является предполагаемая возможность ядерной войны, которую, действуя в одиночку, государство не может успешно предотвратить. В области международных отношений так называемые сверхдержавы монополизируют право выступать с важными заявлениями. Но никто не монополизирует всю власть и никто не станет идти на риск ведения войны без массивной поддержки союзников. Тем не менее большие страны твердо отстаивают право лидерства в системах коллективной обороны. Это означает, что хотя маленькие и средние государства, входящие в эти системы, и могут делать смелые заявления в международных делах, но то, что они скажут, будет, весьма вероятно, проигнорировано. Другими словами, если в прежнее время ведение войны являлось одной из привилегий государственной власти, то сегодня из-за беспрецедентной разрушительной силы ядерного оружия любому государству стало невозможно реализовать эту привилегию в одиночку.

Тойнби: Я думаю, что приведенные Вами первый и второй пункты, взятые вместе, являются главными причинами падения авторитета обожествляемых национальных государств. Одним из следствий современного прогресса в технике стало большое увеличение масштабов человеческой деятельности всех видов, военных и гражданских. Мы приближаемся к

тому моменту, когда единственным эффективным масштабом для действий любой важности будет глобальный масштаб. Это означает, что локальные национальные государства, которые были когда-то самыми удобными устройствами для человеческой деятельности, теперь стали очень неудобными и действительно мешающими, поскольку они все еще имеют власть. Кроме того, в то время как масштабы деятельности увеличиваются, размеры локальных государств уменьшаются. Сегодня пригодная для жизни часть поверхности земного шара поделена на примерно вдвое большее количество государств, чем их было на той же самой площади до Второй мировой войны.

Икеда: Тем не менее есть еще третья причина потери престижа государства – это развитие общественных образований, таких, как крупные предприятия, независимые профсоюзы и т.п., действующих вразрез национальной лояльности. В некоторых случаях чувство принадлежности современных людей к такой группе сильнее, чем к суверенному государству.

Тойнби: Это тоже важно. Некоторые частные организации, созданные с экономическими целями, – деловые корпорации и профсоюзы – стали более могущественными, чем правительства, и поэтому более важными для своих членов, чем политическое гражданство. Сами правительства не могут противостоять деловым корпорациям, которые вырастают в многонациональные организации. Правительства не могут даже отстоять свои позиции против некоторых профсоюзов, которые еще ограничиваются пределами границ отдельного государства. В Англии государство установило свою непреодолимую власть над всеми частными лицами или организациями приблизительно в 1500 году. Это превосходство государства, достигнутое в Англии королем Генрихом VII, было установлено Тоётоми Хидэёси и Токугавой Иэясу в Японии приблизительно столетие спустя. Но сегодня в Великобритании профсоюзы в состоянии бросить вызов государству, как в прошлом бароны в Англии были в состоянии бросить вызов государству до того, как Генрих VII сломил их власть.

Икеда: Если назвать еще одну, четвертую причину потери авторитета государства, я привел бы психологическое изменение современных людей, рассматривающих индивида и авторитет как взаимоисключающие. С этой позиции противопоставления государство олицетворяет самый очевидный авторитет. Поэтому со стороны индивидов выражается сильная антипатия к государству, как только оно применяет принудительные меры или проявляет свою властность.

Тойнби: Но в этом нет ничего нового. Я полагаю, что любые государства всегда контролировались истеблишментом, то есть правящими кругами, и ловко использовались ими в своих собственных интересах. Поэтому поскольку массы стали отчужденными от истеблишмента, они также стали враждебными в отношении государства, подданными которого они являются.

Икеда: Традиционные отношения между государством и гражданами зачастую позволяют государству использовать звучные предлоги для втягивания своего народа в войну. Этот обман причинял меньше вреда в прошлом, когда военные обычно происходили из определенных классов общества и поступали на военную службу добровольно. Однако с введением воинской повинности неизмеримо большая часть национального населения вынуждена будет рисковать своей жизнью в случае войны. Первая мировая война, показавшая, как война ужасна, способствовала разрушению государственного абсолютизма.

Тойнби: Действительно, государства были дискредитированы большими переменами к худшему, которые проявились в характере военных действий с 1914 года. Войны двадцатого столетия всюду сопровождались злодеяниями, подобными тем, которые совершались в войнах Запада в семнадцатом столетии, более насильственных и более кровавых, чем войны восемнадцатого и девятнадцатого веков.

Помимо зверств, которые вновь стали сопровождать войны с 1914 года, последствия даже так называемых законных военных действий стали предельно разрушительными. Военные потери стали огромными, как и жертвы среди гражданского населения, поскольку совершенствование оружия (изобретение авиационных ядерных бомб) уничтожило прежнее различие между не участвующими в войне гражданскими лицами и военными. Во Вьетнаме применение дефолиантов быстро опустошило сельскую местность, при том что подобное опустошение происходит более постепенно и в других местностях из-за чрезмерного использования инсектицидов в сельском хозяйстве.

Икеда: Можно перечислять разные факторы, дискредитирующие государство в настоящее время, но на самом деле они сложно переплетены между собой. В этом контексте я считаю, что военные трибуналы после Второй мировой войны имели символическое значение.

В этих судебных процессах победителями были осуждены побежденные «за преступление против мира и гуманности». Несмотря на то что негуманные поступки были допущены также военачальниками и солдатами

стран-победителей, победители односторонне судили побежденных. Нередко приговоры были недостаточно обоснованны и сами слушания не были строго беспристрастными.

Но если отложить в сторону несправедливость этих процессов, я должен особо подчеркнуть то, что эти военные судебные процессы давали весьма важный, но непреднамеренный побочный результат. Дело в том, что этими процессами была фактически доказана и подтверждена абсолютная ценность идей «миролюбия» и «гуманизма» по сравнению с государственным приказом. Иными словами, в историю человечества было вписано решение о том, что человек подпадает под приговор за нарушение мира и гуманности, даже если оно совершено по приказу армии или государства.

В противоположность этому после Первой мировой войны ни кайзер Вильгельм II, ни его генералы не были признаны виновными в преступных деяниях, поскольку какими бы ни были жестокими поступки, если они были совершены от имени государства, они никак не назывались преступлениями. Однако ситуация после Второй мировой войны сложилась совершенно иначе. Воля государства перестала быть абсолютной ценностью, и вместе с тем государство перестало быть неприкосновенным. Это означало, что в сознании людей пошатнулся и стал рушиться абсолютизм государства. Таким образом, военные трибуналы символизируют характерные черты тех событий, которыми окрашена послевоенная и современная история.

Тойнби: Нюрнбергский и Токийский процессы над военными преступниками символизировали и провозгласили историческую перемену в отношении человечества к войне. Эти процессы означали, что война стала считаться преступлением, каковым она и является, и больше не считается законной прерогативой суверенных правительств, считавшихся ожесточенными и потому неподсудными человеческим законам. Но эти процессы были несправедливы в том смысле, что они проводились победителями над побежденными и что победители не предали суду ни одного из своих собственных политических и военных деятелей, хотя некоторые из них по справедливости должны были быть привлечены к ответственности по тем же самым обвинениям.

Икеда: Здесь возникает вопрос об определении военных преступников, а также вопрос о том, нужно ли проводить такие военные трибуналы и в дальнейшей истории человечества, как после Второй мировой войны. Если да, то в какой форме, с какими критериями, кем и кого судить?

Тойнби: Каждый сотрудник любого учреждения несет определенную долю личной ответственности за действия, совершенные от его имени людьми, которые находятся в подчинении этого учреждения. Если бы электорат в Соединенных Штатах решил создать военный трибунал, чтобы судить американских военных преступников вьетнамской войны, я думаю, что судебное преследование не должно было бы ограничиться президентами, главнокомандующими, гражданскими и военными чиновниками. Американский электорат должен был бы предъявить обвинение самому себе в целом, поскольку он несет полную ответственность в государстве, в котором действует демократическая конституция.

Икеда: Предположение о том, что народ несет ответственность за действия государства, в свою очередь должно означать, что государство существует для того, чтобы выражать волю народа и что поэтому оно является слугой общества, а не объектом боготворимого почтения.

Как мы обсуждали раньше, я верю, что в будущем идеально было бы интегрировать все государства в единую Всемирную Федерацию, внося определенную корректировку в те полномочия локального государства и понятие его суверенности, которые признаны ныне в человеческом обществе. Но, для того чтобы вывести человечество на стадию всеобщего объединения, нам необходима предварительная подготовительная стадия — изменение сознания людей и их отношения к существующему национальному государству.

В моем представлении, государство следует рассматривать как региональную единицу, отражающую социальные или культурные особенности групп людей, или самое большее как удобную административную единицу. Чтобы предотвратить совершение преступления от имени государства, эффективно было бы широкое принятие людьми мира примерно такой интерпретации государства.

Тойнби: Я считаю, что отдельные государства следует лишить их суверенитета и подчинить суверенитету глобального мирового правительства. Даже в этом случае локальные государства все еще играли бы полезную и действительно незаменимую муниципальную роль как органы местного управления — роль, которую выполняют в составе федерации образующие ее государства. Поскольку масштаб всей деятельности продолжает возрастать, я предвижу переход все большего числа прежних административных полномочий отдельных государств в ведение мирового правительства, но, вероятно, будет существовать и минимальный остаток функций, для которых

удобнее сохранить административную децентрализацию. Весомость этих соображений заставляет меня согласиться с тем, что существующие ныне в мире 140 отдельных государств не должны и не могут оставаться политическими единицами, обладающими суверенным правом затевать войну и в то же самое время имеющими право на решающее слово в общественных гражданских делах.

Икеда: Какова Ваша оценка государства как современного учреждения по отношению к индивидуальному человеку? И что Вы ожидаете от государства будущего?

Тойнби: Как я уже сказал, я отношусь к государству, гражданином которого я являюсь, как к общественному учреждению коммунальных услуг, которое подобно организациям, снабжающим меня водой, газом и электричеством. Я считаю, что моя гражданская обязанность состоит в том, чтобы заплатить налоги, так же как и оплачивать мои другие счета, и что мой моральный долг состоит в том, чтобы честно декларировать мои доходы налоговым властям. Но я не считаю, что я и мои сограждане имеем религиозный долг жертвовать своими жизнями на войне ради нашего собственного государства, и тем более я не считаю, что мы обязаны или имеем право убивать и калечить граждан других государств или опустошать их земли. Я лично прежде всего лоялен человечеству, а не моему отдельному государству и не правящим кругам (истеблишменту), которые управляют этим государством.

Однако мое отношение – это позиция лишь одного человека. Человечество в своей массе будет вынуждено отбросить свое традиционное религиозное поклонение локальным государствам, если функции этих государств должны быть ограничены теми, которые представляются мне надлежащими и законными. Я хотел бы видеть государства освобожденными от религиозного влияния, а неживую природу снова священной.

Страны, восприимчивые к коммунизму

Икеда: Хотя Китай, Индия и западноазиатские страны создали великие цивилизации, которые оставили выдающийся след в истории человечества, в последние столетия, оказавшись подвергнутыми колониальному империализму западноевропейских наций, они пришли в упадок. Теперь, когда они восстановили свою независимость и суверенитет, эти страны идут мучительной дорогой возрождения. Индия и западноазиатские страны все еще далеко отстают от Запада из-за политической нестабильности и недостаточности национального капитала.

В отличие от них Китай успешно последовал курсом на восстановление под твердо установленным коммунистическим правлением, которое стабилизировало в нем политическую ситуацию, создало в нем социалистическую плановую экономику, обеспечившую накопление национального капитала. И тут я задаюсь вопросом о том, нужно ли для Индии и западно-азиатских стран, так же как Китаю, выбирать коммунистический строй как единственный путь для успешного восстановления страны?

Преимуществом Китая в процессе восстановления страны являются не только коммунистические идеи, но и наличие великого вождя в лице Мао Цзэдуна. Необходимо учесть то, что наличие хорошего лидера является одним из важнейших условий успеха. Мао оказался способным создать новый Китай, приспособив марксизм-ленинизм к исторической и духовной традиции своей страны. Без сомнения, именно благодаря выдающемуся предводительству Мао китайская коммунистическая революция была успешной.

Тойнби: Я диагностирую коммунизм как религию и определенно как новую разновидность иудаизма, в котором иудейская мифология сохранена под маской атеистической лексики. Общей особенностью всех иудаистских религий является жесткая организация и строгая дисциплина. В этом состоит положительная сторона их исключительности и нетерпимости.

Людям необходима дисциплина, и они подчиняются ей в моменты кризиса, а все общества вне западной цивилизации находятся в состоянии кризиса с той поры, как западная цивилизация стала оказывать на них свое сильное воздействие. Этот вызов заставил их попытаться совершить форсированный марш, чтобы наверстать отставание в тех областях, прежде всего в области технологий, в которых современный Запад был временно значительно более мощен, чем остальная часть мира. Форсированный марш требует дисциплины военного типа. Коммунизм обеспечивает дисциплину именно такого типа. Поэтому коммунизм – это полезная религия для общества, которое вынуждено пытаться обрести силы для ассимиляции чуждой цивилизации, особенно тогда, когда это общество находится под угрозой полного краха в случае, если его самостоятельное преобразование будет недостаточно быстрым и решительным.

Икеда: Коммунизм – это учение о том, как следует разрешать земные социальные проблемы, он же определяет образ жизни человека с этой точки зрения. В этом смысле он отличается от прежних религиозных учений. Большинство религий основываются на вере об идеальном мире, существующем за пределами нашего реального мира, и на стремлении к вечному

миру, находящемуся за пределами этой жизни, в то время как коммунизм почти не затрагивает эти потусторонние вопросы.

И в этой связи снова привлекает внимание случай Китая. Я считаю, что принятие китайцами коммунизма прошло сравнительно легко благодаря тому, что их традиционные философии были рационалистическими. Хотя даосизм довольно сильно окрашен мистицизмом, конфуцианство – это полностью рационалистическая политическая и жизненная философия. Это означает, что у китайцев была развита нерелигиозная духовность и они привыкли к рациональному образу мышления, что способствовало их восприятию марксизма-ленинизма.

Западноазиатский исламский мир составляет контраст такому Китаю. Там Аллах является абсолютным божеством, и наряду с этим этот всемогущий Бог со своей абсолютной позиции регулирует реальное общество и земную жизнь человека. С учетом такого характера их духовности, хотя и нельзя быть уверенным на сто процентов, но по сравнению с китайцами им значительно труднее принять коммунизм.

Тойнби: Коммунизм – в одном из своих аспектов – это неуклюжая форма современной западной религии научного рационализма может относительно легко восприниматься в такой стране, как Китай, где преобладающая местная традиция, такая, как конфуцианство, является рационалистической и авторитарной. До сих пор мусульмане показывали, что коммунизм вызывает у них неприязнь. Это, конечно, удивительно, поскольку ислам – это более рационалистическая форма иудейской религии, чем христианство, и он, по крайней мере, в такой же степени авторитарен. Слово «ислам» означает самоподчинение. Турки, которые, как и китайцы, являются столь же гордым постимперским народом, заплатили за свою медлительность в усвоении западной цивилизации унижениями, подобными тем, которые когда-то были нанесены китайцам. Однако турки, в отличие от китайцев, в конечном счете совершили свой форсированный марш, не прибегая к коммунизму. Арабы подвергались намного более глубокому унижению, чем турки, и все же они также проявили неприятие коммунизма, хотя внешне они пошли на компромисс с коммунизмом, принимая российскую помощь против Израиля и Соединенных Штатов. Невосприимчивость ислама к коммунизму озадачивает меня.

Икеда: Пожалуй, это можно интерпретировать так. Для мусульман со всей ясностью определен объект поклонения, то есть абсолютная власть. Тот, кому они подчиняются, – это Аллах. Более того, этот Бог господствует

не только в потустороннем, но и в реальном мире в качестве мощной регулирующей силы как в общественной, так и в личной жизни. Следовательно, там не существует более места для появления другого нового объекта поклонения или подчинения. Я полагаю, что именно поэтому мусульманам трудно воспринимать коммунизм.

Тойнби: В принципе верно, что мусульмане признают только власть Аллаха в интерпретации признанных экспертов закона Мохаммеда. Но практически начиная с ранней истории ислама они приняли автократическое, политическое, светское правление. Конечно, предполагается, что эти светские правители должны повиноваться исламскому религиозному закону, последнее слово в котором принадлежит признанным экспертам; фактически большинство исламских правительств были очень деспотическими.

Сегодня современный национализм заразил исламский мир. Две страны дают выдающиеся примеры его воздействия: одна из них – Турция после Первой мировой войны, а другая – Пакистан после ухода оттуда британцев.

Первое, что сделали турки после Первой мировой войны, – отмена Оттоманской династии. Это не противоречит исламскому закону, который не декретирует, что мусульмане должны управляться диктаторами. Но некоторые шаги турецких реформаторов действительно нарушили исламский закон и поэтому очень шокировали других мусульман. Турки секуляризовали государство, отменив халифат, который был наследием политических, в отличие от религиозных, функций пророка Мохаммеда. Кроме того, они перевели Коран на турецкий язык, тогда как, согласно закону ислама, он должен быть только на арабском языке. Другими словами, в Турции национализм оказался сильнее закона ислама.

Пакистан, представляя собой несколько иной случай, стал государством вследствие желания индийских мусульман объединиться. До того они жили по всей территории Индии и, как индусские хинди, принадлежали ко многим разным расам, но решили объединиться, чтобы сформировать собственное государство. Полагая, что ислам преодолее расовые и языковые различия, они сконцентрировали всех индийских мусульман на той территории, которая является теперь Западным Пакистаном, и на той, что теперь называется Бангладеш. Они никогда не думали, что ислам не может быть постоянным эффективным связующим средством между этими двумя регионами. Но неприятности не заставили себя ждать. Народы Бангладеш отказались принять язык урду, официальный язык Западного Пакистана, в качестве собственного официального языка. Они также отказались использовать арабский алфавит и предпочли вместо этого

бенгальскую систему письма, общую для индусских и мусульманских бенгальцев. Другими словами, в Бангладеш, как ранее в Турции, национализм одержал победу над исламом. Теперь, конечно, Бангладеш отошел от Пакистана по националистическим принципам.

Все это явилось ужасным ударом по исламскому единству, но ислам в конце концов не более невосприимчив к национализму, чем христианство. В обеих этих верах фанатизм передается государству от религии.

Икеда: Другими словами, мощная объединяющая способность, которой когда-то обладал ислам, теперь стал силой, ведущей мусульман к национализму.

Восприимчивость к национализму наблюдалась и в процессе перехода к коммунизму в Китае. Иными словами, Китай достиг коммунизма не прямолинейно, а пройдя через верстовые столбы националистических идей. Этот промежуточный процесс до сих пор дает свои отблески на китайское общество, которое успешно перешло к коммунистическому строю, придавая ему немаловажные особые черты характера.

Эта китайская двойственность чрезвычайно интересна. Обычно коммунистические идеалы понимаются как идеология, которая упразднит расы и нации. Хотя на деле под знаменами антиимпериализма и антиколониализма коммунисты поддерживают национально-освободительное движение в разных уголках мира, они всегда утверждали и утверждают, что отмена наций и единство всех народов – это их идеал. Очевидно, однако, что этот идеал не полностью согласуется с нынешним положением в коммунистическом Китае, который склоняется к национализму. Если принимать во внимание и те потенциальные факторы, определяющие дальнейшее направление Китая, то, может быть, нужно признать, что его общество не укладывается в простые рамки коммунизма или национализма. Если да, то необходимо проанализировать, откуда берет свое начало такой сложный характер Китая. И чтобы найти ответ, мы должны еще раз исследовать дух конфуцианства, который был основополагающей философией в течение всей китайской истории.

Исторически китайская духовность образовалась под воздействием конфуцианства, которое учит личность следовать большому порядку и признает властвование над умами. Согласно этому учению, объект почитания изменяется в зависимости от ситуации, и это могут быть родители, старшие, короли или лидеры. На основе этого конфуцианство выдвигает идеал «благородного мужа» и его следования за «велением Неба». Оно также систематически предоставляло людям морально-политическую идею

о самосовершенствовании, об основе добродетелей и о методе правления страной и обеспечения мира.

Я полагаю, что эта духовность составляет основу национального характера и современного коммунистического Китая. Как раз благодаря этому люди в Китае без особых противоречий смогли принять Маркса, Ленина и Мао, а также саму идею коммунистического общества в качестве объекта преданности.

Кстати, коммунизм в Китае часто сравнивается с коммунизмом в Советской России, в стране, где в течение многих веков глубоко укоренилось восточное православное христианство. Религиозная традиция России носила идеалистический характер, в то же самое время имела мистический и иррациональный характер. Но коммунистическая революция под руководством В. Ленина повернула эту духовную традицию сразу и одним махом в материалистическую и рациональную идею. Я понимаю, что нельзя упускать из виду, что процесс резкой социальной реформы сопровождался насилием и трагедией принесения в жертву множества людей. Но тем не менее российская революция показала возможность для тех национальных государств, которые имеют антиматериалистическую и иррациональную религию, тоже стать коммунистической страной. Хотя, конечно, нужно учесть еще то, что российская революция была беспрецедентной. После нее подобным курсом последовал целый ряд стран, притом в большинстве случаев эксперименты проходили по методу проб и ошибок. При взгляде на нынешнее положение в этих странах постепенно выясняется, что коммунизм не всегда и не обязательно приводит к реализации идеального общества.

Тойнби: Как и коммунизм, восточное православное христианство авторитарно. Возможно, это частично объясняет, почему коммунизму (и также его предшественнику в России, западной, «просвещенной», абсолютной монархии, введенной Петром Великим) удалось завоевать Россию, несмотря на расхождение между западным коммунистическим и докоммунистическим рационализмом и иррационализмом христианства.

Я полагаю, что это расхождение в действительности не столь велико, как это кажется, потому что под своей рационалистической маской коммунизм сохранил большую долю унаследованной им иудейской иррациональности. Например, идея диктатуры пролетариата имеет много общего с иудейской идеей избранного народа. Ни одна из этих позиций не является ни рационалистической, ни благотворной.

Икеда: Как Вы оцениваете, какова перспектива у коммунизма быть принятым Индией или другими обществами? Например, в Индии учение индуизма распространяется на все аспекты жизни общества, как бытовые, так и социальные обычаи и традиции. Мне думается, что специфическое мировоззрение индуизма, позволяющее сохранять кастовую систему, может стать серьезным препятствием для внедрения в этой стране идей коммунизма о классовой борьбе или создании бесклассового общества.

Тойнби: У коммунизма бесперспективные шансы в таком глубоко иррационалистическом обществе, как индусское, или в обществе, которое не стоит перед необходимостью совершить форсированный марш, чтобы догнать Запад.

Всемирный патриотизм

Патриотизм и любовь к человечеству

Икеда: Любовь к своей стране и обществу и желание содействовать их развитию — это естественное, красивое чувство, подсказанное природой человека, стремящейся к самосохранению и самосовершенствованию, и проявленное в социальном формате. И человек должен дорожить этой важной эмоцией. Без нее наверняка человеческое общество не могло бы достигнуть сегодняшнего развития. Однако как только эта естественная для любого человека любовь к своему обществу привносится и используется для конфронтации между нациями, она начинает принимать подозрительную окраску. Возможно, это потому, что амбициозная логика государства, как правило, далека от реальностей повседневной жизни человека, но, несмотря на это, человек вынужден согласиться в своей душе с этой логикой, чтобы оставаться патриотом.

Межгосударственные отношения порой рассматриваются как противостояние, что неизбежно порождает стремление занять доминирующую позицию перед другими странами. В этом стремлении государство поощряет и прививает в сознание своих граждан чувство превосходства собственной страны. На Западе подобное чувство превосходства своей страны подкреплялось идеей избранного народа древнего иудаизма, а затем христианства и далее было превознесено до понятия государства, пользующегося благоволением Бога. В Японии в период Мэйдзи в качестве духовной опоры нации тоже было использовано понятие «Япония — страна богов».

Сколько раз чистые патриотические души юношей были искажены, использованы и затоптаны узким национализмом! И каждый раз в этих

случаях сентиментальная любовь к родной стране незаметно превращалась в неприязнь и пренебрежение к другим странам, а стремление к развитию – в самопожертвование во имя государства.

Тойнби: Та разновидность патриотизма, которая привела столь многих молодых людей во всем мире к трагедии и истреблению и в мировых войнах, и в большинстве других войн, которые велись со времен американской и французской революций, по моему мнению, является древней религией, в которую вновь впали западные народы, когда они почувствовали, что оказались в религиозном вакууме в результате современной утраты веры в религию своих предков – христианство. Эта реанимированная дохристианская религия есть почитание коллективной власти местного сообщества. Такой была религия граждан каждого из шумерских и греческих городов-государств.

В греко-римской истории это почитание местной коллективной власти было в конечном счете заменено почитанием коллективной власти Римской империи. Римская имперская власть была всемирной в том смысле, что Римская империя в представлении ее жителей была всем, что только существует под небесами. Однако это в течение многих столетий происходило одновременно с существованием более древней китайской империи, которая аналогично, насколько было известно ее жителям, была единственным, что существовало в поднебесной. Христианские мученики считали, что почитание римской имперской власти было неудовлетворяющей и неудовлетворительной религией, и они предпочли пожертвовать своими жизнями, чем выполнять обряды, которые символизировали принятие этой религии.

По моему мнению, христианские мученики были правы. Культ бога Цезаря и богини Рима был менее пагубной формой почитания коллективной человеческой власти, чем культ Афины – богини, которая выступала за местную коллективную власть города-государства Афин. Почитание всемирной коллективной человеческой власти дало человечеству политическое единство и тем самым мир. Но коллективная человеческая власть, местная ли или всемирная, конечно, не является подходящим объектом для почитания.

Икеда: Я согласен с Вами в том, что национальное сознание или националистический антагонизм базируется на вере в локальную коллективную силу, и ошибочно считать эту людскую коллективную силу объектом преклонения.

Сегодня в результате расширения сферы человеческой деятельности в глобальном масштабе самосознание современников сильно изменилось и уже не похоже на прошлое, когда человек был скован замкнутыми рамками одного государства и верил в необходимость национального государства для поддержания его жизни. Для современного человека родное место, где он живет, — это мир и Земля.

Следовательно, если искать идею подлинного патриотизма в душе современных людей, то это должен быть всемирный патриотизм, проявляющийся в любви ко всем людям на земле и ко всему миру как «к моей родине». При этом прежнее чувство любви к своей стране, возможно, превращается в нежное чувство, похожее на «любовь к родному краю».

Тойнби: Теперь, когда вся естественная среда обитания человечества объединена на техническом уровне, нам необходимо объединить ее на эмоциональном уровне. Политическая преданность, которая до настоящего времени проявлялась по отношению к местным клочкам нашей среды обитания и местным народам и правительствам этих клочков, теперь должна быть перенесена на весь человеческий род и на весь мир — на самом деле на всю Вселенную. Стоическая школа греческой философии утверждала, что человек является гражданином Вселенной. Китайский философ-неоконфуцианец Чень Хао утверждал, что человек (или основа гуманности) относится к небу, земле и всему сущему как к единому телу. Для него нет ничего, что не было бы им самим. Он относится к миру как к единой семье.

Я полагаю, что правильным объектом преклонения для человека является высшая духовная реальность внутри, вне и по ту сторону Вселенной. Как мне представляется, эта абсолютная реальность — любовь. Я согласен с неоконфуцианским философом Ван Ян-мином (1472–1529), который говорит, что самой высокой целью является наивысший принцип проявления характера и любви к людям. Я считаю, что человек должен следовать любви, даже если она ведет его к самопожертвованию. Любовь — это духовный импульс, состоящий в том, чтобы отдавать вместо того, чтобы брать. Это импульс, направленный на то, чтобы вернуть себя к гармонии с остальной Вселенной, от которой личность была отчуждена своей врожденной, но не непреодолимой эгоистичностью.

7. ВООРУЖЕНИЯ И ВОЙНА

Экономический рост и война

Икеда: В прошлом война воспринималась как одна из форм политики и дипломатии, осуществляемая посредством вооруженной силы. Однако все более очевидным становится то, что современная война и подготовка к ней мотивированы не столько политическими факторами, сколько экономическими.

Вопрос о том, каким образом человеческая цивилизация может полностью отказаться от ведения войны, требует всестороннего рассмотрения. И аргументы для выделения госбюджета на оборону и армию в каждой стране имеют свои особенности. Но тем не менее нельзя отрицать, что одним из важнейших факторов, втягивающих страны в войну, является стремление к гипертрофическому увеличению масштаба национальной экономики.

С учетом этого если бы стало возможным найти сценарий, предотвращающий войну и подготовку к войне без торможения экономического развития, то это явилось бы большим шагом вперед к мирной цивилизации человечества.

Тойнби: Это утверждение Клаузевица, философствовавшего прусского штабного офицера, о том, что война – это дипломатия, проводимая другими средствами, является преднамеренно провокационным в том, что оно игнорирует этическое различие между дискуссией ради достижения согласия, и физической пробой сил, при которой конфликт интересов или различие взглядов решаются грубой силой. Возможно, было бы ближе к истине сказать, что война – это возмездие за провал дипломатии. Это верно, что иногда война улаживала споры, которые дипломатия была не в состоянии решить, но ценой такого урегулирования средствами войны были широкомасштабные смерть и опустошение, приводившие к созданию новых проблем, которые часто решались новыми войнами, ведущими в свою очередь к еще большему количеству войн. История показывает, что урегулирование спора посредством войны редко бывает удовлетворительным и по этой причине редко бывает долговременным.

Икеда: Я верю, что нам самым решительным образом необходимо отказаться от всяких теорий, признающих и одобряющих ведение войны, в том числе и от утверждения Клаузевица. Война – это бесспорное зло и угроза достоинству жизни.

Однако, к сожалению, похоже, что в наше время те государства, которые достигли высокого уровня экономического развития, имеют такую промышленную и экономическую структуру, которая нуждается в подготовке к войне. Во всяком случае, очевидно, что война и военная подготовка используются в качестве одного из эффективных вариантов для решения проблемы простоя излишней мощности крупных промышленных производств.

Если посмотреть на ход истории, нужно признать, что война часто служила импульсом для экономического развития. В стране, которая ведет войну и для которой война является приоритетом, мобилизуются все ресурсы. Вся деятельность общества контролируется и систематизируется в военных целях и перестраивается самым рациональным и эффективным образом для достижения конечной цели – победы. В такие времена к обычным усилиям прибавляется аномальная сила людей, маловероятная при обычных обстоятельствах.

Под влиянием двух мировых войн были быстро проведены исследовательские работы и созданы самолеты, ракеты и была освоена ядерная энергия. Использование их в мирных целях после завершения этих войн принесло человечеству благо.

Увеличивая спрос и потребность в рабочей силе, война и военные заказы играют важную роль и для экономического развития, и для предотвращения его нестабильности, но при этом устанавливается своего рода замкнутый круг, в котором развитые экономические системы вызывают новые войны, а войны стимулируют дальнейший экономический рост.

Тойнби: В пятом веке до н.э. греческий философ Гераклит сказал, что война – отец всего сущего. Война давала стимул для технологического и экономического развития. Движущие силы войны – экономические ресурсы, а оружие – это продукты технологии. Воюющие стороны до предела развивают свое технологическое мастерство и экономические ресурсы, потому что, когда они борются за выживание, их силы напрягаются до самой высокой степени.

Здесь, однако, мы приходим к возмездию войны. Так как одна война имеет тенденцию порождать новые войны, сопровождающий ее прогресс технологии и рост избыточной продукции в обществе, которая может быть

израсходована на войну, имеют тенденцию превращать каждую последующую войну в более разрушительную, чем предыдущие, пока наконец война не станет настолько хронической и настолько разрушительной, что ее станет необходимо отменить, отменив суверенитеты враждующих государств.

Икеда: Современные люди, испытавшие ужасы войны, понимают, что нельзя допускать последующих войн, так как они угрожают нашей цивилизации и нашему дальнейшему существованию на этом земном шаре. Я считаю, что для отмены войны необходимо осуществить глубокую реформу промышленной и экономической структуры, предполагающую альтернативные стимулы и тем самым исключаящую саму потребность в войне. Вместо войны необходимо найти другие меры, способные давать серьезный импульс национальной экономике. Ими могли бы стать такие капиталоемкие программы, как, например, повышение качества социального обеспечения и образования, программа строительства качественного жилья или оказание массивной помощи третьему миру.

Тойнби: Война – это только самая дорогостоящая альтернатива из множества возможных экономических стимулов; будучи самой дорогостоящей, она, конечно, наименее желательна. В ближайшем будущем у нас не будет недостатка в невоенных стимулах. В быстро приближающейся следующей стадии истории человечество должно будет максимально мобилизовать себя, чтобы просто обеспечить свое выживание.

Мы должны будем стабилизировать мировую экономику, остановить демографический взрыв и восстановить религию в качестве главной человеческой ценности, какой она была в прошлом и какой она должна всегда быть. Перед нами будет более чем достаточное поле деятельности, чтобы вызвать наши наилучшие силы. Нам не только не будет нужна война, но при этом мы себе не сможем ее позволить.

Мирное использование ядерной энергии

Икеда: В решении проблем, связанных с дальнейшим обеспечением энергетических ресурсов, особо важное место занимает вопрос мирного использования атомной энергии.

Первая международная конференция по использованию атомной энергии в мирных целях, проведенная в Женеве в 1955 году, проложила путь развития в этом направлении. С той поры передовые страны соперничают в освоении мирного использования этого многообещающего источника энергии. Я в принципе поддерживаю такое направление.

С девятнадцатого до начала двадцатого столетия основным энергоресурсом был каменный уголь. Затем его сменила нефть. И хотя сегодня она играет главную роль на мировом энергетическом рынке, специалисты признают, что всемирные запасы углеводородных ресурсов иссякнут в не столь отдаленном будущем. В частности, бурное развитие промышленности в двадцатом веке расточает энергетические ресурсы, которые природа неустанно накапливала с незапамятных времен.

Атомная энергия, кстати, тоже не является вечной, поскольку она используется в качестве топлива минеральное сырье, которое так же иссякаемо. Но тем не менее с точки зрения ее перспективности в мировой энергетике, а также с учетом ее эффективности по удельной теплотворной способности она может успешно заменить нефть и уголь.

Однако, как широко известно, атомная энергия, содержащая в себе и огромную опасность, является своего рода обоюдоострым мечом. В то время как она может внести чрезвычайно большой вклад в благосостояние человечества, злоупотребление ею может уничтожить человеческий род. Кроме того, в атомной энергетике еще осталось немало неразрешенных задач, таких, как правила обращения и безопасности, вопрос хранения и переработки отработанного топлива и многих других. По сложности этих задач она несравнима с нефтью или углем. Следовательно, одобрение мирного использования атомной энергии постоянно должно сопровождаться дальнейшими исследованиями и усилиями для устранения проблемных моментов и опасности.

Наиболее важная задача атомной энергетики состоит в том, как предотвратить достигнутые в мирных целях научно-исследовательские результаты от злоупотребления в военных целях.

Тойнби: По упомянутым Вами причинам развитие атомной энергетики в мирных целях является желательным и действительно необходимым.

Я согласен с тем, что это наиболее опасная из всех неорганических источников энергии, которые до сих пор использовались человеком.

Икеда: Необходимо создать всемирную организацию для совместного исследования и сотрудничества по вопросам атомной энергии, в том числе для разработки общих правил обращения с ней, захоронения отработанного топлива и других. В частности, в целях обеспечения мирного использования атомной энергии я хотел бы предложить создание международного инспекционного органа, возможно под эгидой ООН, который будет наделен полномочиями и инструментами, чтобы он мог провести проверку и

инспекцию состояния атомной промышленности любого государства в любое время, когда он сочтет это необходимым. Ни одна страна, включая те, которые предположительно не имеют ядерного оружия, не должна иметь право отказаться от инспектирования.

Считаю, что полномасштабное использование атомной энергии в мирных целях должно предполагать ядерное разоружение, если не реально все сразу, то хотя бы поэтапно. Кроме того, все исследования и разработка технологии по использованию атомной энергии должны быть открытыми, чтобы обеспечить к ней равный доступ всему человечеству.

Я хотел бы, чтобы данное мое предложение было рассмотрено отдельными странами для его применения внутри своей страны на уровне государственной политики. Например, для Японии с учетом ее мирной конституции абсолютно недопустима любая возможность конверсии ядерной технологии для использования в военных целях. Для предотвращения этого Япония могла бы создать инспекционную комиссию в составе представителей всех политических партий, ученых, экспертов и представителей населения. Этой комиссии нужно предоставить права проведения атомной инспекции на постоянной основе и независимый статус, гарантирующий, что в ее деятельность и решения не может вмешиваться правительственная власть.

Нужно отметить еще одну, более глубокую и неотложную проблему, без решения которой трудно добиться подлинно мирного использования атомной энергии. Это противостояние стран, обладающих ядерным оружием. Если мы желаем мира и улучшения благосостояния человечества, ясно, что мы не можем обойти эту проблему.

Тойнби: До тех пор пока народы мира не придут к согласию об отказе от использования атомной энергии в военных целях и до тех пор пока мы не создадим всемирный орган, наделенный действенными полномочиями гарантировать то, что этот отказ скрупулезно уважается на практике, для нас будет не безопасно продолжать использование атомной энергии в мирных целях.

Эффективный всемирный орган для контроля над использованием атомной энергии предполагает создание эффективного мирового правительства, — под этим я подразумеваю правительство, которое было бы способно обеспечить свою власть во всем мире так же эффективно, как Цинь Ши Хуан-ди был способен подчинить своей власти весь Китай после 221 года до н.э., и так же эффективно, как Хидэёси и Иэясу смогли установить свою власть над всей Японией.

Необъявленные войны и Азия

Икеда: Во Вьетнаме, наконец, был положен конец многострадальной войне, в которой за прямыми участниками стояли более крупные державы, заинтересованные в укреплении своего влияния. Но в Камбодже все еще дымят огни. Не только эти страны, но в мире, в разных уголках планеты, немало маленьких и средних государств находятся под постоянной угрозой возникновения региональных войн из-за антагонизма между сверхдержавами, каковыми являются противостоящие США – СССР, США – КНР, или же КНР – СССР.

Какова, по Вашему, вероятность повторения такой трагедии как, скажем, война во Вьетнаме? Чему больше всего необходимо уделить внимание и в чем проявить осторожность малым и средним странам, чтобы избежать быть втянутыми в подобную инициированную державами войну?

Тойнби: К сожалению, независимо от того, насколько осторожны будут малые и средние страны, они, вероятно, окажутся вовлеченными в войны подобного рода вопреки их желанию. Например, Камбоджа, маленькая не воинствующая страна очень миролюбивых людей, стала жертвой американской политики в Юго-Восточной Азии. Соединенные Штаты решили, что Северный и Южный Вьетнам не должны объединиться. Северный Вьетнам бросил вызов этому решению США и решил предпринять военные действия. Однако для этого единственным способом было проводить боевые операции вдоль тропы Хо Ши Мина, проходящей через Камбоджу. Камбоджийцы были бессильны. Если бы они попытались остановить происходившие события, северовьетнамцы вторглись бы в страну. У принца Сианука не было иного выбора, как только позволить северовьетнамцам пользоваться этим путем. Президент Никсон совершил грубую ошибку, распространив войну на территорию Камбоджи, в результате чего разбушевалась гражданская война и разрушила когда-то мирную страну. Самым трагическим было то, что камбоджийцы были бессильны и невиновны.

Другие страны Юго-Восточной Азии тоже были втянуты во вьетнамский конфликт. Таиланд, как и Япония, независимое государство, которое никогда не находилось под колониальным господством, вряд ли мог отказать, когда Соединенные Штаты оказали давление, чтобы добиться разрешения на строительство авиабаз на его территории. Таким образом, Таиланд против своей воли оказался вовлеченным в эту войну. Австралия и Новая Зеландия, маленькие страны, которые на примере падения Сингапура поняли, что Британия не может более защитить их, обратились к Соединенным Штатам,

поскольку у обеих этих стран был вполне реальный, даже если и необоснованный, страх перед Восточной Азией. Соединенные Штаты заставили их принять участие во вьетнамской войне вопреки их предпочтениям.

Икеда: Современное положение мирового сообщества, в котором почти всецело властвует сила, красноречиво доказывает неизбежность для малых и средних стран в той или иной форме быть втянутыми в конфликты, инициированные сверхдержавами. И все же мне хочется задаться вопросом: не было ли какого-то альтернативного выбора для Камбоджи, Австралии и Новой Зеландии? Например, решительное заявление о своем полном нейтралитете относительно войны во Вьетнаме. Согласно этому Камбоджа могла бы отказать в проходе через ее территорию как северным, так и южным вьетнамцам. Таиланд мог бы сказать «нет», когда Соединенные Штаты испрашивали разрешение на строительство баз на его земле. А Новая Зеландия и Австралия могли бы отклонить предложение направить свои войска сражаться во Вьетнаме.

Вполне очевидно, это осложнило бы отношения Камбоджи с Северным Вьетнамом, Китаем и Советским Союзом, а Таиланда, Австралии и Новой Зеландии с Соединенными Штатами. Но, с другой стороны, такая решительность малых государств могла бы заставить мировое сообщество задуматься и переосмыслить обоснованность принципов взаимной обороны и коллективной безопасности, которые доминируют в отношениях между государствами в этот век озабоченности военной мощью.

Это большая и трудная проблема, но мне представляется, что в мире, в котором пожар войны быстро распространяется от одной страны к другой, безотлагательно необходимо выработать новые принципы, определяющие международные отношения. Концепции взаимной обороны и коллективной безопасности были сформулированы в качестве эффективной обороны против захватнических войн. Однако они фактически не только не смогли проявлять свою эффективность, но в итоге даже послужили причиной возникновения двух мировых войн. Со времени этих войн вследствие изобретения ядерного оружия произошло качественное изменение войны. В современной войне речь не идет о справедливой победе, поскольку такая победа с ее разрушительной мощью способна унести с лица земли всех и вместе с ними и справедливость.

Учитывая историю Камбоджи, Таиланда, Австралии и Новой Зеландии и то, что они были втянуты в войну вопреки собственной воле из-за их международных связей с инициатором войны, в будущем, для того чтобы

избежать подобного, следует пересмотреть основные правила международных отношений. Такой пересмотр отношений должен происходить в многостороннем формате, но не в двустороннем порядке, поскольку малым и средним государствам сложнее раздельно договориться с большим государством. И когда малые государства вместе определяют единую позицию, большим государствам гораздо сложнее влиять на них, что в свою очередь делает ведение войны невозможным.

Тойнби: Конечно, не всегда страны вовлекаются в конфликты с другими странами просто из-за участия в объединениях, подобных описанным Вами соглашениям о коллективной безопасности. Возьмите, например, трагический случай с Ливаном, состав населения и географическое положение которого почти неизбежно вовлекает его в состояние войны с его ближайшим соседом, Израилем. Хотя Ливан и маленькая, но наиболее передовая и развитая страна из всех арабских стран. Ливану, в свое время полностью христианской стране, досталось в наследство значительное мусульманское население, когда после Первой мировой войны Франция отобрала принадлежавшие Турции большие мусульманские территории в Ливане и Сирии и, присоединив их к Ливану, удвоила размеры Ливанской Республики. В настоящее время численность христианского и мусульманского населения в Ливане почти одинакова, хотя христиане являются более богатыми и квалифицированными. Естественно, мусульмане, которые не желают быть под властью христиан, симпатизируют арабским партизанам. Это означает, что проблема отношений между Израилем и Ливаном превращается для Ливана во внутреннюю проблему отношений между мусульманами и христианами. Эта ситуация привела Ливан на грань гражданской войны. И хотя Ливан был очень осторожен, ему не удалось остановить деятельность арабских партизан со своей территории, так же как и израильтян, совершавших рейды на ливанскую территорию в качестве возмездия против партизан. Это трагедия Ливана, но не его вина.

Икеда: Ливанская проблема — это одна из тех очень щекотливых проблем, при которых серьезный внутренний раскол, став частью международного конфликта, угрожает втянуть в войну всю страну. Я думаю, что для решения подобной проблемы стороны, конфликтующие внутри страны, должны создать условия, при которых возможна была бы «честная игра»; это значит, что ситуация должна позволить им своими силами смело и эффективно решить собственные проблемы. Если им помешают сделать это и возобладает безысходность, то они, вероятнее всего, станут искать внешнюю

помощь; это неизбежно создаст угрозу их собственной национальной безопасности.

Тойнби: Вы затронули два очень важных вопроса, требующих дальнейшего рассмотрения: честная игра, или социальная справедливость, и безысходность. Совершенно безнравственно доводить людей до отчаяния, лишая их социальной справедливости. Так обстоит дело с палестинскими партизанами. Начиная со времени Декларации Бальфура* от 1917 года мир относится к коренным палестинцам как к ничтожествам, которыми можно пренебречь и которых можно не принимать в расчет. Однако палестинцы – это люди, которые, как и вьетнамцы, сопротивляются такому отношению и дают выход своему сопротивлению в бессмысленных актах партизанской войны и терроризма. Хотя только меньшинство народа прибегает к таким методам, но даже это меньшинство наглядно свидетельствует о том, что отчаяние приводит к взрывам насилия.

Аналогичные ситуации можно наблюдать в других частях мира, где один народ попирает или неоправданно относится к угнетенному народу: американские индейцы в Вундед Ни (Wounded Knee), чернокожие партизаны в Родезии. Решение этой проблемы очень простое – отнеситесь справедливо к американским индейцам, палестинцам, родезийским чернокожим, и мир будет избавлен от вынужденных переживаний от ужасов Вундед Ни и партизанских преступлений или израильских актов возмездия, которые сами по себе преступны.

Икеда: Вы абсолютно правы. Самое первое требование, которому должны соответствовать люди, находящиеся у власти в любой стране, состоит в том, чтобы они относились ко всем находящимся под их управлением людям справедливо и чтобы они предоставляли равные права и возможности всему своему народу, а не только какой-то избранной группе. Такое отношение представляет собой сегодня фундаментальное политическое условие и является важнейшим как для счастья отдельных народов, так и для мира во всем мире.

Прежде чем оставить эту тему, я хотел бы вернуться к тому, что мы называли необъявленными войнами, и спросить Ваше мнение о том, почему после Второй мировой войны так много конфликтов подобного рода произошло на Востоке?

Тойнби: Причина, из-за которой происходили войны и на Ближнем Востоке, и в Корее, и Юго-Восточной Азии, состоит в том, что в этих

регионах мира Соединенные Штаты могли вести войну, не подвергаясь серьезной опасности вмешательства со стороны русских или китайцев. Народы Черной Африки все еще слишком слабы, чтобы вести войну, и южноамериканские государства слишком разобщены между собой и находятся под слишком сильным господством Соединенных Штатов. Что касается Европы, поскольку Соединенные Штаты и Советский Союз не смогли установить прочные добрые отношения, то Европа – слишком опасное место, чтобы идти там на риск развязывания военных действий.

Самооборона и Конституция Японии

Икеда: С давних времен большинство стран поддерживали военную мощь в целях самообороны. Отнюдь не являясь исключением из этого правила, наш нынешний век по военной мощи превзошел все мыслимые в прошлом пределы. Соответственно поэтому намного увеличились и расходы, необходимые для поддержания современных военных учреждений. Страны, обладающие ядерным оружием, заявляют, что самооборона является их главной целью. Однако размеры их ядерных арсеналов намного превышают то, что потребовалось бы для защиты от агрессии. Запасы их вооружений настолько огромны по своим масштабам и настолько ужасны по своей природе, что если они когда-нибудь будут использованы, то и страна-противник, и страна, применившая это оружие, и, вероятно, весь мир подверглись бы серьезнейшей угрозе. Все это приводит меня к мысли о том, что современная военная мощь должна рассматриваться как нечто совершенно отличное от сил самообороны, с которыми человек знаком на протяжении веков. Я не нахожу никаких причин, которые оправдывали бы военную мощь в современном мире.

Тойнби: Наиболее эффективным средством национальной самообороны в современной международной обстановке является отказ от материального обладания вооружениями и от содержания вооруженных сил, за исключением национальных полицейских сил для поддержания внутреннего правопорядка с минимальным использованием оружия. Отказ от вооружений и вооруженных сил, предназначенных для защиты от нападения со стороны какого-либо иностранного суверенного государства, должен, конечно, сопровождаться отказом от любых национальных действий или политики, которые могут причинить действительный вред другим странам или дать иностранным правительствам законный повод для протеста.

Большинство правительств и большинство отдельно взятых граждан ныне согласны с тем, что агрессия одного независимого государства против другого является преступлением. Весьма показательно, что национальные министерства и национальные бюджеты, предназначенные для ведения войны, в настоящее время обычно называются «министерствами обороны» и «бюджетами обороны», а не «военными министерствами» и не «бюджетами для войны», как никогда они не назывались «министерствами агрессии» и «бюджетами для агрессии».

Икеда: Еще худшим, чем подобные эвфемизмы, является откровенное надувательство, когда молодых людей призывают жертвовать своими жизнями ради вымышленной самообороны, скрывающей под собой агрессивность. Слишком часто политические силы оправдывают национальной обороной совершаемые вторжения, которые ввергают в глубокие страдания и подвергшихся вторжению и самих вторгшихся. Я убежден, что те примеры, когда военные действия велись действительно ради самообороны, весьма редки.

Тойнби: Однако в действительности организацию, вооружение и призыв в армию для обороны невозможно заблаговременно отличить от тех же приготовлений с намерением напасть. Поэтому приготовления, которые якобы ведутся для обороны, возбуждают подозрения, что они могут на самом деле вестись с целью нападения. Это подталкивает страну, которая чувствует для себя угрозу, предпринимать контрподготовку, и поскольку однажды гонка вооружений началась, каждый из соперников может испытывать соблазн попытаться выиграть эту гонку, начав неожиданное нападение, и оправдать этот акт агрессии, назвав его превентивной войной.

После поражения Германии в Первой мировой войне Дания отказалась вернуть себе от Германии часть Шлезвига, большинство населения которого составляют немцы, несмотря на то что вся территория Шлезвига была отторгнута от Дании Пруссией и Австрией в войне 1864 года. Затем между двумя мировыми войнами Дания фактически разоружилась. Во время Второй мировой войны Германия неспровоцированно оккупировала Данию, однако граница между Данией и Германией, которая была установлена после Первой мировой войны, оказалась одной из немногих (на территориях, временно оккупированных гитлеровскими войсками), которую Гитлер воздержался изменить в пользу Германии. Таким образом, разоруженческая политика Дании в сочетании с ее прежним отказом совершить

несправедливость в территориальном вопросе, была бы оправданной даже в случае, если бы Германия выиграла Вторую мировую войну.

Утверждение о том, что лучшей защитой является отказ от средств физической самообороны, не признается большинством маленьких независимых государств мира. Например, Швейцария и Швеция, два независимых государства, приверженные политике нейтралитета, содержат внушительные вооруженные силы как сдерживающие средства против агрессии. Вооруженные силы Швейцарии действительно сохраняли ее нейтралитет в обеих мировых войнах. Швеция также успешно избежала участия в обеих мировых войнах, но во Второй мировой войне ей это удалось только потому, что Германия не видела для себя никакой стратегической выгоды в нападении на Швецию. Более того, в качестве платы за сохранение Швеции нейтральной Германия заполучила от Швеции определенные транзитные услуги в военное время, что, вероятно, не совсем точно совмещается с нейтралитетом, который открыто провозглашался Швецией.

Икеда: В Японии в настоящее время идут острые дискуссии о том, распространяется ли статья 9 Конституции Японии, отказавшейся от войны и военной мощи, на вооружение для целей самообороны. Помимо вопроса о юридической логичности данной статьи дискуссия сосредоточивается на том, как обеспечить безопасность Японии в современном международном климате.

Сторонники перевооружения указывают на то, что все страны мира, за исключением Японии, имеют вооруженные силы. По их мнению, вполне естественно, что независимое государство должно быть вооружено, чтобы защитить себя. Они также утверждают, что в случае полного отказа от вооруженных сил и от ведения военных действий, если даже юридически признано право на самооборону, это право практически не может стать действенным. Следовательно, это фактически означало бы отказ от права на самооборону.

Другие, выступающие против подобного суждения, доказывают, что реализация права на самооборону вовсе не требует вооруженных сил, и что абсолютное разоружение само по себе является мощным оружием в нынешних международных отношениях.

Право на самооборону – это право государства защищать свое собственное существование от нависшей и несправедливой агрессии со стороны других стран. И оно оправдывается тем, что государство должно защищать

право на жизнь своего народа. Иными словами, в социальной философии законного права самообороны государства, по сути, отражена идея защиты жизни индивида. Если это так, не требует доказательств то, что ни одна страна не должна использовать это право для того, чтобы угрожать жизни людей другой страны. В этом состоит основная сущность права на самооборону.

Проблема заключается в том, что все государства претендуют на право самообороны и усиливают свои военные силы с предположением агрессии со стороны других стран, в результате чего в современном международном сообществе накопился столь великий военный потенциал, который стал угрожать самому существованию человечества. И в этой ситуации, для того чтобы государство могло защитить себя собственными ресурсами против той военной мощи, которая имеется в мире, ему необходимо во много раз увеличить собственные вооруженные силы. По этой причине попытка самообороны посредством военной силы представляется тупиковой.

Решение этой проблемы будет невозможно до тех пор, пока мы будем продолжать считать право на самооборону не более чем правом одного государства защищать себя от другого и пока мы будем считать военный потенциал единственным средством для обеспечения этого права. Мы вступили в эпоху, когда настало время вернуться к изначальным принципам, начать заново с более широким взглядом на проблемы. Нашей новой отправной точкой должно стать право на выживание всего человечества, а не только одной страны.

С этой точки зрения я испытываю гордость за основной дух Конституции Японии, которая отказывается от любых форм военных действий и провозглашает свою решимость обеспечить нашу безопасность, полагаясь на справедливость и на свою веру в миролюбие народов мира. Этот дух следует сохранить и превратить в реальность.

Тойнби: Со стороны Японии было бы ужасной ошибкой аннулировать – или даже хуже того, нарушить, не отменяя, – статью 9 действующей конституции Японии. Каково бы ни было в будущем основное направление развития международных отношений, но я считаю, что для Японии станет жизненно важным установление добрых отношений с Китаем. В глазах китайцев политика Японии в отношении 9 статьи ее Конституции будет показателем намерений Японии в отношении Китая. Перевооружение Японии, даже если это было бы по-настоящему для самообороны, а не для агрессии, вызвало бы подозрение и враждебность в Китае. В умах китайцев

это оживило бы воспоминания о 1894 (Японо-китайская война) и 1931–1945 годах (оккупация японскими войсками Маньчжурии и Японо-китайская война). Это может даже соблазнить Китай, когда его ядерное оружие станет достаточно совершенным, начать так называемую превентивную войну против Японии.

С другой стороны, до тех пор пока Япония соблюдает 9 статью, она не подвергнется угрозе нападения со стороны Китая, даже если Китай превратится в первоклассную ядерную державу. Территориальные амбиции Китая, вероятно, ограничиваются возвращением к границам, которые он имел в 1796 году. За пределами этих границ, я полагаю, цели Китая являются пассивными. Несомненно, он хочет добиться вывода вооруженных сил Соединенных Штатов из Восточной Азии и прилегающих акваторий, однако нет никаких признаков того, что Китай хочет оккупировать какую-либо азиатскую территорию, на которой Соединенные Штаты в настоящее время имеют свои войска и базы.

Поэтому соблюдение статьи 9, по моему мнению, является выгодным для Японии даже в носящих анархический характер нынешних международных отношениях. Конечно, если народы мира смогут положить конец этой анархии, создав глобальное правительство, то это самым замечательным образом доказало бы мудрость японского народа и его дальновидность в отношении предполагаемого хода истории, проявленные включением статьи 9 в свою Конституцию.

Икеда: Активное включение японской экономики в международный рынок возбуждает враждебность в США и странах Азии. Отмечая такое положение вещей, я не могу не припомнить то положение, в котором наша страна оказалась накануне Второй мировой войны. Как Вы считаете, высока ли вероятность, что Япония снова окажется в международной изоляции? Если да, то как, по Вашему мнению, это можно предотвратить?

Тойнби: Нет, Япония играла слишком важную роль в экономической жизни мира в целом, чтобы остальные страны когда-нибудь исключили ее снова, разве если только по материальным соображениям. Ясно, что Китай и Советский Союз соперничают за помощь со стороны Японии в развитии своих экономик.

Проблема, как я считаю, состоит в крайне высокой успешности экономики Японии в последние годы. Слишком велик торговый баланс в пользу Японии. В долгосрочной перспективе, если страны хотят успешно торговать друг с другом, баланс между ними должен быть равным, хотя на короткие

периоды он и может склоняться в пользу той или другой стороны. Я надеюсь, что Япония поймет, что в торговле с другими странами – например, с Соединенными Штатами – она должна импортировать товары на сумму, эквивалентную своему экспорту.

Я думаю, что это понимают в Японии. Япония не должна быть ни сильнее, ни слабее, ни побежденной, ни победительницей, но равной со всеми остальными странами мира. По-человечески каждый из нас, вероятно, будет всегда упорно спорить друг с другом и стараться получить для себя преимущество. Тем не менее я надеюсь, что мы достигнем такого рубежа, когда мы прислушаемся к здравому смыслу справедливости в отношении наших собратьев из других стран. Нет, я не думаю, что Япония когда-нибудь снова окажется в изоляции, но я считаю, что все страны будут обязаны проявлять уважение ко всем другим странам.

Будущие полицейские силы

Икеда: Как я уже говорил, я убежден в том, что нужно стремиться к созданию цивилизации, свободной от вооружений. Хотя, конечно, для поддержания порядка внутри страны должна быть создана минимально оснащенная оружием полицейская служба, а также решен вопрос о том, какие национальные полицейские силы должны быть интегрированы в общую правоохранительную структуру мирового правительства, когда оно будет создано. Другими словами, мы должны стремиться к установлению политически единого мира, после чего передать все вооружение созданному глобальному правительству.

Тойнби: При планировании того, как поступить с вооружениями, нашей целью должно стать снижение до минимума их количества, их убойной силы и их применение.

Давайте предположим, что человечеству удалось создать мировое правительство, которое не допустит, чтобы входящие в него отдельные страны когда-либо стали снова воевать. Давайте также предположим, что этим отдельным странам будет запрещено обладание национальным оружием любого вида, и что этот запрет эффективно осуществляется. Я думаю, что всемирное государство все же будет нуждаться в вооруженных полицейских силах. Обойтись вообще без полиции оказалось невозможным в любом отдельном государстве – даже в таком, которое находится под хорошим управлением и в котором большинство его граждан законопослушны. Всегда существует остаточное антисоциальное меньшинство,

которое необходимо сдерживать. Я считаю, что то, что сегодня справедливо в отношении хорошо управляемого отдельного государства, будет верно и для хорошо управляемого всемирного государства, если нам удастся таковое создать.

Икеда: Я тоже считаю, что всегда необходимы определенные силы для поддержания правопорядка. Без них, оставшись без защитников, будут страдать добропорядочные люди. Любое общество не может быть абсолютно свободно от злодеев. Беззаконие не сможет навсегда бесследно исчезнуть. И, к сожалению, реальность человеческого общества, похоже, такова, что несправедливость и зло оказываются сильнее добра и честности.

Тойнби: Итак, если мы согласимся, что полицейские силы будут необходимы, то перед нами встают два вопроса. Из кого должны набираться эти полицейские силы всемирного государства? Как они должны быть вооружены?

Я стою на том, что полицейские силы всемирного государства аналогично нынешнему гражданскому персоналу Организации Объединенных Наций должны напрямую набираться самим всемирным правительством, и каждый член этих сил должен быть лояльным всемирному правительству. Всемирные полицейские силы не должны состоять из контингентов, поставляемых входящими в мировое государство отдельными странами, поскольку каждый из них будет лоялен своему собственному местному правительству и считать эту лояльность выше верности всемирному правительству, которая должна быть первостепенной. Отдельным государствам будет необходимо разрешить содержание своих собственных полицейских сил для внутренних целей, однако размер и вооружение местных полицейских сил должны быть ограничены таким образом, чтобы их нельзя было использовать в антиконституционных и антиобщественных целях, бросающих вызов власти мирового правительства.

Мировое правительство должно будет располагать достаточными силами, чтобы быть способным обеспечить мир на максимально объективных условиях в тех регионах, где несправедливость, конфликт и насилие создадут серьезную угрозу миру на планете и приведут к серьезным нарушениям личных и коллективных прав человека. Например, оно должно будет положить конец притеснению черных белыми в Южной Африке, арабов израильянами на Ближнем Востоке, римских католических христиан протестантскими христианами в Северной Ирландии. Мировое правительство должно будет сместить существующие деспотические местные власти

с соблюдением условий, которые защитили бы этих экс-тиранов от преследований на этот раз со стороны их бывших жертв.

Даже если будут выработаны эффективные гарантии для смещенных местных властных структур, эти гарантии будет необходимо реализовывать; и даже если местные институты власти будут заблаговременно заверены в их надежной защите мировым правительством после смещения, они могут попытаться оказать вооруженное сопротивление действиям мирового правительства по их низложению. Учитывая такую возможность, как мне представляется, становится очевидным, что мировое правительство должно будет иметь свои собственные полицейские силы, что эти силы должны быть вооружены, и что эти вооружения должны быть достаточно эффективными, чтобы обеспечить надежное превосходство над максимально возможным местным сопротивлением, с которым это правительство может столкнуться при выполнении своих обязанностей по установлению мира во всем мире, который может быть достигнут только при наведении порядка и обеспечении справедливости. Принимая во внимание врожденную эгоистичность человеческой природы и особенно жестокий характер тех существующих деспотических местных властей, которые должны быть низложены, я опасаюсь, что по крайней мере в некоторых случаях они возьмутся за оружие, чтобы оказать сопротивление их свержению, и поэтому они будут свергнуты только ценой кровопролития.

Икеда: Я с болью отдаю себе полный отчет в том, что мир сегодня очень далек от идеала, в котором было бы достаточно умеренных полицейских сил. Я согласен, что всемирные вооруженные полицейские силы необходимы сейчас и, вероятно, будут необходимы в будущем. Но при этом, если ограничиваться только вопросами вооружения этой всемирной полиции, необходимо установить особо жесткий режим регулирования. Как минимум, обязательным условием для этого должно стать ядерное разоружение. По крайней мере здесь должны предприниматься решительные шаги.

После Второй мировой войны ядерное оружие совершенствовалось так быстро, что оно сегодня намного более смертоносно, чем атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки. Средства их доставки тоже совершенствовались: межконтинентальные баллистические ракеты, множество типов самолетов с ядерным вооружением и подводные лодки, способные запускать баллистические ракеты из подводного положения. Наша планета постоянно находится в страхе перед возможностью полного уничтожения при одном нажатии кнопки.

Каждый из нас, живущих в эту эпоху, должен твердо решить, что производство, обладание или применение ядерного оружия недопустимо. В противном случае либо человеческая раса будет уничтожена, либо наши грядущие поколения получат эту ужасную угрозу в наследство. Независимо от того, насколько высок уровень развития нашей цивилизации и культуры, до тех пор пока будет существовать ядерное оружие, человечество не может гордиться своими достижениями.

Хиросима и Нагасаки показали, насколько ужасно ядерное разрушение, они показали, как болезни, вызванные радиоактивностью, разъедают человеческие жизни еще долгое время после того, как разрушения в этих городах уже восстановлены. Всем народам мира следует признать эти ужасающие факты.

Тойнби: Не дожидаясь образования всемирного правительства, подданные пока еще суверенных местных государств должны заставить правительства уничтожить все ядерное оружие, которым обладают по крайней мере пять правительств, и взять на себя обязательство никогда в будущем не обзаводиться им. Я уверен, что будущее мировое правительство обязано отказаться от обладания ядерными вооружениями, и что это добровольное вето должно стать одной из фундаментальных статей конституции мирового правительства.

Сама природа ядерного оружия и средств его применения делает невозможным его использование в войне, за исключением безрассудных целей взаимного уничтожения враждующих сторон. Присущая ему неизбежность поражения с большой убедительностью делает ядерное оружие непригодным для нужд полиции. Южноафриканские белые, североирландские протестанты и оккупирующая арабские территории израильская армия не могут быть сдерживаемы с помощью ядерного оружия. Их, конечно, можно уничтожить ядерным оружием, но это повлечет в большинстве случаев одновременное уничтожение гораздо большего количества жертв с их стороны. Поскольку целью является освобождение этих жертв, любая попытка достигнуть этой цели при помощи ядерного оружия окажется обреченной на фантастический провал.

Постольку-поскольку полицейские силы местных властей должны быть вооружены, их оружие должно ограничиваться обычным вооружением, которое должно позволять при минимальном количестве раненых и убитых подавить мятежников, использующих смертоносное оружие при оказании сопротивления применению закона. Правоохранительная полиция обязана

использовать по возможности не смертоносное оружие: резиновые пули, причиняющие синяки, а не ранения, газ, временно выводящий из строя, но не дающий постоянных вредных последствий, и брызги временно несмываемой цветной краски на одежду и кожу, которые позволят идентифицировать бунтовщика и затруднить ему возможность скрыться от ареста и привлечения к ответственности.

До настоящего времени научная технология использовалась для создания и использования оружия для ведения военных действий с большей смертоносностью и большей разрушительной силой. Хотя мы и должны продолжать применение научных технологий при использовании организованной физической силы, необходимо изменить нашу цель. Нам следует разработать оружие, которое даст возможность как мировому правительству, так и местным полицейским силам, лояльно поддерживающим мировое правительство, проводить в жизнь приказы законно созданных общественных властей с минимальным причинением вреда жестоко сопротивляющимся и, кроме того, невинным прохожим, домашнему скоту, урожаю и ценной недвижимой собственности.

Икеда: Мысль о том, чтобы разработать оружие, которое бы временно выводило человека из строя, не нанося ему и окружающим серьезного вреда, превосходна. Нет причин, по которым наука не могла бы создать такое оружие. Конечно, ученые, а еще более важно, политики поступили бы очень правильно, направив свои мысли в эту сторону.

Природа и будущее войны

Икеда: История человечества – это история непрекращающихся войн. Биологи утверждают, что *Homo sapiens* (человек разумный) – это единственное известное существо, которое убивает себе подобных собратьев с методичным неистовством и жестокостью. Считаете ли Вы, что война – это страдание, на которое человечество обречено? Как, по Вашему мнению, мы можем избежать глобальной ядерной войны и достичь прочного мира?

Тойнби: Наши современные знания об ощущениях, мышлении, субъективных оценках и поступках человека относятся во времени не далее чем к самому последнему периоду человеческой истории; то есть не далее того периода, о котором сохранились письменные свидетельства того времени. Этот период составляет только последние пять тысячелетий, а наши предки, по-видимому, стали людьми миллион лет назад. Датирование

определяется по уровню развития наших предков, на котором, как мы полагаем, судя по останкам и орудиям труда, они стали обладать сознанием, то есть полностью стали людьми. Даже если бы мы не считали никакие исчезнувшие ныне виды гоминид* (человекоподобных существ) настоящими людьми и применили бы термин «человек» к единственному выжившему виду, так называемому гомо сапиенс (*Homo sapiens*), то возраст человеческой расы насчитывал бы по крайней мере двести или триста тысяч лет. Даже это достаточно длительный промежуток времени в сравнении с последними пятью тысячами лет.

Конечно, верно, что в течение последних пяти тысяч лет война была одним из главных атрибутов человечества. Мы израсходовали на войны намного большую часть нашего прибавочного продукта, то есть огромнейшую часть того, что мы произвели сверх продукции, необходимой для полуголодного существования, истраченной, так сказать, на поддержание нашей жизни и сохранение нашего вида от вымирания. Но, разумеется, война невозможна без избыточного производства, потому что она требует неэкономичного расходования рабочего времени, рациона питания, материалов и промышленности для превращения этих материалов в оружие и другое военное снаряжение. Насколько нам известно, ни одно человеческое сообщество не располагало излишками, необходимыми для ведения войны, до осушения и ирригации низовьев бассейна Тигра с Евфратом и Нила, а это произошло почти незадолго до третьего тысячелетия до н.э. Самые ранние сохранившиеся изображения войны в шумерском и египетском изобразительном искусстве и самые ранние письменные документы о войне относятся примерно к одному и тому же времени. Я делаю вывод, что война не старше цивилизации и что, поскольку они ровесники, она – врожденная болезнь цивилизации.

Война – это не то же самое, что насилие и жестокость. Это особое проявление человеческого насилия и жестокости. Я полагаю, что эти порочные побуждения свойственны человеческой природе и внутренне присущи самой жизни. Любой отдельно взятый живой организм является потенциально неистовым и жестоким. Война является организованным и узаконенным совершением жестокого насилия. В войне люди сражаются и убивают друг друга по приказам своих общественных властей – правительств государств или временных правительств в гражданских войнах. Солдаты сражаются, не испытывая личной враждебности. Большинство их лично не знакомы друг с другом.

Икеда: Вы сказали, что человек истратил большую часть избыточного продукта на войну, но я думаю, что на самом деле он истратил намного больше, учитывая разрушенные дома, опустошенные сельскохозяйственные земли и средства первой необходимости, отнятые у рядовых граждан во время войн. Интересный пример того, какой объем человеческого производства должен быть израсходован на военные нужды, дают средневековые японские самураи. Считаясь наивысшим социальным классом в Японии, они эксплуатировали крестьян и торговцев. Даже в современной Японии ситуация не очень отличается от этого. По мере того как растут силы обороны, для их поддержания должно приноситься в жертву улучшение условий жизни рядовых жителей. Не удастся ввести системы даже минимального социального обеспечения. Жилье для городских тружеников остается неудовлетворительным, потому что средства, которые могли бы идти на такие проекты, направляются в бюджет обороны. Я, однако, думаю, что с аналогичной дилеммой сталкиваются все страны мира, которые осуществляют какие-то военные приготовления.

Тойнби: Несомненно сталкиваются, однако, позвольте мне возвратиться к Вашему предыдущему вопросу. Является ли война уделом человеческой природы? По историческим причинам, о которых я упомянул, я считаю, что нет. Я действительно думаю, что насилие и жестокость являются врожденными чертами человеческой природы. Как Вы подчеркнули, биологи говорят нам, что человек – единственный известный вид живых существ на этой планете, который сражается с собратьями – представителями своего собственного вида – до смертельного исхода. Когда мужские особи животных других видов сражаются друг с другом за самку и один из сражающихся в конце концов сдастся, то победитель сохраняет ему жизнь. Преступные насилия, не останавливающиеся перед убийством, совершались, можно предположить, нашими предками еще с тех пор, как они стали людьми. Но даже в последние пять тысячелетий человеческое насилие и жестокость не везде и не во все времена проявлялись в форме войны.

Например, Япония, похоже, не знала внутренних войн более пятисот лет, вплоть до двенадцатого века нашей эры, за исключением агрессивной пограничной войны против айнов. Затем на протяжении более четырех столетий Япония изводила себя непрерывными гражданскими войнами. При режиме Токугавы с начала семнадцатого до середины девятнадцатого века она снова жила в мире и внутри страны, и вовне. С 1945 года Япония отказалась от ведения войны.

Норвежцы не воевали с 1814 по 1940 год, однако в эпоху викингов они были наиболее воинственным народом в мире, и они активно сражались во время Второй мировой войны, когда они подверглись нападению и оккупации.

В мирные периоды истории и Японии, и Норвегии в обеих странах все же совершались и частные убийства и публичные казни. Это указывает нам, что следует отличать войну от совершаемых убийств и насилия в мирное время.

Икеда: Вы абсолютно правы, настаивая на этом различии. Казнь за преступление, возможно, иное дело, но убийство – это всегда действие отдельного человека. Даже если оно совершается бандой или преступной организацией, суть от этого в основном не изменяется, поскольку решение вступить в члены организации, которая совершает подобные преступления, основывается на индивидуальной мотивации. Убийство совершается в любой стране, и в каждой стране существует запрет на убийство и за него следует серьезное наказание. Однако субъектами ведения войны выступают эти же государства, которые наказывают за убийство как за индивидуальное деяние. Но для самих государств не установлено наказание за ведение войны. Поэтому на протяжении веков действует варварский закон о том, что победитель всегда прав. Это явное противоречие. Иррациональность, которая никому не понятна и с которой невозможно согласиться здравомыслящим людям. Но тем не менее тысячелетиями человек молчаливо соглашается с этим абсурдным законом.

Молчаливое согласие, похоже, означает, что люди рассматривают ведение войны или условия, сложившиеся на основе военных действий, как будто нормальное положение в отношениях между странами. Это, несомненно, подразумевает необходимость быть готовым к войне и быть во враждебных отношениях с соседними странами. Таким образом, мир превращается не более чем в перерыв между войнами. Я не верю, что так и должно быть.

Мир – это состояние, когда люди могут сосуществовать, не угрожая, но заслуживая доверие друг к другу и любя друг друга. Для подлинно человеческого общества такое мирное состояние должно стать нормой, а война – аномалией. Я хочу призвать всех политических лидеров, мыслителей и всех интеллектуалов признать вопрос создания мирной цивилизации человечества своей первостепенной обязанностью.

Тойнби: Войну можно упразднить, даже если окажется невозможным излечить всех людей от совершения преступлений в мирное время с использованием насилия. Я думаю, что изобретение ядерного оружия дает нам возможность успешного запрещения войны вопреки трудностям, связанным с отказом от обычая, имеющего пятитысячелетнюю историю. Предположение, которое лежит в основе института войны, состояло в том, что один из враждующих окажется победителем, что другой проиграет, и что выгоды для победителя намного превысят расходы. Такой подсчет часто оказывался ошибочным. Войны зачастую бывали разрушительными и для победителей. Однако ясно, что в войне с использованием ядерного оружия не будет даже победы дорогой ценой. Эта перспектива лишает страны разумного стимула начинать войну.

Однако, человеческая натура лишь отчасти разумна. Вполне допустимо, что мы можем безрассудно совершать массовое самоубийство. Институт войны не может быть уничтожен без замены его другим институтом: мировым правительством. Война даже в ядерный век останется возможностью до тех пор, пока существующие ныне 140 независимых стран не подчинят себя единой всемирной власти, обладающей эффективными средствами, чтобы заставить даже самые мощные отдельные государства соблюдать мир.

8. ВЫБОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Качества хорошего лидера

Икеда: Один за другим уходят из жизни или с политической арены герои и лидеры эпохи Второй мировой войны. Сегодня, за исключением таких примеров, как Мао Цзэдун в КНР или Тито в Югославии, крайне редко встречается сильный лидер, способный своим личным обаянием и идеями оказывать большое влияние на мир.

Трудно судить о том, к счастью ли или к несчастью такое отсутствие героев. Это признак прогресса, когда современное общество не требует больше концентрации в руках одного человека власти, достаточной для того, чтобы он становился харизматическим лидером, от суждений которого зависит судьба государства или мира. Это скорее хорошо в случае, если демократический механизм общества действует так удовлетворительно, что нет необходимости полагаться на крупных лидеров. Однако современное положение демократического строя ряда обществ не вполне убеждает нас в том, что человечество теперь спокойно может обойтись без лидерства.

Тойнби: Я боюсь, что мы лицеизрели не последнего из харизматических диктаторских лидеров. Конечно, конституционное правительство с максимально возможным участием граждан в управлении – это политическая цель, к которой мы обязаны стремиться, однако современному миру нужны такие радикальные политические и социальные перемены и настолько неотлагательно, что я сомневаюсь, можно ли добиться их конституционным путем.

Я думаю, что персональное лидерство необходимо для каждой коллективной инициативы любого рода, даже организуемой на самой демократической основе. Лидерство в демократическом предприятии, организации или учреждении – это более деликатная и трудная задача, чем харизматическое, диктаторское лидерство. Лидер харизматического типа добивается подчинения от своих подданных частично силой, частично вызывая абсурдные эмоции. При демократическом режиме лидер обязан завоевывать содействие со стороны своих сограждан, разумно убеждая их в том, что

предлагаемая им политика правильна, и он должен вести с ними разумный диалог при низкой температуре эмоций.

Икеда: Различие между этими двумя типами лидерства имеет огромное значение. Как Вы сказали, демократическое лидерство – это и более трудное и более деликатное дело. Лидеры в демократическом обществе при исполнении власти постоянно должны учитывать то, что его общество, его административные системы и органы созданы и управляются демократическими принципами. Демократические идеи требуют от лидеров сопротивления привычному для всякой власти искушению укреплять и расширять свое влияние. Однако поскольку это неутолимая жажда всякой власти, она может быть выражена даже в виде попытки преподнести демократическую идею и систему в качестве абсолютной ценности, сделав тем самым основу своей власти непоколебимой. Но абсолютизация демократической власти срывает как раз идейную основу демократических принципов.

Нынешнее мировое сообщество все еще далеко от безмятежности и стабильности. Учитывая это, я считаю, что мир нуждается в разумном лидерстве для того, чтобы разрешить ряд трудных и неотложных проблем как локального, так и глобального масштабов. Но, как правило, демократическое общество с осторожностью относится к появлению сильного лидера. Хотя антипатия к сильному лидерству со стороны демократичного общества обоснованна, эмоциональный отказ от него не всегда конструктивен. Более важно научиться оценить качества лидера, его политические убеждения и то, насколько он способен их реализовать. Правильная же оценка людьми будущего лидера поможет предотвратить его возможное диктаторство.

Тойнби: Для того чтобы демократический режим работал удовлетворительно, ему необходим лидер, который не является ни ловкачом, ни демагогом, а проявил себя личностью, имеющей такие нравственные и интеллектуальные достоинства, что его сограждане последуют за ним без всякого принуждения или эмоционального возбуждения. Такого лидера трудно найти, а если найдется, то он может не пожелать браться за трудную и неблагодарную задачу руководства своими согражданами. Роль лидера, вполне очевидно, имеет крупнейшее общественное значение; для принятия ее на себя по альтруистическим причинам необходимо обладать очень высокой степенью общественного сознания и бескорыстности.

К демократическим лидерам нашего времени, которые наиболее приближались к удовлетворительному исполнению своей трудной роли, по моему мнению, можно отнести Франклина Д. Рузвельта, Уинстона Черчилля и Джавахарлала Неру. Однако Рузвельт и даже Неру не были полностью искренни со своими избирателями. Более того, каждый из этих трех имел преимущество вступления на должность в период кризиса, когда даже демократические государства вынуждены согласиться на то, чтобы стерпеть трудности и пойти на жертвы.

Икеда: Да, в трудные времена возрастает готовность людей следовать за лидером.

Можно сказать, что Рузвельту и Черчиллю повезло в том, что они пришли к власти во время национального кризиса, который в полной мере дал им возможность проявить свои таланты. Но ситуация могла бы из кризисной стать бедствием, если бы эти деятели не обладали большим талантом.

Я считаю, что полномочия, вверенные лидерам в условиях демократии, всегда должны ограничиваться во времени. Когда истекает срок полномочий того или иного лидера, люди должны оценить его деятельность и решить, остается ли он на следующий срок или будет заменен кем-то другим. Независимо от того, насколько велики полномочия лидера демократического общества, они лишь временно вручены ему народом, и поэтому результат его работы выносится на народный суд. В этом заключается особенность положения лидера и отличие демократического режима от диктаторского.

Однако при таком подходе лидер не может не учитывать, что все его слова и дела находятся под постоянным наблюдением и оценкой со стороны народа. И, желая снова быть переизбранным, он может склоняться к популистским методам. Это негативная сторона демократической власти.

Тойнби: Демократический лидер должен избегать крайностей между двумя нежелательными альтернативами и у него немного пространства для маневрирования между ними. С одной стороны, он может поддаться искушению и потворствовать желаниям своих избирателей, даже когда он считает их желания результатом заблуждений. Поступив так, он фактически откажется от своей роли лидера и не оправдает оказанного доверия. Противоположная нежелательная альтернатива состоит для него в том, чтобы, обманув своих избирателей, заставить их проголосовать за политику, которую он считает правильной, но которую они отклонили бы, если бы о ней было им заявлено искренне. Это также предательство лидером оказанного

доверия. Более того, его мошенничество, вероятно, рано или поздно будет обнаружено и в результате он будет дискредитирован.

Икеда: Я согласен, что лидер не должен предавать свои убеждения ради завоевания популярности среди избирателей или обманывать народ ради принятия его личных идей. Его суждения и дела должны основываться на правде и добросовестности. Не будет преувеличением сказать, что, обманывая себя или народ, политический деятель теряет свое самое главное качество, необходимое для лидера. На самом деле те политики, которые целиком предаются корыстным целям сохранения своей власти, являются сильной помехой для демократического общества.

В этом отношении я высоко ценю Уинстона Черчилля, который показал отличный пример того, каким должен быть настоящий политик. Он героически руководил страной в самое трагическое время Второй мировой войны. Но когда утих огонь войны и британский народ решил, что Черчилль не подходит на роль лидера периода послевоенного восстановления, он без сожаления уступил власть Клементу Эттли из лейбористской партии.

Важно, чтобы политик был правдив и верен себе и народу и чтобы он был справедлив в своих действиях. Качества, которые требуются от хорошего лидера, – это мужество, справедливость, благоразумие, терпимость и собранность. Но я думаю, что в полной мере эти качества могут быть проявлены, когда у лидера есть твердая решимость прислушаться к голосу совести и масс, служить им и оставаться с ними до конца своей жизни.

Кроме того, подлинное благородство лидера познается в том, насколько он смог подготовить хороших преемников. Человек, воспитывающий молодых для того, чтобы потом уступить им дорогу, должен по-настоящему, бескорыстно заботиться о будущем с подлинно альтруистическим духом.

Но, как Вы говорите, лидеры такого калибра весьма редки. Более того, ирония истории в том, что нередко именно тем лидерам, которые не обладали благородной личностью, удавалось совершить великие дела.

Тойнби: В недемократическом государстве, в котором лидер правит, применяя силу и вызывая эмоции, благородный бескорыстный фанатик – вроде Робеспьера или Ленина – иногда может оказаться более пагубным и менее эффективным, чем хладнокровный и циничный, но коварный и тактический карьерист.

Китайский император Хань Лю Бан, римский император Август, арабский халиф Муавия* – это три примера расчетливых карьеристских лидеров.

Каждый из троих унаследовал императорское правление от правительств, которые довели страну до бедствий из-за бестактности прежних лидеров; каждый из этих троих сумел благодаря своей находчивости восстановить разваленный императорский режим и поставить его на долговременную основу. Находчивость этих людей с моральной точки зрения не была достойной восхищения, но в тех обстоятельствах она была политически целесообразной.

Я считаю, что никакой режим не может успешно управляться заурядной личностью. В истории Соединенных Штатов были некоторые заурядные президенты, которые оказались более губительны для страны, чем демагоги и ловкачи. В истории Советского Союза Леонид Брежнев, несомненно, более предпочтителен, чем изверг Иосиф Сталин, однако он, похоже, невзрачная замена его темпераментному и динамичному предшественнику Никите Хрущеву.

Меры предосторожности против фашизма

Икеда: В последнее время в странах, таких как Соединенные Штаты, в которых административный контроль распространяется во все возрастающее количество социальных сфер, возникло некоторое беспокойство по поводу опасности поворота к фашизму. Хотя фашизм и демократия фундаментально противоположны, фашизм на самом деле иногда скрывается под маской демократии. Действительно, демократия может быть благоприятной почвой, на которой прорастают семена фашизма. Мне представляется, что сейчас нам было бы полезно обсудить этот вопрос и попытаться прояснить две вещи: деяния, которым должно уделяться самое пристальное внимание, если мы хотим предупредить возникновение нового фашизма; области демократии, которые могут легко привести к возрождению фашизма. В связи с угрозой того, что демократия может вырождаться в охлократию, мы должны постоянно проявлять бдительность.

Тойнби: Безусловно, демократия иногда вырождается во власть толпы. Печально известным примером этого является афинская демократия пятого века до нашей эры. Бедное большинство граждан проголосовало за введение налога с богатых, и когда афинская демократия была опозорена поражением в большой войне, богатые воспользовались случаем и установили жестокий фашистский режим. Этот режим был вскоре свергнут, и в Афинах была восстановлена демократия, однако злоупотребления, сопутствующие демократии, не были устранены.

Икеда: Пока число людей, окончательно разочаровавшихся в демократии, остается маленьким, существует незначительная угроза политической системе, однако стоит только глубокому недовольству стать преобладающим, как фашизм может найти для себя благоприятную почву.

Современная история учит тому, что подлинная природа фашизма никогда не проявляется на начальной стадии. Исторически он часто возникал, не провозглашая себя, и поначалу считался совершенно законной политической платформой в демократическом обществе. Поэтому очень важно распознать его характерные черты, прежде чем любая из них получит шанс развиваться в полномасштабный фашизм. Поначалу нацизм был только маленькой реакционной партией правого крыла в демократической в целом Веймарской республике. Каким образом смогла эта группа, пользуясь, в чем вся ирония, демократическими выборами, вырасти из не более чем одной из нескольких маленьких партий в ведущую партию, а затем и твердо установленную диктатуру? Несомненно, злой гений Гитлера как манипулятора массами сыграл свою роль, однако более пристальный анализ показывает, что дело не только в этом. Представители разных классов соглашались с нацизмом и поддерживали его, интерпретируя его идеи каждый по-своему в пользу своего класса, при этом нисколько не подозревая, какие чудовищные последствия он может повлечь. В частности, после Великой депрессии 1929 года нацистская партия завоевала подавляющее большинство голосов мелких предпринимателей, служащих, фермеров и молодежи. То есть обескураженные поражением Германии в Первой мировой войне и напуганные финансовым крахом немецкого капитала люди вывели нацистскую партию на правящую позицию, надеясь, что она сможет отвечать их пожеланиям.

Тойнби: Бедствующее меньшинство политически бессильно. С другой стороны, низы средних слоев общества, которые являются прослойкой между капиталистическим и тред-юнионистским крыльями истеблишмента, способны организоваться и начать наступление против обоих этих привилегированных классов. Мятежные низы среднего класса и были той взрывчатой социальной силой, которая привела Гитлера к власти в Германии в 1930-е годы. Поскольку больше никто не пожелал оказать им помощь, они помогли себе сами, организовавшись в национал-социалистическую партию и захватив контроль над правительством. Я согласен, что демагогическая одаренность Гитлера сама по себе не обеспечила бы ему возможность стать германским диктатором, если бы не было неудовлетворенного класса

в Германии, которому Гитлер мог предложить устранить несправедливости за принятие его в качестве своего лидера.

Икеда: Немцы того времени слишком поспешно вверили себя нацистской партии, которая обещала им устранение их недовольства. Они не смогли разглядеть, что методы, избранные нацистами, причинят неизмеримо большее бедствие другим народам. Другими словами, они не понимали, что точно так же, как они сами не могли терпеть ущемления, другие народы, которым они причинят ущерб, однажды восстанут против них с невероятной силой. Такая бесчувственность к другим привела к крушению нацистских амбиций и надежд немецкого народа.

Этот вопрос касается, конечно, не только немецкого народа времен нацизма. С сожалением мы должны признать, что быть крайне чувствительным к своей собственной боли и совершенно бесчувственным к страданиям других – это одна из печальных особенностей психики человека. Понимая такое эгоистическое начало человека, каждый должен сознательно уделять внимание возможным последствиям политики той партии, которую он поддерживает. Жизненно важно понять, что свою свободу невозможно обеспечить, ущемляя свободу и достоинства других людей. Во избежание превращения демократии в охлократию и для предотвращения появления фашизма на ее почве необходимо постоянное просвещение народа в альтруистическом духе, что есть, я верю, самый верный, если не единственный способ сделать демократию мудрой системой правления. Главным препятствием для фашизма должны стать сами граждане, способные видеть и разумно оценивать суть происходящего.

Тойнби: По моему мнению, самой лучшей гарантией против фашизма является установление социальной справедливости в максимально возможном масштабе. Трудно достичь полной социальной справедливости, потому что властные институты – каким бы ни случился их социальный состав – обычно настаивают на дифференцированном распределении общественного богатства. Например, в современной Великобритании на дифференциации настаивают профсоюзные деятели, так же как и капиталисты. Вследствие этого обычно некоторые классы сообщества остаются без внимания. И если несправедливость, творимая против них более могущественными согражданами, велика, то эти обделенные классы используют любую возможность, чтобы свергнуть режим, который отказал им в справедливости, как и произошло в Германии в 1933 году. Чем тверже режим соблюдает социальную справедливость, тем прочнее его стабильность. Однако

социальная справедливость – это труднодостижимая цель, поскольку отсутствует общепринятый критерий для определения того, что именно следует считать справедливым распределением общественного богатства между разными социальными классами, составляющими общество.

Природа, средства и цели власти

Икеда: Идея о том, что цель оправдывает средства, была движущей силой многих организаций в прошлом. Она и сегодня все еще проглядывается в некоторых областях деятельности человеческого общества. В частности, она признается в политических кругах как неизбежность в борьбе за власть. Порой даже активно поддерживается как якобы само собой разумеющееся. Фашистский режим – это крайний пример явного применения этого принципа, что цель не выбирает средства.

Следовательно, вопрос о том, какими должны пониматься отношения между целью и средствами, актуален и должен изучаться, в частности, в свете предотвращения появления новых фашистов или подобных им амбициозных силовых групп.

По моему убеждению, правильность цели должна быть подкреплена и доказана благородными средствами, используемыми в процессе достижения этой цели.

Тойнби: Цель никак не оправдывает средства. Средства и цели не должны противоречить друг другу с моральной точки зрения. Этот принцип возник на основе опыта. Психологически невозможно поступать правильно на втором этапе, поступая несправедливо на первом. Если что-то начато нечестно, то невозможно достичь благочестивой цели.

Икеда: В этом смысле следовало бы пересмотреть многие современные организации и движения с точки зрения моральной согласованности целей и средств. Сегодня, за исключением тех немногочисленных групп людей, придерживающихся крайнего уклонистского мировоззрения, большинство организаций и движений провозглашают разумные цели, реализация которых в той или иной мере нужна для общества и которые приемлемы для широкого круга людей. То есть цели почти всегда выглядят безупречно и не вызывают особых сомнений. Поэтому невозможно правильно оценить сущность характера той или иной организации, лишь ознакомившись с заявленной целью. Необходимо внимательно изучать те средства, которыми достигаются их цели. Если цель – это рисунок, абстрактно характеризующий

организацию, то средства – это реальность, определяющая ее ценность в действительности.

Я согласен с Вами, что цели и средства должны быть этически совместимыми, поскольку если средства противоречат целям, то сами цели превращаются в ложные лозунги.

Тойнби: Ошибочность идеи достижения праведных целей с помощью несправедливых средств показана в романе Достоевского «Униженные и оскорбленные» с его сатанинским героем. Можно также извлечь такой же урок из жизни двух благородных революционеров, Робеспьера и Ленина. Оба они были бескорыстными людьми, искренне и полностью посвятившими себя служению на благо человечества. Но они совершили ошибку (как нравственную, так и интеллектуальную), посчитав, что их цели настолько хороши, а достижение этих целей настолько важно, что насилие является оправданным средством. Вследствие этого вместо создания земного рая Робеспьер создал террор, а Ленин – тоталитарный режим.

Икеда: Ваши примеры иллюстрируют необходимость того, чтобы возвышенные идеалы и цели находили свое отражение в средствах, используемых для их достижения. В этом смысле правильно было бы, чтобы различные движения, преследующие благородные цели, в том числе и движение за мир, регулярно раскрывали бы свои планы действий и их итоги, приводя тем самым применяемые ими средства в соответствие с их высокими идеалами.

Далее, есть еще один вопрос, с которым почти неизбежно сталкивается любое общество даже в случае, если удастся достичь цели с помощью идеальных средств. Это проблема разложения и злоупотребления власти. Она так же, как и предыдущий тезис о целях и средствах, постоянно требует пристального внимания.

Обществу необходим порядок. Для поддержания порядка необходима власть. Власть господствует над людьми как «сила», принуждающая или ограничивающая действия членов общества. Из-за такой природы власти она зачастую показывает свою отрицательную сторону, подавляющую свободу людей и ущемляющую права человека. Я считаю, что, по сути, власть может быть оправданна только тогда, когда она используется для защиты добрых граждан и служит добрым целям. Но часто она превращается во зло, когда личность, стоящая у власти, преследует свои собственные цели и мотивы.

Значение слов «злоупотребление властью» несет в себе два оттенка. Во-первых, под ними подразумевается серьезное перерождение властителя в результате усиления его эгоизма и жажды славы. Во-вторых, они могут означать нарушения прав человека и заключенную в них опасность, создающую угрозу самой жизни. И все же власть может быть использована правильно, если личность, находящаяся у власти, обладает безупречным моральным духом, который вдохновляет ее на защиту справедливости и счастья людей, а также на то, чтобы не допустить нанесения вреда своей собственной властью. Вполне очевидно, что люди ждут и надеются на именно такое применение власти.

Но, к сожалению, человек по своей природе не всегда добропорядочен, а обстоятельства часто лишают его духовной чистоты. Такая ситуация порождает использование власти таким образом, что многие люди приносятся в жертву ради счастья и сохранения власти маленькой группы стоящих у власти. Несмотря на то что злоупотребление властью может показаться присущим прежде всего людям, находящимся во власти, чрезвычайно важная роль в создании благоприятного климата для злоупотребления властью принадлежит массам, ей подчиняющимся.

Тойнби: Власть одного или нескольких человек над другими людьми – это неизбежный фактор человеческой жизни, потому что человек – это общественное животное, и власть автоматически порождается общественными отношениями. Конечно, имеется возможность использовать власть во благо вместо зла, но поскольку каждое живое существо по своей природе эгоистично и жадно, человек, обретая власть, испытывает сильное искушение злоупотребить ею ради своей собственной эгоистической выгоды за счет интересов находящихся под его властью людей.

Поскольку человек – это общественное животное, то самым первостепенным в программе деятельности общества всегда является защита от анархического разложения, которое не даст возможности членам этого общества выжить. Поэтому существуют ситуации, в которых даже несправедливое использование власти является меньшим злом, и именно поэтому жертвы властей предрежащих иногда молча соглашаются с несправедливым использованием власти над ними. Иными словами, они надеются, что ценой разрешения человеку во власти поступать по своему усмотрению они смогут спасти общество от распада. Конечно, они часто ошибаются. В 1933 году германский народ подчинился Гитлеру в надежде, что он окажется их спасителем. Наоборот, он сознательно верг его во Вторую

мировую войну и тем самым навлек на Германию намного более ужасные бедствия, чем перенесенные ею во время мирового финансового кризиса в 1929 году или даже после ее поражения в Первой мировой войне.

Икеда: Желание сохранить существующую систему может способствовать злоупотреблениям властью. Но я мог бы указать на другой психологический аспект, который стимулирует развитие тирании. Существует много людей, которые с готовностью унижаются перед властью в надежде получить доступ во властвующую группу и к распределению получаемых прибылей. Таким образом, большое зло притягивает к себе меньшее зло, прочно захватывает своих мелких сторонников и, высасывая из них силы, становится еще сильнее. Способность злоупотребления властью к самораспространению является злом наиболее ужасного типа.

Тойнби: Да, и эта способность к самораспространению может получить обширное пространство для развития в больших обществах. Например, в настоящее время все народы объединяются в мировое общество. Однако в силу ряда причин этому обществу угрожает дезинтеграция. Во-первых, существование 140 независимых государств, находящихся в значительных противоречиях между собой, угрожает полной политической анархией. Во-вторых, огромную проблему составляет популяционный взрыв. В-третьих, поразительный технологический прогресс последнего времени придал новое могущество меньшинству человечества, которое это могущество присвоило. Эту могущественную группу можно назвать богатым меньшинством народов мира. Оно использует свою силу для удовлетворения своей алчности, потребляя чрезвычайно несправедливую долю мировых ресурсов, в своем большинстве невозобновляемых и незаменимых.

Икеда: Да, это верно. Как написано в китайской классике, «плохая политика страшнее тигра», и в современном мире все более очевидным становится то, что величайшей угрозой существованию человечества является сам человек. Поэтому человеку необходимо научиться владеть собой, чтобы не загнать себя в пропасть.

Тойнби: Вы упомянули о существующей для нас опасности оказаться свергнутыми в разрушительный круговорот. В развитие этого я мог бы сказать, что человечество, кажется, будто бы неожиданно пробудилось к осознанию истины о том, что алчность богатых вместе с растущим количеством бедных и анархией в международных отношениях угрожает всему миру неотвратимой катастрофой. Я полагаю, что мировое тоталитарное

движение коммунистическо-фашистского типа может свергнуть существующие общественные институты – такие как местный суверенитет, политическая демократия, свободное частное экономическое предпринимательство – и в последнюю минуту какое-то из таких тоталитарных движений стабилизирует человеческие отношения, приняв решительные меры, при которых необходимые фундаментальные реформы переплетутся с жестокими актами несправедливости. Такое мировое революционное движение может принять форму глобальной политико-религиозной организации, которая выработает свою собственную новую идеологию. Главным пунктом глобальной партийной платформы, вероятно, станет стабилизация во всех сферах жизни любой ценой. Когда эта революционная работа будет завершена под руководством жестокого мирового диктатора, я полагаю, что начнется противодействие и необходимая стабилизация трансформируется в более мягкую и потому более прочную форму. Это будет выполнено вторым мировым диктатором, который будет более тактичным в своих действиях, поскольку познает на опыте, что жестокость его предшественника оказалась контрпродуктивной.

Икеда: Ваш прогноз смел и волнителен. Я постоянно молюсь, чтобы тоталитарное правительство, которое попирает свободу личности, никогда не могло появиться снова. Пожалуйста, подробнее поясните основания, которые позволяют Вам так оценивать будущее.

Тойнби: Хотя я мог бы привести намного больше примеров, иллюстрирующих мою точку зрения, на самом деле я имею в виду три случая, взятые из японской, китайской и римской истории. Токугава Иэясу (1542–1616), наследовавший после Тоётоми Хидэёси (1536–1598), установил долголетний режим Токугавы. Цинь Ши Хуан-ди (259–210 г. до н.э.) основал империю Цинь, которая существовала всего недолгие четырнадцать лет (221–207 г. до н.э.). Его преемник, Хань Лю Бан, однако, установил имперский режим в Китае, который держался с перерывами более двадцати одного столетия. Аналогично Август*, который правил после Юлия Цезаря, установил систему Римской империи, которая длилась с 31 года до н.э. до 284 года н.э. в своем первоначальном виде, а в более автократической форме в Константинополе до 1204 года.

Во всех этих трех случаях даже более умеренные имперские режимы, последовавшие за первоначальными радикальными, иногда в определенной мере использовали свою власть несправедливо и для угнетения, хотя в основном они были меньшим злом, чем любая возможная альтернатива в тех конкретных обстоятельствах того времени и места.

Икеда: Я могу поверить, что коллапс человеческого общества мог бы привести к установлению всемирной диктатуры. Действительно, нельзя отрицать такую опасность. Я хотел бы позднее еще раз вернуться к этому вопросу, чтобы более подробно остановиться на нем.

Что касается проблемной природы власти, возможно, что в попытках поиска более мирных и благополучных форм существования человечества данная проблема злоупотребления властью останется последним нерешенным вопросом, в то время как все остальные проблемы будут решены или решаемы. Я полагаю так, потому что подлинная причина злоупотребления властью кроется в том, что зло, как и добро, является основным элементом человеческой жизни. Следовательно, во избежание появления негуманного политического режима необходимо глубокое изучение самого человека, его психики и натуры наряду с изучением вопроса выбора социальных режимов.

Тойнби: Я согласен, что важнейшим пороком власти является врожденная тенденция человеческой натуры и что мы должны найти средства сдерживать это зло. Я полагаю, что единственное эффективное средство состоит в том, чтобы в поведении каждого человека подчинить эгоизм или алчность бескорыстию или любви. Иными словами, умение владеть собой – это единственный путь к счастью для отдельного человека и для всего человечества.

Икеда: Как приобрести и реализовать силу самообладания – это труднейшая задача, решение которой требует постоянных духовных усилий каждого человека. По сути, эту задачу можно решить лишь в индивидуальном плане путем самосознания и усилий к самосовершенствованию. Наряду с этим важно, чтобы духовное усилие человека к самообладанию пронизывало дух целого общества. При этом важно добиваться этого не тоталитарным путем, который посягает на духовную свободу и достоинство личности, а полагаясь на индивидуальную инициативу, направленную на поиски счастья. Для этого человечеству понадобится философское и религиозное просвещение, которое благодаря своей универсальности понятно и приемлемо для всех людей.

Демократия или диктатура

Икеда: Относительно возможности появления всемирного диктатора Вы сказали о психологии масс и их тенденции к тому, что в определенной ситуации люди будут считать диктаторство меньшим злом, чем анархическое разложение общества. Действительно, у масс имеется тенденция

выбрать менее опасный вариант, что также легко может использоваться диктатором.

Немало выдающихся писателей и ученых пытались изучать и анализировать тенденции и характер масс. Пожалуй, классическим примером в этом плане является произведение «Восстание масс» испанского писателя Хосе Ортега-и-Гассета*. В их числе и выдающийся ученый, психолог Эрих Фромм*, писавший о тенденции масс спастись бегством от свободы к диктаторской системе, а также Дэвид Ризман*, который посвятил свои работы изучению, как сам он выразился, «одинокой толпы». Эти и другие известные работы такого же рода неоднократно анализировали отношения между диктатором и массами и в особенности то, каким образом они проявлялись в случае с нацистской Германией.

Эти и другие известные работы, посвященные этой теме, довольно глубоко анализируют тенденциозный характер отношений масс и власти, типичным примером которого является процесс появления диктатора в нацистской Германии. Однако и в этих трудах мы не находим ясных ответов на вопросы о том, каким образом нужно и можно предостеречь массы от совершения ошибок и общество от появления диктатуры и какие есть действенные меры для направления человеческого общества в идеальное русло.

Кроме того, к сожалению, социально-культурные среды современных обществ ослепляют людей своей поверхностной пышностью и делают их духовно пустыми и политически пассивными, манят их к равнодушию и развлечениям. Несмотря на то что внешне они воспевают права человека и свободу, на деле они теряют свою веру в демократию. В таких условиях человечество вполне может оказаться на опасном пути, на котором одна ошибка ведет или к неограниченной диктатуре, или к тоталитаризму.

Тойнби: Люди соглашаются молча, или даже приветствуют, или требуют диктатуры по двум причинам, которые вполне определены и отличны друг от друга. Одна из них психологическая и вечная; другая причина связана с окружающей средой и случайностями. Вечная психологическая причина принятия диктатуры состоит в том, что она освобождает всех отдельно взятых людей, за исключением, конечно, самого диктатора, от мучительной необходимости принимать ответственные решения. Случайная, обстоятельная причина состоит в возникновении некоего физического или социального кризиса.

Опасность легче преодолеть, если люди, столкнувшиеся с ней, подчинят себя единственной личности, вместо того чтобы пытаться несогласованно

справиться с общей опасностью. Передвижение на самолете, на корабле или караваном на верблюдах было бы непомерно опасным, если бы путешественники не подчинялись диктату капитана на период своего путешествия. Аналогичным образом в период общественного кризиса люди приходят к выводу, что диктатура является меньшим злом, чем продолжение анархии.

Желание пережить кризис – это менее страшный повод для появления диктатуры, чем желание избежать мучительной ответственности за необходимость сделать выбор. По своему происхождению «диктатор» – это технический термин из первоначальной конституции Рима. В случае чрезвычайных обстоятельств избранные конституционным путем чиновники добровольно приостанавливали исполнение своих полномочий и назначали по собственной инициативе диктатора с деспотическими правами, для того чтобы он заменил их на время кризиса. Эта система успешно существовала до 133 года до нашей эры, когда римские кризисы стали носить хронический характер из-за трудноизлечимых экономических и социальных расстройств. Спустя столетие диктаторство стало постоянным институтом в Риме. Причиной его постоянства стало то, что большинство его граждан впали в постоянную апатию. Они утратили веру в то, что могли бы справиться со своими делами, не попав в беду. Современный мир является невыносимо анархическим. Выживание человечества ныне зависит от технологии, обладающей всемирным масштабом действия, но даже она парализуется продолжающимся разделением земного шара на 140 соперничающих суверенных отдельных государств. Поэтому представляется вероятным, что рано или поздно современный мир будет объединен политически таким диктаторским методом, с помощью которого Цинь Ши Хуан-ди объединил Китай в третьем веке до н. э., когда китайскому народу надоели турбулентные режимы эпохи Сражающихся царств.

Икеда: Действительно, люди соглашаются почти с любой системой правления, которая обещает улучшение их условий и положения. И я считаю, что в принципе любой режим правления, будь то монархия или диктатура, правление интеллектуальной элиты или другие, мог бы быть или хорошим или плохим в зависимости от личностных качеств стоящих у власти. Но тем не менее демократия благодаря сравнительно высокой эффективности своего механизма предотвращения злоупотребления властью сегодня наиболее широко принята и применяется разными обществами в мире. Конечно, у нее тоже есть свои недостатки. Однако считаю, что излишне подчеркивать и обращать внимание только на ее слабость неразумно и,

более того, опасно, поскольку это может возбудить сентиментальное желание возвратиться к монархиям прошлого или обеспечить безопасность, установив новую диктатуру.

Что касается субъективной и вечной причины появления диктатуры, как Вы сказали, то действительно, психология масс в кризисных ситуациях по своей природе склоняется к упованию на диктатора. Здесь крайне важен вопрос о том, что может служить эффективным средством для того, чтобы противостоять этой тенденции. Самым эффективным и, может быть, единственным средством является образование и просвещение масс. Практически это способствует предотвращению попадания масс в апатию, а также повышению их сознания и морального уровня. Это послужит залогом того, чтобы максимальное участие максимального количества людей препятствовало выходу самой власти из-под контроля.

В связи с другой причиной возникновения диктатуры, которую Вы описали как случайную и обстоятельственную, я считаю, что существуют определенные обстоятельства, которые требуют быстроты принятия решения и оперативности в действиях. Например, когда существуют две или более конфликтующие силы, создающие высокую напряженность в обществе, и несогласованные или медленные шаги могут привести к тотальному краху всех членов общества, желательно, чтобы власть держал или один человек, или небольшой коллектив для оперативного принятия решения. В подобных случаях во избежание всеобщей катастрофы необходимо, чтобы члены такого общества обязательно и безоговорочно следовали за решением властей.

Однако когда общество находится в безопасной и спокойной ситуации, то есть жизни членов общества не находятся под угрозой гибели, политический приоритет должен отдаваться не скорости принятия решений, а качеству принимаемых решений. В мирное время главная задача власти состоит в том, чтобы постараться обеспечить согласие и справедливое удовлетворение потребностей и запросов многих групп, каждая из которых, возможно, соперничая с некоторыми или со всеми остальными, энергично отстаивает свои собственные притязания. Действия власти в таком случае направлены не против внешнего врага, а на то, чтобы оказывать влияние на отдельных граждан и групповые составляющие внутри общества. В идеале власть должна применяться таким образом, чтобы в равной степени выражать волю всех членов общества.

В свете этих соображений, хотя я вполне отдаю себе отчет в том, что демократия имеет свои недостатки и может легко попасть в ряд ловушек, я

вынужден признать, что демократия – это наиболее желательная система правления.

Тойнби: Даже постоянная диктатура является меньшим злом, чем неизлечимая анархия, хотя тем не менее диктатура – это бедствие. Альтернативой является эффективный конституционный режим, при котором максимально возможное число граждан участвует максимально активно в управлении общественными делами. В современном мире это жизненно важно. Но граждане не станут принимать активное участие до тех пор, пока не будут уверены, что в самом деле их участие будет эффективным.

Икеда: Некоторые, кто выступают против демократии, аргументируют свою точку зрения, опираясь на неспособность и незаинтересованность масс в активном участии в управлении общественными делами. Они подчеркивают невежество масс, несамостоятельность их мышления и примитивность суждения и потому считают, что им не следует доверять право избирать своих лидеров. Во многих случаях ведущими защитниками этой теории являются люди, склонные к аристократии, или члены интеллектуальной элиты.

Одним из наиболее вопиющих недостатков демократии является то, что люди избирают человека, которого они считают наиболее привлекательным по ряду причин, как хороших, так и плохих. Например, нет ничего необычного в том, что человек поднимается на политический пост в результате всеобщих выборов только потому, что он искусный манипулятор общественным мнением. С другой стороны, простые граждане иногда игнорируют старательных и честных лидеров, которые недостаточно рекламируют себя. В экстремальных случаях публика может использовать демократическую систему для того, чтобы избрать и наделить фактически всей полнотой власти человека, цель которого состоит в разрушении демократии и установлении себя в качестве диктатора.

По этой причине, которая, несомненно, является частью системы, некоторые критики выступают против демократии с участием всего народа. Но неправильно приклеивать клеймо глупца всему населению из-за возможности ошибок подобного рода. Наоборот, обязанность интеллектуальной элиты заключается в том, чтобы постараться вырвать массы из невежества. Масса не глупее составляющих ее индивидуальных компонентов, и в каждом из нас имеется своя доля глупости. Повышая интеллектуальный уровень простого народа через образование, можно многого добиться для уменьшения этого недостатка. В то же самое время власть должна быть максимально широко

рассредоточена на базовом уровне, чтобы максимальное количество членов общества имели возможность реализовать свои права путем прямого участия в управлении. Также это важно и с точки зрения укрепления в массах уверенности в своих силах.

Тойнби: Вы указали на критику демократии со стороны людей, которые, как Вы сказали, либо имеют аристократические симпатии, либо принадлежат к интеллектуальной элите. Я считаю, что это недоверие более широко распространено, чем полагаете Вы. По своей природе демократия требует полного доверия со стороны своих граждан, однако есть две главные угрозы этому необходимому доверию. Одна из этих угроз носит вечный характер, другая является свойственной исключительно современному миру.

Вечную угрозу представляет собой трудность избрания достойных кандидатов на общественные посты. Конституционное правительство воспитывает политиков, то есть людей, которые избрали политику для своей карьеры и стали профессионалами в том, чтобы убеждать электорат избирать их и оставлять на властных должностях. Использование этого профессионального искусства дает возможность политикам выигрывать выборы, однако это не позволяет им завоевать уважение электората. Электорат голосует за них, хотя презирает их, а недоверие к политикам дискредитирует конституционный политический режим, который дает возможность политикам, пусть даже по вине электората, быть избранными на посты, которых они не достойны. В последнее время стал велик разрыв доверия между показными усилиями политиков и их претворением на практике. Общественность увидела неискренность и несоответствие политиков, но она не видит, каким образом избрать более уважаемых правителей. Широко распространившееся в настоящее время разочарование в политиках, сопровождаемое неспособностью перейти от разочарования к реформе, представляет угрозу демократии.

Угроза демократии, которая является специфически присущей современному миру, состоит в поразительном росте количеств и размеров. Это следствие двух факторов: демографического взрыва и роста масштабов деятельности и объема технологической продукции.

Человек ныне чувствует себя задавленным окружающей его средой, как социальной, так и искусственной материальной, которые наложились на естественную окружающую среду в результате триумфальных технологических успехов. Современная социальная среда стала для человека угнетающе безликой; его материальная среда стала избыточно гнетущей. Этот жизненный опыт истощает способность человека поверить в то, что он может

быть эффективным и ответственным участником в жизни общества, и этот скептицизм ведет к падению его уважения к самому себе и одновременно к падению его нравственных норм.

Поэтому в настоящее время в высшей степени важно дать человеку возможность продолжать оставаться социально активным. Для этого его необходимо убедить в том, что нынешние общественные институты предоставляют ему шанс быть эффективным, и, чтобы убедить его, мы должны сделать наши общественные институты подлинно и по настоящему доступными для партнерского участия. Из-за уже описанных мною неблагоприятных обстоятельств создание открытых для участия общественных институтов будет трудным, но мы не должны поддаваться отчаянию, а также смирению и пассивности, которые за ним последуют.

Даже если бы чрезвычайные обстоятельства современного мира привели к временной всемирной диктатуре как единственной альтернативе самоуничтожению человечества, мы можем вдохновлять себя примером римлян республиканской эры, которые неоднократно успешно возвращались к конституционному правлению от временных диктатур, как только преодолевались вызвавшие их установление кризисы. Наше отношение должно быть таким, как у путешественников, которые подчиняются диктату капитана до тех пор, пока они находятся в пути, но, ясное дело, вновь обретают личную свободу деятельности, как только их рискованное путешествие заканчивается.

Икеда: В прошлом люди надеялись на устранение трудностей путем борьбы со злом существующей власти и с помощью установления новой силы. Однако, как показывает история, подобное свержение старого режима заканчивалось тем, что как только народ верялся новой власти, стоявшей на его стороне и перевернувшей старую систему, он начинал страдать уже от зла этой новой власти. Реставрация Мэйдзи в Японии в девятнадцатом веке, а также русская и французская революции иллюстрируют мое мнение. Сказав так, я не собираюсь констатировать, что любая система одинакова, но хочу подчеркнуть важность сознательности народа и то, что в любой системе люди не должны терять инициативу для контроля над властью.

Основополагающим критерием при выборе любой социальной системы управления должна служить способность системы создавать условия для счастливой жизни максимального количества людей. Следовательно, независимо от типа выбранной социальной системы в любом случае решающая инициатива должна оставаться у большинства населения. Если массы

забывают об этом и отказываются от своих прав, любая теоретически идеальная система легко может превратиться во вредный режим репрессии.

Демократия или меритократия

Икеда: Я считаю, что единого ответа на вопрос о том, какую политическую систему предпочесть для общества, не существует. Правильным подходом в разрешении этого вопроса было бы, если бы каждая страна стремилась принять такую политическую систему, которая наиболее соответствует ее национальному менталитету, образовательному уровню, международной позиции и уровню экономического развития. Например, если взять коммунизм, то коммунистическая идея может привлекать людей в стране, где большинство народа относится к неимущему слою и угнетено немногочисленными капиталистами. Однако ее могут не приветствовать страны, в которых большинство людей составляет средний имущий слой общества. Другими словами, сделать унифицированный теоретический вывод о том, какая политическая система лучше, а какая хуже, без учета исторической и социальной специфики каждой конкретной страны, было бы некорректно и бессмысленно.

Несомненно, что все согласны и будут приветствовать такие улучшения общества, как повышение интеллектуального и образовательного уровня людей и экономическое развитие, независимо от того, какими политическими системами они были достигнуты. Но большим вопросом остается то, какая политическая система является наиболее подходящей для общества, которому уже удалось достичь удовлетворительного уровня жизни населения и в интеллектуальном, и материально-экономическом плане? Пока что многие сходятся во мнении о том, что демократия является самой близкой к идеальной из всех политических систем, изобретенных человечеством доньше. Но в то же самое время мы должны признать, что эта демократия содержит в себе и проблемные моменты, которые прежде всего связаны с моралью самих участников этой системы и поэтому не могут быть проанализированы обычными мерками развития общества, такими, как интеллектуальный уровень, экономическое развитие и т.п.

Тойнби: Человек всегда был поразительно находчив и изобретателен в технике и не менее поразительно бесплоден и не изобретателен в области политики. Количество возможных альтернативных политических систем из тех, что до сей поры известны, невелико, и большинство этих систем при их использовании доказали на своем опыте, что они неудовлетворительны.

По моему мнению, более разумно в отношении демократии использовать негативные термины: демократия – наименее плохая из политических систем, с которыми до сих пор сталкивался человек.

Однако демократия тоже имеет свои дефекты. Одним из самых печальных является тенденция людей, живущих в парламентской демократии, проявлять наибольшую лояльность к маленькой, менее важной группе, вместо крупной и важной. Под этим я имею в виду, что люди часто ставят интересы политической партии выше интересов нации, а интересы последней выше интересов человечества в целом.

Вторым серьезным изъяном демократии является лицемерие. Иногда оказывается значительное давление на политиков с целью заставить их следовать линии партии, даже если эта линия противоречит их собственной совести. Действительно, некоторые политики весьма готовы принести свою совесть в жертву личным амбициям. В более широком смысле это значит, что ради политической тактики люди часто притворяются, что они поддерживают политику, в которую они на самом деле не верят. Позиция британской Лейбористской партии по вопросу о присоединении к Европейскому экономическому сообществу – это именно такой же случай, как и официальная позиция западногерманского Христианско-демократического союза по заключению договоров с Польшей и Советским Союзом о признании *де факто* послевоенных границ.

Икеда: Указанные Вами и другие основные недостатки современной демократии вытекают из трудности установления и поддержания высокой нравственности у людей, необходимой для сохранения здоровья демократии. По этой самой причине в самом разгаре своего процветания поддалась нравственному падению афинская демократия в античной Греции и превратилась в охлократию. Сегодня часто высказывается опасение, что демократическая система в США и странах Западной Европы тоже таит в себе аналогичные критические факторы разложения.

Тойнби: Золотым веком афинской демократии было первое столетие после ее возникновения. В этот век в соответствии с афинской конституцией власть уже находилась в руках масс, но на практике массы все же соглашались на правление аристократов, так же как в самом начале истории Соединенных Штатов американцы соглашались на управление ими аристократическими отцами-основателями.

Однако даже в начальный золотой век афинской демократии массы поддались двум искушениям. Они поменялись местами с состоятельным

меньшинством своих сограждан, облагая их высокими налогами и взыскивая с них общественные услуги, которые номинально были только добровольными. Во-вторых, массы злоупотребили мощью афинского флота. Поставка гребцов для боевых кораблей делала флот зависимым от масс. Используя власть, которую давала им эта зависимость, массы использовали флот, чтобы свести до уровня подданных другие греческие государства, которые официально были союзниками Афин. Афины тогда угрожали и грабили эти государства, принуждая их своей превосходящей силой. Афинские мыслители того времени – например, историк Фукидид и философ Платон – осуждали афинскую демократию как плохую систему правления. Однако их оценку нельзя принимать безоговорочно. Они не были беспристрастными, поскольку принадлежали к состоятельному меньшинству. Тем не менее их строгая критика внутренней и внешней политики демократических Афин основывалась на их собственном опыте и в значительной степени подкреплена неоспоримыми историческими фактами.

Символично, что афинская демократия была недолговечной. Она существовала меньше двух столетий и сменилась умеренным олигархическим режимом, который длился в три раза дольше, фактически столько же, сколько существовал сам город-государство Афины. Система выстояла под властью римского сюзерена по крайней мере до третьего века нашей эры. Этот олигархический режим был умеренным по сравнению с несдержанностью предшествовавшего демократического режима, тем не менее постдемократическая афинская олигархия была тоже социально несправедливой. При этом режиме Афины управлялись меньшинством и в интересах этого меньшинства, состоявшего из рантье (а именно сельских лендлордов, паразитировавших на ренте, получаемой от землепашцев за пользование их землями). Образованное мелкопоместное дворянство, которое правило Китайской империей в течение более двух тысячелетий, было аналогичным правящему классу постдемократических Афин.

Икеда: Ссылаясь на такие исторические факты, некоторые утверждают, что демократия является переходной формой правления, которая в конечном счете будет заменена олигархией интеллектуальной элиты, от которой можно ожидать более высокой нравственности, чем от масс в целом. Что Вы скажете относительно такого мнения?

Тойнби: Как мне представляется, ни эгоистичное меньшинство, ни эгоистичное большинство не способно создать хорошее правление. Я бы предпочел конституцию, которая предоставила бы большинству право голоса

против для контроля над правительством с использованием вето в вопросах, затрагивающих жизненные интересы большинства, но не давала большинству абсолютную власть для руководства правительством. Я считаю, что самым лучшим правящим органом была бы меритократия, но даже подобранная самым справедливым и разумным образом меритократия не должна оставаться без общественного контроля, потому что самые компетентные и самые по государственному настроенные люди все же поддаются человеческим слабостям и потому, что власть сама по себе разлагает.

Правящая меритократия, которую я имею в виду, не должна комплектоваться путем всеобщих выборов. Самое плохое свойство демократии, как прямой, так и представительной, состоит в том, что демократические политики подвергаются искушению превратить свои выборы или перевыборы в самую приоритетную задачу и действовать с постоянным вниманием на это, а не на то, что они считают подлинно общественными интересами. Эта слабость иллюстрируется историей американского президентства со времен Джексона и историей афинской коллегии полководцев (стратегов) в постпериклову эпоху афинской демократии. Я бы поддержал сохранение выборной, представительной демократической конституции для комплектования органа общественного контроля над правительством, но я бы полностью исключил выборы как способ укомплектования правящей меритократии. Я бы предпочел, чтобы этот правящий орган составлялся частично кооптацией, частично назначением, а выдвиженцы назначались бы влиятельными общественными и культурными организациями, которые не являлись бы ни политическими, ни экономическими.

Икеда: К Вашему высказыванию относительно права голоса против и абсолютного права при участии масс в политических решениях я добавил бы, что в сегодняшней демократической системе участие простых людей в политической жизни общества уже настолько пассивно, что они не проявляют активности даже тогда, когда это настоятельно необходимо. На фоне этого, как мне кажется, усиливается тенденция к правлению элитарного интеллектуального меньшинства. В этом смысле Ваша оценка меритократии отвечает современным требованиям. Но я отношусь к ней с некоторым опасением в связи с тем, что реализация меритократии на уровне государственных институтов может привести к проявлению дискриминации и углубить отчуждение между массами и избранными.

Кроме того, у меня возникает несколько вопросов относительно Вашей идеи меритократии. Вы сказали, что часть руководителей будет кооптироваться, а часть назначаться. В этом случае кто имеет право назначать

меритократных руководителей и каковы критерии, определяющие необходимую квалификацию для назначаемых лиц? Далее Вы сказали, что даже самая хорошая меритократия не должна оставаться без общественного контроля. Но возможно ли контролировать правительство со стороны масс, не наделенных избирательным правом? Насколько я Вас понял, население будет обладать правом вето по вопросам, имеющим для него важное значение, но я полагаю, что людям будет трудно понять, в какой мере та или иная политика затронет их жизненные интересы. Например, некоторые политические акции, взятые отдельно, могут выглядеть совершенно безвредными, в то время как в совокупности они могут представлять серьезную угрозу.

Допуская, что меритократия когда-нибудь придет на смену современной демократии, я полагаю, что некоторые трудности, связанные с ней, в том числе и вышеупомянутые, должны быть решены до того, как она станет удовлетворительной системой правления.

Высокий нравственный уровень людей, их широкий интеллектуальный кругозор и точность суждений требуются и при меритократии, и при демократии. До той поры пока массы не будут обладать такими качествами, по сути, ни одна из этих систем не в состоянии полностью реализовать себя.

Я убежден в том, что в основе всяких человеческих отношений должно лежать уважение достоинства человека и равенство всех людей, и с этой точки зрения я все-таки поддержал бы такую систему, при которой люди любых сословий могут участвовать в ней на равных условиях. Я верю в то, что наиболее важно поднять нравственность и интеллектуальные способности масс до такого уровня, который позволит им сохранить демократическую систему в здоровом состоянии.

Тойнби: Я согласен с тем, что самое главное – это поднять нравственность и интеллектуальные способности масс. Несомненно, это единственный надежный способ добиться улучшения в политике, которое так безотлагательно необходимо. Однако фактор времени может этому помешать. Форсированный технологический прогресс пропорционально ускорил и социальные, и политические изменения. Катастрофа может обрушиться на массы задолго до того, как у них будет время достигнуть моральный и интеллектуальный уровень, на котором они будут способны отвести политику от опасной черты.

Меритократия, которую я защищаю, – это способ выиграть время путем установления временного режима или административного органа, подобного

британской государственной гражданской службе в Индии и гражданской службе в Китайской империи. Эти люди набирались по результатам конкурсных экзаменов.

Я признаю, однако, что истории этих гражданских служб, хотя они в целом почетны и успешны, вскрыли следующие слабости меритократии. Как сказал лорд Актон, «любая власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно». Меритократия может добросовестно выполнить то, что она считает наилучшим в интересах масс, но она может в действительности оказаться слепа к этим интересам, либо вследствие того, что изолировала себя от масс, либо из-за подсознательного желания оставаться незаменимой. Британская государственная гражданская служба в Индии, считавшаяся в основном успешной, иллюстрирует мою точку зрения.

Я усматриваю слабость правления меритократии так же, как я понимаю опасность парламентской демократии при наличии интеллектуально и нравственно необразованного электората. К сожалению, я боюсь, что потрясающе плохой прежний опыт человечества в политике может оказаться превзойденным негодностью его будущих действий.

Икеда: Для того чтобы избежать подобное, мы обязаны приложить максимум усилий.

Указанная Вами слабость государственной гражданской службы часто выявлялась в различных формах в истории Японии. Как Вам известно, Япония, применив опыт Китая как пример, давно установила систему государственной службы. Однако долгое время государственными служащими могли становиться сыновья только из семей, принадлежащих к определенным группам или сословиям. Лишь после реставрации Мэйдзи стали применять экзамены для набора кадров. И даже после внедрения экзаменационной системы государственная служба рекрутируется из довольно закрытых кругов, которые сложно переплетены с группами, созданными по семейной или университетской линиям. Не будет преувеличением сказать, что в случае Японии серьезным препятствием для здорового развития парламентской демократии явилась именно такая устаревшая государственная служба. Поэтому что касается Японии, ей необходимо укреплять парламентскую демократию и ослаблять традиционные узы государственной службы.

С другой стороны, в случае Британии, в свою очередь учитывая слабость парламентской демократии, возможно, было необходимо укреплять государственную службу. Если я правильно понимаю ситуацию, то выходит,

что ближе к идеальной стоит такая политическая система, в которой парламентская демократия и меритократия в форме государственной службы сбалансированы и взаимно дополняют друг друга. Но при всем том я хочу еще раз подчеркнуть, что структурная сбалансированность и здоровое функционирование политической системы обязательно предполагают повышение нравственности и интеллектуального уровня широких слоев населения. Именно в этом я вижу основную задачу для достижения доброкачественной политики.

На основе этого вопрос о том, на что нужно ставить акцент – на меритократию или на демократию – должен решаться с учетом реальностей, сложившихся в каждой отдельной стране.

9. ЕДИНЫЙ МИР

Международная валюта

Икеда: Я хотел бы обсудить вопрос о международной валюте. В последнее время становится очевидным то, что мировая экономика серьезно страдает от долларowego кризиса. Существует несколько причин, в том числе возрастание военных расходов во Вьетнаме, ухудшение положения США в мировой экономике и т.д., вследствие чего нарушается сам порядок мировой экономики, что не может не вызывать опасений. В результате этого, к примеру, японская иена дважды вынуждена была девальвироваться.

Современная международная валютная система внедрялась под предлогом избежания повторения валютного кризиса 1930-х годов. Но в действительности, как считается, это был продукт послевоенной кредитно-денежной политики Соединенных Штатов. К окончанию Второй мировой войны Соединенные Штаты были и остаются в этом смысле самой мощной в экономическом отношении страной в мире. Но до тех пор пока валюты стран мира поддерживаются долларом и по этой причине находятся под его влиянием, очевидно, что любое ослабление американской валюты лишает устойчивости мировую валютную систему. Следовательно, нынешнее положение, в котором мировая экономика в целом поставлена в зависимость от национальной экономической конъюнктуры одного государства, нежелательно. Более того, денежная масса долларовой валюты, которая хотя и должна служить мировым стандартом экономической ценности, может подвергаться большому колебанию в зависимости от валютной политики страны. Такая ситуация никак не может обеспечить стабильную экономическую деятельность. Эта проблема не является временной или разовой. Она хронически присутствует в нынешней международной валютной системе, и поэтому, даже если временно удастся справиться с валютным кризисом, он снова может проявиться в любое время. Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что для существенного изменения такой ситуации и коренного решения вопроса валютного кризиса необходимо пересмотреть и реформировать международные валюты.

Тойнби: Народы мира в настоящее время так тесно связаны между собой на экономическом уровне, что они не могут обойтись без активной и массовой международной торговли и капиталовложений во всемирном масштабе. Некоторые страны – Япония, Британия, Западная Германия – зависят от внешней торговли для своего существования. Однако мировая торговля и инвестиции не могут существовать без общепринятого мирового стандарта стоимости, на основании которого граждане разных стран могут заключать деловые контракты друг с другом и затем выплачивать или получать платежи, которые положены за выполнение контрактов. Более того, этот мировой стандарт должен быть стабилен в плане покупательной способности, чтобы люди, занятые бизнесом, могли иметь возможность смотреть в будущее. Они должны иметь гарантию, что заключенные на основе расчетов по нынешней стоимости общепринятого стандарта договоры не станут разорительными из-за непредсказуемых изменений его стоимости еще до завершения этих сделок.

До настоящего времени мировой валюты не было. Мир все еще разделен политически на ряд независимых государств, а одной из прерогатив местного суверенитета является обладание национальной валютой, стоимость которой может быть повышена или понижена в зависимости от деятельности правительства и граждан этого государства.

Если бы национальные валюты были единственным средством обмена, международные деловые сделки были бы невозможны. Поэтому необходим какой-то эквивалент мировых денег. Традиционным общепризнанным эталоном для соотнесения национальных валют друг к другу было золото. Но у использования золота для этих целей есть по крайней мере два серьезных недостатка. (1). Сама по себе экономическая ценность золота как металла для использования в технике мала. Золото ценилось не за его полезность, а за редкость его запасов. Высокая оценка золота – это предрассудок, она не является разумной. (2). В связи с редкостью запасов золота его предложение не имеет никакого отношения к спросу на него в качестве эквивалента международной валюты. В девятнадцатом веке рост добычи золота благодаря открытию новых месторождений в Калифорнии и Австралии оказался более или менее соответствующим имевшему место в то время росту объема международной торговли и инвестиций. Однако это произошло только случайно.

После промышленной революции одно только золото уже более не обеспечило бы адекватного эталона для обмена, если бы оно не было дополнено и в значительной мере заменено на практике использованием для международных сделок какой-то отдельной национальной валюты,

стоимость которой не только была стабильной в золотом выражении, но и которая считалась стабильной. В девятнадцатом веке эту роль играл английский фунт стерлингов. Сегодня фунт почти полностью заменен долларом США. Однако нынешний доллар, как и фунт, оказался слишком слаб, чтобы выполнять функцию мировых денег. В настоящий момент нет никакого общемирового эталона стоимости. Некоторые из основных валют сегодня плавают относительно доллара, и эта утрата общепринятого эталона стоимости оказывает парализующее влияние на международные деловые сделки.

Мировая валюта не будет стабильной и не вдохнет доверие в свою стабильность, что является необходимым условием для заключения контрактов, оцениваемых в любой валюте, если она не будет базироваться на чем-то, имеющем, в отличие от золота, внутренне присущую практическую стоимость, которая и стабильна и высока.

Существует несколько материальных предметов потребления, которые имеют более высокую практическую ценность, чем золото. Однако ни один материальный предмет потребления совершенно не имеет какой-либо ценности, если и до той поры, пока он не используется в человеческой деятельности. Нефть, например, не имела ценности, пока люди не научились, как ее выкачивать, перерабатывать и как сконструировать двигатели, в которых переработанный нефтепродукт можно использовать в качестве источника движущей силы. Основопологающим источником стоимости является производительность человеческого труда, и в ней есть три незаменимых составляющих: умение, труд и взаимодействие. Наиболее важная из этих трех – взаимодействие, потому что любое экономическое предприятие, независимо от его важности, – это совместное производство с некоторым количеством участников. Если участники поссорятся друг с другом (как, например, в спорах о разделе вознаграждений за их общую продукцию), работа будет парализована, умение лишится возможностей применения. Этот момент подтверждается широко распространенным срывом производства в результате трудовых конфликтов в так называемых развитых странах.

Экономическая продуктивность человечества, как мне представляется, – это единственный источник экономической ценности. Если это верно, то всемирное средство для экономических обменов должно основываться на экономической продуктивности человечества. Однако каким образом должны соотноситься эти две вещи между собой? Важным требованием к всемирному средству обмена является стабильность его стоимости и уверенность в том, что она останется стабильной. Однако продуктивность,

хотя и является истинным источником ценности, обладает тем же самым недостатком, что и золото, и доллар, и фунт. Как и эти общепризнанные в прошлом эталоны стоимости, продуктивность нестабильна.

Продуктивность изменяется от одной страны к другой и от одного века к другому, она зависит также от человеческой прихоти. Мастерство, которое ныне применяется в технологии и в предпринимательстве, может истощиться, если квалифицированное меньшинство мира переключит свое внимание с экономики на философию или искусство. Работа может иссякнуть, если рабочие предпочтут работать менее усердно и меньше времени отдавать работе, а больше отдыху, вместо того, чтобы отдать предпочтение получению максимальной зарплаты. И продуктивность может пострадать, если участники производства будут меньше взаимодействовать и более агрессивными в отношениях друг с другом.

Если по одной или по всем этим причинам продуктивность человечества пойдет на убыль, параметр мировой валюты, основанный на продуктивности, должен пропорционально уменьшиться. Возможно ли обеспечить мировому средству экономического обмена стабильность, без которой обойтись невозможно, и в то же время основывать эту мировую валюту на продуктивности человечества (которая, я уверен, является не только единственным источником ценности, но также, что вполне очевидно, крайне нестабильна)? Это, мне кажется, проблема, которую должны решить мировые эксперты. Я могу сформулировать проблему, как я ее вижу, но я не могу ничего предложить для ее решения, потому что не имею даже основ знаний, необходимых для того, чтобы быть компетентным.

Икеда: Это действительно трудная задача, требующая профессионального знания. Вопрос этот предполагает не просто, допустим, введение единой мировой валюты, поскольку единая валютная система без создания интегрированных торгово-экономических отношений мира, вероятнее всего, не станет очень успешной.

Я считаю, что идеальным было бы создание региональных единых экономических пространств путем перехода от национальной экономической системы к региональной. Это поможет стабилизировать валюту в регионе, обеспечивая тем самым увеличение масштаба экономической деятельности. В этом смысле успешным примером может стать попытка Европейского сообщества. Расширение ЕС преследует цель достижения экономической интеграции региона, предполагающей конечной целью политическую интеграцию. При реализации такой экономической интеграции становится возможным создание Центрального банка ЕС с собственной

валютной системой ЕС. Это даст, по крайней мере, Западной Европе возможность снизить зависимость ее экономики от американского доллара.

Желательно было бы также создание экономических содружеств наподобие ЕС и в других регионах мира. Однако должен признать, что это весьма труднодостижимая задача. В дальневосточной Азии, например, существуют различные экономические модели как на основе капиталистической, так и социалистической систем, а также большой разрыв в уровнях жизни и экономического развития между странами, что в целом делает почти невозможным создание подобного экономического союза.

Следовательно, мировая экономика, вероятно, какое-то время все еще будет полагаться на американский доллар как на базисную валюту. Но тем не менее, учитывая всеобщность экономической мотивации людей, считаю, что не будет тщетным постоянно прилагать усилия, направленные сначала на региональную экономическую интеграцию, а затем – на мировую.

Роль Восточной Азии

Икеда: С тех пор как в Китае установилась коммунистическая власть, серьезной угрозой Азии, в частности Восточной Азии, стало противостояние КНР и США. Войны на Корейском полуострове и в Индокитае номинально велись от имени каждой нации за национальное освобождение. Однако, как известно, очень скоро эти военные столкновения превратились в раздутые антагонизмом между КНР и США войны между этими державами или же почти что доходили до такого состояния.

С 1972 года после принятия КНР в ООН отношения США и КНР значительно улучшились. Но это улучшение не означало полного примирения или начала дружелюбных отношений между ними, а лишь установление официальных каналов и мест для переговоров, которые полностью отсутствовали до этого.

В прежние времена и в ходе войны на Корейском полуострове, и войны в Индокитае КНР стояла за кулисами событий, постоянно поддерживая северные силы в каждой из этих войн, не выходя при этом на международную арену. Она также редко принимала участие в международных конференциях, или точнее, ей не было отведено соответствующее место для выступления.

Несмотря на это, влияние КНР в международной политике увеличилось настолько, что даже США не смогли больше игнорировать ее, что и подтолкнуло США к примирению с КНР. США пришлось признать силу КНР главным образом в результате неудачного для них исхода во вьетнамской

войне. Кроме того, при выводе своих сухопутных войск из Азии США вынуждены были вступить в непосредственные переговоры с КНР. А в дальнейшем США необходимо будет вести диалоги с КНР с целью поддержания стабильности в Азиатском регионе.

Поэтому хотя нынешнее улучшение отношений между КНР и США называют неким примирением, их будущие позиции, весьма вероятно, могут стать такими, как позиции Соединенных Штатов и Советского Союза, то есть они могут попытаться поддерживать баланс сил с помощью огромных арсеналов ядерного оружия. По сути, это не меняет положение азиатских стран и не устраняет их беспокойство в том, что им следует умело находить свое место с учетом этого силового баланса между державами.

Тойнби: До сих пор разрядка между Соединенными Штатами и Советским Союзом носила только поверхностный характер. Даже если ослабление напряженности в отношениях между Соединенными Штатами и Китаем стало бы более существенным, перспектива установления мира все же была бы маловероятной. Однако изменение послевоенной структуры международных отношений с двуполярности к многополярности заставит эти три супердержавы искать способы достижения более позитивных дружественных и конструктивных отношений друг с другом, потому что впредь каждая из них будет озабочена тем, чтобы предотвратить угрозу коалиции между двумя другими.

Икеда: Вы дали прогноз взаимоотношений между тремя супердержавами с их же точки зрения. Что касается азиатских стран, находящихся либо между США и КНР, либо между СССР и США, то я думаю, им следует твердо занять нейтральную позицию и создать тем самым нейтральную зону между КНР и США. Такую инициативу могла бы проявить Япония, которая приобрела экономическую мощь, необходимую для политической независимости. Более того, ей следовало бы оказать помощь другим азиатским странам в дальнейшем укреплении их позиций и приобретении самостоятельности.

Что касается японо-китайских отношений, они имеют долгую историю культурных и общественных связей длиною в десять с лишним веков. За все это время дружественные отношения между ними прерывались только китайско-японской войной 1904 года и Второй мировой войной. Исторически ни одна другая страна не была более тесно связана с Китаем, чем Япония. Можно с уверенностью согласиться с тем, что мнение Японии о Китае окажет огромное влияние на другие страны в формировании их

взглядов на этого азиатского гиганта. В этом смысле Япония может сыграть немаловажную роль, и она обязана проявить нужную инициативу для гармоничной интеграции КНР в мировое сообщество, не говоря уж об азиатском.

Если будет реализована солидарность азиатских стран на основе дружеских отношений между Японией и КНР, Азия будет оказывать большое влияние на мировую политику. Что касается китайско-советских отношений, пока что, к сожалению, не отмечается признаков улучшения, о чем также свидетельствуют попытки Советского Союза установить более тесные связи с Японией, отвлекающие внимание Японии от Китая. В любом случае общественное мнение в Японии считает, что азиатское единство вокруг Китая и Японии внесло бы значительный вклад в дело мира во всем мире.

Тойнби: В дипломатической инициативе по оказанию помощи трем ядерным супердержавам в улучшении отношений между ними важная роль будет принадлежать Японии, которая уже стала одной из великих экономических держав мира.

Исторические культурные и общественные связи Японии с Китаем, я уверен, имеют важнейшее значение. Добровольная самокитаизация японцев через принятие ими китайской ветви буддизма началась в шестом веке нашей эры, примерно на одно поколение раньше, чем добровольная самоцивилизация англичан через принятие ими римской ветви христианства. Роль, которую сыграла китайская цивилизация в истории Японии, огромна, и ее значение не уменьшается успешной переплавкой ее японским народом в нечто специфически японское.

У Японии уже были хорошие отношения как с Соединенными Штатами, так и с Советским Союзом, когда была устранена американская помеха на пути к добрым отношениям между Японией и Китаем. Последовало китайско-японское примирение, и благодаря издавна существующим культурным связям китайско-японские отношения, вероятнее всего, станут более близкими, чем и американские, и российские отношения с Китаем. В дипломатической плоскости эти факты, видимо, создадут для Японии уникальную позицию, дающую возможность выступать в качестве «честного брокера» (по выражению Бисмарка) между этими тремя ядерными сверхдержавами. Способность Японии сыграть эту роль будет усилена ее отказом, согласно ее действующей Конституции, от права вступать в войну, а также тем обстоятельством, что она сама не обладает ядерным оружием.

Ближайшей ролью Японии в международных отношениях будет роль «честного брокера», но я не думаю, что ее роль будет ограничиваться этой

функцией, хотя ее посреднические услуги могут оказаться важными. Я полагаю, как уже говорил, что со временем Япония объединится с Китаем, Вьетнамом и Кореей для создания оси, вокруг которой произойдет объединение всего мира.

Икеда: По моему мнению, самым важным вопросом для Японии должен стать вопрос о том, чем она может быть полезна для Азии, а также, каким образом Азия сможет внести свой вклад в дело мира во всем мире и развития человеческой цивилизации?

В настоящее время Азиатский регион остается развивающимся регионом в мире, и большую его часть постигает угроза голода. В качестве базы поставки промышленных сырьевых материалов Азиатский регион подвержен конкуренции с другими регионами мира, которые имеют ряд преимуществ перед Азией. Кроме того, в результате разработки новых материалов, заменяющих импортное сырье, в развитых странах спрос на азиатское сырье не столь высок. Учитывая это, к сожалению, я должен отметить, что полномасштабная индустриализация в Азии все еще остается делом далекого будущего.

В области науки и культуры Азия тоже отстала от западных стран. Несмотря на это, Восточная Азия заслуживает внимания из-за духовной традиции ее народов, базирующейся на буддийской философии. Хотя ее видимое влияние сегодня невелико, буддийская идея на протяжении веков возвращала и обогащала духовную жизнь народов Восточной Азии и окружала их историю лучами мира. Восточно-азиатская культура, которая была возвращена под влиянием буддийской философии и которая внушает спокойствие и ощущение удивительной гармонии между человеком и природой, вызвала в народах этой части мира мощный импульс желания жизни. Мне кажется, что философия и религия, особенно буддизм, будут теми сферами, в которых народы Восточной Азии смогут внести великий вклад в дело мира и цивилизации.

Тойнби: Я полагаю, что основной позитивный вклад в укрепление мира и прогресс человеческой цивилизации должна будет внести Восточная Азия. Я не думаю, что остальная часть Азии (Индо-Пакистанский полуостров и Ближний Восток) сможет сыграть сопоставимую позитивную роль в некоторой стабилизации мировых отношений, которая составляет единственную альтернативу всемирной катастрофе. Индия, Пакистан и Ближний Восток экономически отсталые, несмотря на огромные запасы нефти на Ближнем Востоке. Эти регионы находятся еще и в политическом хаосе.

Вражда между индуистами и мусульманами, между арабами и израильтянами, между Пакистаном и Бангладеш и между политически консервативными и политически радикальными арабскими государствами – это копия, но в гигантских масштабах, той вражды, которая имеет место между протестантами и католическими христианами в Северной Ирландии. Народы Западной Азии не смогут помочь в решении проблем человечества; они сами преподнесут собственные региональные проблемы, которые должны будут решаться с помощью других народов.

Какова ситуация в Восточной Азии? Китай не является в настоящее время супердержавой в экономическом и военном отношении. Даже если он задастся целью достичь паритета с Соединенными Штатами и Советским Союзом в этих областях, вероятность такого успеха для него далека. Тем не менее две нынешние супердержавы, Япония и большинство других стран своими действиями показывают, что они считают Китай способным уже сейчас стать важной силой в мире. Озабоченность отношениями с Китаем подтолкнула Советский Союз к тому, чтобы стать более компромиссным в отношении Запада. Ричард Никсон своим визитом в Пекин показал, насколько большое значение он придает Китаю. Взятые в совокупности, эти факты представляют собой разительные свидетельства современного престижа Китая. Этот престиж совершенно несоразмерен нынешней и вероятной будущей материальной мощи Китая. Как это тогда следует объяснить?

Со времени Опиумной войны и до взятия власти в Китае коммунистами остальной мир относился к нему с презрением и безнаказанно оскорблял его. Даже в настоящее время Китай стал не намного более мощным материально в сравнении с западными странами, Советским Союзом и Японией, чем он был в то унижительное столетие китайской истории. Похоже, что нынешняя высокая оценка его значения основана не на достижениях Китая в течение относительно короткого периода его современной истории, а на его предшествующей двухтысячелетней истории и на признании постоянного достоинства китайского народа – достоинства, которое китайцы продолжали проявлять и во время столетия унижения их страны, и в современную эпоху, особенно китайские эмигранты по всему миру, занятые частным предпринимательством.

Восточная Азия сохраняет несколько исторических ценностей, которые могут дать ей возможность стать географической и культурной осью для объединения всего мира. Этими ценностями, как мне кажется, являются: (1) опыт китайского народа по поддержанию в течение последних двадцати

одного столетия империи, которая является региональной моделью для, без преувеличения, всемирного государства; (2) дух экуменизма, которым были проникнуты китайцы в течение этой долгой главы китайской истории; (3) гуманизм конфуцианского мировоззрения; (4) рационализм и конфуцианства и буддизма; (5) ощущение тайны Вселенной и признание того, что попытки человека властвовать во Вселенной самоубийственны (по моему мнению, наиболее драгоценные догадки даосизма); (6) убеждение (разделяемое с буддизмом и синтоизмом всеми школами китайской философии, за исключением, возможно, ныне вымершей легистской школы), что жить в гармонии с окружающей человека природой, а вовсе не попытки господствовать над ней, должно быть целью человека; (7) доказательство японским народом того, что восточно-азиатские народы в состоянии превзойти западные народы в изобретенной Западом современной игре по применению науки как в гражданской, так и в военной технологии; (8) смелость, проявленная и японцами, и вьетнамцами, бросившими вызов Западу. Эта смелость, я надеюсь, сохранится, однако будет проявлена в следующей главе истории человечества в конструктивной инициативе по оказанию помощи человечеству привести свои дела в порядок мирными средствами.

Современный мир познал на опыте, что китайцы имеют выдающиеся способности во всяком бизнесе и у них поддерживается высокий стандарт семейной жизни. Китайцы продолжали проявлять эти ценные качества даже тогда, когда их страна была слабой или фактически находилась в хаосе, но хаос не характерен для Китая. Хотя в Китае и возникали вспышки беспорядков до тех волнений, которые начались в 1911 и завершились в 1949 году, Китай был почти всегда политически единым и эффективно управляемым со времени его политического объединения в 221 году до нашей эры. До этой даты политическая история Китая напоминала политическую историю западной оконечности Старого Света. Китай тоже был расчленен на несколько враждующих отдельных государств. Но с 221 года до нашей эры Китай впадал в состояние политического раскола и анархии только изредка и временно. В целом история Китайской империи, которая все еще сохраняется в виде современной Народной Республики, была историей политического успеха. Она драматически контрастирует с историей Римской империи, которая пыталась и не смогла обеспечить длительное политическое единство и мир для Запады.

Со времени распада Римской империи на Западе западный мир никогда больше не преуспел в обретении снова своего утраченного политического

единства. Он развил гигантскую активность во всех областях человеческой деятельности и в последние пятьсот лет объединил всю поверхность земного шара на экономическом, технологическом уровнях и до некоторой степени в сфере культуры. Однако постримский Запад не смог обеспечить политическое единство ни самому себе, ни остальному миру. В политическом плане влияние Запада на мир способствовало распрям. Политический режим, который Запад распространял за пределами своих границ, представлял собой суверенное государство; постримская западная политическая традиция была националистической, а не экуменической. Поэтому представляется немыслимым, что Запад будет способен обеспечить политическое единство в мире в целом. Тем не менее необходимость глобального объединения в политической плоскости вызвана глобальным единством в других сферах, которое уже достигнуто всемирной экспансией западных народов.

Вполне допустимо, что будущим объединителем мира будет не западная или западнизированная страна, а им будет Китай. Также можно допустить, что предчувствие возможной будущей политической роли Китая и есть причина нынешнего поразительного политического престижа Китая во всем мире. Почти двадцать два столетия, с небольшими исключениями, единое китайское правительство держало сотни миллионов людей в политическом единстве. Более того, объединенный Китай был Срединной империей, чья политическая власть признавалась целым кругом зависимых государств (сателлитов) и чье культурное влияние распространялось вовне еще дальше. В самом деле Китай почти все время, начиная с третьего века до нашей эры, был центром притяжения для половины мира. В последние пятьсот лет весь мир связан воедино деятельностью Запада во всех областях, кроме политической. Возможно, именно Китаю предначертана теперь судьба обеспечить политическое единство и мир не только половине, но и всему человечеству.

Икеда: Конечно, преуспевающие политические режимы вроде Китайской империи или сёгуната* Токугавы в Японии принесли мир своим народам. Однако при таких системах творчество и свобода людей подвергались значительному ограничению, а сами режимы были склонны к закрытости и неизменности. Системы, которые подавляли индивидуальное творчество, привели Японию и Китай к социальной и культурной стагнации и отставанию. Европейские народы, которые добились значительного прогресса посредством свободной конкуренции, дали толчок, который вывел Китай и Японию из состояния мирной дремоты.

В современном мире люди больше нуждаются в стабильности и мире, чем в прогрессе. По этой причине единство по китайскому образцу может иметь значение. Тем не менее я очень сомневаюсь в том, что застывшее общество, которое подавляет индивидуальную свободу и реализацию способностей, может быть постоянным. Нам нужно серьезно подумать над тем, чтобы создать систему, которая обеспечит стабильность и мир, не нарушая свободы и созидательных способностей отдельной личности.

Хотя я понимаю, что мы не сходимся во взглядах на эту проблему, я тем не менее полагаю, что федерация на равных правах – возможно, что-то подобное Европейскому сообществу – может соответствовать обоим этим требованиям.

Вообще мир, похоже, структурируется вокруг некоего трехполюсного механизма, состоящего из Китая, Советского Союза и Соединенных Штатов, в котором Китай уже провозгласил, что не имеет намерения стать супердержавой. Да, возможно, Китай не станет супердержавой в области военной или экономической мощи. Однако, на мой взгляд, Китай может оказать глубокое влияние на мир своей традицией и культурой, поскольку он имеет совершенно иные, чем в Западной Европе, взгляды на государственность, мироздание, цивилизацию и т.п. В дальнейшем, когда он усилит свое присутствие на мировой арене, это станет тем примером, который даст толчок к активизации деятельности стран Азии и Африки в международном сообществе. В частности, я возлагаю надежду на китайскую инициативу в вопросе ядерного разоружения. Китай, используя свое место в ООН, мог бы активно участвовать в работе Комитета по разоружению ООН. Сможет ли он взять на себя обязательство уничтожить свой ядерный арсенал и одновременно с этим потребовать от США и СССР отказаться от их ядерных вооружений? Покажет ли Китай свою заинтересованность в достижении вечного мира на Земле? Мне хочется надеяться на то, что он сможет.

В своей работе «Современный опыт западной цивилизации» Вы сказали: «Китайское господство и колонизация всей поверхности планеты – это одна из возможностей, которая припасена для нас будущим». Могу я спросить, на чем основано это заявление? Считаете ли Вы, что эта возможность все еще существует?

Я не думаю, что китайцы – народ, обладающий агрессивными амбициями. Напротив, я считаю их в значительной мере пацифистами, стремящимися к миру и безопасности для их собственной страны. В истории Китая нет такого случая, когда Китай первым открыл огонь против другой стороны.

Китай вынужден был участвовать в Опиумной войне, китайско-японской войне и корейской войне, но не был их инициатором. Можно даже сказать, что эти войны были для Китая лишь оборонительными.

Вы пишете, что со вступлением в новое время китайский экуменизм сменился национализмом. Это правильное замечание, но это изменение не означает, что он стал агрессивным. По-моему, националистические наклонности появились у китайского народа как естественная реакция на постоянные вторжения иностранных государств, включая Японию, которые имели место после Опиумной войны. Эта националистическая позиция является всего лишь маской в дипломатических целях, а основным духом китайцев поныне остается экуменизм или вера в Срединную империю. Коммунистический Китай упорствовал в своем дипломатическом изоляционизме из-за необходимости решения внутренних проблем после революции, а также из-за древней и гордой традиции считать, что Китай – это весь мир.

Тойнби: В основном я согласен с Вашей оценкой китайской позиции. Я где-то читал, что Наполеон сказал по поводу Китая: «Не будите спящего гиганта». Англичане, еще не успев избавиться от Наполеона, действительно разбудили Китай, развязав Опиумную войну.

Я согласен, что с 1839 года китайцы воевали только для самообороны. Я думаю, что они интерпретируют понятие самообороны, включая в нее восстановление границ, которые имела Китайская империя в зените династии Цин, в период позднего правления Цянь Луна*. Этим объясняется и новый захват Тибета, который тибетцы считают актом агрессивного колониализма, так и непостижимый иначе разрыв с Индией, которая была ранее лучшим другом Китая. Китай порвал с Индией из-за некоторых полос территории в верховьях Гималаев, которые хотя и являются сами по себе бесполезными и ненужными со стратегической точки зрения для Китая, имели, я предполагаю, символическую важность, потому что Индия притязала на пограничную линию, установленную англичанами, когда Китай был слишком слаб, чтобы возражать. Я не вижу никаких признаков, что Китай имеет намерение расшириться за пределы его границ 1796 года, года смерти Цянь Луна. В самом деле, несмотря на то что недавно китайцы сразились с русскими на реке Амуре, они, похоже, не намерены серьезно пытаться возвратить обширные территории по левому берегу Амура и по правому берегу реки Уссури, которые Китай был вынужден уступить России в 1858–1861 годах. Процент китайского населения на этих территориях был и остается очень маленьким.

Однако со времени Опиумной войны внешние сношения Китая стали чем-то новым в истории Китая. До 1839 года Китай был поистине Срединной империей восточноазиатской половины территории Старого Света, и он был даже всей Поднебесной в том смысле, что китайская цивилизация была принята всеми соседями Китая, включая Японию, хотя Япония никогда не была в подчинении Китая политически. Китай не вступал в контакт с народами не китайских цивилизаций в западной оконечности Старого Света до второй половины второго века до нашей эры. Единственное большое иностранное влияние на Китай до современного западного влияния на него оказывала Индия, и индийское влияние приняло форму мирного проникновения в Китай буддизма. Более того, Китай китаизировал буддизм после его принятия, точно так же, как он китаизировал северных варваров, от хунну до маньчжуров включительно, которые завоевывали Китай или его части в разное время.

С другой стороны, Китай не смог китаизировать русских, которые сменили варваров в семнадцатом веке и стали его северными соседями. Точно так же не смог Китай китаизировать западные народы, которые вторгались в Китай в шестнадцатом веке и временно господствовали над ним в девятнадцатом веке. Несмотря на то что временного господства Запада уже нет, его влияние сохраняется. Как и прошлое индийское влияние, оно приняло форму обращения Китая в не китайскую религию. Китай китаизировал буддизм; похоже, что сейчас он собирается в свою очередь китаизировать коммунизм. Тем не менее китаизированный коммунизм, вероятно, окажет, как и китаизированный буддизм, глубокое трансформирующее влияние на китайское мировоззрение и образ жизни.

До 1839 года отношения Китая с другими частями цивилизованного мира были поверхностными и незначительными, за одним важным исключением — влиянием индийской цивилизации в мирной форме буддизма. Однако за последние пятьсот лет западные народы объединили все человечество (на технологическом и экономическом уровнях) в ходе своей мировой экспансии, и этот процесс объединения по инициативе Запада и первоначально в западном стиле вовлек Китай, как и Японию, в сеть новой глобальной цивилизации. С 1839 года Китай все глубже и глубже вовлекался в мировую систему международных отношений во всех сферах человеческой деятельности: военной, экономической, политической, культурной, технической, религиозной. Несмотря на то что Китай теперь сбросил западное временное военное, политическое и экономическое господство, он не может замкнуться в изоляции. Благодаря влиянию Запада мир Китая расширился, распространившись

с восточной половины Старого Света на весь земной шар. Никогда снова Китай не сможет стать Срединным царством изолированной Восточной Азии. Именно в этом смысле я вижу возможность господства Китая в мире.

Икеда: Я понимаю китайскую позицию в нынешнем международном сообществе следующим образом. В процессе признания права представительства пекинского правительства в ООН наблюдалась значительная задержка, и до недавнего времени КНР была загнана в изолированное положение в международном сообществе. И то и другое произошло главным образом из-за политики США и других стран либерального мира. Несправедливо было бы винить в этом саму КНР.

В принципе любое государство волнует то, как его принимает мировое сообщество. Но Китай с особой чувствительностью относится к тому, какое место приготовлено миром для его принятия. Эта повышенная чувствительность объясняется тем, что в течение последней четверти века мир относился к КНР весьма несправедливо, и поэтому КНР теперь настаивает на справедливом отношении к ней, на справедливой оценке ее роли и соответственном месте. Для КНР этот принцип стал очень важным.

Я полагаю, что Китай не может смириться с идеей, что Соединенные Штаты и Советский Союз господствуют над миром. Конечно, Франция и Великобритания, возможно, чувствуют то же самое, однако их дипломатическое искусство сводится к реалистическому компромиссу по этому вопросу. Но для КНР в настоящее время важнее придерживаться своих принципов, чем проявлять гибкость в дипломатии.

В той позиции, которую КНР заняла в ходе переговоров в отношении своего участия в ООН, была выражена решимость в том, что если ей не отведут место, соответствующее ее принципам, она предпочитает оставаться в изоляции и ждать, когда ей будет дана справедливая оценка. Но теперь, поскольку КНР вернулась в международное сообщество, она будет оказывать ощутимое влияние на дальнейший ход мировой истории.

Вклад Японии в будущее

Икеда: В прошлом японский народ проявлял огромный талант в усвоении и ассимиляции чужих цивилизаций и культур. Во время своего первого древнего периода объединения Япония создавала свое политическое и социальное устройство по китайскому образцу и училась технологии производства и искусствам как у Китая, так и у Кореи. Культура периодов Асука и Темпё (с шестого по восьмой век) в значительной мере была приобретенной,

но в последующий период Хэйан (794–1192) Япония использовала все ассимилированное у своих соседей для создания оригинальной и уникальной культуры. Затем в периоды Камакуры (1192–1333) и Муромати (1392–1573) Япония опять активно стала внедрять континентальные и некоторые европейские культуры. Однако со вступлением в период Эдо (1603–1868), когда сёгунат династии Токугава проводил политику самоизоляции страны от внешнего мира, пышно развивалась своеобразная японская культура, которая укоренилась на всех уровнях населения. После реставрации Мэйдзи в 1868 году новое правительство взяло курс открытости страны к внешнему миру. Началась интенсивная модернизация страны по модели европейских стран. Такое изменение в политической жизни страны не могло не оказывать влияния на культурную и бытовую жизнь населения. Европейское влияние продолжалось и продолжается и поныне. После Второй мировой войны особенно усилилось влияние со стороны США.

Но сегодня Япония уже почти прошла период интенсивного заимствования европейской культуры и вступает в стадию ассимиляции и творчества. И нынешняя нерешительность японцев вызвана именно переходом к последнему.

Тойнби: Принимая во внимание, что Запад превратился в проблему даже для самого себя в результате подавления природной окружающей среды искусственно созданной средой, появившейся благодаря волшебству современных западных технологий, неудивительно, что у японцев должно было вызвать замешательство влияние западной культуры, с которой, вполне очевидно, намного труднее справиться, чем с китайской культурой периода Тан. Но мне кажется, что в отношении проблемы Запада японцы оказались самыми успешными среди незападных народов. Они оказались более успешными, чем русские, и намного успешнее, чем китайцы, индусы и мусульмане.

Японцы испробовали четыре различных способа отношения к влиянию Запада. В шестнадцатом столетии они были скорее некритично восприимчивы к западной культуре и религии. Ознакомившись более близко, они развернули свою политику в обратном направлении и пустились во все крайности, пытаясь изолироваться. Затем, когда они осознали, что политика изоляционизма Токугавы становилась бесполезной, они совершили реставрацию Мэйдзи и попытались проэкспериментировать одновременное существование в двух мирах с разными целями: в современном западном мире ради технологии, экономики и международных отношений, включая

торговлю, дипломатию и войну; и в традиционном японском мире ради культурной и духовной сторон домашнего быта. Эта третья попытка совладать с западной цивилизацией закончилась для Японии катастрофой в 1945 году. С тех пор японский народ проводит четвертый эксперимент. Он пытается компенсировать свое военное поражение во Второй мировой войне победой над Западом в мирной сфере, в начатой самим Западом игре технологической виртуозности.

В этом японцы оказались сенсационно успешными, однако технологии — это только одна из сфер человеческой деятельности, и притом не самая важная. Я считаю, что для человеческого психосоматического организма духовная составляющая более важна, чем физическая, и у меня создалось впечатление, что это совпадает также и с убеждениями японского народа.

Икеда: Да, подобное было традиционным отношением японского народа к жизни. Им следовало бы стараться не терять его в стремительном изменении современности.

Что касается того, какой вклад может внести Япония в мир будущего, я думаю, мы можем упомянуть два момента. Во-первых, она может, как это могут и все другие народы, предложить плоды своей независимой созидательной деятельности. Во-вторых, Япония может послужить примером того, как можно жить в духе гармонии и союза с культурами, отличающимися от своей собственной.

Тойнби: То, что Вы сказали, верно, но я подхожу к этой проблеме с другой точки зрения. Я полагаю, что японский народ задает себе вопросы: «Не сфокусировали ли мы наши усилия и внимание на технологической сфере настолько, что игнорировали духовную? Может быть, наш послевоенный триумф неполноценен? Уравновесили ли мы нашу технологическую победу равноценной духовной победой? И если нет, то не должно ли это стать сейчас нашей главной целью? А если так, то какова духовная роль Японии в современном понимании будущего мира?»

Только сами японцы могут ответить на эти вопросы. Очень рискованно для иностранца пытаться давать ответ, даже если он, как и я, испытывает восхищение и любовь к японскому народу. Тем не менее я отважусь на предположение. Японцы продемонстрировали сейчас свою способность превзойти всех в современной технологии. Но везде современная технология выходит из-под контроля. В процессе производства материальных благ она приводит также к физическому и духовному загрязнению. Человечеству необходимо сейчас призвать технологию к порядку — не отвергая,

но сдерживая ее. Это значит сдерживание человеческой алчности, которая гораздо старше технологии и по возрасту стара как сама жизнь.

Японцы располагают необходимыми духовными ресурсами. Их наследственные религии синтоизм и буддизм отстаивают нравственную обязанность человека сосуществовать с окружающей его природой. Это входит в противоречие с иудаистской традицией Запада, которая отстаивает мнимое право человека принуждать и господствовать над окружающей его природой. Курс Запада ведет к катастрофе. Я верю, что японский народ может повести человечество более безопасным и счастливым путем. Японцы освоили все секреты мастерства современной техники, не потеряв своей прирожденной религиозной традиции. Эта традиция предлагает правильное духовное противостояние от современного технологического загрязнения окружающей человека природы и дегуманизации человеческой природы. Японская традиция выступает за достоинство живой и неживой природы, равно как и за достоинство человека.

От биполярности к многополярности

Икеда: В последние годы произошло значительное улучшение отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Однако если учесть тот факт, что каждая из сторон готовит вооружение, в частности ядерное, рассматривая другую сторону предполагаемым врагом, то, к сожалению, нужно признать, что в действительности между ними по-прежнему остается противостояние.

Это противостояние отчасти выражается как соперничество в снабжении оружием развивающихся стран и оказывает большое влияние на международное положение, создавая серьезную угрозу миру во всем мире. До сих пор данный антагонизм оценивался как идеологическая борьба между капитализмом и коммунизмом. Каково Ваше мнение по этому поводу?

Тойнби: По моему мнению, антагонизм между капитализмом и коммунизмом в значительной мере является надуманным. Это маскировка для гораздо более застарелых противоречий – столкновений национальных интересов и амбиций отдельных государств. В этих конфликтах воинствующие представители каждой из сторон пытаются возбудить у своих сограждан фанатизм, навешивая на соперничающее государство идеологические ярлыки, которые вызывают страх и неприязнь. На западной окраине Старого Света эта пропагандистская уловка уже применялась

ранее. Так называемые религиозные войны между христианами и мусульманами, между суннитами и шиитами в мусульманстве, между католиками и протестантами в западном христианстве маскировали соперничество конкурирующих отдельных государств.

Доказательством поверхностности и лживости так называемого идеологического и религиозного антагонизма является то, что в каждом из этих двух будто бы монолитных блоков существуют распри, не менее ожесточенные, чем вражда между самими этими блоками. Существуют также и союзы, которые пересекают разграничительные линии между этими блоками. Внутри коммунистического блока вражда между Советским Союзом и Китаем носит самый ожесточенный характер из всех конфликтов в современном мире. Внутри капиталистического блока Франция бросила вызов гегемонии Соединенных Штатов, Индия и Пакистан – две капиталистические страны, и все же их вражда, такая же ожесточенная, как между Советским Союзом и Китаем, переросла в военные действия. В религиозных конфликтах прошлого на западной окраине Старого Света шиитские мусульмане Ирана вступили в союз с христианской Венецией и монархией Габсбургов против суннитской мусульманской Турции, а католические христиане Франции вступили в союз с мусульманской Турцией, с протестантскими христианскими государствами Германии и Швецией против Габсбургов. Протестантские христиане Венгрии приветствовали турецких мусульман как освободителей от католических христиан Габсбургов.

Я пришел к выводу, что даже если бы идеологии Соединенных Штатов и Советского Союза были одинаковы, враждебность между ними все равно возникла бы после их совместной победы во Второй мировой войне, потому что они остались единственными выжившими великими державами в мире, и они почти автоматически двигались в сторону соперничества друг с другом за мировое господство.

Конечно, я согласен, что их соперничество и последовавшая за этим их взаимная вражда представляют собой огромную угрозу миру на планете. Эта угроза является беспрецедентно серьезной, потому что эти две соперничающие державы обладают оружием беспрецедентной разрушительной силы. Осознание ими того, что в прямом военном столкновении между ними каждая из них может уничтожить другую и никто не сможет стать победителем, сдерживало их от прямого военного столкновения. Однако военные конфликты на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, если они продолжатся, могут в любой момент вовлечь эти соперничающие державы в прямую конфронтацию против их собственной воли.

Почти в такой же мере опасно и в той же мере совершенно аморально их соперничество в снабжении оружием своих соответствующих сателлитов. Эта конкуренция не ограничивается вооружением стран-сателлитов, ведущих активные военные действия в локальных конфликтах. Ее последствия, как военные, так и экономические, являются вредными. Например, Индия и Пакистан, две бедствующие страны, понесли затраты, или по меньшей мере влезли в долги, которые они не могли себе позволять, чтобы закупить оружие, которое, если будет применено, будет использовано только друг против друга, а не в поддержку политики снабжавших их этим оружием держав.

Икеда: До настоящего времени прямого конфликта между Соединенными Штатами и Советским Союзом не было. Более того, лидерство этих держав внутри своих лагерей скорее ослабляется, и в результате появляются феномены многополяризации международного сообщества. Например, противостояние КНР с Советским Союзом, восстание Чехословакии и т.д.

С одной стороны, такая несолидарность внутри двух лагерей и многополяризация служит амортизатором, предотвращающим лобовое столкновение между США и СССР. Но с другой стороны, трения, конфликты и конфронтации, вызываемые многополярностью, хотя по существу они возникают из-за эгоизма суверенных государств и узкого национализма, являются следствием враждебности между двумя лагерями. Для достижения прогресса в международных делах должны быть найдены пути к разрешению такого антагонизма.

Тойнби: Взаимное фиаско Соединенных Штатов и Советского Союза ослабило их власть над соответственными сателлитами, и это стимулировало международную многополяризацию. Франция бросает вызов Соединенным Штатам, а Израиль успешно осуществляет свой диктат над ними. Попытка Чехословакии бросить вызов Советскому Союзу потерпела неудачу, но Румыния в пику Советскому Союзу подружилась с Китаем. Бунты сателлитов – это все же, однако, не столь важные события в сравнении с изменением позиции Китая. Когда коммунисты стали хозяевами всего континентального Китая, страна все еще оставалась сателлитом Советского Союза. Теперь Китай не только сбросил господство Советского Союза, но и вырос до уровня третьей великой державы, и он признается таковой двумя другими. Это революционный сдвиг в послевоенной структуре международных отношений. Застой в отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом теперь подорван появлением новой возможности, при

которой любые две из трех нынешних держав могут оказать давление на третью, объединившись против нее.

Более того, Япония и Германия снова стали великими державами в экономическом плане; в атомный век, в котором война между великими державами была бы самоубийственной, экономическая, а не военная мощь является ключом к политической власти. Если измерить мощь экономическими показателями, то сейчас вместо всего двух существуют пять великих держав – Соединенные Штаты, Советский Союз, Китай, Япония и Западная Германия. Таким образом, структура международных отношений стала больше похожа на ту, которая была накануне Первой мировой войны, когда количество великих держав равнялось восьми. Хотя многополяризация, вероятно, представляет собой менее опасную конфигурацию, чем биполярность, она слишком опасна, чтобы считать ее удовлетворительной.

Икеда: Разделение мира на антагонистические группы в значительной степени вызывается недостатком взаимопонимания и понимания того, что все мы – дети Земли. Не только на уровне межгосударственных отношений, но даже и на уровне нашей повседневной жизни, пока ближайшие соседи воздерживаются от общения друг с другом, ни один из них не может знать, что «у другого на уме». В этих условиях даже какое-то доброжелательное действие или реплика могут привести к неожиданному недоразумению. Когда недоразумения неизменно следуют одно за другим, то с течением времени они превращаются в стойкое предубеждение, и их рассеять становится все труднее.

Поэтому, мой вывод, несмотря на то что он может показаться слишком простым, заключается в том, что самым необходимым условием для создания мира на Земле является обеспечение близких человеческих контактов между людьми различных стран мира. Это даст нам возможность почувствовать, что все такие же люди, как и мы сами. Мы осознаем, что на самом деле нет американцев или советских, а есть только люди. Когда наши сердца начинают болеть за людей, случайно живущих в разных странах, мы понимаем, насколько абсурден надутый антагонизм в политической жизни мира.

В этой связи я приведу пример из китайско-американской дипломатии. После Второй мировой войны США и КНР находились в противостоянии в течение четверти века. Но за это время ныне покойный Эдгар Сноу и другие американские журналисты усердно передавали информационные

новости о Китае и китайцах. Считается, что исследования американских ученых по китаеведению были значительно глубже, чем те, которые были совершены в Японии в этот период вопреки историческим связям и географической близости с Китаем. Не вызывает сомнений то, что так называемая «дипломатия пинг-понга» и предшествовавшие частные обмены в значительной мере способствовали осуществлению визита Ричарда Никсона в Пекин в 1972 году.

Для того чтобы растаял айсберг политического противостояния между крупными державами, я убежден, что нам необходимо начинать с расширения людских контактов и взаимного знакомства с жизнью и культурой народов мира. Сказав так, я, конечно, понимаю, что коль скоро мы люди со всеми недостатками, прямые контакты и близкое общение представителей разных культур не всегда порождает только симпатию. Они могут вызвать и неприятности и недоразумения. Но тем не менее, когда люди узнают друг друга, то существует реальная возможность их преодолеть. А антипатия между незнакомыми людьми или народами легко может перерасти в серьезную вражду и необоснованные страхи, что заставляет людей прибегать к насилию и разрушению. Поэтому достижение взаимопонимания в качестве прочной основы международных отношений – необходимое первостепенное условие прочного мира во всем мире.

Сегодня установление более тесных связей между людьми, проживающих в разных частях мира, стало вполне реализуемой задачей, поскольку мир стал действительно тесен благодаря развитию транспорта и телекоммуникаций. Возможно, правительствам не удастся так быстро сблизить позиции, но неправительственные секторы и обычные люди могли бы активно разворачивать народную дипломатию, что, я уверен, дало бы немалый эффект в пользу снятия конфронтации между странами.

Я хотел бы узнать Ваше мнение о том, считаете ли Вы возможным урегулирование и снятие антагонизма между двумя блоками? Если да, то на какие факторы Вы при этом опираетесь и в каком формате это будет реализовано?

Тойнби: Я вижу два основания для надежды. Первое, это то, что современная технология, сократив расстояния, увеличила объем деловых и туристических поездок, а также объем информации о зарубежных странах, которая может быть получена (без поездки) посредством радио и телевидения. Происходит растущее понимание того, что мы все являемся членами одной человеческой семьи и что как у таковых у нас общие интересы и проблемы.

Второе, это то, что огромные международные технические проекты все-ляют чувство единства между народами. Освоение космоса, с одной стороны, является отражением конкуренции и соревнования между Советским Союзом и Соединенными Штатами; тем не менее в то же время русские, американцы и все остальное человечество считают, что это общее дело человечества. Правительства Советского Союза и Соединенных Штатов поздравляют друг друга в случае успехов и выражают соболезнования друг другу в случае неудач.

Коммерческие поездки, туризм, радио и телевидение могут в совокупности многое сделать для преодоления недоразумений, предвзятостей и подозрений. Имея это в виду, западные союзники на Парижской мирной конференции 1946 года предложили русским, чтобы осуществлялись широкомасштабные обмены не только туристами, но также и студентами и специалистами (как мужчинами, так и женщинами), терапевтами и хирургами, а также гражданскими служащими. Сталин отказался, и его отказ был справедливо расценен как означающий, что он планировал недружественные отношения между бывшими союзниками. Сталин уцелел за «железным занавесом», но сейчас, когда биполярность в международной сфере сменилась многополярностью, представляется, что ни Советский Союз, ни любая другая из трех великих держав не могут позволить себе изоляционизм. Каждая держава ради престижа будет соперничать с другими, испытывая стресс от «кошмара враждебных коалиций» (по выражению Бисмарка).

Увеличение контактов и взаимных обменов не всегда ведет к стимулированию доброй воли. Но в целом я ожидаю, что совершенствование глобальных средств связи во взаимодействии с обострением глобальных социальных проблем приведет человечество к осознанию того, что оно — единая семья, и заставит его вести себя соответственно этому.

Объединение мира

Икеда: Касаясь процесса объединения мира во главе с единым правительством, Вы рассматриваете несколько моментов, которые я мог бы обобщить следующим образом. Китай, вероятнее всего, сыграет ведущую роль в этом объединении. Китайский принцип управления послужит вдохновляющим примером. В ходе объединения мира, возможно, возникнет необходимость в диктаторе с выдающимися способностями лидера. Вы полагаете, что возникнет новая мировая религия, которая станет катализатором духовного единения всех народов. Похоже, что все отмеченные Вами моменты основаны на образе грандиозной и долговечной Срединной

империи, которая находится под управлением одного императора и под этическими и философскими воззрениями конфуцианства.

Но мне думается, что по ряду серьезных причин маловероятно, чтобы современное общество согласилось с концентрацией всемирной власти в руках одного человека. Главной причиной, как я думаю, служит то, что современные люди, привыкшие к разделению власти, испытывают сильную антипатию к системе управления и господства, допускающей сосредоточение всей власти в руках одного человека. Однако если, допустим, люди наоборот возжелают появления диктатора как следствие сегодняшней смутности и хаотичности положения мира, то это представляет собой еще большую опасность.

Ранее, когда темы наших бесед касались данного вопроса, я излагал свое мнение о том, что попытки к объединению Европы могут послужить моделью для дальнейшей всемирной интеграции государств. Западная Европа стремится к формированию некой федерации, состоящей из равноправных «локальных государств», имеющих различное историческое происхождение и национальные черты характера с сохранением их своеобразности и самостоятельности. Такой европейский подход мог бы быть взят в основу для глобальной интеграции и объединения мира в будущем.

Я верю в необходимость мировой религии или философии как в основу единого мира. А также в то, что, возможно, потребуется великая личность, способная привести человечество к духовному единству. Такая личность не должна обладать политической властью; она должна быть лидером на религиозном и философском уровнях. Я считаю, что проблема политической власти должна решаться путем переговоров, в которых на справедливой и равноправной основе смогут принять участие все заинтересованные страны.

Как Вы уже ранее упоминали, Европа долго страдала от кармы разобщенности. Поэтому если такой Европе удастся объединиться, то это будет означать изменение прошлой кармы. В контексте формирования единого мира опыт и процедура объединения современной Европы будут более значимы и применимы, чем тот пример, который имел место в Китае в третьем веке до нашей эры.

Китайский путь может оказаться эффективным для преодоления кризиса за короткий срок. Но в то же время он несет в себе много рисков и может привести человечество к еще более серьезной опасности. Европейская формула потребует длительных, терпеливых усилий, но я усматриваю в ней сравнительно меньший риск возникновения угрозы.

В исторических примерах объединения страны, достигнутого с применением силы, которые Вы упомянули ранее, помимо применения силы я в свою очередь замечаю еще один фактор, который, на мой взгляд, служит уроком и должен быть учтен в будущем. Это психологическая готовность людей стать единой страной.

Объединение Японии, осуществленное Ода Нобунага*, Тоётоми Хидзёси и Токугава Иэясу в конце шестнадцатого и начале семнадцатого века, основывалось на памяти людей о том, что в древности их разделенные территории составляли единое государство, а также на общности духовных и культурных традиций. Граждан городов-государств, вошедших в Греческую Федерацию (Коринфский союз) в четвертом веке до нашей эры, соединяло сознание того, что все они относятся к эллинам. Воспоминания о Римской империи вдохновляли на объединение итальянцев в девятнадцатом веке. Таким образом, несмотря на то что в объединительных процессах была применена сила, это лишь феноменальный аспект исторических фактов, а успех объединения, на мой взгляд, был обеспечен психологической готовностью людей к солидарности и объединению.

Если применение силы в тех этапах исторического развития могло быть сравнительно малым злом, то сегодня, когда применение современного оружия может означать гибель планеты, оно должно рассматриваться как абсолютное зло. Следовательно, при обсуждении вопроса глобальной интеграции следует уделять самое пристальное внимание тому, как преодолеть духовную разобщенность и как повысить общечеловеческое сознание людей. Внутренняя подготовленность людей к сотрудничеству и солидарности сделает возможным применение добровольных методов объединения мира.

Тойнби: Я согласен с тем, что в наш век любая попытка объединить мир политически с помощью силы приведет не к объединению, а к самоуничтожению. Партизанская война как одна из крайностей и ядерная война как другая крайность делают объединение с помощью военной силы нереальным.

Однако я не знаю ни одного случая политического объединения в прошлом – а ни одно из них не было всемирным, – которое было бы достигнуто без применения силы, хотя я и согласен с тем, что там, где она успешно применялась, ей способствовало широко распространенное стремление к политическому единству и что одна сила не могла бы привести к единству, не будь на то широко распространенной воли.

Как Вы отметили, объединение Японии в шестнадцатом и Италии в девятнадцатом веке было достигнуто сочетанием общественных настроений и военной силы. Но могло ли политическое объединение быть достигнуто

без военной силы? Здесь особенно показателен случай с Древней Грецией. По меньшей мере еще в восьмом веке до нашей эры у греков проявлялось чувство культурного единства, которое находило свое выражение в таких важных неполитических учереждениях, как панэллинистические религиозные центры и периодические панэллинистические фестивали. Тем не менее в течение трех веков, начиная с 480 года до нашей эры, когда несколько греческих государств временно объединились для защиты от присоединения к Персидской империи, греки неоднократно пытались добиться политического единства между собой, и это им так и не удалось. В конце концов, политическое единство грекам было навязано, или предоставлено, после военного завоевания их Римом, негреческой державой.

Греческая история приводит меня к пессимистической оценке возможности добровольного политического объединения современного мира. В то же время я считаю, что человеческая раса не сможет выжить, если она быстро не достигнет политического объединения. Поэтому я пессимистичен по поводу будущего человечества. Резкая широкомасштабная перемена в душе вследствие революции в религиозной сфере не является невозможной, и это могло бы спасти положение.

Икеда: Проблема очень сложна, и я убежден, что преодолеть ее помогут только религиозный пыл и идеалы. Конфуцианство и даосизм были той опорой, на которой держалось единство древнего Китая; сегодня этой же цели служат идеи Мао Цзэдуна. В Средние века христианству удалось по крайней мере на какое-то время создать более объединенную Европу, чем мы видим сейчас. И такое единство, которое знавал исламский мир, основывалось на учении Мохаммеда и Корана.

Сегодня христианство, ислам, конфуцианство и даосизм впали в бессилие, и мы сталкиваемся с вопросом поиска новой религии для объединения всех народов мира. Безусловно, религия не должна и не может быть навязана народам силой; она бесполезна, если в человеке она не поддерживается свободной верой и стремлением к истине.

Религия, которая требуется для всемирного единения, должна быть убедительной для современного человека. Интеллектуально развитые современные люди не смогут всерьез принять учение, которое в значительной степени иррационально и явно вступает в противоречие с современными научными знаниями. Я не исключаю, что для некоторых людей религия привлекательна благодаря этой самой иррациональности. Но не думаю, что такое учение может быть убедительно для большинства людей, и, следовательно, оно не может стать действенной духовной опорой времени.

Считаете ли Вы, что мировая религия необходима? И если так, то каким требованиям она должна соответствовать?

Тойнби: В частичных объединениях, которые достигались в прошлом, религия, как и военное завоевание, была мощной объединяющей силой. В Китайской и Римской империях религиозное объединение следовало за военным: конфуцианство было принято в Китайской, а христианство в Римской империи. В истории ислама, религиозная пропаганда и военное завоевание шли рука об руку. Но на средневековом Западе религиозное объединение никогда не сопровождало и не следовало за политическим объединением. Я полагаю, что в будущем добровольном объединении человечества в глобальном масштабе важную роль, вероятно, сыграет всемирное распространение какой-то общей религии.

Человек обращается к религии за ответами на вопросы о цели, смысле и предназначении человеческой жизни. Человеческий разум не имеет знаний и понимания, чтобы дать поддающиеся проверке ответы на эти фундаментальные вопросы. Наши ответы на них могут быть не более чем предварительными, условными. Традиционные религии предлагают догматические ответы, и эта внешняя определенность явилась одним из их изначальных притягательных свойств. Однако современный человек осознал, что эта внешняя определенность обманчива, и это разочарование в религиозной догме дискредитировало саму религию в его глазах.

Я не думаю, что человек примет снова какую-нибудь догматическую форму религии. Религия, которая открыто заявит, что ее ответы на эти фундаментальные вопросы являются не более чем догадками, я думаю, завоеует к себе уважение своей искренностью. Однако ответ на вопросы о природе Вселенной – не единственная задача религии; действительно, это не самая важная ее функция. Помимо объяснения Вселенной религия дает наставление по поведению человека. Эта функция религии выполняет одну из духовных потребностей человеческой жизни. В отличие от догм, которые широко отличаются между собой, заповеди традиционных религий в области поведения почти идентичны по некоторым ключевым моментам. Дискредитация догм не затронула верность этих заповедей, и я допускаю, что такие же заповеди будут исповедоваться любой будущей религией, которую, возможно, воспримет человечество.

Ключевая заповедь религии состоит в том, что главной задачей человека является самосовершенствование. Мы должны управлять своей алчностью и своей гордыней. Эти два пагубных человеческих изъяна, пожалуй, никогда еще не были так широко распространены, как в нынешний век, когда человек

взял реванш над природой в результате достигнутого им технологического прогресса. Недавняя победа человека над природой переполнила его гордыню и в то же самое время усилила его способность удовлетворять свои желания. Тем не менее достижения в науке и технике, которыми так гордится современный человек, решили некоторые старые человеческие проблемы только за счет создания новых проблем. В так называемых развитых странах ценой материального обогащения стали загрязнение природной окружающей среды и социальный конфликт из-за распределения вновь созданного богатства между участниками его производства.

Современные последствия промышленной революции показывают, что, несмотря на свою научную и техническую доблесть, современный человек, подобно первобытному человеку, не является хозяином положения, в котором он находится. Ему не удалось стать хозяином, потому что он не смог справиться с самим собой. Самосовершенствование – это единственное средство избежать саморазрушения. Эта истина провозглашена традиционными религиями; я верю, что она будет проповедоваться любой серьезной будущей религией. Управлять собой – это сущность религии, как я ее вижу, и я думаю, что будущая религия, которая будет исповедовать эту традиционную религиозную заповедь, завоюет поддержку человечества, потому что эта заповедь, по моему убеждению, – единственный эффективный ответ на проблему быть человеком.

III

ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ

10. ПРИРОДА ВЕЩЕЙ (ФЕНОМЕН И СУТЬ)

Происхождение жизни

Икеда: Что касается происхождения жизни, то, мне кажется, современные ученые поддерживают концепцию абиогенеза. Русский биохимик А.И. Опарин и британский биохимик Дж.Д. Бернал полагают, что жизнь возникла самопроизвольно в ходе эволюции Земли. Они считают возникновение жизни результатом последовательных событий и в основном соглашаются с тем, что в самом начале органические соединения возникли из неорганических веществ. За этим событием последовало развитие белков, а затем появление жизни с ее способностью к обмену веществ. Эти гипотезы подкрепляются обнаружением ископаемых останков самых первых примитивных организмов и последними успехами в синтезе простых органических соединений.

Тойнби: Ученые, о которых Вы упомянули, понимают жизнь как материальное явление (феномен), и они пытаются обнаружить то, что сделало возможным развитие жизни.

Икеда: Да, верно. И то, что касается физического аспекта вопроса о генезисе жизни, то именно эти ученые дают довольно убедительное объяснение, хотя и оно может подвергнуться изменениям будущими исследователями. Но вопрос о генезисе жизни должен рассматриваться не столько с точки зрения как, сколько с точки зрения почему жизнь смогла возникнуть в неживом материальном мире. В этом случае данная тема, перестав быть объектом исследований только материи, затрагивает вопрос о сущности жизни.

Тойнби: Эта тема затрагивает главным образом природу изменений в целом и в частности природу превращения Вселенной, которая была, по всей вероятности, неодушевленной, во Вселенную, которая, оставаясь отчасти неодушевленной, стала содержать живые существа, из которых некоторые являются человеческими и имеют сознание.

Икеда: По моему мнению, появление жизни на Земле говорит о том, что Земля с самого начала своего существования несла в себе потенциальную возможность и склонность к возникновению на ней живых существ.

Жизнь, несомненно, – активная, а не пассивная форма существования материи. Спрашивается, откуда берется ее активность, в чем она черпает свою жизненную энергию?

Я понимаю так, что неживое существование тоже содержит жизненную энергию, жизнь, но только в скрытой форме, а происхождение жизни на нашей планете – это процесс перехода жизни из своей первичной латентной фазы к проявленной, явной фазе.

Тойнби: Возможно, что это так, но мы не можем на данный момент этого знать. Мы можем, однако, умственно проанализировать идею изменений, и это может приблизить нас к пониманию происхождения жизни, поскольку это происхождение само по себе было важным изменением.

Существует два альтернативных возможных объяснения изменения или нововведения. Оно могло быть результатом сотворения – вызовом к существованию или появлением в бытии вещей, которые прежде не существовали. В противоположность этому нововведение может быть результатом эволюции в буквальном смысле этого слова – то есть раскрытием того, что с самого начала содержалось в упакованном виде. В соответствии с эволюционным взглядом возникновение изменения в действительности является иллюзией. Ибо все, что существует или когда-либо возникнет в бытии, существовало с самого начала. Все, что затем происходит, – это то, что некоторые изначально скрытые элементы действительности постепенно делаются явными.

Икеда: Из указанных Вами двух альтернатив – «сотворение» или «выявление» жизни, я склоняюсь к «выявлению». Другими словами, я бы сказал, что жизнь одновременно является и автором, и производением.

Со времени первого появления жизни на Земле и до настоящего времени она сохраняет свою непрерывную цепочку, продолжая самовыявление и выделение особей. По моему мнению, жизненная энергия, благодаря которой обособленные живые существа поддерживают свою активность, содержалась в самой Земле уже на стадии ее формирования и первоначального развития неживой природы.

Тойнби: Таким образом, Вы придерживаетесь мнения об эволюции как противоположности сотворению. Лично я верю в реальность сотворения.

Икеда: Позвольте мне не согласиться. Хотя последние научные достижения в искусственном синтезе жизни могут показаться подтверждением принципиальной возможности сотворения жизни, я расцениваю это, как успех создания искусственных условий, позволяющих жизни проявиться, но это не творение или сотворение жизни. Сама жизнь не создается кем-то или чем-то, а приводится к активной фазе при определенных условиях. То есть человек может создать эти условия для выявления жизненной энергии, но не может создавать жизнь так таковую. При этом, употребляя слово «энергия», здесь я не имею в виду физическую энергию.

Тойнби: Я не отрицаю, что ученые могут проследить и даже с помощью своей изобретательности повторить физические превращения структуры неорганической материи в физический организм, который является лишь одной из граней неделимого психосоматического существа (наделенного сознанием и волей), которое являет собой человек. Однако открытие и даже повторение этой физической эволюции не дает объяснения ни различию между неодушевленной материей и живым организмом, ни последующему различию между бессознательным живым организмом и организмом, обладающим сознанием.

Органически устроенная материя, возможно, является незаменимым обязательным условием для существования жизни, но она не есть сама жизнь. Живая материя может быть незаменимым обязательным условием существования сознания, но она не есть само сознание. Я думаю, что и жизнь, и сознание – это подлинные новшества и что, в противоположность эволюции того, что присутствовало в скрытом виде с самого начала, подлинная новизна логически непостижима. Я полагаю, что причина, по которой она непостижима, состоит в том, что мысль человека ограничена мышлением в параметрах пространства-времени, а пространство-время может быть только феноменом; оно не может быть присуще непознаваемой сущности реальности-в-себе.

Икеда: Я понимаю Вашу позицию, но, пожалуй, не стоит относить это подлинное нововведение к непостижимому из-за того, что объяснить его логически невозможно. Может быть, мы можем попробовать понять его следующим образом.

Если мы ограничиваемся только двумя противоположными понятиями – бытие (наличие) и небытие (отсутствие) – для объяснения всего, что происходит во Вселенной, то мы вынуждены сказать, что генезис жизни – это тот

случай, когда что-то (*бытие*) появляется из ничего (*небытия*). Однако буддизм утверждает, что жизнь – это нечто, которое выходит за рамки этих двух понятий *бытие* и *небытие*. Для объяснения такого явления, как жизнь, буддизм выдвигает понятие *ку*, означающее «состояние бытия, погруженного в небытие» (похожее на понятие «теория поля» в физике). Согласно этому, жизнь есть реальность, которая изначально содержится во Вселенной в состоянии *ку*. А это состояние *ку* не измеримо во времени и пространстве. В этом смысле я согласен с Вами в том, что жизнь остается загадкой. Но тем не менее внедрение понятия *ку*, как мне кажется, является важным шагом для приближения к пониманию реальности, которая объясняет возникновение жизни.

Иными словами, по буддийскому мировоззрению, вся Вселенная, в том числе и Земля, по существу является носителем жизни и постоянно хранит в себе жизнь в состоянии *ку*. Поэтому в любом месте Вселенной, где созданы подходящие условия и возможности, жизнь выявляет себя из *ку* и принимает форму живого существования. Современные ученые предполагают существование живых существ и на других планетах, кроме Земли. Уже отмечены некоторые факты, подтверждающие их мнение. Мне представляется, что вся Вселенная сама является «морем жизни», обладающим потенциальной силой рождения жизни.

Можно сказать, что органическое строение веществ представляет основное условие для выявления жизни из ее исходного состояния *ку*. А для того чтобы выявленная жизнь приобрела сознание, требуется значительно более сложное и точное органическое строение веществ.

Тойнби: Это, конечно, захватывающая и важная тема, которую мы должны исследовать дальше. Однако я твердо считаю, что жизнь и реальность-в-себе – это для меня тайна, которая не может быть объяснена с точки зрения эволюции.

Вопрос о вечной жизни

Икеда: Продолжается ли жизнь после смерти или она существует только в этом мире? Если она продолжается после смерти, вечна ли она или конечна и в каком состоянии она сохраняется? Это тот основополагающий вопрос, с которым мы неизбежно сталкиваемся при размышлении о жизни.

Тойнби: Возможность вечной природы жизни – это важный вопрос, который порождает темы, не поддающиеся реальному доказательству.

Икеда: Именно из-за недоказуемости данного вопроса он оставался и остается мучительной проблемой для многих философских и духовных учителей человечества. Ключевым моментом при размышлении о вечности или конечности жизни является физическая смерть живого существа. То есть предполагаемый ответ на данный вопрос во многом зависит от представления о потусторонней жизни. Можно сказать, что существуют два основных представления на этот счет. Одно представление говорит о том, что после смерти тело умершего разлагается на неорганические вещества и жизнь исчезает в небытие. Это материалистическая точка зрения. Другое представление – скорее идеалистическое, согласно которому жизнь бессмертна.

Тойнби: Буддизм, индуизм, зороастризм и три иудаистских религии согласны друг с другом в утверждении, что физическая смерть, после которой тело умершего возвращается в неорганическую материю, не есть конец жизни. Они также согласны с тем, что, когда жизнь является после смерти, она проявляется в форме телесного перевоплощения. Они утверждают, что личность, которая возрождается, – это такая же психосоматическая целостность, как и умерший до этого человек.

Икеда: Как Вы сказали, так называемые высшие религии согласны с тем, что после смерти жизнь продолжается, однако доктрины, относящиеся к природе этой жизни, сильно различаются в разных религиях.

Тойнби: Это верно. Согласно христианскому верованию – как изложено в Посланиях святого Павла и в свидетельствах Евангелия о явлениях Иисуса после его предполагаемого воскрешения, – воскрешенное тело умершего человека и трансформированное тело человека, который окажется живым в момент Страшного суда, отличаются по своему типу от физического тела, которое известно нам из непосредственного наблюдения живущего человека. Это новое тело, по выражению святого Павла, есть «духовное» тело; это такое тело, в котором Иисус, по преданию, явился после своего воскрешения. Он неожиданно присутствует и неожиданно исчезает. Он проходит через двери, которые закрыты и заперты. Он восходит над поверхностью земли и теряется из вида в облаке. Мне говорили мои современники из римских католиков-христиан, что, согласно догмату вознесения на небеса Марии, матери Иисуса, ее тело, как и тело Иисуса, по преданию вознесшееся в небеса, считается духовным телом, а не физическим телом в том виде, который является одним из феноменов нашего человеческого опыта.

Икеда: Христианская идея о том, что тело воскресенного человека – это духовное тело, в противоположность обычному физическому телу, отражает религиозную доктрину, утверждающую, что плоть нечиста. Подобные доктрины часто встречаются и в других религиях. Например, согласно хиньяне или южным школам буддизма, для достижения высшего духовного состояния, называемого «нирваной», необходимо нейтрализовать (уничтожить) тело, которое считается рассадником человеческих страстей.

Тойнби: Буддисты и индуисты придерживаются веры в то, что могут происходить и обычно происходит более одного перевоплощения; в самом деле, они считают, что перевоплощения могут иметь место, и, вероятно, уже было бесконечное их число. Эта вера подразумевает, как я полагаю, и веру в то, что Вселенная вечна. Все четыре западных религии считают, что Вселенная, по крайней мере в ее нынешней форме, имела свое начало и должна иметь свой конец.

Они также считают, что после смерти может произойти только одно перевоплощение; но поскольку они утверждают, что это перевоплощение будет вечным, то они также утверждают, что Вселенная – хотя, по их мнению, у нее действительно было начало – будет вечной, но в форме, отличающейся от нынешней.

Икеда: Таким образом религиозные представления о бессмертии можно разделить на две основные категории: круговорот существования, согласно учениям буддийской и индуистской религий, и бессмертие души, как учат христианство и другие западные религии.

Тойнби: Да. Эти два взгляда совпадают в представлениях о бессмертии, как о временном удлинении человеческой жизни в том же временном измерении, в котором мы существуем в нашей короткой жизни в этом мире. Индуисты утверждают (и некоторые школы греческой мысли считали так же), что душа предсуществовала неопределенно долгое время до рождения (или серии рождений) в телесном виде в этом мире и она будет существовать неопределенно длительное время после смерти (или серии смертей) в телесном виде в этом мире. Южные буддисты согласны с взглядами индуистов, с оговоркой, что серия рождений может быть завершена вследствие духовных деяний в течение жизней в этом мире.

Христиане считают, что душа создается Богом в момент зачатия тела в утробе женщины, но что, будучи однажды созданной, душа будет существовать после смерти бесконечно долгое время. Христианская концепция бессмертия, на мой взгляд, менее разумна, чем индуистская.

В то же время я не верю в то, что человек существует до его рождения или после его смерти в том же временном измерении, в котором люди живут в этом мире. Я полагаю, что-то, что я называю «высшей духовной реальностью», существует не во временном измерении и что влияние кармы человека на абсолютную реальность тоже оказывается не во временном измерении, хотя человеческая жизнь протекает во временном измерении и карма человека создается его поступками во временном измерении. Здесь я подхожу к пределу моих человеческих способностей к пониманию.

Икеда: Допуская то, что жизнь бессмертна, нам следует ответить на трудный вопрос о ее сущности и форме существования после разложения физического тела. Исходя из Вашей точки зрения можно предположить, что она сливается с высшей духовной реальностью за пределами Вселенной. Если так, то все ли души сливаются с этой духовной реальностью на основе полного равенства независимо от этических последствий поведения личности за время смертной жизни?

Тойнби: Поскольку я – человек, мое человеческое сознание различает добро и зло, и мое человеческое сознание подсказывает мне, что нужно пытаться творить то, что кажется мне добром, и воздерживаться от совершения того, что кажется мне злом. Моя человеческая природа обязывает меня, я так считаю, признать, что действия человека в течение жизни в этом мире действительно имеют этические последствия, что эти последствия имеют важное значение и что они важны не только для самого человека, но и для остального человечества и для всей Вселенной в целом. Я верю, что человеческая жизнь в этом мире оказывает влияние на Вселенную, хорошее или плохое, и что это влияние определяет оценку человеческой жизни, положительную или отрицательную, и, следовательно, ее значимость. Поэтому я верю в то, что высшая духовная реальность подвергается влиянию кармы каждого человека.

Икеда: Из сказанного Вами меня особенно интересует то, что Вы допускаете влияние, оказываемое на высшую духовную реальность со стороны кармы каждого индивида. Потому что, насколько мне известно, многие религии, указывая на существование подобной высшей реальности, проповедуют абсолютность такого существования. Абсолют не только не подвергается никакому влиянию извне, скорее наоборот, оказывает и продолжает оказывать сильнейшие влияния на все остальное. Правильно ли я понимаю, что Вы предлагаете альтернативный тезис, трансформирующий в новое русло прежние религиозные взгляды?

Если так, то я оцениваю Ваш тезис как новое религиозное мировоззрение, близкое к буддийскому в том смысле, что человеку отводится важная роль в мироздании. Но с другой стороны, если высшая духовная реальность подвержена влиянию со стороны карм всяких людей, то этим самым она перестает быть абсолютной. Что Вы скажете по этому поводу? И как Вы думаете, насколько доказуемо существование высшей духовной реальности?

Тойнби: Я не нахожу никакого бесспорного доказательства ни бессмертия души, ни возрождения вновь. Я не нахожу никакого бесспорного доказательства существования высшей духовной реальности, в которую я лично верю. Насколько я могу себе представить, человеческий разум располагает только ограниченной способностью к пониманию природы Вселенной, в которой мы находимся. Наше поддающееся проверке знание не дает нам сведений и руководства, которые необходимы для существования в человеческой жизни. На самые важнейшие вопросы, с которыми мы сталкиваемся, невозможно ответить даже при самом рациональном изложении того, что мы можем понять на основе имеющейся у нас информации. Поэтому мы вынуждены действовать на основе непроверяемых гипотез. Мы должны принимать эти гипотезы на веру, поскольку мы должны совершать поступки, несмотря на то что наши знания являются неполными и наше суждение о том, что верно и что ошибочно, спорно.

Икеда: В самом деле, поскольку познавательные способности человека ограничены, любые наши определения относительно истины Вселенной или сущности жизни, которые находятся за пределами человеческих познавательных способностей, не могут быть не чем иным, кроме гипотез.

Употребляя здесь слово «гипотеза», я считаю, что нам необходимо отделить религиозные гипотезы от научных. Что касается научных гипотез, то их правильность или ложность в принципе доказуемы посредством теоретических и экспериментальных проверок. Но я убежден, что в случае религиозных гипотез нужно применять другие критерии оценки. О них следовало бы судить по тому, являются ли они ответами на те актуальные вопросы, с которыми человек неизбежно встречается в жизни и которые остро встают при прохождении им жизненных испытаний. О них также нужно судить по тому, какое влияние оказывает та или иная гипотеза на психику и действия человека. Другими словами, если речь идет о научных гипотезах, то мы спрашиваем об их достоверности. Когда же мы говорим о религиозных гипотезах, нам следует оценивать их вклад в духовный рост человечества.

С этой точки зрения учение буддизма о вечности жизни и ее перерождениях, на мой взгляд, является эффективной гипотезой, объясняющей тот

факт, что люди рождаются в разных условиях, с непохожими характерами и разными судьбами, т.е. с разной кармой. Буддизм говорит о том, что настоящее – это то, что человек заслужил в прошлом. Настоящее является итогом всего прошлого, но в свою очередь оно же служит причиной будущего, что означает возможность человека изменить судьбу в настоящем и создать жизнь в будущем. Если мы отрицаем существование предшествующих жизней, то альтернативными ответами на вопрос, почему люди рождаются с разными судьбами (кармами), могут быть или утверждение о том, что каждому смертному судьба предписана волей всемогущего либо это является чистой случайностью.

Буддийское объяснение отличается от двух последних тем, что человек ответственен за себя и за окружающий его мир, человек рассматривается как созидательное и активное существо, а не как подчиненное сверхчеловеческой господствующей силе. Тем самым оно позволяет человеку осознать, что он должен и способен активно включиться в создание своей собственной истории.

Тойнби: Бессмертие и рождение заново – это гипотезы, которые, если они верны, отвечают на некоторые вопросы, от которых мы не можем ни уклониться, ни дать на них ответ, используя наш недостаточный запас проверяемых знаний. Гипотеза о рождении заново действительно дает, в совокупности с проверяемым опытом кармы в течение одной жизни, объяснение различию в человеческих судьбах и несчастьях. Принятие гипотезы рождения заново не требует, как я полагаю, принятия гипотезы бессмертия. В южном буддизме, как я понимаю, цель духовных упражнений архата* состоит в том, чтобы прервать цепь перерождений, которая касается его лично. Он верит, что ему угрожает бессмертие, и он пытается избежать этой участи.

Икеда: Южный буддизм видит причину человеческих страданий в самом этом цикле перерождений, рассматривая их как бесконечное скитание жизней и смертей в муках, связанных кармой земных страстей. Взяв эту точку зрения, архаты стремятся к достижению идеального состояния существования путем прекращения собственного цикла перерождения.

Тойнби: Индуистская и христианская концепции бессмертия, как мне кажется, страдают одним и тем же неправильным представлением. Обе они полагают, что душа, когда она не живет в теле в этом мире, тем не менее существует в том же временном измерении, в котором проходит телесная жизнь. Однако если мы предположим, что жизнь человека не

ограничивается одной или наоборот серией телесных жизней в этом мире, то у нас нет оснований для того, чтобы считать, что бестелесное состояние жизни находится во временном измерении.

Единственное состояние человеческой жизни, как следует из нашего опыта, — это психосоматическое состояние. Умственное различие между душой и телом — это гипотеза, а не исходящий из опыта факт. У нас нет никакого надежного, полученного из опыта свидетельства существования бестелесных душ. У нас на самом деле есть опыт существования мертвых тел (трупов). Труп — это скопление (совокупность) материи, не оживляемое более жизнью, которая прежде делала мертвое теперь тело живым организмом. Труп человека не обладает сознанием, которое прежде превращало ныне дезорганизованный организм в человека. В действительности сознание человека не имеет такую же продолжительность, как и его жизнь. Его сознание только постепенно пробуждается после рождения и иногда исчезает до смерти. Человек может страдать старческим слабоумием до его физической смерти.

Нам известно, что происходит с трупом: он быстро разлагается на неорганическую материю. Даже если эта совокупность материи искусственно сохраняется, она перестает быть органической с момента прекращения жизни. Поскольку у нас нет опыта существования душ отдельно от тел, то, как мне представляется, мы вынуждены предположить, что во временном измерении душа прекращает существовать с момента смерти. Этот вывод предполагает то, что во временном измерении не может быть ни бессмертия, ни рождения вновь. Как только человек умер, его психосоматическая жизнь во временном измерении завершается, однако смерть не исключает возможность того, что душа человека может обрести существование за пределами временного измерения. Не исключает смерть и возможности того, что карма, создаваемая поступком во времени в психосоматической жизни в этом мире, может оказывать влияние, доброе или плохое, на абсолютную реальность, поскольку у нас нет оснований предполагать, что эта абсолютная реальность существует во временном измерении. Единственное состояние сознательного, живого существования во временном измерении, которое известно нам из опыта, — это наша психосоматическая жизнь в этом мире.

Икеда: Как я уже упоминал, я считаю, что жизнь человека, хотя человек и является выделенным и автономным индивидом, в основе своей непрерывно связана и взаимодействует с Вселенной. Эта мысль является

естественным продолжением Вашего предположения о высшей духовной реальности за пределами Вселенной.

Раньше я читал Вашу книгу, где Вы писали о том, что в момент смерти душа человека в противоположность телу, которое возвращается в неорганическую материю, поглощается высшей духовной реальностью. Возможно, Вы хотите сказать, что дух находится в измерении, отличном от тела. В этой связи я хочу добавить следующее. Живое тело представляет собой временное органическое соединение веществ, которое подвергается постоянному обновлению путем обмена веществ. Через определенное время почти все клетки в нем заменяются новыми веществами. А при смерти все тело возвращается в неорганическую материю. Например, тело г-на А. в трехлетнем возрасте и в возрасте тридцати лет – это совершенно разные соединения веществ. Однако в нем можно четко проследить неизменные, отличительные черты его собственного характера. Это дает основание говорить о том, что живой организм образуется обязательно с характером, который исходит из глубины жизни. Точнее сказать, духовная реальность, присутствующая внутри тела индивида, определяет характер его тела.

Если это так, то это дает возможность предположить, что при смерти, когда временное органическое соединение с определенным характером начинает разлагаться, духовная реальность, образующая характер данного индивида, погружается во Вселенную и продолжает существовать. И она вновь проявляется при определенных условиях, приобретая соответствующую физическую форму. Это может быть ближе к фактам, а наше восприятие, что смерть окончательно разъединяет тело и дух, кажется ошибкой, допущенной интеллектуальным познанием.

Тойнби: Рассечение человека на духовную составляющую и физическую составляющую – это умственное действие. Это не факт, исходящий из опыта; это вывод из размышлений над данными из опыта, и это не только не единственно возможный вывод, но также и не единственный, который когда-либо был сделан.

В своей практике мы не сталкиваемся с бестелесными душами или бездуховными человеческими телами. У умственно отсталой или старчески слабоумной личности душа во тьме; у физически отсталого или ослабленного человека травмировано тело. Однако я думаю, что эти изъяны следует считать аномалиями, а не доказательством того, что душа и живое человеческое тело могут существовать независимо друг от друга в объективной реальности, в отличие от нашего умственного рассечения человека на эти две умозрительные составляющие.

Икеда: Вы предполагаете возможность того, что жизнь, если она продолжается после смерти, не существует во временном измерении. Я согласен с Вашим предположением. Более того, я бы сказал, что не только жизнь после смерти, но и жизнь, которую мы живем, по сути своей всегда выходит за пределы временного измерения. Я так думаю потому, что если человеческая жизнь протекает в рамках объективного времени, то интеллект человека мог бы четко определить, что такое прошлое, настоящее и будущее.

В этой связи я вспоминаю утверждение А. Бергсона о текущем времени. Согласно ему, не существует объективного разделения времени на прошлое, настоящее и будущее. Это условное разделение отражает внутренний поток человеческого сознания, которое распознает изменение по порядку прошлое–настоящее–будущее. Однако данный поток сознания является лишь маленькой частью целостной человеческой жизни. Вполне допустимо предположить, что для самой жизни не существует феноменального размежевания по времени между прошлым, настоящим и будущим. Необходимость подобного условного разграничения возникает только при конкретной жизнедеятельности в психосоматическом существовании.

Тойнби: Кант* указал, что понятия времени и пространства – неизбежные категории человеческого мышления. Эйнштейн говорил, что различие между этими двумя категориями сознания – это только мыслительная операция и что, когда мы ведем научные наблюдения, время может измеряться только в понятиях пространства, а пространство – только в понятиях времени. Но есть ли у нас какие-либо основания предполагать, что три категории сознания – время, пространство и пространство-время как-то объективно существуют? Не могут ли они быть просто пределами способностей человеческого разума постичь Вселенную?

Икеда: Я тоже думаю, что время и пространство – это понятия, введенные человеческим умом, и это искусственные рамки, установленные человеком для его деятельности. Следовательно, нет ни времени, ни пространства, когда жизнь не проявляет себя. Мне думается, ошибочно, если мы считаем, что время и пространство существуют как абсолютные, объективные измерения, с помощью которых можно описать жизнь в целом.

Мы познаем время через движение и изменение, которые происходят со всеми составляющими Вселенной. Но скорость времени, которую мы ощущаем, меняется в зависимости от нашего внутреннего состояния. По опыту мы знаем, что радостное, счастливое время буквально летит, тогда как стрелки часов будто еле двигаются, если мы опечалены.

Возвращаясь к вопросу о смерти, как я уже говорил, буддизм понимает явление смерти как уход жизни в латентную сферу, которую называют *ку*. *Ку* – это не пустота, как это часто ложно интерпретируется, но реальное состояние, в котором жизненная энергия находится без реалистичного проявления. В этом состоянии жизнь не имеет видимой формы, поэтому зрительно состояние *ку* неотличимо от состояния небытия. Но в отличие от небытия, состояние *ку* содержит возможность того, что из него возникает жизнь при соприкосновении с внешними воздействиями. Таким образом, *ку* – это не небытие. Буддизм утверждает, что сущность жизненного явления не может быть объяснена только двумя привычными для человека понятиями бытия (есть) или небытия (нет). И делает вывод о том, что подлинная сущность жизни состоит в вечном существовании вне времени, которое находится либо в видимой форме бытия, то есть живого существа, либо в состоянии *ку*, то есть смерти, выглядящей как возвращение в небытие.

Тойнби: Из того, что Вы сказали, я полагаю, что реальное существование человеческой личности имеет место в сфере *ку*. Я предполагаю, что это совпадает со значением индуистского изречения *Tat tvam asi*, или *Ты есть это*, утверждение единства индивидуального и вселенского. Я делаю вывод, что феномен смерти, за которым следует дезорганизация физического аспекта личности, с которой мы знакомы как с психосоматическим единством, есть, с точки зрения реальности-в-себе, иллюзия, возникающая из ограниченности концептуальной способности человеческого разума, и что на вопрос об абсолютной реальности – *ку* – нельзя ответить, если он формулируется в понятиях пространства-времени.

Я считаю, что и индуистско-буддийская концепция перевоплощения и зороастрийско-иудейская концепция однократного воскресения навсегда непостижимы для сознания. Я также не могу понять ни индуистско-буддийскую, ни зороастрийско-иудаистскую концепцию переходного времени между смертью личности и возобновлением ее психосоматической жизни. В противоположность взаимосвязанным во времени-пространстве явлениям, которые могут быть поняты человеческим интеллектом, не может ли реальность-в-себе быть безвременной и беспространственной? Я полагаю, что реальность сама по себе и безвременна, и беспространственна, но что она не существует в изоляции от нашего существующего в пространстве-времени мира.

Икеда: Я тоже уверен в том, что реальность сама по себе не обрамлена ни временем, ни пространством. Также должно быть верно и то, что эта

реальность не может существовать отдельно от феноменального мира, который находится во времени и пространстве.

Буддизм махаяны выдвигает концепцию «неразделимости жизни и смерти». Согласно ей, жизнь и смерть понимаются как две фазы сущности жизни, выходящей за пределы времени и пространства. Отдельное живое существо – это проявленная фаза сущности жизни. Смерть живого существа – это ее уход в латентную фазу. Но не исчезновение жизни. Таким образом, сущность жизни относится к категории *ку*.

Понятием *ку* буддизм объясняет то, что невозможно определить категориями есть или нет и не поддается зрительному анализу, но которое есть реальность.

Если теперь взять живое существо, то его материальный аспект в буддизме называется *ке*, что означает гармонию временного соединения материи. Психическая работа возникновения чувств с последующей сменой мыслей – это *ку*. Психосоматическое существо представляет собой комплекс *ке* и *ку*. Что касается жизни после смерти, то она погружена в фазу *ку*, атрибутом которого является стремление к формированию *ке*.

Далее буддизм охарактеризовал саму сущность жизни – *чу*, которая в переводе означает «срединный путь». Срединный путь – это бесконечная постоянная, которая пронизывает две сменяющие друг друга фазы жизни (проявленную и скрытую). В то же самое время срединный путь *чу* понимается как подлинная сущность живого существа, обеспечивающая идентичность его изменяющейся психики *ку* и физического аспекта *ке*. В этом смысле понятие *чу* близко понятию «Я» в самом глубоком философском смысле этого слова. Буддизм утверждает, что все сущее, в конечном счете, является гармоничным единством *ку*, *ке* и *чу*.

Тойнби: Является ли реальность-в-себе сущностью *ку*, «великой всеохватывающей жизненной силы Вселенной», в соответствии с буддийской концепцией *ку*, которую Вы изложили? Если так, то *ку* было бы эквивалентом зороастрийско-иудаистскому понятию вечности.

Все шесть религий стоят перед проблемой, обсуждаемой здесь в буддийской терминологии, представления о состоянии личности в течение единичного или серии временных интервалов, во время которого, после смерти и разложения физического аспекта личности, психосоматическая форма существования личности временно бездействует.

Если бы я должен был принять общий для этих шести религий постулат психосоматического повторного появления после смерти, то я бы посчитал

индуистско-буддийский подход к этой проблеме более убедительным, чем зороастрийско-иудаистский. Однако я осознаю интеллектуальную трудность, которая проявилась в дискуссии о буддийских понятиях *ку* и *ке*. Поэтому я сомневаюсь, можно ли ответить на этот вопрос, если он встанет, как на самом деле все шесть религий ставят его в понятиях времени и пространства. Продолжается ли жизнь после смерти? И куда отправляется душа, когда тело возвращается назад в неорганическую секцию физической материи? Чтобы подвести итог, я полагаю, что на эти вопросы можно дать ответ в понятиях *ку*, или вечности, но только не в понятиях пространства-времени.

Вселенная

Икеда: Вопрос об облике нашей Вселенной с древних времен остается вечным вопросом и главной темой исследования и размышления для многих астрономов и философов.

Еще в 3000 г. до нашей эры шумеры разработали своеобразный взгляд на Вселенную. Древнегреческие философы при помощи логических размышлений по-разному описывали облик Вселенной. В эпоху Возрождения появились первые научные исследования Вселенной как астрономия. С изобретением Галилеем телескопа астрономия вступила в стадию ряда научных открытий и разработки более обоснованных научных теорий. Эпоха Возрождения дала сильные толчки к развитию не только астрономии, но и многих других областей науки, что позже привело к научной и индустриальной революции.

На рубеже двадцатого века, благодаря таким научным достижениям в области физики, как появление теории относительности А. Эйнштейна, затем квантовой динамики и теории элементарных частиц, объекты исследований астрономии значительно расширились, выходя далеко за пределы Солнечной системы и даже нашей Галактики, охватывая ближайшие соседние галактики и дальше всю Вселенную. В частности, появление радиотелескопа позволило астрономии совершить эпохальный скачок в развитии. Если 30-е и 40-е годы стали периодом развития атомной физики, 50-е – биологии, то 60-е и 70-е годы могут считаться золотым веком в истории астрономии, который можно бы сравнить с началом семнадцатого века, когда Галилей впервые направил свой телескоп на небо, а Кеплер объяснил движение планет.

Кстати, всякое научное открытие расширяет кругозор и обогащает познания человечества, но наряду с этим, как правило, ставит и новые, все более

трудные загадки. Это особенно явно в случае астрономии, поскольку сферы и объекты ее исследования недоступны для испытания.

По этой причине в астрономии немало труднодоказуемых или недоказуемых вопросов. Они, как правило, делятся на две категории вопросов. Первая категория – вопрос о размерах Вселенной, а вторая – вопрос о ее происхождении. Таким образом, понимание того, что представляет собой Вселенная, остается основополагающей задачей астрономических наук, одновременно являясь важнейшим философским вопросом для человечества.

Тойнби: Сегодня мы ввели в круг наших знаний гораздо большую часть физического космоса, чем было известно вавилонянам и грекам в последнее тысячелетие до н. э. Мы знаем также гораздо больше, чем они, о составе, температуре, изменениях и движении звезд, находящихся в пределах досягаемости наших наблюдений. Однако, когда мы рассматриваем вопрос о Вселенной как целом и пытаемся понять сущность ее природы, мы оказываемся такими же невеждами, как и наши вавилонские и греческие предшественники. Как и они, мы познали лишь мельчайшую крупицу истории и пространства физического космоса. Наши идеи о нем в целом, как и их идеи, – это просто догадки, и наши догадки, как и у них, безрезультатно конфликтуют друг с другом. У нас нет никаких средств для проверки любой из них; у нас нет необходимой информации.

Икеда: Вы совершенно правы, у нас недостаточно информации. Однако наша любознательность втягивает нас в обсуждение таких вещей, как размеры Вселенной. Со времени открытия эффекта Допплера в световых волнах от различных небесных тел стало известно, что Вселенная расширяется и что туманности внутри нее разбегаются друг от друга с потрясающими скоростями. Чем дальше они отстоят, тем огромнее их скорости. Например, туманности, которые находятся в двадцати миллиардах световых лет от нашей Земли, удаляются со световой скоростью все дальше и дальше от нас. Поскольку даже самые совершенные методы современной науки не могут зафиксировать, что происходит в пространстве за пределами радиуса в двадцать миллиардов световых лет, наши знания действительно ограничиваются этим пределом дальности. Все остальное за пределами этого физического рубежа становится материалом для философских предположений. Например, конечна (безгранична) ли Вселенная? Расширяется ли она бесконечно, или существуют ли другие Вселенные вне той, которую мы изучаем? Возможно ли, что за пределами определенной границы уже

не существует ничего? Мы не можем дать ответы на эти вопросы, но применение к ним философских и рациональных исследований имеет огромное значение для человечества, потому что наши интерпретации Вселенной оказывают глубокое влияние на наш образ жизни.

Одно из мнений в пользу расширяющейся Вселенной – теория взрыва, предложенная Георгием Гамовым* и другими. Согласно этим ученым, Вселенная начала расширяться около двадцати миллиардов лет назад, когда находилась в своем первозданном состоянии, хотя тогда уже была гигантской по размерам. Эта теория дает основание полагать, что наблюдаемая в настоящее время Вселенная, являясь обширной, все же конечна. Дело обстоит бы по-другому, если бы Вселенная была бесконечно большой в своем исходном состоянии. Но такая возможность считается маловероятной. Гамов и его сторонники утверждают, что существует только одна конечная Вселенная, которая изолирована, и за ее границами лежит полнейшая пустота.

Существует другая теория, указывающая на возможность существования за пределами нашей Вселенной еще и другой гигантской Вселенной и вполне возможное их множество. Некоторые ученые, придерживающиеся этой теории, дальше делают предположение о том, что одни Вселенные расширяются, а другие сжимаются. Допустим, что это верно, тогда то, что мы считаем Вселенной с помощью своих наблюдений, на самом деле есть только маленькая часть настоящей Вселенной, которая безгранична и вечно неизменна.

Тойнби: Единственная бесконечная линия, которую мы можем начертить или даже представить себе мысленно, – это линия, у которой нет открытых концов: круг или эллипс. Индуисты и дохристианские греки полагали, что структура движения пространства-времени циклична. С этой точки зрения, каждое событие и каждая вещь повторяются периодически бесконечное число раз. Эта концепция физического космоса соответствует явлениям нашей собственной Солнечной системы, в которой планеты двигаются по неизменяющимся орбитам вокруг Солнца, а планета Земля делает один оборот вокруг своей оси каждые 24 часа. Тем не менее у нас нет никаких доказательств того, что нынешнее состояние нашей Солнечной системы представляет собой достоверный пример структуры и движения космоса в целом. Действительно, это отрицается в теории, по которой Вселенная постоянно расширяется. Более того, теория цикличности несовместима с возможностью существования таких явлений, как необратимое

изменение или подлинная новизна, к тому же изменение и новизна – это данные из нашего человеческого опыта независимо от того, верим ли мы или не верим, что наш опыт о них соответствует реальности.

Икеда: Вы употребили слово «новизна» и в предыдущей нашей беседе. Я хотел бы уточнить, что конкретно Вы подразумеваете под новизной?

Тойнби: Идея новизны предполагает возможность возникновения какой-то вещи, которой прежде не существовало. Иными словами, это предполагает возникновение из ничего. Логически это нелепо, тем не менее новизна, как и необратимое изменение, – это данные из человеческого опыта.

Если необратимое изменение и истинная новизна – это реальности, структурное движение пространства-времени не может быть бесконечным в повторяющемся круговом или эллипсоидном цикле. Оно должно быть конечным, подобным линии, имеющей два конца. Линия с открытыми концами способна продолжаться до бесконечности в любом из двух направлений. Если она закончена с обеих сторон в конкретных точках, то это ограничение длины линии должно быть произвольным актом чертежника, который решил установить границы потенциальной бесконечности линии.

Икеда: Понятно. В самом деле, на феноменальном уровне мы сталкиваемся с такими явлениями, которые невозможно, как Вы сказали, описать без ссылки на необратимое изменение и новизну. Мир природы, то есть та часть Вселенной, которую мы можем наблюдать непосредственно, не представляет собой пространство, в котором идет простое повторение или механическое чередование по цикличности, выражаемое кругом или эллипсоидом. Природа постоянно рождает все новые и новые компоненты. Она течет, обновляя себя творческой деятельностью.

К понятию «новизна» Вы относите те вещи, которые, если смотреть на них как на феномен, возникают, рождаются на наших глазах из ничего. Но я допускаю также и иное восприятие этих вещей. На них можно взглянуть и с точки зрения проявления латентных, прежде никогда не реализованных потенциальных возможностей, которые в буддизме обозначаются термином *ку*. В этом смысле Вселенная, как внешняя, так и внутренняя, является пространством безграничных возможностей.

Далее, относительно истории Вселенной. Согласно доминирующим в настоящее время мнениям ученых, в том числе и теории Гамова, считается, что наша Вселенная возникла двадцать миллиардов лет назад. Однако такое предположение оставляет открытым вопрос о том, единственное ли это начало

всего сущего или нет. Другими словами, утверждая таким образом, ученые делают оговорку, что изучение или обсуждение вопроса о первозданном состоянии Вселенной до этого «начала» не имеет научной ценности.

Допустим, что Вселенная произошла двадцать миллиардов лет назад. Тогда мы обязаны признать, что в ту далекую эпоху эта система энергии и материи (бытия) вдруг возникла из абсолютного ничто (небытия). Однако если придерживаться мнения, что бытие не может возникнуть из небытия, то само существование нашей Вселенной доказывает, что у нее бесконечное прошлое. В этом случае можно предположить, что со времени бесконечного прошлого шел процесс сжатия Вселенной, который двадцать миллиардов лет назад сменился процессом расширения. Также можно предположить, что процессы сжатия и расширения повторяются в бесконечном цикле. Точно так же, исходя из предположения о том, что по закону сохранения энергии материя не может стать абсолютным ничто, наше бытие доказывает, что у Вселенной безграничное будущее.

Тойнби: По меньшей мере еще со времени зарождения древнейших цивилизаций (около 5 или 6 тысяч лет назад) признавалось, что Земля и космос, частью которого является Земля, подвергались изменениям. Некоторые мыслители приходили к выводу, что Земля, весь космос и все его содержимое должны были иметь свое начало и должны со временем прекратить существование. Другие мыслители считали, что космос вечен. Эти две соперничающие теории все еще дискутируются в настоящее время; тем не менее ни правота, ни ошибочность ни одной из них не была доказана.

Космос, который имеет предел в пространстве-времени, логически непостижим, поскольку, если пространство-время не бесконечно, тогда должно существовать дополнительное пространство-время до него, после него, позади него и вне его. Однако эта логическая необходимость отрицается *a priori* (независимо от опыта) концепцией конечности. Конечное пространство-время, следовательно, должно быть зависимо от какой-то силы, которая имеет отличную от самого пространства-времени систему бытия.

Таким образом, если мы считаем космос конечным, то мы, видимо, вынуждены признать, что он был создан и спланирован и направляется к цели силой, которая не может быть постижима в понятиях пространства-времени – иными словами, Богом. Теория расширяющейся Вселенной похожа на деперсонализированный вариант иудаистского мифа о создании Вселенной из ничего.

А как обстоит дело с духовным аспектом Вселенной? Если физический космос не содержал бы сознательных существ, то не было бы сведений о существовании космоса и никаких возможностей для догадок – не считая проверяемого знания – о нем. Человеческие сознательные существа – это психосоматические организмы. Наше видение Вселенной будет неполным и неверным, если мы не будем рассматривать ее в ее психическом, так же как и в физическом аспекте. Имеют ли концепции конечности и бесконечности какое-либо значение в психической сфере реальности? Я прихожу к выводу, что у нас имеется больше знаний о Вселенной, чем имели наши предки, но что у нас не больше понимания ее, чем было у них.

Икеда: Другими словами, интерпретации природы Вселенной в конечном итоге – задача философии и религии. И я присоединяюсь к Вашему выводу о том, что, несмотря на увеличивающиеся знания, по сути мы остаемся примерно на том же уровне понимания сущности Вселенной, как и наши древние предки.

В этом смысле, я бы хотел узнать Ваше мнение относительно учений иудаистских религий о создании Вселенной.

Тойнби: Люди изменяют вещи преднамеренно, используя умение. Например, мы делаем горшки из глины. По этой аналогии некоторые мыслители выдвинули предположение, что человекоподобное существо, обладающее интеллектом и целеустремленностью, но сверхчеловеческое, потому что всемогуще и бессмертно, создало Вселенную. По одной версии, оно сотворило ее одним актом, создав ее так, чтобы она эволюционировала согласно первоначальному плану Творца. По другой – Творец постоянно работает, меняя свои планы в соответствии с новыми идеями, воплощая эти планы в действительность.

Веры в существование всемогущего Бога-Творца придерживаются последователи иудаистских религий (иудаизм, христианство, ислам). Эти религии вытеснили доиудаистские религии с западной окраины Старого Света и из обеих Америк, но они и их наивная концепция всемогущего Бога-Творца не произвели большого впечатления на Южную и Восточную Азию. В современном западном обществе с девятнадцатого столетия предпринимаются попытки обойтись без иудаистского представления о Боге-Творце и найти другие объяснения наблюдаемых и предполагаемых фактов изменений – особенно возникновению жизни на этой планете, увеличивающемуся разнообразию форм жизни и большей сложности и едва уловимому различию некоторых молодых особей живых существ. У самого меня

нет научных знаний, необходимых для того, чтобы судить о нетеистических теориях эволюции. По-моему, они или воспроизводят теистические теории в нетеистической терминологии, или, наоборот, являются объяснениями, которые не более удовлетворительны интеллектуально, чем теистические объяснения.

Понятия, выражаемые словами *изменения* и *новизна*, произошли из человеческого опыта. Мы действительно знаем по опыту и действительно производим изменения и новизну, тем не менее логически эти понятия сбивают с толку. Они подразумевают существование понятия *творение*, однако *творение* – понятие, еще более приводящее в замешательство. Оно предполагает изготовление чего-то из ничего, и оно также предполагает человекоподобный акт планирования и исполнения, независимо от того, является ли исполнитель необыкновенным богом или свойственным природе импульсом. Для человеческого мышления, вероятно, невозможно избежать того, чтобы не думать в антропоморфных понятиях, тем не менее мы сознаем, что очень маловероятно, чтобы абсолютная реальность внутри, позади и за пределами Вселенной была бы действительно человекоподобной.

Разумные существа на других планетах

Икеда: В последнее время учеными выдвигаются некоторые предположения о возможности существования живых существ на других планетах, сравнимых по уровню разума с человечеством или, возможно, даже более продвинутых, чем люди. Хотя такие предположения еще не получили никаких доказательств и, следовательно, все они пока что относятся к чистым гипотезам или фантазиям, тем не менее я испытываю неслучайный интерес к этому вопросу. Дело в том, что все то учение, которое Шакьямуни-Будда оставил в «Сутре Лотоса», считающейся вершиной его многолетних проповедей, предполагает наличие бесконечного множества миров с живыми существами.

С философской точки зрения каково Ваше мнение о возможности существования живых существ на других небесных телах?

Тойнби: Заявляя о возможности существования разумных существ на других планетах, наши ученые выдвигают логически состоятельное предположение, базируясь на определенном объеме знаний, которыми они уже обладают. С помощью наиболее далекодействующих инструментов, которые они до сих пор изобрели, ученые продемонстрировали два факта: часть физического космоса, которую они сделали доступной для наблюдений

наблюдателям на нашей планете, почти невообразимо огромна в сравнении с размерами нашей планеты, Солнечной системы и Галактики; эта доступная часть космоса представляет собой только фрагмент целого, и нет никаких свидетельств того, что космос имеет какие-то пределы.

Пространство-время, даже если мы предположим, что оно бесконечно в том смысле, что оно бесконечно повторяется, настолько огромно, что невероятно, чтобы наша планета была единственной благоприятной крупинкой в конструкции Вселенной, на которой существуют, существовали или будут существовать жизнь и сознание.

Жизнь в привычном для нас смысле может существовать только при определенных, действительно узко ограниченных физических условиях. Вполне возможно, что другие формы жизни могут существовать при других условиях. Возможно, что наша планета – единственная в нашей Солнечной системе, которая обладает способностью стать прибежищем жизни в какой-либо форме. Возможно, что ни одна другая планета в других планетарных системах нашей Галактики не способна стать колыбелью жизни. Однако количество других известных галактик за пределами нашей собственной огромно, и, возможно, существуют бесчисленные другие галактики за пределами ныне доступных нашим наблюдениям границ. Представляется возможным, что где-то существует хотя бы одна галактика, кроме нашей, в которой имеется хотя бы одна планетарная система, в которой имеется хотя бы одна планета, способная обеспечить жизнь, которая действительно населена живыми существами, из которых некоторые разумны в том смысле, как это присуще нам. Шанс, который был бы невероятным в конечном космосе, вероятен в космосе, который представляется поистине бесконечным.

Поэтому вполне возможно, что человечество не единственное в мире. Это не только правдоподобно; вполне вероятно, что некоторая другая планета – или даже огромное количество других планет – населены разумными существами примерно такого же типа, как мы.

Мне кажется в высшей степени маловероятным, однако, что планеты, населенные разумными существами, окажутся доступными с Земли. Серьезный урок, который должен быть извлечен из посылки человека на Луну, – это невероятная трудность полета на другую планету. Для того чтобы посадить несколько человек на поверхность Луны, которая намного ближе к Земле, чем любая звезда, потребовались потрясающие расходы в виде денежных средств и техники. Для того чтобы долететь до гипотетически населенной планеты, даже если она находится в нашей собственной Галактике,

мы должны были бы изобрести космические корабли, в которых люди могли бы жить, умирать и рождаться поколение за поколением.

Икеда: Предположим, что на других планетах существуют живые существа. В этом случае важным теоретическим вопросом является их сходство или отличие от земных живых существ, например по видам, формам, жизненным отправлениям, химическому составу и т.д. По этому поводу некоторые ученые допускают возможность, что организмы живых существ на других планетах могут состоять из кремния, в отличие от земных организмов, основанных на соединениях углерода. Как Вы считаете, насколько это вероятно?

Тойнби: Если жизнь действительно существует где-то еще, то она, вероятнее всего, психосоматическая, как и на Земле, однако химический состав и функционирование телесной составляющей живых существ там могут быть совершенно другими.

Если живые существа где-то существуют, то некоторые могут обладать сознанием и некоторые из этих гипотетически сознательных живых существ могут превосходить человечество в интеллектуальном или этическом отношении, или и в том и в другом одновременно. Заставляет ли нас эта гипотеза предположить, что жизнь существует в скрытой форме в физическом космосе в целом и в каждой его части?

Икеда: Верно. Мы не можем сказать что-нибудь неоспоримое на основании одних предположений. Но для сопоставления этих научных гипотез я хотел бы привести буддийскую космологию.

Согласно буддийской философии о жизни, вся Вселенная рассматривается как носитель жизненной энергии. Те небесные тела, где абсолютно не отмечается никакого проявления жизни, тоже имеют потенциальную возможность образования живых организмов и держат свой внутренний вектор на реализацию этой потенциальной возможности. Следовательно, в любом месте Вселенной, как только создаются подходящие условия, жизнь реализуется в формах, соответствующих созданным условиям жизнеобеспечения.

Эта концепция основывается на грандиозной буддийской космологии, согласно которой во Вселенной существует бесчисленное множество «миров Будд», которые простираются по десяти направлениям пространства и пребывают в течение безначального прошлого, мимолетного настоящего и бесконечного будущего. Здесь под «мирами Будд» подразумеваются те

пространства, где существуют живые существа, одаренные чувствами и сознанием. Кроме того, «миры Будд» означают не только наличие биологических форм жизни, но еще и наличие самой биологической энергии, которая, являясь неотъемлемым свойством Вселенной, делает космическое пространство и все его неживые компоненты потенциальным ложем для появления жизни.

Таким образом, согласно буддизму, вся Вселенная – это колыбель жизни, причем она и сама является огромной жизнью. Это положение составляет константу для развития всей дальнейшей логики. С этой точки зрения современное предположение некоторых ученых о наличии разумных живых существ где-то еще во Вселенной ни в коей мере не является неожиданностью для буддизма.

Тойнби: Представляет ли собой целая Вселенная единое огромное живое тело, как утверждает буддизм, зависит от того, признаем ли мы или отрицаем реальность необратимого изменения и реальность новизны. Основанием для отрицания их реальности является их логическая необъяснимость. Основанием для признания их реальности является то, что данные о них вытекают из нашего человеческого опыта. Если мы отвергаем реальность этих данных, то мы обязаны признать, что явления, которые доступны человеческому разуму, являются иллюзиями, которые не дают нам никакого представления о сущности реальности-в-себе.

Икеда: Я считаю, что необратимое изменение и новизна – понятия, изобретенные человеком для интерпретации явлений, но не являющиеся самой реальностью. Скорее они выражают то, как мы зрительно воспринимаем феноменальный мир, но было бы ошибкой отнести их к интерпретациям реальности-в-себе.

Кстати, если мы предположим, что существуют разумные существа за пределами Земли, то нельзя полностью исключить возможность вступления с ними в контакт и даже установления каких-либо связей. И мне кажется, рассмотрение вопроса о том, как нам относиться к таким случаям, было бы не совсем излишним.

Тойнби: Пока мы не располагаем доказательством существования таких существ где-либо еще в границах той части физического космоса, который находится в нынешних пределах наблюдаемости с нашей планеты. Вероятно, пределы наших наблюдений расширятся, однако, возможно, существуют пределы и для их расширения. Во всяком случае, предполагая, что мы установим существование разумных существ где-то еще в космосе, мы

не знаем, сможем ли мы когда-нибудь связаться с ними. И мы не знаем, смогут ли они связаться с нами, если обнаружат наше существование. Я отношусь скептически к последним предполагаемым признакам, что наша планета уже разведывается существами откуда-то, с нашей точки зрения, из внешнего пространства.

Если такие существа действительно где-то существуют, то их обиталище может находиться на расстоянии в сотни миллионов световых лет от нашей планеты; более того, это расстояние может возрастать с очень большой скоростью, если теория расширения физического космоса справедлива.

В этих обстоятельствах связь может быть установлена, если только обе стороны в высшей степени разумны, а также в соответствующей степени технологически эффективны. Поэтому если будет установлен контакт между человечеством и какими-то разумными существами, существующими где-то еще, то вероятно, что они окажутся по меньшей мере столь же разумны, как и мы, и, возможно, что они окажутся гораздо более разумными.

Икеда: Как Вы считаете, если такие контакты станут реальностью, хотя это и маловероятно, то какую позицию человечеству следует занимать в отношении этих разумных существ за пределами Земли?

Тойнби: В случае вероятного установления контактов, наше собственное отношение не должно быть подобно бесчеловечному отношению западноевропейцев к своим собратьям после открытия и колонизации обеих Америк. В отношении разумных существ на других планетах мы должны быть скромными, деликатными и миролюбивыми. Мы должны проявлять озабоченность и осторожность, пока не определим меру разумности другой стороны. Они могут оказаться настолько более разумными, чем мы, что посчитают нас насекомыми-паразитами. У них может оказаться не больше угрызений совести по поводу уничтожения нас, чем было у западноевропейцев при уничтожении американских индейцев или чем испытываем все мы, уничтожая малярийных комаров. Эти гипотетически разумные существа с других планет могут сохранить несколько особей человечества в качестве научных диковин, подобно тому, как мы теперь сохраняем некоторые редкие виды живых существ на нашей планете. Конечно, другая сторона может оказаться стоящей ниже нас по разуму. Интеллектуально она может быть на уровне некоторых ныне вымерших примитивных гоминид. В этом случае мы должны относиться к ним с большим милосердием, чем так называемый *Homo sapiens* (человек разумный) относился к гоминидам других видов, которые когда-то соперничали с ним за господство на этой планете.

За пределами волн и элементарных частиц

Икеда: Физические науки шли по пути поиска предельных частиц материи и сегодня дошли до элементарных частиц. Однако в результате работы В.К. Гейзенберга* о принципе неопределенности, а также вследствие открытия волновых движений и изменяющихся свойств элементарных частиц ученые сегодня отказываются от недавнего заключения о том, что элементарные частицы – это предельная фундаментальная частица материи, и стали предпринимать попытки обнаружить нечто еще более фундаментальное, чем элементарные частицы.

Ученые стали считать, что в отношении микромира аналитический метод естественной науки достиг своего предела. То есть современное знание о том, что волновая активность сопровождает всю материю и что материя окружена так называемыми полями, предполагает, что материя не может быть объяснена полностью одним только понятием частиц, имеющих размеры и массы, но ее необходимо изучать еще и в таких аспектах, как «волновое движение» или «поле».

Наука, таким образом, продолжает свою попытку предельно близко подойти к реальности материи с различных аспектов. Мне кажется, что современная наука приближается к рубежу, где ей требуется новая методология для целостного изучения и познания. Существующие научные методы ставили ударение на аналитическом подходе, который является одним из самых эффективных способов. Наряду с анализом, как мне кажется, для науки все более важным становится метод интеграционного обобщения. Возможно, что в какой-то степени будет востребован даже дедуктивный метод мышления.

Тойнби: Я согласен с тем, что дедуктивный метод будет представлять ценность. Как Вы отметили, ученые достигли пределов научных объяснений – доказуемых и поддающихся проверке – природы физических сторон Вселенной. Они открыли две различные картины высшей сущности материи: элементарные частицы и волны и поля. В дополнение к этому они открыли, что эти две картины нельзя наблюдать одновременно.

Ограниченность способностей науки – это особый случай ограниченности способностей человеческой натуры вообще. *Homo sapiens* – это сознательный психосоматический организм, который физически слабосилен, но в то же время физически достаточно искусный, чтобы служить целям мощного ума. До сих пор *Homo sapiens* доказывал свою способность выживать с помощью скоординированных действий ума и тела. Он уничтожил все другие виды

гоминид и установил свое господство над большей частью нечеловеческой природы, как живой, так и неживой, находящейся почти на всей поверхности и близ поверхности нашей планеты. У него имеется также излишек способностей, превышающий необходимые для собственного выживания, и он использовал этот излишек как во благо (создавая произведения искусства и удовлетворяя интеллектуальную любознательность), так и во зло (ведя войны и обеспечивая несправедливо привилегированное меньшинство возможностью жить фривольно и в роскоши).

Однако этот излишек способностей ограничен. Он недостаточно велик, чтобы дать возможность *Homo sapiens* знать, понять и взять под свой контроль Вселенную как целое. Вселенная остается для нас тайной, и наша жизнь находится во власти этой тайны.

Икеда: Вполне справедливо сказать, что Вселенная остается тайной для нас в силу того, что чувствительные органы человека имеют свои пределы. Но современное общество с трудом признает эту ограниченность, упорно настаивая на всемогуществе человеческих познавательных способностей. Для более полного понимания и постижения реальности было бы продуктивнее и в определенной степени даже необходимо проявить должную скромность перед истиной, чем пребывать в высокомерной самоуверенности, которая скорее искажает нашу интеллектуальную способность, чем помогает ей. С этой точки зрения материалистическое утверждение Энгельса о том, что единственный реальный мир — это тот, который дан нам в ощущениях, неубедительно. Картина материи, получаемая нами в ощущениях, — это, безусловно, важный аспект материи, но не все ее существование. Возможно, у нее есть аспекты, не распознаваемые человеческим восприятием.

Тойнби: То, что Вы сказали о пределах восприятия для человеческих органов чувств, совершенно верно. Например, мы можем наблюдать структуру или движение (однако не то и другое одновременно) материальной стороны Вселенной на их, по нашим представлениям, мельчайшем уровне, но мы не можем доказать, что те мельчайшие размеры, в которых материя доступна нашему наблюдению, являются самыми мельчайшими в реальности. Более вероятным представляется то, что только бесконечно малая часть спектра Вселенной может восприниматься в человеческих ощущениях.

Икеда: Полностью согласен. Подлинная сущность материи, вероятно, находится за пределами человеческих познавательных способностей. Именно по этой причине современная теоретическая физика, ставящая

перед собой задачу изучения сути материи, все больше приобретает философский характер. И очень возможно, что такие понятия, как «материя» или «единица», уже неадекватны для описания структуры и движения материи в ее предельной реальности.

С древних времен многие люди заинтересованно обсуждали вопрос о том, является ли космическое пространство действительно вакуумом. В частности, в классической Греции проблема вакуума появилась из дискуссий о существовании и несуществовании.

В своей атомной теории строения веществ Демокрит полностью признавал состояние вакуума, утверждая, что вакуум позволяет атомам свободно двигаться.

С развитием современной науки проблема вакуума приобрела большое значение, и между сторонниками противоположных идей разгорелись горячие споры по поводу воздействия через среду и дальнего взаимодействия.

Современная физика, которая создала теорию поля, опровергла мнение о том, что космическое пространство представляет собой вакуум. Майкл Фарадей*, который изложил теорию электромагнитного поля, полагал, что магнитные и электрические силовые линии – это неотъемлемые свойства пространства, которые могут проявиться при использовании магнита и заряженного тела. Силы взаимодействия между двумя физическими объектами относятся к неотъемлемым свойствам пространства. Джеймс К. Максвелл*, который придал силовому полю Фарадея математическую форму, утверждал, что свет – это форма электромагнитной силы, проявляющаяся в пространстве. Его теория оказала огромное влияние на теорию элементарных частиц. Хотя Альберт Эйнштейн, который пытался интегрировать теории полей, не сумел установить единое поле для силы гравитации и электромагнитной силы, он действительно развил ясные идеи о пространстве.

Согласно А. Эйнштейну, пространство, в котором не существует никакой материи, обладает свойствами соединения отдельных физических объектов, передачи электромагнитных волн и образования новой материи. Масса и энергия эквивалентны и взаимно конвертируемы. Материя представляет собой высокую концентрацию этой энергии, а поле – низкую концентрацию ее. Из этого следует, что материя и пространство поля не различны по своим свойствам, а являются двумя формами одного и того же. Пространство поля – это не просто пустое пространство; оно имеет свойства, которые влияют на заключенные в нем физические объекты. Оно также способно при определенных условиях производить материю.

Сегодня достигнут прогресс в изучении полей внутриядерных сил и связанных с ними полей мезонов. Японский ученый-физик Хидэки Юкава* и другие ученые, выдвинув теорию элементарной области (элементарной области пространства), пытаются выяснить связи и отношения между пространством-временем и элементарными частицами. Последние достижения подобных физических исследований пространства поля, как мне представляется, имеют важную общность с буддийской концепцией ку – «состояние бытия, погруженного в небытие». По сути дела, буддизм выдвинул понятие ку для наиболее полного объяснения реальности, которая, находясь во времени и пространстве, одновременно выходит за их пределы. Мне думается, что современные физические исследования уже вплотную подходят к границе той сферы, которую могут охватить понятиями времени и пространства. А уже за ней – сфера вне времени и пространства, которая не поддается научному методу объективного исследования. Тем не менее в подходах современной физики к понятию «пространство поля» четко прослеживается общее понимание сущности существования с буддийским прозрением концепции ку.

Тойнби: Мое понимание современной физики настолько элементарно, что я не могу сформулировать какое-либо авторитетное суждение о современных тенденциях в этой области. С учетом этой оговорки, я действительно считаю, что современная физика, возможно, подходит к пределу того, что постижимо в понятиях времени и пространства. Поэтому я подумываю о том, что физика, возможно, никогда не начнет давать нам какое-то объяснение нефизического, то есть духовного, аспекта реальности. Время и пространство – это функции физического аспекта реальности. Однако реальность в равной мере духовна, как и физична, и ее духовный аспект так же реален, как и ее физический аспект. Буддийская концепция ку относится к духовному аспекту реальности, и я полагаю, что духовная жизнь может быть описана только в духовных понятиях, хотя наш словарь для духовных сущностей происходит по аналогии из нашего словаря для физических сущностей, потому что человеческому разуму относительно легче схватывать физические явления, в то время как духовные сущности неощутимы и неуловимы. Несмотря на то что мы не можем избежать использования словаря аналогий для обсуждения духовных сущностей, этот словарь не только неудовлетворителен, но он может положительно ввести в заблуждение. Он подводит нас, приводя к неправильному истолкованию природы духовной реальности из-за использования при размышлениях о ней негодных физических терминов, предлагаемых нашим словарем.

Религиозные подходы к абсолютной реальности

Икеда: Вы говорите, что религия приводит человека к поиску единства с высшей духовной реальностью за пределами и по ту сторону Вселенной, и что подобный религиозный опыт – чисто личный и субъективный и потому не может быть доказан объективно.

Подобен ли этот опыт просветлению Будды и Откровениям Иисуса, Моисея и Мохаммеда? Думаете ли Вы, что такой религиозный опыт доступен любому смертному?

Тойнби: Я думаю, что Откровения, полученные, или, как считается, были получены Моисеем (если Моисей был исторической личностью), и Иисусом, и Мохаммедом, были тождественны и отличались от просветленности Будды.

Основатель или основатели иудаизма, а также и Иисус, и Мохаммед были теистами, которые верили в то, что высшая духовная реальность – это есть единственный и всемогущий Бог. Пророки Израиля и Иудеи, Иисус и Мохаммед верили, что они получили откровения от Бога. Форма, в которой они искали единения с Богом для себя и своих последователей, была общением между человеком и человекоподобным божеством, двумя живыми существами, которые, с точки зрения иудаизма, были подобны друг другу в том, что оба были личностями в человеческом смысле слова, однако они отличались тем, что могущество Бога в огромной степени превосходило человеческие способности.

Икеда: Какова же, по Вашему мнению, была природа озарения Будды?

Тойнби: Шакьямуни не был теистом – или если он действительно верил в существование богов, то считал их роль незначительной. Шакьямуни верил, что он добился просветления своими собственными духовными усилиями. Он веровал в то, что высшая духовная реальность – это состояние (нирвана), в котором страсть, – то есть компонент человеческой природы, который генерирует карму, – погашена. Форма, в которой он искал слияния с нирваной, представляла собой уход в нирвану из своей жизни как человека. Он верил, что, для того чтобы избавиться от человеческого существования, он должен ликвидировать балансовый отчет кармы. Он полагал, что он сможет ликвидировать его погашением всех своих страстей – всех без остатка, включая любовь, так же как и алчность. Условием для перехода из человеческой жизни в нирвану было достижение полной психологической отстраненности.

Икеда: Это соответствует учению южного буддизма, то есть так называемому учению хинаяны* (раннее учение Шакьямуни).

Тойнби: Насколько я понимаю, священная книга южного буддизма учит, что Будда не практиковал то, что он проповедовал. Когда он сам достиг просветления, оно открылось для него, чтобы дать ему выход в нирвану; он также верил в то, что это цель, к которой должны стремиться все наделенные сознанием существа, включая его самого. Несмотря на это, он отложил свой собственный выход до того момента, когда наступит его физическая смерть, чтобы провести остаток своей жизни, обучая других людей тому, что он открыл сам для себя. Его мотивом, как говорят, являлось сострадание к другим одушевленным существам.

Однако здесь, мне кажется, имеет место нерешенное противоречие, потому что сострадание – это страстное желание, это желание в форме любви в противоположность жадности. Но это все же вид страсти; и если Будда действительно чувствовал сострадание после своего озарения, он все еще не отстранился полностью и поэтому не достиг еще состояния, которое, согласно буддийскому верованию, должно быть достигнуто, чтобы соответствовать человеческому существу, готовящемуся выйти в нирвану.

Икеда: Каким образом, по Вашему мнению, буддизм решает противоречие, заложенное в этом подходе?

Тойнби: Северный буддизм, я так понимаю, проповедует то, что практиковал Будда. Герои северного буддизма – бодхисаттвы, которые, подобно Будде, отложили свой собственный переход в нирвану из сострадания к другим одушевленным существам.

Икеда: Я считаю, таким образом, что, если не обратиться к учению северного буддизма, то есть махаяны (позднее учение Шакьямуни), невозможно понять общую структуру проповедей, созданных Шакьямуни-Буддой в течение всей жизни, и, следовательно, невозможно увидеть его истинные намерения.

Северный буддизм учит, что человек может достичь состояния нирваны, оставаясь в нынешней форме существования, то есть оставаясь обыкновенным человеком, который имеет земные желания и проходит цикл рождения и смерти. Не ставится также условия отказаться или освободиться от земных желаний. Однако каким образом человек может обрести состояние полного умиротворения души – нирваны, находясь в повторяющемся многострадальном процессе рождений и смертей? В «Сутре Лотоса», главном манускрипте

учения махаяны, Шакьямуни-Будда разъясняет, что ключ к этой трансформации лежит в том, чтобы увидеть будду внутри себя и, полагаясь на закон Вселенной, проявлять его свойства в своей жизни.

«Сутра Лотоса» учит нас, что, когда человек осознает своего внутреннего будду, вся его деятельность становится воплощением безграничного милосердия ко всем окружающим. Другими словами, северный буддизм отрицает прежнее представление о нирване как об уходе из реального мира в мир абсолютной тишины, но разъясняет ее подлинный смысл как глубокое осознание человеком собственного достоинства и достоинства самой жизни и базирующееся на нем милосердное участие в реальном мире.

Как Вы отметили, сострадание – это тоже своего рода страсть. Но это особая страсть, которая позволяет человеку преодолеть свою эгоистичность, присущую всякой жизни. Северный буддизм призывает не к уничтожению всех страстей, а к трансформации эгоистических страстей в альтруистические. Этим призывом северного буддизма снимается и то противоречие, о котором Вы говорили.

В чем Вы видите причину расхождения в сути озарения Будды и откровения Моисея или Иисуса?

Тойнби: У Будды, с одной стороны, и монотеистов, с другой стороны, были разные представления о природе абсолютной реальности. Несмотря на то что их представления несовместимы друг с другом, из этого не обязательно следует, что одно представление верное, а другое ошибочное. Мне кажется, более вероятно, что они видели разные аспекты реальности.

Икеда: Но может ли реальность иметь аспекты, которые несовместимы друг с другом?

Тойнби: Даже в том фрагменте Вселенной, который человеческий мозг способен познать, применяя научное рассуждение к опыту, материя, проявляемая в бесконечно крайне малом масштабе, содержит, как в настоящее время полагают, взаимно несовместимые свойства.

Несовместимость, которую невозможно решить человеческим рассуждением, это, как я думаю, признак того, что мы достигли одного из пределов нашей способности к пониманию. Кажется вероятным, что природа абсолютной реальности только частично постижима человеческими умами. Поэтому я думаю, что несовместимость между буддийским и иудейским представлениями об абсолютной реальности не означает, что какое-то из этих представлений ошибочно. Мне кажется, это означает только, что

каждая из версий, поскольку она принадлежит человеку, является неполной и несовершенной. Я думаю, что несовместимость этих версий на самом деле увеличивает наше понимание реальности, которая, в лучшем случае, может быть понята человеческим разумом лишь частично.

Икеда: Если человечество будет мыслить именно таким образом, то вполне вероятно, что в будущем эти высшие религии будут интегрироваться. В случае если произойдет подобное, то какую форму Вы предполагаете для их интеграции? Либо это слияние существующих высших религий в одну, либо в результате интеграции существующих религий образование религии в абсолютно новой форме?

Тойнби: Мне кажется, что объединение высших религий будто бы уже идет. Как мне представляется, это объединение принимает форму не слияния, а взаимного признания того, что у каждой из этих религий есть свое особое и уникальное, хотя только неполное видение абсолютной реальности, и что все они ценны для человечества. Разные человеческие существа имеют разные характеры помимо того, что у них разный личный опыт. Поскольку существуют разные варианты нашей общей человеческой природы, то нам повезло, что может существовать более одного представления об абсолютной реальности, чтобы помочь нам ухватить слабый проблеск понимания.

Икеда: Я понимаю и согласен с Вашим мнением, что поскольку человеческая способность познания сильно ограничена, чтобы охватить всю широту и глубину абсолютной реальности, человеку дано понять только ее часть или некоторые из ее аспектов.

Дополняя сказанное Вами, я хотел бы сказать следующее. Ранее я приводил три понятия *ку*, *ке* и *чу*, используемые буддизмом для объяснения бытия. Здесь два аспекта *ку* и *ке* имеют противоречащие друг другу свойства. Но это противоречие снимается третьим понятием – *чу*, означающим срединный путь. Согласно буддизму, абсолютная реальность также должна обладать всеми тремя аспектами существования – *ку*, *ке* и *чу*.

В случае, если абсолютная реальность – это человекоподобный бог, как это представляют теисты, то, пожалуй, следует считать, что и у нее есть аспект *ке* – образ. Однако в отличие от реального человека, чей физический аспект находится в состоянии *ке*, то есть временного соединения материи, подверженного постоянному изменению, этот образ человекоподобного бога, поскольку он вечен, не совсем совпадает с понятием *ке*.

Если понимать абсолютную реальность как любовь, то это, скорее всего, взгляд на абсолютную реальность в аспекте *ку*. В этом случае встает вопрос

о том, как эта любовь воплощается в реальном, конкретном существовании жизни. Если эта абсолютная реальность существует только как духовное качество, то как она соотносится с психосоматическим существом, каковым является человек? Другими словами, эта версия об абсолютной реальности оставляет неясность относительно неразделимости или делимости духовного аспекта от физического существования.

Таким образом, можно сказать, что разными религиями описываются разные части или аспекты абсолютной реальности. Среди них, как мне кажется, описание ее в трех аспектах — *ку*, *ке* и *чу* — позволяет нам наиболее близко подойти к полному представлению об абсолютной реальности.

В зависимости от подхода к пониманию абсолютной реальности появляется различие в доступности к ней: в одном случае она может стать доступной для всех людей, а в другом случае доступ к ней становится ограничен. По моему представлению, буддийская версия об абсолютной реальности более универсальна и открыта всем для применения, в то время как иудейская и христианская версии предполагают ограничение. Я думаю так, потому что, когда абсолютная реальность имеет волю, как человек, Откровение получают только те, кто благословлен Божьей волей. В определенных ситуациях возможно, что людская воля не может иметь столь определяющее значение перед абсолютностью Божьей воли. В полном контрасте с этим буддийская версия говорит о том, что эта абсолютная реальность пронизывает все сущее как универсальный закон Вселенной. Она существует внутри всех живых существ. Следовательно, все люди в равной степени имеют возможность контактировать с ней и проявлять ее в реальной жизни.

В сущности все высшие религии одинаково признают абсолютную реальность и исходя из этого приходят к схожим взглядам относительно нравственных идеалов и норм поведения человека и общества. Несмотря на это, каждая религия все же предлагает свой собственный способ единения с этой высшей духовной реальностью. И мне думается, что эти разные способы не могут не оказывать различное влияние на образ мышления и на аспекты поведения в повседневной жизни.

Тойнби: Все высшие религии и философии дают одинаковые практические наставления для человеческого поведения. Они говорят нам, что наивысшей целью человека должно быть самообладание, а не потворствование своей алчности в попытке подчинить себе остальную Вселенную. Все они говорят нам, что цель самообладания состоит в том, чтобы обрести способность посвятить себя служению чему-то вне нас самих.

Сострадание Будды и любовь Иисуса, как мне представляется, – это переориентация страсти, которая, как я полагаю, есть неискоренимый элемент жизни. Они – переориентация страсти с себя на Вселенную.

Буддийский подход

Эпистемология: теория Сантай

Икеда: Все изменяется соответственно точке зрения наблюдателя. Вселенная, природа и человеческая жизнь принимают иной вид на наших глазах, когда отличаются подходы к ним. Не возникает серьезных проблем, если различия затрагивают только лишь человеческую осведомленность, но эта осведомленность о вещах оказывает влияние на мышление и действие. Если, к примеру, воспринимать человека не более чем как одну из форм движения материи, хотя это, конечно, крайний пример, то такое понятие, как достоинство человеческой жизни, может остаться вообще невостребованным. И в этом смысле важно – даже если это невозможно в строгом смысле – стараться очертить истинные аспекты вещей и явлений именно в таком виде, как они есть, и достичь наиболее полного познания.

Для того чтобы познать вещи такими, какие они есть, обязательно нужны и анализ, и обобщение. Другими словами, недостаточно изучать отдельные компоненты и части и нельзя терять из поля зрения общий вид целостного существа. Далее, очень важно представить себе динамику изменения вещей с течением времени, вместо того чтобы наблюдать их как неизменные, статичные сущности.

Тойнби: Вы выдвинули два условия, необходимые для того, чтобы ухватить истинную суть вещей. Нам необходимо иметь общий вид целого, помимо ограниченного взгляда на части. Нам также необходимо наблюдать вещи в движении во временном измерении. Меня вдохновляет настойчивое требование этих двух условий, потому что я тоже почувствовал их важность в результате моей собственной реакции на современную тенденцию мышления в западном мире.

Икеда: Что заставило Вас посмотреть на мир этими двумя методами?

Тойнби: По моему мнению, современная западная мысль искажается тем, что специализируется на крайностях. Человеческий разум воспринимает картину фрагмента реальности в искаженном виде, когда этот фрагмент произвольно изымается из его окружения и изучается так, как если бы он был изолированным целым, а не неотделимой частью чего-то более

обширного, как это есть на самом деле. Я также считаю, что современный социологический анализ на Западе утрачивает связь с реальностью в результате того, что анализирует человеческие отношения в нереалистических сиюминутных сечениях, оторванных и от прошлого, и от будущего, как если бы жизнь была натюрмортом. В реальности жизнь мобильна, и ее нельзя увидеть в ее реальном виде, если не наблюдать ее протекающей в потоке времени.

Икеда: Я думаю, что это верно. С этой точки зрения я бы хотел привести одну из буддийских теорий познания мира и узнать Ваше мнение относительно этого.

Это теория *Сантай* (*три восприятия истины*), которая составляет основу системы эпистемологии буддизма. Здесь слог *сан* в *Сантай* означает три, а *тай* – доскональность и ясность восприятия. Согласно этой теории, для целостного восприятия и постижения подлинной сущности всех вещей или явлений необходимо подходить к ним с трех интегрирующих в целостное аспектов *ку*, *ке* и *чу*, которые были упомянуты мной ранее.

Позволю себе объяснить их по отдельности. Сначала об аспекте *ке* (*временное или преходящее*), или *ке-тай* (*истина преходящего существа*). К аспекту *ке* можно отнести все, что субстанциализировано и воспринимается человеком как изображение и образ. Каждую секунду все течет и изменяется. Например, живые организмы, в которых непрерывно происходит обмен веществ, или звездные системы, которые движутся с огромной скоростью. Весь материальный мир находится не в статичном состоянии, а в динамике. Следовательно, образы, которые человек получает в материальном мире, могут быть только временные, и буддизм называет этот аспект *истиной преходящего существования – ке-тай*.

Следующий аспект *ку-тай* (*истина несубстанциализированного существования*) указывает на свойства и характеры вещей и явлений, в том числе и на психологическую функцию одухотворенных существ. В отличие от реальности *ке*, этот аспект *ку* не подтверждается в материальной форме. Однако без учета этого аспекта не будет полного и правильного понимания субстанции. Далее, *чу-тай* (*истина срединного пути*) означает подлинную сущность существования, которая обеспечивает интеграцию *ке-тай* и *ку-тай*. Этот *срединный путь* является той основополагающей реальностью, которая образует вид и форму из материи и которая придает особенности и свойства всему сущему. При постоянном изменении компонента материи, движения, формы или образа *чу-тай* остается постоянным фактором в этом

изменяющемся существовании. Но буддизм утверждает, что *чу-тай* не может существовать отдельно от *ке-тай* и *ку-тай*. Срединный путь проявляется только в синтезе *ке-тай* и *ку-тай*.

Реальность всего сущего представляется буддизмом как полное целое, в котором интегрированы эти три аспекты *ку*, *ке* и *чу* или которое отражается в этих трех аспектах. Я предполагаю, что данная буддийская теория может стать эффективным способом для человека, чтобы наиболее правильно воспринимать вещи и явления такими, какие они есть, и чтобы охватить их сущность.

Тойнби: *Сантай* (три восприятия истины) напоминает мне о различии, которое сформулировал Платон, между явлениями, находящимися в постоянном движении (Ваше *ке*), и неизменными формами, которые и являются абсолютной реальностью, которая отражается в явлениях (Ваше *чу*). Буддийский анализ связывает эти две диаметрально противоположные формы существования средним между этими крайностями понятием *ку*, которое не является ни феноменом, ни абсолютном, но тем не менее участвует в них обоих.

Икеда: Я понимаю и, пожалуй, мы можем сравнивать теорию Сантай с платоновской теорией как с аналогом, но за исключением наличия концепции *ку*.

Тойнби: Однако тезис о том, что абсолютная реальность, *чу-тай*, проявляет себя только через *ку* и *ке* и никогда независимо от них, скорее соответствует, если я правильно это понимаю, концепции Аристотеля, а не Платона об отношениях между постоянными формами и скоротечными явлениями. По мнению Аристотеля, Платон недооценивал явления. Несмотря на то что они мимолетны, они дают человеческому разуму единственное беглое знакомство с абсолютной реальностью, которое наш ограниченный интеллект способен охватить. Аристотель также утверждал, что Платон ошибался, считая, что неизменные формы, которые проявляются в явлениях, существуют независимо от этих явлений.

Древнегреческая школа философии – это та, с которой я наиболее знаком. Буддийская теория Сантай представляется мне близкой с аристотелевской модификацией платонизма. Я считаю, что дополнение среднего между крайностями понятия *ку* делает более вразумительными отношения между особенным и универсальным. Теория Сантай представляется мне имеющей некоторое сходство с концепцией западного философа Гегеля о получении

синтеза через борьбу между тезисом и антитезисом. Во всяком случае гегелевская теория подобно буддийской трехэлементной теории динамична. Она видит реальность в движении во времени. В противоположность этому, как двухэлементная теория Платона, так и теория Аристотеля статичны, подобно современному западному социологическому анализу человеческих отношений в сиюминутном разрезе, в котором игнорируется временное измерение. Динамическая теория, которая учитывает временное измерение, представляется мне более соответствующей реальности.

Десять состояний жизни

Икеда: В этой части нашего диалога я хотел бы ознакомить Вас с буддийским подходом к счастью. Буддизм выдвигает теорию *«Десять миров»* для описания внутреннего состояния жизни. Согласно этой теории, состояние жизни делится на десять отдельных сфер, или категорий, по ее позициям к окружающему миру и по степени ощущения счастья. Буддизм предполагает, что в любой жизни, человеческой или любой другой, ежесекундно возникает одно из этих десяти состояний в соответствии с внешними и внутренними условиями. Разумеется, что подход данной теории никак не похож на биологическую классификацию видов животных или растений, а также не связан с уровнем интеллектуальных способностей отдельных видов. Но речь идет об общем состоянии и ощущении жизни.

Данная теория в некоторых отношениях сравнима с концепцией ада, чистилища и рая, описанной Данте в *«Божественной комедии»*. Однако Данте рассматривает лишь три мира, в то время как буддизм проводит более точный анализ, разделив жизнь на десять состояний. Кроме того, в отличие от трех миров по Данте, которые являются потусторонними и отдельными друг от друга пространствами, куда переходят люди после своей смерти, буддийские десять миров представлены как реальные состояния, возникающие в процессе жизнедеятельности. Например, когда человек погружен в скорбь, весь мир видится ему только как источник страдания. И наоборот – в минуты пребывания в веселом и радостном настроении тот же самый мир будет окрашен в розовый цвет.

Согласно теории *«Десять миров»*, состояния жизни перечисляются в зависимости от величины страдания: мир ада, мир алчности, мир животности, мир гнева, мир спокойствия (или мир человека), мир радости (или мир небес), мир изучения, мир частичного просветления (или мир постижения), мир Бодхисаттвы и мир Будды.

Мир ада – это состояние, в котором жизнь, оказавшись под полным господством фундаментальных злобных порывов, пребывает в глубочайших мучениях. Мир алчности – это состояние, когда ненасытная жизнь постоянно испытывает жажду. Мир животности – это состояние трусости и страха перед более сильным, чем ты. Мир гнева, или по-другому мир Асуры, – это сильно соперничающая и конфликтующая душа, которая, одерживая победу над другими, становится надменной и бесконтрольной. Первые три из них, то есть ад, алчность и животность, вместе называются «тремя порочными тропами». Вместе с четвертым миром гнева они получили название «четыре порочные тропы». В этих мирах человек испытывает только одно несчастье.

Далее, мир спокойствия, или по-другому мир человека, – это безмятежное состояние, которое человек и человеческое общество обычно приобретают во время отдохновения. Мир радости, или по-другому мир небес, – это состояние, когда все страсти и желания удовлетворены и оттого жизнь переполнена радостью и счастьем. Однако это счастливое состояние, как будто вознесение «на небеса», наступает при получении материальных благ, удовлетворения честолюбия или наслаждений, но не может длиться долго.

Шесть состояний от ада до небес называются «шестью тропами». Поскольку протекание обыденной жизни происходит в этих пределах, буддизм называет это «трансмиграцией жизни внутри шести замкнутых троп».

Тойнби: И одной из практических целей буддийского учения является остановка этого переселения душ внутри этих «шести троп»?

Икеда: Да. Переступить несчастливые состояния жизни и обрести постоянное счастье – это суть буддийской практики. Но при этом следует подчеркнуть, что шесть этих состояний являются неотъемлемыми компонентами жизни. Их невозможно исключить или устранить, да в этом и нет необходимости. Но человек может стремиться к более высоким духовным состояниям и благодаря своему самообладанию сделать свое жизненное состояние более высоким. Благодаря таким усилиям человек выйдет на орбиту стабильного счастья.

Тойнби: Эта практика в таком случае основана на действиях в реальном мире.

Икеда: Да, правильно. За этими шестью тропами следует «мир изучения». Китайскими иероглифами данный мир пишется как «слушающий голос». Это состояние жизни, в котором человек желает понять истину жизни и развивать себя путем получения знаний и опыта своих предшественников.

Стремление к нетленной истине и к радости познания получило название «мир изучения», или «мир слушающего голоса».

Затем следует мир «частичного просветления». Китайскими иероглифами он пишется как «озарение, прикосновение к источникам». Это состояние жизни, в котором человек получает радость от самостоятельно достигнутого озарения путем наблюдения вселенских или природных явлений. Однако и в мире изучения, и в мире постижения старательные усилия человека направлены на повышение и развитие лишь самого себя. Составляя контраст к ним, следующий мир – «мир Бодхисаттвы» – альтруистичен. В нем человек испытывает счастье в спасении других людей. Свойства этого мира наиболее ярко проявлены в практике христианской любви и буддийского сострадания.

И последний, десятый мир – «мир Будды». Этот мир достигается как вознаграждение в результате альтруистической практики бодхисаттвы. «Мир Будды» – это состояние, в котором озаряется конечная истина Вселенной и жизни (в мирах изучения и постижения тоже открываются истины, но только частичные) и достигается реальное ощущение единства себя со Вселенной или космической жизнью. Это состояние просветленности о вечности жизни и состояние абсолютного счастья. Мне думается, что «мир Будды» имеет много общего с Вашей концепцией счастья «полной и вечной удовлетворенности».

Тойнби: Буддизм провел более тщательный психологический анализ, чем любой из тех, которые до сих пор проводились на Западе. Мир изучения и мир постижения причинности, как мне кажется, стали целями южного буддизма. Это благородные и трудные цели, но «мир Бодхисаттвы» превосходит их. Цели южного буддизма, возможно, являются наивысшими из того, чего может достигнуть индивид, но в «мире Бодхисаттвы» индивидуальное «Я» открывает свое сердце, чтобы расширить себя духовно во вселенскую сферу «Я».

Когда я ищу христианские эквиваленты в концепциях и идеалах северного буддизма, я нахожу близкое сходство между Бодхисаттвой, который добровольно отложил свой уход в нирвану, и второй ипостасью христианской Троицы, который временно отказался от своей божественности, чтобы спасти своих братьев-людей (бодхисаттвы спасают также и нечеловеческие одушевленные существа). Подобно Бодхисаттве, воплощенный в человеческий облик Христос страдал (согласно христианскому преданию), подвергая себя тягостям жизни, и его непреодолимое побуждение было таким же, как сострадание Бодхисаттвы.

Икеда: Эти случаи похожи и у них много общего.

Тойнби: Фаза существования Бодхисаттвы, так же как и воплощение Бога в христианской мифологии, являются, по определению, временными и поэтому не могут быть полными или постоянными. Полное и постоянное удовлетворение, испытанное христианским Богом в лице Христа, исходит, я полагаю, из его временного бескорыстного, страдающего самопожертвования путем приостановления своей божественности и страдания от самых наихудших духовных и физических мучений, которые только возможны для человека. Является ли полное и постоянное удовлетворение, достигнутое в «мире Будды», таким же ретроспективным? И является ли состояние бодхисаттвы у Будды подобным состоянию Христа после его вознесения?

Икеда: Христос подверг себя тяготам жизни, что свидетельствует о проявлении в его жизни состояния бодхисаттвы. И в случае Христа, и в случае Бодхисаттвы их душа руководствуется мыслью о спасении других.

В идеалах хинаяны, то есть южного буддизма, скудно проявляется позиция «спасения других». Такая позиция, согласно хинаяне, не столь активна на стадии практики, нацеленной на собственное просветление, но является качеством, ожидаемым после достижения просветления. Однако поскольку просветление, по хинаяне, предполагает «превращение тела в кучку пепла и погашение сознания», достигнув его, человек не будет иметь реального инструмента для спасения других людей.

Вы спросили, сходно ли состояние Бодхисаттвы, который ушел в нирвану, с состоянием Христа после его вознесения. Отвечая на этот вопрос, уместно указать на различие между буддизмом, объясняющим универсальный для всех существований «Закон», и христианством, ставившим в основу своего учения «человекоподобного» Бога и Создателя. Предположение о человекоподобном Боге или Боге-Создателе неизбежно заставляет нас искать абсолютную реальность вне нашей земной жизни, общества и мира. Именно поэтому, как мне кажется, христианство находит эту абсолютную реальность на небесах. В буддизме, в отличие от этого, «Закон» пронизывает все феномены реальной жизни, общества и нашего существования. Он не существует отдельно от нас, следовательно, и «мир Будды» не может существовать где-то далеко от реального общества, а постоянно присутствует как внутри каждой отдельной жизни, так и во всей Вселенной.

Тойнби: Я думаю, что понимаю значение Будды для южного буддизма. Если я прав, ранний буддизм до принятия им греческой иконографии

представлял Будду в нирване пустой страницей, а не антропоморфным изображением, внушенным греческим обликом бога Аполлона. Эта пустота символизирует то, что нирвана есть погашение.

Икеда: Южный буддизм стремится слить индивидуальное малое «Я» со вселенским, универсальным «Я» за счет отрицания и уничтожения малого «Я». Это, безусловно, могло бы считаться наивысшей целью из всего, что только можно вообразить ради спасения этого малого «Я». Однако эта цель не имеет никакого отношения к принесению блага другим существам и именно поэтому в своей основе противоречит главному духу Будды, желавшему спасти всех смертных на Земле.

В противоположность этому буддизм махаяны проповедует путь преодоления алчности или гнева, а также направленного к самосохранению эгоистического начала малого «Я», но не посредством его отрицания, а путем его расширения альтруистическими деяниями и согласования его с универсальным законом, составляющим сущность вселенского большого «Я». Таким образом, учение северного буддизма состоит в том, что индивидуальное «Я» должно быть утверждено и расширено во вселенское «Я».

Тойнби: А в чем состоит доктрина северного буддизма о состоянии будды? Из того, что Вы сказали, я делаю вывод, что для северных буддистов состояние Будды означает завершение расширения индивидуального «Я» во вселенское «Я». Но разве не была достигнута эта цель уже в стадии бодхисаттвы? И не является ли последующая ступень – «мир Будды» – более высокой формой удовлетворения?

Икеда: Разница между «миром Бодхисаттвы» и «миром Будды» в том, что предыдущий является процессом для достижения последнего. Согласно «Сутре Лотоса», квинтэссенции буддизма махаяны, цель жизни Шакьямуни-Будды заключалась в том, чтобы привести всех людей без исключения к тому состоянию просветления, которое испытал он сам. В качестве дороги, ведущей к этой цели, он указал на альтруистическую практику бодхисаттвы.

Китайский буддийский учитель Чжи И (538–597), известный еще и как Тянь-тай, проанализировал «мир Бодхисаттвы», разделив его на 52 ступени, из которых пятьдесят вторая есть просветленность будды. Если понимать «мир Бодхисаттвы» как состояние, в котором уже совершено полное расширение малого «Я» во вселенское большое «Я», то получается, что в теории «Десять миров» не предусмотрен процесс установления большого «Я» для человека, привязанного к нераскрепощенному малому «Я». Это

означало бы отсутствие того пути, следуя по которому всякие люди могли бы раскрыть в себе состояние будды.

Просветление Будды и состояние будды можно сравнить с личностью, постигшей универсальный закон, существующий во Вселенной и пронизывающий ее. Это перекликается с Вашей «высшей духовной реальностью» за пределами Вселенной. Это душа, которая ощущает целостность с этим вселенским законом.

Следовательно, состояние будды не подлежит определению специфическими или частичными характеристиками. Его невозможно описать иначе как «вечное удовлетворение» жизни, безграничной в пространстве и бесконечной во времени. Речь идет о реальном состоянии внутреннего мира человека. И это просветленное состояние внутреннего мира находит четкое отражение в феноменальном мире в виде альтруистических действий, в мире бодхисаттвы, в мире радости, в мире спокойствия и прочих. Другими словами, в то время как в буддизме хинаяны все завершается истреблением малого «Я», в буддизме махаяны утверждено большое «Я» послужит той живительной почвой, на которой все остальные девять миров малого «Я» смогут проявлять свои самые созидательные стороны и функции.

Развертывая теорию «Десять миров», буддизм махаяны утверждает, что по сути своей все формы жизни без исключения включают в себя все эти десять миров. Следовательно, любая жизнь, не говоря уже о человеческой жизни, таит в себе природу Будды. На этом основывается буддийская идея безусловного уважения и неприкосновенности жизни. На этом также зиждется его утверждение о возможности духовного совершенствования любого человека, и проявления природы Будды в реальной жизни. Буддийский принцип самосовершенствования жизни согласно теории «Десять миров», как я понимаю, имеет общую позицию с «самообладанием», о чем говорили Вы.

Жизнь как реальность, течение и сущность

Теория «Десять факторов» для понимания динамики жизни

Икеда: Любая жизнь есть динамичная сущность, которая, последовательно сохраняя свои уникальные свойства, с каждым мгновением меняется во взаимодействиях с внешним, окружающим ее миром.

До сих пор я рассказывал Вам о теории «Десять миров», которая классифицирует состояния жизни на десять категорий и объясняет ее с точки зрения

субъективного ее ощущения. Далее буддизм проводит интерпретацию жизни по временным разрезам. Например, берется одно мгновение из потока жизни, скажем, когда в ней проявляется мир радости, и рассматривается то, как эта жизнь взаимодействует с внешним миром, какие физические изменения сопровождают ее, какие характерные черты в ней проявляются и какую тенденцию влечет за собой данное состояние на диаграмме потока жизни.

Этот подход называется теорией «Десять факторов» жизни, представляющей собой своего рода закон движения относительно изменяющегося состояния жизни.

Данная теория приводится во второй главе «Сутры Лотоса», которая называется «Главные средства для достижения истины». Согласно этой теории, жизнь в любом временном разрезе независимо от того, какой из десяти миров проявлен в ней в тот или иной момент, имеет десять факторов, а именно: *вид, натура, сущность, сила, действие, внутренняя причина, связи, латентное следствие, видимое следствие и согласованность их от начала до конца*.

Первый фактор – *вид* – означает внешность и форму жизни, соответствует *ке-тай* (*истине преходящего существования*) по теории *Сантай* (*три восприятия истины*). *Натура* – это определенный характер. Если говорить о человеке, то это его нравы, душа, интеллект и психика. По теории *Сантай*, второй фактор соответствует *ку-тай* (*истине несубстанциализированного существования*). Далее, *сущность* – это самая суть и субъект жизни, который проникает в материальную реальность как *вид* и в нематериальную реальность как *натура* и интегрирует их в единое целое. По теории *Сантай*, этот третий фактор соответствует *чу-тай* (*истине срединного пути*).

Приведенные выше три фактора (*вид, натура и сущность*) – это описание фактической реальности самой жизни. Это три точки зрения в подходе к вопросу, что такое жизнь.

Тойнби: То есть можно сказать, что первые три элемента из «десяти факторов» соответствуют *ку-тай, ке-тай и чу-тай* из *Сантай*, о которой говорилось раньше, и они объясняют подлинную форму жизненной силы как единства.

Икеда: Да, это верно. Таким образом, жизнь представляется как гармоничное единство, в котором взаимодействуют три составляющих фактора: вид, натура и сущность. Остальные семь факторов служат объяснением функций и работы жизни как закономерности движения такого единства.

Четвертый фактор – это *сила*, которая обеспечивает активность жизни. Когда эта *сила* возникает и обращается во внешний мир, то появляется пятый фактор – *действие*. Далее, *внутренняя причина* и *латентное следствие* – это не те причины и следствия, которые обнаруживаются физически или химически в материальном мире. Но это те причины и следствия, которые заложены и закладываются в глубине самой жизни. Их причинно-следственные *связи* невозможно полностью проследить в измерениях пространства и времени. К такому буддийскому пониманию причинно-следственных связей, происходящих внутри жизни, в широком смысле этого понимания относится и то сальдо, которое остается в «балансовом листе кармы», как Вы выразились ранее.

Тойнби: Я думаю, законом жизни является карма. Действия имеют последствия, и эти последствия неизбежны. Они, однако, не являются непоправимыми, они могут быть изменены к лучшему или худшему, дальнейшими поступками. Каждое живое существо имеет свой баланс кармы, и если я понимаю правильно доктрину школы «Сутры Лотоса» северного буддизма, баланс кармы никогда не подводится окончательно, потому что бесконечна серия возрождений.

Я обращаю внимание на то, что в этой сфере отношения представляются не как причинные в том смысле, в котором причина и следствие применимы к физическим взаимоотношениям.

Икеда: Если описать эти внутренние причины и следствия жизни под другим углом, прибегая к аллегории, то я думаю, что допустимо сказать следующее. В процессе жизнедеятельности внутренние причины и латентные следствия, находящиеся в глубине жизни, проявляются на поверхности феноменального мира, мигрируя через ее физические и психологические действия. Когда мы снимаем данные таких проявлений, выраженные в измерениях времени и пространства, то они вроде бы совпадают с физическим законом причины и следствия, установленным с помощью статистических методов или анализа вероятности.

Если проследить явления жизни за достаточно длительный срок, то можно обнаружить закономерные связи между причинами и следствиями, хотя, как правило, они оставляют место для неопределенности. Безусловно, что для человека такая неопределенность прямых связей между причинами и следствиями становится несравнимо больше, чем в случае других живых существ или же неживых существ. Но, несмотря на это, все равно все внутренние причины одной жизни придают ей определенную тенденцию, которая со

временем становится все более очевидной, и, в конечном счете, находят свои отражения в конкретных событиях, происходящих с этой жизнью.

Возвращаясь к объяснению «Десяти факторов» жизни, буддизм утверждает, что внутренняя причина образуется во взаимодействиях жизни с внешним миром. Эта взаимозависимость и связанность жизни с окружающим миром является седьмым фактором – связи. В глубинных слоях жизни, когда образуется внутренняя причина, одновременно образуется и восьмой фактор – латентное следствие. Это латентное следствие в свою очередь, опять же опираясь на седьмой фактор – связанное начало, – выходит на реальную плоскость бытия как результат. Этот результат есть девятый фактор – видимое следствие. Поскольку познавательная способность человека привязана ко времени и пространству, мы можем только догадываться об этих внутренних причинах и латентных следствиях путем внимательного и пристального наблюдения за видимыми следствиями.

Последний десятый фактор называется «согласованность их от начала до конца», что указывает на интеграцию и гармоничность всех факторов жизни. Подлинная реальность жизни, состоящая из вида, натуры и сущности, с одной стороны, и активный поток жизни, в котором содержатся сила, действие, внутренняя причина, связи, латентное следствие и очевидное следствие, – с другой, вместе являются интегральным синтезом. Основу этой гармонии составляет десятый фактор – «согласованность их от начала до конца».

Тойнби: Буддийский анализ динамики жизни, как Вы его объясняете, более детален и проницателен, чем какой-либо из известных мне современных западных анализов.

Если я правильно Вас понял, буддийская концепция «Десять факторов» не отличается от моего личного представления о вызове и ответе, в отличие от детерминированного и постоянного отношения причины и следствия, выступая сущностью отношений в сфере реальности, в которой участники взаимоотношений являются живыми существами, а не неодушевленными объектами.

Икеда: Если Ваш вызов и ответ – явление, происходящее в самой жизни, то это может быть иным способом выражения того, что в буддизме называется законом причины и следствия. Там, где есть вызов, обязательно будет и ответ, поскольку это происходит согласно закону жизни.

Например, когда человек совершает зло, в этот момент он предчувствует, что получит соответствующее воздаяние независимо от того, предусмотрено

наказание для этого случая по государственному закону или нет. Возможно, это потому, что мы – разумные существа и глубоко внутри знаем, что в самой жизни существует закон. Тогда что же это за закон жизни? И если мы сможем понять его, то сможем более четко определить для себя, как прожить эту жизнь и что делать.

11. РОЛИ, КОТОРЫЕ ИГРАЕТ РЕЛИГИЯ

Религия как источник жизнеспособности

Икеда: Мировая история помнит различные цивилизации, которые подобно живому организму рождались, пребывали свой срок и уходили со сцены.

Возьмем, к примеру, историю Египта. В течение всей его истории от древних времен до настоящего времени в Египте сменились многочисленные цивилизации. За эпохой фараонов, при правлении которых были построены пирамиды, последовала эпоха раннего христианства, затем исламская эпоха и наше республиканское время. Все цивилизации в свое время достигали разной степени развития, но в общем потоке времени каждая из них проходила процесс возникновения, развития и упадка.

Говоря о динамике развития цивилизации, я бы хотел обратить внимание на следующие два вопроса. Во-первых, что это за основные факторы, обеспечивающие развитие и жизнеспособность цивилизации? Во-вторых, что служит тем источником, который, одухотворяя возникновение цивилизации, определяет ее основополагающий характер?

Что касается первого вопроса, то, на мой взгляд, необходимыми факторами, способствующими образованию и развитию цивилизации, являются социальная структура, коллективная жизнь и свободное время. Эти три фактора тесно связаны с повышением производительности, что рождает излишек продуктов, времени и кадров. В результате в обществе появляется возможность кормить художников, архитекторов, поэтов, богословов и управленцев.

На самом деле для того, чтобы проводить крупномасштабные проекты, оставляющие после себя какие-либо исторические памятники, необходимо мобилизовать огромные людские ресурсы. Такой ресурсной базой могут послужить хорошо организованные социальные комплексы. Кроме того, свободное время раскрывает в человеке творческое начало.

Тойнби: Созданию цивилизации способствовали условия, при которых производился излишек продуктов питания и других материальных предметов потребления, превышающий минимальные материальные потребности для

существования. Производство этого излишка позволило создать экономически невыгодные творения – могильные курганы в отдаленном местечке города Сакай в Японии, египетские и мексиканские пирамиды, храмы майя и кхмеров. Излишек также позволял ведение войн и содержание меньшинства, которое избавлялось от нужды тратить время на производство предметов первой необходимости и поэтому тратило его частично на легкомысленные поступки и наслаждения, а также частично на церковную литургию, теологию, администрацию, архитектуру, изобразительное искусство, литературу, философию и науку.

Возникновение, рост и сохранение цивилизаций зависели от творческой работы меньшинства из среды привилегированного меньшинства. Взаимодействие масс способствовало тому, что эта творческая работа приносила свои плоды. Общая религиозная вера являлась духовной связью, которая делала возможным это взаимодействие, несмотря на несправедливость распределения продукта совместных усилий всех классов сообщества и на неправильное использование большей части излишка продукта на ведение войн и обеспечение роскоши для привилегированного меньшинства, которое в большинстве случаев не давало обществу никакой адекватной пользы.

Икеда: Разумеется, что одни излишки и свободное время не могут быть достаточными условиями для образования цивилизации, или точнее, не могут давать людям направление творческой деятельности. Производственная деятельность человека всегда имеет ясную цель – производить по возможности лучшие продукты с максимально возможным запасом для покрытия нужд повседневной жизни. Но, в отличие от этого вопрос о том, на что использовать свободное время и излишки, появляющиеся в результате роста производительности труда, остается открытым. Это требует целей и направления. Я считаю, что такую цель, или направление, как Вы сказали, задает общая религиозная вера. Иначе говоря, излишки производственной мощи, социальные организации, человеческие нужды – все это сырой материал, необходимый для построения цивилизации, но он не является «духом», вдохновляющим ту или иную цивилизацию. Помимо материалов нужна еще некая общая предпосылка, которая может даже быть важнее материалов, позволяющая людям осознать цель свободной деятельности – «для чего строить». Это служит отправным пунктом, мотивирующим и мобилизацию людских ресурсов, и намерение проектировщиков цивилизации. Как правило, люди находят эту предпосылку в своих религиозных и философских убеждениях.

Например, появление пирамид в Древнем Египте было обусловлено не только наличием рабочей силы, организованностью общества, экономической мощью и инженерно-техническими знаниями египтян того времени, но было стимулировано таким пониманием жизни и смерти, которое вызвало необходимость создания громадных погребальных монументов. Я полагаю, что религиозная идея поддерживала желание египтян отдавать невероятную физическую энергию на эти проекты. Можно сказать то же самое относительно других исторических архитектурных памятников. Храмы и алтари майя, ацтеков или инков были плодами их собственных религиозных идей и энтузиазма.

Тойнби: Я считаю, что тип цивилизации есть выражение ее религии. Я полностью согласен с тем, что религии были источником жизнеспособности, которые порождали цивилизации и поддерживали их существование более трех тысяч лет в случае с Египтом фараонов и с Китаем от возникновения государства Шан* до падения династии Цин в 1912 году.

Две самые ранние цивилизации были созданы на потенциально богатых почвах Египта и Юго-Восточного Ирака. Но чтобы эти почвы стали плодородными, требовались широкомасштабные дренажные и ирригационные работы. Преобразование неблагоприятной природной среды в пригодную искусственную окружающую среду должно было достигаться организованным трудом масс людей, работающих на отдаленную перспективу. Это предполагает возникновение руководства и широко распространенное добровольное желание следовать указаниям лидеров. Общественная жизнестойкость и гармония, которые сделали возможным такое сотрудничество, должны были возникнуть из религиозной веры, которую разделяли вместе с лидерами и их ведомые. Эта вера должна была стать духовной силой, которая дала возможность осуществить в экономике основополагающие общественные работы, принесшие экономический прибавочный продукт.

Война и социальная несправедливость – это две врожденные социальные болезни цивилизаций. Религия являлась той духовной силой, которая какое-то время удерживала каждое цивилизованное общество от распада, несмотря на истощение его жизнеспособности, порождаемое этими двумя смертельными социальными недугами.

Под религией я понимаю отношение к жизни, дающее людям возможность преодолевать трудности человеческого бытия, предоставляя удовлетворительные в духовном плане ответы на фундаментальные вопросы относительно тайны Вселенной и роли человека в ней и давая практические

наставления о жизни во Вселенной. Всякий раз, когда какой-то народ терял веру в свою религию, его цивилизация становилась жертвой внутреннего общественного разложения и иностранного военного нападения. Цивилизация, распавшаяся в результате утраты веры, затем заменялась новой цивилизацией, вдохновляемой иной религией.

Примерами такого исторического феномена являются: падение конфуцианской китайской цивилизации после Опиумной войны и возникновение новой китайской цивилизации, в которой на смену конфуцианству пришел коммунизм; падение египетской цивилизации фараонов и греко-римской цивилизации и их замена новыми цивилизациями, вдохновляемыми христианством и исламом. Покинутые церемониальные центры майя в Южной Гватемале остаются необъяснимой загадкой. Мы не располагаем никакими документальными свидетельствами о причинах этого. Наиболее убедительная догадка, однако, состоит в том, что крестьяне, вероятно, отказали служителям культа (священникам) в экономической поддержке, потеряв веру в способность этих священнослужителей сделать жизнь более сносной.

Икеда: Я не понимаю, почему одни нации, которые смогли создать собственные цивилизации, полностью исчезли, когда их цивилизации пришли в упадок, в то время как другие впитывали и усваивали элементы культуры других цивилизаций, чтобы идти в ногу со временем и оживить свою собственную культуру.

Примерами первой категории являются инки, ацтеки и майя в Америке. Ко второй категории относятся египтяне и японцы. Европейцы не сталкивались с подобной ситуацией в прошлом. Мне кажется, что в их случае период исторического испытания является не прошлое, а нынешнее время.

Тойнби: Я согласен с тем, что успешное усвоение элементов иностранных цивилизаций представляет собой большую ценность и достоинство. Япония дважды успешно справлялась с таким вызовом в своей истории. В шестом–седьмом веках нашей эры она ассимилировала китайскую версию индийского буддизма и вместе с ней саму китайскую цивилизацию. В последнее столетие Япония ассимилировала современную западную цивилизацию. Народы континентальной Юго-Восточной Азии и Индонезии ассимилировали индуизм и буддизм. Вьетнамцы ассимилировали китайскую цивилизацию, а индонезийцы, после того как они ассимилировали индуизм и буддизм, ассимилировали еще и исламскую цивилизацию. Доколумбовы цивилизации в обеих Америках и цивилизации в Африке к югу от Сахары, существовавшие до воздействия на этот регион арабов и

европейцев, исчезли, это правда. Будучи ранее изолированными географическими преградами, они неожиданно были атакованы агрессорами, обладавшими неотразимо более превосходящим оружием. Но они представляют собой исключительные случаи.

Икеда: Народы, в которых еще живет память о своей цивилизации, которую они не сумели сохранить, должны были испытать глубочайшее горе и печаль, осознав бренность всего сущего. И за этой скорбной историей стояла жестокость господства европейских завоевателей в истории Нового времени. Лишь только во второй половине двадцатого века древние традиции этих народов начали возрождаться благодаря тому, что в мировом сообществе усилилось уважение к национальной самостоятельности. Кроме того, в силу ожесточения конфронтации между развитыми странами их колониальная политика стала неприемлемой и несостоятельной.

Однако такое возрождение традиций и обычаев угнетенных народов пока что носит пассивный характер. Во многих отношениях такое оживление – это не более чем проявление покровительственной политики со стороны развитых стран, результат растущего интереса к культурной антропологии или просто-напросто шоу ради туристов. Но со временем, когда произойдет настоящее возрождение национальных культур, которое будет исходить от самих этих народов, оно станет по-настоящему созидательной силой, позволяющей им овладеть ситуацией и осилить трудности.

Тойнби: Как Вы сказали ранее, западные народы, которые в течение последних пяти столетий предпринимали агрессию против всего остального человечества, теперь отброшены в оборону и должны принять тот вызов, с которым Япония сталкивалась дважды. У греков и римлян имелся такой же опыт. Их военная и политическая агрессия против своих восточных соседей в конечном счете спровоцировала религиозное контрнаступление. В Средиземноморском бассейне они, в конце концов, были обращены в христианство. Греческие завоеватели регионов, которые ныне относятся к советской Центральной Азии и Западному Пакистану, были обращены в буддизм. Этот эпизод греко-римской истории, в котором нам известен его конец, – это нам предупреждение относительно одной из вероятностей, которая может быть ныне уготована для современного Запада.

Икеда: Возможно, что западная культура столкнулась с угрозой упадка. Если это так, то нам необходимо знать больше о том, как вырастают и процветают новые цивилизации.

Хотя мы пришли к единому мнению, что религия вдохновляет людей на создание цивилизаций, для меня все еще не ясно, в чем кроется причина слабости, которая препятствует иным народам совершить культурное возрождение, когда однажды в дни бедствий их цивилизации оказываются в упадке?

Тойнби: Как я уже указывал, я полагаю, что успех или неудача культуры глубоко связаны с религией народа. То есть судьба цивилизации определяется качеством религии, на которой она основана.

Три западных религии

Икеда: В течение всей истории религия являлась источником, питающим корень разных цивилизаций. Однако современная западная цивилизация, напротив, пошла по пути отвержения религии, и в этом смысле ее можно охарактеризовать как нерелигиозную цивилизацию. Это неоспоримый факт. И в то же самое время людей волнует вопрос об утрате религии в ее подлинном смысле этого слова. Поэтому вопрос о необходимости религии постоянно вызывает дискуссии как у тех, кто за, так и у тех, кто против. Однако если понимать религию в более широком смысле, то можно сказать, что современная научно-технологическая цивилизация тоже базируется на своеобразной «религии». На мой взгляд, стремление людей нашего времени к материальному благосостоянию и веру в научный прогресс вполне можно считать современной «религией».

Тойнби: Я категорически согласен с той точкой зрения, что современный Запад не утратил, а сменил свою религию. Я считаю, что человеческие существа не могут жить без религии или философии. Между этими двумя разновидностями идеологии не существует четкого различия.

Икеда: Сущность религии составляет содержание учения о жизни человека, а не исполнение обряда. Если исходить из того, что религия есть философия жизни, то безоглядное стремление современников к материальному благосостоянию и их убежденность в научно-технологическом прогрессе фактически никак не отличаются по сути от религии.

Этот момент важен как для понимания характера научно-технической цивилизации, так и для поиска дальнейшего направления ее развития, что является актуальной задачей современного общества. Другими словами, понимание сути современной религии поможет нам оценить то, как изменится наша цивилизация и когда для нее тоже наступит время уступить

дорогу другой цивилизации, точно так же как когда-то Египет обратился в христианство, а затем в ислам, и как Европа подверглась изменениям в эпоху Реформации*.

Тойнби: Поскольку западная цивилизация в ее современном виде распространялась – частично силой и отчасти в результате добровольного выбора – по всему миру, очень важно определить и оценить современную западную религию, или религии. Если верно, как это мне представляется, что религия цивилизации – это источник ее жизнестойкости и что утрата веры в эту религию ведет к падению и замене этой цивилизации, то новейшая религиозная история народов Запада – это ключ к пониманию современного состояния и перспектив будущего человечества в целом, теперь, когда весь мир в определенной мере стал европеизированным.

Западная цивилизация вытеснила греко-римскую цивилизацию, когда христианство пришло на смену религиям и философиям греко-римского мира. Христианство продолжало оставаться главной религией – на самом деле единственной религией – Запада почти до семнадцатого века христианской эры. В самом конце семнадцатого века христианство стало утрачивать свое долговременное влияние на западную интеллигенцию. На протяжении следующих трех столетий отступление христианства продолжало распространяться все более широко во всех классах западного общества. В то же самое время одновременное распространение современных западных институтов, идей и идеалов – или утрата идеалов – среди неевропейского большинства человечества ослабило влияние их собственных потомственных религий и философий – восточной православной формы христианства в России, ислама в Турции и конфуцианства в Китае.

Согласно моей интерпретации, западная религиозная революция семнадцатого века была гораздо более великим и более значительным разрывом в последовательном течении истории Запада со времени обращения Римской империи в христианство в четвертом веке. Разрыв семнадцатого столетия – это, в моем представлении, намного более важное историческое событие, чем предшествовавший раскол западной христианской церкви на католический и протестантский лагеря и прежний, по сути поверхностный Ренессанс* на западе дохристианской греко-римской цивилизации.

Икеда: Действительно, в семнадцатом веке одно за другим происходили эпохальные события, которые потрясли основания христианской церкви в светской жизни и привели к утрате авторитета теологии перед наукой. В первой половине этого столетия разыгралась Тридцатилетняя

война, последняя трагедия, в которой была предпринята безуспешная попытка разрешить религиозные разногласия политической и военной силой. После этого горького урока постепенно стал утверждаться принцип невмешательства политической власти в религиозные споры. Также в первой половине семнадцатом веке Галилео Галилей, поддержавший гелиоцентрическую теорию, предложенную Н. Коперником, преследовался инквизицией. Примерно в то же время Рене Декарт создал основы современного рационализма. Научная деятельность И. Ньютона относится ко второй половине семнадцатого и первой половине восемнадцатого века.

С точки зрения истории развития идеи Ваше утверждение о том, что семнадцатый век испытал значительно большие изменения, чем Ренессанс или Реформация, убедительно. На самом деле и Ренессанс, и Реформация являются реформами, которые происходили внутри христианской мысли и, следовательно, не сотрясали основу самой христианской веры. По сравнению с ними события семнадцатого века были по сути дела такими реформами, которые поставили под угрозу само христианство, поскольку обостряли отношения между верой и политикой, а также между теологией и наукой.

Тойнби: Религиозное изменение в ходе семнадцатого века ошибочно интерпретировалось только как негативное событие, а именно как упадок христианства. Не признавалось, что человеческая натура не терпит религиозного вакуума и что, следовательно, когда прародительская религия общества ослабляется, то рано или поздно она должна смениться другой или многими другими религиями.

В моем представлении, вакуум, создавшийся на Западе регрессом христианства в семнадцатом веке, был заполнен подъемом трех других религий: веры в неизбежность прогресса в результате систематического приращения науки в технике, национализма и коммунизма.

Для западного мышления сосуществование более одной религии в обществе труднодостижимо, потому что прародительская религия Запада, христианство, была наиболее нетерпимой из трех религий иудаистского происхождения, считающих себя исключительными. Переход западных народов к идеалу и практике религиозной терпимости, которая была негативным аспектом их реакции в семнадцатом веке против католико-протестантских религиозных войн, нанес смертельный удар западному христианству, в одинаковой мере и католическому, и протестантскому. С другой стороны, в большинстве нехристианских стран сосуществование нескольких религий было нормальным положением. Даже ислам, который, подобно христианству, унаследовал дух исключительности иудаистского монотеизма, обязался в самом

Коране быть терпимым к двум другим иудаистским религиям, иудаизму и христианству, при условии, что их последователи подчинятся мусульманскому политическому господству. В дохристианском греко-римском мире, среди индуистов и в Восточной Азии сосуществование нескольких религий и философий считалось как нечто само собой разумеющееся. В докоммунистическом Китае внедрившийся религиозно-философский буддизм мирно сосуществовал с первородным религиозно-философским даосизмом и даже, за редкими исключениями, с официально принятой философией – конфуцианством. В Японии буддизм сосуществовал не только мирно, но и в сотрудничестве с синтоизмом, а при режиме Токугавы неоконфуцианство (конфуцианство школы Жу Си) получило, если я не ошибаюсь, статус, почти сравнимый со статусом буддизма и синтоизма.

Икеда: Бесспорно, многие праведные буддисты и синтоисты были традиционно наиболее терпимыми к религиозным верованиям других людей. Во многих случаях японцам удавалось счастливо примирять учения буддизма, синтоизма и конфуцианства.

Более того, традиционные японские религии в заметной форме стали сосуществовать и с двумя из тех трех, упомянутых Вами видов веры, заполнивших пустоту после ослабления христианства, – с национализмом и верой в научный прогресс.

Как известно, синтоизм образовал наиболее явный союз с национализмом в период от реставрации Мэйдзи (1856) до окончания Второй мировой войны, когда синтоизм выступал духовной опорой для империализма Японии. Несмотря на то что после поражения Японии в войне духовный символизм синтоизма потерял большую часть своей силы и официальный союз между синтоизмом и национализмом распался, его влияние все еще полностью не исчезло.

Синтоизм также нашел своеобразные связи с прогрессом научной технологии. Заводы, оснащенные самым современным технологическим оборудованием, и высотные здания самого совершенного дизайна нередко включают маленькие синтоистские святыни. Перед закладкой фундаментов на площадках для новых железобетонных зданий почти неизменно совершается древняя синтоистская церемония очищения земли.

Эти примеры дают основание сказать, что в случае Японии не совсем адекватно считать, что вера в научный прогресс, национализм и коммунизм заполняли вакуум, образованный ослаблением традиционных религий. Именно здесь наш опыт отличается от опыта европейцев, которые сознательно выбрали новую веру в результате духовного борения.

Тойнби: Я согласен, что ситуация действительно выглядит иначе. Однако для более полного сравнения позвольте мне изложить некоторые подробности относительно того, как вера в научный прогресс, национализм и коммунизм стала занимать важное место в мышлении и убеждениях европейских народов. Осознанное принятие Западом современной веры в научный прогресс можно приравнять к основанию Королевского общества в Британии в 1661 году.

Королевское общество было основано членами английской интеллигенции, которые были потрясены гражданской войной семнадцатого века в Англии и были разочарованы ее политическими последствиями. Они признали, что в Англии гражданская борьба осложнена теологическими спорами. Они справедливо считали, что эти споры дискредитируют христианство, вредны для светского общества и интеллектуально безрезультатны, поскольку обсуждаемые вопросы не могут найти ответы в разумных убедительных терминах. Королевское общество предназначалось для того, чтобы уменьшить эти вредные последствия при помощи переориентации интеллектуального интереса с теологии на науку и переключении практического действия с религиозного и политического спора на развитие в сфере технологии. Основатели полагали, что есть возможность достижения беспрецедентных успехов в технологии, если систематически использовать в этих целях науку. Они считали, что успех в технологии обязательно приведет к успеху в повышении благосостояния. Они не осознавали, что любая энергия, включая энергию, созданную передовой научной технологией, является морально нейтральной и что она может быть использована как во благо, так и во зло.

Религии, основанной на их идеалах, был нанесен смертельный удар в 1945 году, когда научное открытие строения атома и технологическое применение этого открытия в виде освобождения атомной энергии с помощью цепной реакции были немедленно употреблены во зло для создания бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки.

Икеда: По-видимому, осознание учеными моральной нейтральности научного прогресса не было столь глубоким и реальным до тех пор, пока они не испытали две мировые войны. В эти войны человечество вложило всю свою экономическую мощь и все возможные научно-технические силы, а в результате пережило трагический исход и всеобщее бедствие.

Тойнби: Национализм как вторая подмена традиционной западной религии — это культ коллективной власти отдельного человеческого сообщества.

В отличие от веры в научно-технический прогресс, национализм не является новой религией: он возрождение старой. Таковой была религия городов-государств дохристианского греко-римского мира. Она была реанимирована на Западе в эпоху Ренессанса, и это реанимирование греко-римской политической религии было гораздо более эффективным, чем оживление греко-римского стиля в литературе, изобразительном искусстве и архитектуре. Западный национализм той эпохи, вдохновленный греко-римскими политическими идеалами и институтами, унаследовал динамизм и фанатизм христианства. Примененный на практике в ходе американской и французской революций, он оказался чрезвычайно заразительным. Сегодня фанатический национализм, наверно, составляет 90 процентов в религии, пожалуй, 90 процентов человечества.

Коммунизм, третья из религий, заполнивших вакуум, вызванный мышлением семнадцатого века, – это восстание против социальной несправедливости, которая так же стара, как сама цивилизация. Теоретически христианство и все другие докоммунистические религии и философии осуждали социальную несправедливость, но в этом отношении их теория все еще не была осуществлена на практике. Коммунизм справедливо критиковал всех своих предшественников, но, сконцентрировав свое внимание и усилия на искоренении социальной несправедливости, впал в нетерпимость, свойственную христианству, и в исключительность, характерную для всех религий иудаистского происхождения.

Коммунизм фактически представляет собой христианскую ересь, которая, как и прежние ереси, настаивала на отдельной христианской заповеди, которую игнорировала христианская официальная церковь. Мифология коммунизма – это еврейская и христианская мифология, переведенная на атеистический язык. Единственный и всемогущий Бог Яхве был переведен как «историческая неизбежность»; «избранный народ» был переведен как «пролетариат», которому исторической неизбежностью предначертано торжество; тысячелетнее царство Христово было переведено как отмирание, в конечном счете, государства. Коммунизм также унаследовал от христианства мессианскую убежденность в обращении в свою веру всего человечества. Христианство и коммунизм, конечно, не единственные миссионерские религии; ислам, буддизм и вера в научно-технический прогресс – это такие же религии миссионерского толка.

Икеда: Я замечаю один общий момент, отличающий эти новые религии – веру в научный прогресс, национализм и коммунизм – от таких более старых религий, как христианство, буддизм и ислам. В то время как старые религии

стремились контролировать и подавлять человеческую алчность и учили человека самообладанию, новые, похоже, возникли или, по крайней мере, используются ради раскрепощения и удовлетворения этой алчности. Я считаю это основной характерной чертой новых религий, и в этой черте, на мой взгляд, кроется суть проблем, с которыми остро столкнулись все эти религии.

Тойнби: Я думаю, Вы правы. Поэтому я чувствую необходимость в религии нового типа. Впервые в истории человечество социально объединено путем распространения по всему миру современной (по своему происхождению, современной западной) цивилизации. Вопрос о будущей религии человечества возникает потому, что существующие ныне религии оказались неудовлетворительными.

Будущая религия не должна быть обязательно полностью новой религией. Она может быть новой версией одной из старых религий, но если произойдет возрождение какой-либо из старых религий в такой форме, которая соответствовала бы новым потребностям человечества, то вполне вероятно, что она была бы так радикально трансформирована, что стала бы почти неузнаваема. Это потому, что условия человеческой жизни радикально изменились в наше время.

Будущая религия, которая должна создать и поддерживать существование новой цивилизации, должна быть религией, которая позволит человечеству бороться и преодолеть пороки, представляющие в настоящее время серьезные угрозы выживанию человечества. Самыми трудно преодолимыми из этих пороков являются старейшие: алчность, которая стара как сама жизнь, а также война и социальная несправедливость, которые так же стары, как цивилизация. Новым пороком, который вряд ли менее основателен, является искусственная окружающая среда, которую человечество создало, используя науку и технологии для служения алчности.

Икеда: У меня точно такое же мнение. Будущая религия будет призвана стать почвой для рождения новой цивилизации и служить опорой для ее поддержания. Ей предстоит бороться с различными проблемами современного мира. И то, что Вы классифицировали эти проблемы как алчность, присущую человеческой жизни, войну и социальную несправедливость, присущие цивилизации, и искусственную окружающую среду, также совпадает с моими взглядами.

Алчность – это тот порок, который обитает внутри индивида. Война и социальная несправедливость – это проблемы, возникающие между людьми, то есть в социальной жизни. Разрушение окружающей среды – это трение

между человеком и природой. Эти три сферы – индивидуум, общество и природа – определяются в буддизме как три сферы существования.

Согласно данной концепции, три сферы существования состоят из сферы пяти компонентов, что означает разнообразие внутри индивида, отражающее отношения с самим собой, сферы живых существ, что подразумевает межчеловеческие отношения и отношения между индивидом и обществом, и сферы окружающей среды, что означает отношения между человеком и окружающей его природной средой. В этой концепции под словом «сферы» понимается неоднородное пространство, состоящее из многообразия компонентов. Буддизм рассматривает эти три сферы как пространства, обязательные и необходимые для существования жизни. При этом любой феномен, возникающий в одной из этих сфер, тесно переплетается с двумя остальными сферами.

Я верю, что для коренного излечения болезней современного мира, в конечном счете, нужно приложить усилия к оздоровлению отношений между этими тремя сферами существования. Это невозможно без осознанных усилий каждого человека, направленных на постоянное самосовершенствование. В этом я вижу призвание будущей религии.

Возвращение к пантеизму*

Икеда: Как Вы считаете, наблюдается ли существенное различие в характерах между западными и восточными религиями, или, как Вы говорите, между иудаистскими и индийскими религиями?

Иудаизм, христианство и ислам – это монотеистические религии, не допускающие компромисса с другими божествами. Когда человек обращается в христианство, он должен отказаться от прошлых верований и полностью принадлежать своему новому и единственному Богу. Религиозная исключительность, как мне представляется, была одной из важных характеристик черт истории развития западной цивилизации.

Тойнби: Буддизм подобен христианству и исламу в том, что он – миссионерская религия, однако он отличается от них своим влиянием на регионы, в которых он распространялся. Буддизм не вытеснял добуддийские религии и философии Индии и Восточной Азии. Он сосуществовал с ними; следовательно, его принятие не вело к нарушению преемственности культуры, как это было в результате введения христианства и ислама в регионах на западе от Индии, а также на индийском субконтиненте, где ислам успешно завоевывал плацдарм. В Индонезии индо-буддийская традиция была настолько сильна, что ислам был вынужден прийти к примирению с ней.

По этой причине нарушение в преемственности культурного развития было чрезмерным в Индии и Восточной Азии, когда, и только тогда, когда иудаистская религия, которую несли современные западные агрессоры, поразила эти регионы постхристианскими формами веры в науку, в коммунизм и национализм, неся заряд христианского фанатизма. Национализм, который также захватил Индию и Восточную Азию, – это западная версия дохристианского греко-римского культа коллективной власти местного сообщества. Однако национализм, как и коммунизм и вера в науку, был подготовлен психологически, получив заряд христианского фанатизма, в результате того, что он возрождался в бывшей христианской среде.

Икеда: В случае Востока, хотя его культурное течение и прерывалось такими западными влияниями, его духовная основа, на которую опирается его культура, оставалась нетронутой. Восток не испытал существенные перемены в своих цивилизациях. Если же говорить о Западе, то перемены, напротив, происходили в самом фундаменте его культуры и цивилизации вследствие замены религиозной веры.

Тойнби: На Западе культурная революция прошла две отдельные стадии в течение двух разных периодов, и только на первой из этих двух стадий (обращение Запада в христианство) разрыв преемственности был вызван влиянием иноземной религии. Второй разрыв, в котором христианство было заменено тремя постхристианскими западными религиями, не был вызван каким-либо воздействием извне. Замена христианства тремя постхристианскими религиями была чисто внутренней революцией, хотя эта революция, как и предыдущая, была радикальной.

В отличие от цивилизаций на западной оконечности Старого Света после обращения этого региона в христианство и ислам, культуры Индии и Восточной Азии оставались стабильными до нашествия западных постхристианских религий. Я согласен, что различие между культурами Индии и Восточной Азии, с одной стороны, и современной западной культурой – с другой стороны, объясняется различием в характере их соответствующих религий.

Икеда: Различие между монотеизмом Запада и пантеизмом Востока очень впечатляюще в человеческой цивилизации. В условиях, установленных монотеистической верой, возвышенная необходимость соотносить все и всех с всемогущим Создателем определяет общество и цивилизацию. В результате оно становится четко структурированным во всех его отношениях и уровнях. Это в свою очередь затрудняет принятие инородных

элементов и сосуществование с ними. Следовательно, отношение к новым или чужим элементам определяется понятием «победа-или-поражение», или же «всё-или-ничего». Именно из-за этого, как мне кажется, исторические перемены в западных обществах носили коренной и тотальный характер.

В отличие от этого пантеистические общества терпимы к иноземным культурам и идеям, поскольку пантеизм с самого начала признает разнообразие. Поэтому при исторических переменах такие общества принимают самые разные новые элементы, но без смены своего фундамента. Какие бы новые элементы ни прибавлялись к нему, общество сохраняет свою основную преемственность.

Тойнби: Иудаистские религии сконцентрировали элемент божественности во Вселенной на единственном, всемогущем Боге-Творце вне Вселенной, и это ограничение божественности лишило природу, включая человеческую природу, ее святости. В противоположность этому в Индии и в Восточной Азии до влияния современного Запада вся Вселенная и все в ней, включая нечеловеческую природу и самого человека, были божественны и поэтому в глазах человека обладали неприкосновенностью и достоинством, которые сдерживали человеческое побуждение удовлетворить свою алчность насилием над нечеловеческой природой.

Индийским и восточноазиатским мировоззрением, в отличие от иудаистского монотеизма, является пантеизм. С пантеистической точки зрения, божественность неотъемлемо присуща Вселенной и пропитывает всю Вселенную. С монотеистической точки зрения божественность изымается из Вселенной и становится внешней по отношению к ней – то есть божество превращается в исключительность.

На западной оконечности Старого Света и в Америках традиционные местные культуры – центральноамериканская, перуанская, шумерская, греко-римская и египетская, а также ханаанская, являвшаяся культурой израильтян до их перехода к монотеизму, – были такого же типа, как и культуры Индии и Восточной Азии до воздействия со стороны современного Запада. Во всех доиудаистских культурах, везде религия была пантеистической, а не монотеистической. Нынешние приверженцы иудаистских монотеистических религий и постхристианских заменителей иудаистской религии христианства, все они являются экс-пантеистами. Этот исторический факт наводит на мысль, что теперь, когда они поняли безнравственность последствий отсутствия в монотеизме уважения к природе, можно надеяться на то, что они возвратятся к пантеистическому отношению.

Икеда: На религиозные взгляды современного человека решающее влияние, главным образом, оказали следующие два изменения. Во-первых, в результате значительного увеличения сил человек стал способным переделывать природу так, как ему удобнее, и его производственная деятельность стала не так зависима от природных условий. Во-вторых, благодаря развитию транспортных средств для многих людей большие расстояния стали легкопреодолимыми.

В прошлом, когда человек был вынужден жить и работать в ограниченных пределах естественных условий, он считал мистическим все то, что превосходило его собственные силы. Я считаю, что именно такое отношение к природе порождало пантеистический взгляд в ранних религиях. Если это так, то поскольку современный человек благодаря науке и технике, создателем которых он сам и является, пользуется свободой в покорении и использовании природы, я думаю, что современникам довольно трудно возвращаться к пантеизму.

Такое превосходство человека над природой таит опасность сделать человека надменным. В самом деле, разрушение окружающей среды было вызвано бесконтрольной алчностью и самоуверенностью человека, что в свою очередь стало угрожать его же существованию. Можно не сомневаться в том, что человек получил превосходство над отдельными элементами и явлениями природы. Однако человеческим силам не подвластна сама великая природа с ее целостной связанностью всех компонентов и с ее совершенной цепью жизни этих компонентов. Слепая самоуверенность современного человека и подвела его к нынешней безвыходной ситуации.

Есть области, где человек действительно превосходит природу. Но есть и другие области, лежащие в основе природной системы, где научно-технические возможности человека оказываются бессильными. Нам необходимо признать наличие этих двух разных аспектов взаимоотношений между человеком и природой. Когда современные люди придут к этому пониманию и начнут правильно распознавать их, будет более понятно то, какова должна быть позиция будущей религии и какую роль она должна сыграть для человечества в будущем.

Тойнби: Подобно некоторым другим более недавним усилиям человека, земледелие и животноводство являются человеческим вмешательством в нечеловеческую природу, однако их воздействие скорее выглядит как сотрудничество, нежели как насилие. Способность человека к насилию была ограничена, поскольку физическая сила, бывшая в его распоряжении, была почти исключительно силой мускулов. Однако эта способность стала

практически неограниченной, когда в период промышленной революции он стал использовать в огромных масштабах невероятно большую физическую мощь, которой обладают силы неживой природы. Это стало этапом, на котором данное человеку Богом, как следует из доктрины иудаистского монотеизма, разрешение на эксплуатацию нечеловеческой природы стало оказывать важное практическое воздействие.

Когда западный человек завоевал господство над природой с помощью систематического применения науки в технике, его вера в то, что ему позволено эксплуатировать природу, открыла ему «зеленый свет» для удовлетворения своей алчности путем предельного использования широких ныне и постоянно растущих технологических способностей. Его алчность не сдерживалась пантеистической верой в то, что нечеловеческая природа божественна и что она, как и сам человек, обладает достоинством, которое должно уважаться.

Примечательно, что в семнадцатом веке, когда жители Запада того времени сменили наследованное от предков христианство на постхристианскую веру в науку, они отказались от теизма, но сохранили происходящую от монотеизма веру в то, что имеют право эксплуатировать нечеловеческую природу. В соответствии с прежними христианскими заповедями они уверовали в то, что они являются слугами божьими, имеющими божественное позволение на эксплуатацию природы при условии, что они будут поклоняться Богу и признавать его права собственности – его суверенное право, выражаясь юридическим языком. В семнадцатом веке англичане отрубили голову Богу, как и королю Карлу I; они экспроприировали Вселенную и объявили, что они более не временные ее арендаторы, а свободные землевладельцы – абсолютные собственники. Религия науки, как и национализм, теперь распространились по всему миру. В равной мере как коммунисты, так и не коммунисты являются националистами и приверженцами религии научного прогресса. Именно эти постхристианские религии, происходящие из современного Запада, привели человечество к его нынешнему нелегкому состоянию.

Икеда: С точки зрения перспективы человеческой цивилизации можно сказать следующее. Западная монотеистическая позиция эффективна для обеспечения прогресса в рамках каких-либо отдельных областей человеческой деятельности, таких как наука и технология. В то же самое время восточная пантеистическая позиция более подходит для сохранения разнообразия человеческого общества и защиты экологической системы от разрушения и загрязнения. Эти две позиции должны не противостоять

друг другу, но взаимно дополнять друг друга. Существует и возможность разрешить их противоречия и получить синтез.

Я прихожу к выводу, что будущая религия должна быть способна вывести цивилизацию на более высокий уровень как в сфере науки, так и в области философии. Она не будет отвечать требованиям времени, если не сможет удовлетворить человека с двух сторон: научной и философско-духовной. Другими словами, у нее должна быть возможность решать и западные кризисы, и восточные страдания, возможность объединить всех людей для решения различных проблем, которые существуют сегодня и могут возникнуть завтра. Найти такое универсальное духовное учение для всего человечества – злободневная задача, стоящая перед современниками.

Тойнби: Сейчас нам необходимо срочно восстановить в отношениях между человеком и нечеловеческой природой стабильность, которая была нарушена промышленной революцией. Путь к технологической и экономической революции был открыт предшествовавшей религиозной революцией на западной оконечности Старого Света. Эта религиозная революция была заменой пантеизма монотеизмом. Я считаю, что человечеству необходимо возвратиться к пантеизму. Мы должны возвратиться к нашему первоначальному уважительному и почтительному отношению к достоинству нечеловеческой природы. Нам необходимо то, что мы могли бы назвать правильной религией, которая помогла бы совершить это.

Правильная религия – это та, которая учит уважению и святости всей природы. Неправильная религия это та, которая позволяет удовлетворять человеческую алчность за счет нечеловеческой природы. Я прихожу к выводу, что религия, которую нам необходимо принять, – это пантеизм, проявляющийся в синтоизме, и что религия, от которой нам необходимо нынче избавиться, – это иудаистский монотеизм и постхристианская нерелигиозная вера в научный прогресс, которая унаследовала от христианства веру в то, что человечество имеет моральное право эксплуатировать остальную Вселенную ради удовлетворения человеческой алчности.

Икеда: Я согласен с Вашим определением правильной и неправильной религии. Но у меня есть одно возражение. Это относится к Вашей оценке синтоизма.

Я, конечно, согласен с Вами в том, что Вы определили синтоизм как религию, которая происходила из признания святости всей природы. Но у синтоизма отсутствует философское основание, подтверждающее такую святость. В основе его признания святости природы лежит привязанность и любовь к унаследованному от предков родному краю. В этом смысле он

естественно относится к локальному культу природы, и святость природы тесно связана с воспоминанием о предках, которые выступают посредниками между человеком и святостью природы. Поэтому у него довольно сильна тенденция к национализму. Самым негативным проявлением такой склонности синтоизма в истории нашей страны стало утверждение Японии как «Божьего государства». Таким образом, синтоизм может допускать такие крайне эмоциональные и категоричные утверждения из-за того, что он не подкреплен рациональной философией. Поэтому я расцениваю синтоизм как религию, которая имеет гармоничное отношение к природе, но в то же время несвободна от закрытости и исключительности по отношению к другим нациям. Возможно, подобная закрытость присутствует не только у японского синтоизма, но и у других местных верований, имеющих пантеистические взгляды.

Тойнби: Синтоизм, как и многие другие подобные религии, вполне очевидно имеет хорошие и плохие черты. В моем представлении, в синтоизме и дохристианской религии греков и римлян одной положительной чертой является то, что эти религии освящали силы природы и, внушая человеку благоговейный страх перед природой, в какой-то мере ограничивали его алчное побуждение ее эксплуатировать. У синтоизма, как Вы сказали, имеется слабая сторона, которая присутствует, как я думаю, в дохристианской религии греков и римлян.

Природа включает в себя человеческую природу. Сам человек – неотъемлемая часть природы даже тогда, когда он отличает себя от нечеловеческой природы, чтобы эксплуатировать ее. На той стадии человеческого развития, когда человек, будучи по своей природе социальным животным, начинает организовывать человеческое общество в большие и эффективно выстроенные сообщества, коллективная человеческая мощь становится одной из наиболее могущественных сил природы – такой же могущественной, как ураган, гроза, землетрясение или наводнение. Поэтому на этой стадии человеческого развития поклонение коллективной человеческой силе – семьям, государствам, церквям и другим элементам системы отношений между человеческими существами – перевешивает поклонение другим силам природы, а боги, которые первоначально символизировали эти силы, призываются на службу в качестве символов человеческих институтов.

Эта новая функция была навязана синтоизму в девятнадцатом веке, после реставрации Мэйдзи в Японии; около двадцати шести веков до этого она была возложена на богов греческого пантеона. Они должны были служить символами коллективной мощи города-государства, когда греческий

мир политически разделился на несколько суверенных яростно соперничающих городов-государств.

Я согласен, что это серьезный недостаток поклонения природе. Этот тип религии как в его оригинальной неполитической форме, так и в его конечной политической версии по своему духовному уровню ниже, чем высшие религии.

Икеда: В этом отношении, судя по самому содержанию учения, а также в связи с историческим опытом, очевидно, что буддизм как высшая религия обладает компонентами и характером, отличными от подобных поклонений природе в его подходе к пантеистическому мировоззрению. Опираясь на универсальность закона жизни и Вселенной, буддизм преодолел эмоциональную ограниченность, присущую местным пантеистическим верованиям.

Буддизм исходит из того, что в основе существования мироздания существует универсальный закон жизни, пронизывающий и пропитывающий все сущее и всех смертных. Иными словами, это учение для приведения отдельных существ в гармоничное согласие с этим внутренним основополагающим законом, что в свою очередь создаст возможность мирного сосуществования человека и природы. В отличие от пантеистических богов, которые символизируют силу природы или силу нации, буддийские боги символизируют аспекты разных функций самой жизни. А жизнь по буддизму понимается как первозданная ценность, которая является универсальным атрибутом всякого человеческого и нечеловеческого существования, в том числе и неживого. По этой причине буддизм с самого начала не оставляет места для идеологии, ставящей отдельную группу людей выше других, как это утверждается в национализме.

Тойнби: Я понимаю, что Вы подразумеваете под природой буддизма. И это вновь возвращает меня к сути того, что я назвал высшими религиями. Этим термином я назвал такие религии, которые приводят индивидуального человека в прямой контакт с высшей духовной реальностью, вместо того чтобы давать ему только косвенный контакт с ней через посредство либо нечеловеческой силы природы, либо института, воплощающего коллективную человеческую мощь. Высшие религии, в данном здесь определении, являются именно такими, которые необходимы современному человеку.

Икеда: Нет никаких сомнений в том, что высшие религии в таком определении нужны современным людям. При этом я обратил бы внимание еще на один крайне важный момент. Это вопрос об основе религии. Что

должно стать основой таких высших религий или будущей религии человечества? Должен ею стать Бог, или «Закон»?

По моему мнению, современный человек должен полагаться на религию, основанную на универсальной системе законов. Потому что религиозное мировоззрение, опирающееся на вселенский закон, способно обрести соответствие с разумом человека, выстоять испытание рационального мышления и, более того, стать лидирующим у современных логических умов.

Тойнби: То есть Вы спрашиваете, какая религия более эффективна и более ценна – теистическая или правовая. Теизм описывает высшую духовную реальность как антропоморфную (человекоподобную). Бог – человекоподобное представление абсолютной реальности. Греческие, индуистские и скандинавские боги описывались как человекоподобные даже физически. Иудейский бог Яхве, который признан христианами и мусульманами, воображается как бестелесный и невидимый, но в иудейских священных писаниях Яхве наделяется человеческими эмоциями – ревностью и гневом – и он, как полагали, действовал под влиянием этих страстей. Так сказать, он предположительно действовал таким образом, который справедливо осуждается и порицается в людях.

Люди жаждут человекоподобной абсолютной реальности, даже в виде капризного тирана, потому что в человеческом обществе дети нуждаются в помощи и наставлениях человеческих родителей, в то время как взрослым необходимы лидеры, с которыми они связаны не родством, а доверием к более высокой мудрости или более сильной воле лидера. Тем не менее было бы неразумным пытаться найти удовлетворение этой жажде в антропоморфном представлении высшей духовной реальности. Нет никакого доказательства, что абсолютная реальность человекоподобна, и в высшей степени немыслимо, что она действительно напоминает человека, поскольку человек лишь только одно из явлений, являющихся компонентами природы. Я согласен, что универсальная система законов жизни, подобная той, которая представлена в буддизме, возможно, была бы менее ошибочным представлением высшей духовной реальности, чем пантеон – Зевс, Афина и Аполлон или единственный Бог – Яхве.

12. ДОБРО И ЗЛО, МОРАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Смесь добра и зла (добро и зло в природе человека)

Икеда: Я хотел бы остановиться на вопросе о том, что является первоосновой человеческой природы – добро или зло. С древних времен эта тема была важной частью многих философских дебатов. Широко известно, что в истории конфуцианства, в Китае, Мэн-цзы* выдвинул доктрину об исходной доброте человеческой природы, но против него выступил Сюнь-цзы* с полярным утверждением – об исходном зле природы человека. Христианство учит о первородном грехе, что близко к доктрине об исходном зле. А во взглядах Жан-Жака Руссо содержатся похожие взгляды на доктрину об исходном добре.

Защитники идеи первоначального зла подчеркивают необходимость управления человеком извне. А сторонники идеи исходной доброты человека, наоборот, утверждают, что нужно устранить или свести к минимуму такие внешние, связывающие человека силы и оставить его в максимальной свободе. Однако я считаю, что первооснова природы человека – это не добро и не зло, а скорее она объединяет в себе и то и другое.

Тойнби: Я согласен с тем, что человеческая природа не является ни добродетельной, ни злой изначально и по существу. Потенциально она и добродетельна, и зла, и человеческая природа каждой отдельной личности из нашего опыта – это смесь того и другого. Пропорции разнятся, однако обычно и добродетель, и зло присутствуют в какой-то мере в человеческой природе. Вероятно, никогда не было реального человека, который был полностью добродетельным или всецело злым.

Икеда: Буддизм учит, что вся жизнь – включая Будду, который обладал благороднейшим характером, – включает в себя и добродетельные, и злые свойства.

Поскольку человеческая жизнь содержит в себе и добро, и зло, следует максимально развивать и расширять добрую сторону человеческой природы

и пытаться контролировать плохую. Однако я должен сразу же добавить, что такой контроль не должен осуществляться при помощи принудительной социальной силы, но эта цель может быть достигнута путем развития внутренней силы самоконтроля.

Тойнби: Эта смесь добродетели и зла в человеческой природе представляется мне следствием отношения между живым существом и Вселенной. Живое существо частично отделено от остальной Вселенной, но оно также частично связано с ней. Это отношение дает человеку возможность выбора позиций и поведения.

Человек может пытаться господствовать над остальной Вселенной и эксплуатировать ее: то есть превратить себя в самый центр Вселенной и в смысл ее существования. Пока человек преследует это алчное желание, его поведение будет злом. Но у него есть альтернатива попытаться посвятить себя Вселенной и послужить ее интересам, а не своим собственным. Пока он следует этому «любящему желанию», его поведение будет добродетельным. Опыт, которым располагает каждый из нас относительно себя и других людей, вскрывает постоянную борьбу между этими двумя побуждениями в каждом человеке. Эта борьба начинается на восходе сознания и заканчивается только при старческом слабоумии или со смертью.

Икеда: Мораль, этика и на более глубоком психологическом уровне религия – это средства управления, которые дают возможность реализовать, как Вы говорите, «любящие желания», а также помогают восторжествовать над алчностью в сложном внутреннем борении человеческой души.

Я хотел бы рассмотреть это внутреннее борение на конкретном примере. Человек порой задается вопросом, несколько наивным по оформлению, но трудно решаемым. Это вопрос о том, почему не прекращаются убийства, несмотря на то что каждый знает, что это зло? Он выражает наше общее недоумение, почему человек совершает аморальные поступки, зная, что это плохо?

Моральное воспитание человека начинается в сравнительно раннем детстве с помощью родителей и школы, а также благодаря чтению книг. Однако эти знания о морали не автоматически становятся нормой или парадигмой поведения человека. Более того, человек часто поступает против них. Причина этого в том, что человеком управляет не только разум, но и эмоция. Так как мораль относится к сфере разума, то ему не всегда подвластно обуздать эмоциональные поступки человека.

Эмоциональная система человека, как и у животных, построена на основе сознания «Я», которое по своей природе функционирует эгоцентрически. Человек может не совершать добро, зная, что он должен это делать, и может совершать зло, зная, что это нельзя. В конечном счете это происходит потому, что он находится во власти своего собственного «Я». При этом в зависимости от ситуации «Я» может расширяться до семьи, друга, нации, страны и так далее.

Тойнби: Источником психической энергии индивидуального живого человеческого существа, а поэтому его более высокой духовной энергии, является, я уверен, высшая духовная реальность. Энергия, поступающая от этого источника, проходит через автономную жизнь (*эго*) индивидуума и может направляться этим *эго* как на добрые, так и на злые цели. Под добром и злом мы подразумеваем то, что является добром или злом для окружающих эту живую личность собратьев, для нечеловеческих живых существ и для всей Вселенной в целом.

Естественным стремлением этого субъекта—*эго* является попытка господствовать и эксплуатировать остальную Вселенную. В качестве альтернативы этот субъект может посвятить себя другим людям и вещам, но этот альтруизм в противоположность эгоизму является *a tour de force*, актом воли, то есть выдающимся поступком.

Икеда: Для того чтобы моральные знания нашли прямое отражение в поступках человека, он должен уметь контролировать свое *эго*. Я думаю, что применение социальных санкций тоже может иметь некоторую эффективность, но не может быть решающим инструментом для обеспечения нравственности человека. Об этом красноречиво свидетельствуют никак не прекращающиеся убийства, несмотря на тяжелейшее наказание, предусмотренное за это законодательством каждого государства.

Тойнби: Альтруизм достигим лишь при самодисциплине, самообладании, самоотречении, а если возникнет необходимость, то самопожертвовании. Совершать зло вопреки велениям своей совести легко; вероятно, невозможно полностью погасить страсть, разве только с помощью самоуничтожения, и очень трудно направлять желание полностью на путь любви и самопожертвования.

Икеда: Я согласен. Много людей доброй воли прилагали немало усилий для преодоления своего эгоистического «Я». Среди них были и люди, которым удалось доказать, что это возможно. Для этого одни пытались

отказаться от всяких земных желаний, а другие – победить эго практикой всеобщей любви.

Я ни в коей мере не собираюсь отрицать того, что эти люди служат достойными вершинами в духовной истории человечества, но главная проблема в том, что такая практика была доступна лишь горстке незаурядных людей.

Для большинства людей даже понятие всеобщей любви, равно как и другие моральные ценности, остается не более чем знанием. И по этой причине в реальной жизни люди все равно поддаются суеде, будучи охваченными эгоистическими порывами.

Тойнби: Как Вы указываете, пока только незначительное меньшинство людей вообще когда-либо пыталось погасить страсть полностью или посвятить себя безусловной любви. Следовательно, до настоящего времени человеческое общество (система отношений между человеческими существами) трагически аморально и социально неудачно, если судить по нормам поведения, установленным для всех человеческих существ их сознанием.

Средний уровень морального поведения не улучшился. Нет никакого доказательства того, что так называемые цивилизованные общества превосходят в моральном отношении так называемые примитивные общества; то есть те, кто жил в эпоху нижнего палеолита, и те, кто живет сегодня, находятся, в сущности, на моральном уровне палеолита. Прогресс, который мы называем цивилизацией, – это развитие в технике, науке, лишенное человечности применение мощи, это не улучшение в нравственности, то есть в этике.

Каждое улучшение в технологии привносит с собой увеличение мощи, а мощь может быть использована во благо или во зло. Наиболее тревожной особенностью сегодняшнего общества является то, что мощь, дарованная технологией, недавно возросла до беспрецедентного уровня с беспрецедентной скоростью, в то время как средний уровень морального или аморального поведения человеческих существ, которые сейчас обладают этой чрезвычайно выросшей мощью, остался неизменным или в действительности, возможно, даже снизился.

Икеда: Совершенно верно. В то время как человечество успешно прогрессирует в технологиях, его нравственный уровень, наоборот, имеет тенденцию к падению. Это вызвано, на мой взгляд, невежеством человека и иллюзиями, что технологические силы якобы могут заменить его нравственность или компенсировать отсутствие морального воспитания. Разоблачение этой

иллюзии могло бы стать первым шагом к выходу из нынешнего кризисного положения, созданного самим человеком в современном мире.

Тойнби: Мы отдаем себе отчет об этой расширяющейся пропасти между мощью и нормами поведения. Пропась стала трагической с открытием способа деления атомного ядра при цепной реакции и с немедленным злоупотреблением этим открытием для сбрасывания ныне уже устаревших атомных бомб на Хиросиму и Нагасаки, а также для последующего накопления улучшенного – если это слово может быть использовано в данной связи – атомного оружия в таком масштабе, который дает возможность человеческим существам многократно уничтожить всю жизнь на этой планете.

Трудно определить, как в атомный век человечество может избежать массового самоубийства, если оно не повысит средний уровень своего поведения до уровня, которого достигли Будда и св. Франциск Ассизский. Основатели и позже сторонники высших религий и философий за последние двадцать пять веков сформулировали нормы поведения, которые в атомный век требуются от каждого, если человечество намерено спасти себя от самоуничтожения. Но эти более высокие стандарты поведения фактически достигнуты на практике только крошечным меньшинством. Большинство признало обоснованность этих стандартов, но отнеслось к ним как к «советам по совершенствованию», следования которым бессмысленно ожидать от обычных людей.

Икеда: Совершенное самообладание – это слишком трудноосуществимая задача для большинства людей. Но силы, препятствующие обретению самообладания, находятся не на сознательном уровне, куда относятся страсти, а на более глубоком психологическом уровне. Поэтому несправедливо осуждать человека за его слабую волю, когда он не может обрести самообладания. Если наши подсознательные функции не дают нам возможности обрести самообладание, то целесообразнее было бы искать силы и функции, дающие нам самообладание, в подсознательности человеческой психики и открыть им дорогу для выявления. Я глубоко верю в то, что все люди без исключения обладают потенциальной способностью решить эту нелегкую задачу самообладания. Ключевой вопрос состоит в том, как перевести в реальность эту потенциальную способность человека.

Тойнби: «Советы по совершенствованию», о которых я говорил, стали исключительно необходимы для выживания сейчас, когда человечество, сконцентрировав свои усилия на увеличении эффективности технологии,

безрассудно и преждевременно ввергло себя в атомный век. Можно вообразить, что каждый человек способен подняться на уровень святости. Тем не менее представляется невероятным, что большинство человечества предпримет необходимое трудное духовное усилие, несмотря на широко распространенную осведомленность о том, что ценой за неспособность ответить на моральный вызов атомного века может оказаться самоуничтожение нашего рода.

Я прихожу к выводу, что выживание человечества сегодня более ненадежно, чем когда-либо с тех пор, как человечество установило свое господство над нечеловеческой природой. Угроза выживанию человечества исходит от самого человечества; человеческая техника, которой злоупотребляют так, чтобы она служила дьявольским целям человеческого эгоизма и злобности, представляет собой более смертельную угрозу, чем землетрясения, извержения вулканов, штормы, наводнения, засухи, вирусы, микробы, акулы и саблезубые тигры.

Икеда: Несомненно, это так. Коль скоро современная угроза выживанию человечества исходит от самого человечества, то ключ к устранению этой угрозы должен находиться также в руках человечества.

В конечном счете, суть вопроса о том, как перевести моральные знания в практику, сводится к тому, как относиться к человеческому эго. Истребить его нельзя. Я верю, что для человека подлинно нравственный путь лежит в признании эго и в возможности в одних случаях активно мобилизовать его, а в других – его сдерживать. Таким образом, сделать моральное учение доступным для практического применения обычными людьми.

Распространение морали как знания недостаточно. Коль скоро речь идет о духовном росте человечества, необходимо глубокое и общечеловеческое преобразование, добровольно совершаемое внутри каждого индивидуума. Во всяком случае философия, ставящая перед человеком цель самосовершенствования, обязана дать ее последователям реальную возможность достижения такой цели. Именно этот вид преобразования я подразумеваю под «революцией в душе человека».

Отношение к желаниям

Икеда: У человека возникают разные желания. Прежде всего они связаны с инстинктом человека как живого существа и проявляются в различных потребностях для сохранения жизни. Наряду с ними человек испытывает желание славы, стремление к власти, жажду знаний, страсть к красоте и всякие

другие земные желания. Любовь и сочувствие – присущие человеческому существованию чувства – тоже относятся к желаниям или страстям в широком смысле этого слова.

Отличительной чертой характера современной цивилизации стала активная поддержка усиления любого желания человека, в частности инстинктивных желаний, жажды власти, жажды обладания и так далее. Необузданные желания и жадность вызывают конфликты между людьми и оставляют за собой разрушение окружающей среды.

Тойнби: Я очень сильно обеспокоен ролью страстей, особенно алчности, в современном мире.

Икеда: Вы постоянно утверждаете, что зло есть продукт эгоцентризма и что эгоизм может быть преодолен религиозной любовью. Я согласен с Вами. Я тоже считаю, что именно религия является наиболее основательной силой для преодоления эгоизма и она призвана найти универсальный путь практики альтруизма, который доступен для всех. Однако если мы предполагаем, что религиозная любовь может подавить эгоизм, то встает вопрос о том, благодаря какому психологическому механизму это произойдет?

По этому поводу я думаю следующее. Как перечислялось выше, у человека возникают разные желания. Среди этих порывов, однако, нужно выделить энергию, которая черпается из глубины самой жизни. Эта энергия могла бы называться «основополагающим желанием», которое настраивает все остальные чувства и потребности человека в русло созидательной гуманности. Под этим «основополагающим желанием» я подразумеваю фундаментальное стремление индивидуума к воссоединению со вселенской жизнью и насыщению себя энергией Вселенной. Иными словами, «основополагающее желание» есть та жизненная сила, которой обеспечивается пульсация жизни в целом и вдохновляется духовная деятельность человека. И я верю в то, что всякие желания, возникающие в человеке, приобретут новую творческую направленность, когда будет обеспечена здоровая взаимосвязь с этим «основополагающим желанием» жизни.

Тойнби: Страсть – это другое название психической энергии, которая порождает и поддерживает жизнь. Страсть, оживляющая отдельную особь живых существ и побуждающая его оставаться живым и поддерживать существование своего вида самовоспроизводством, идентична энергии Вселенной в духовном аспекте этой энергии. Другими словами, страсть идентична абсолютной реальности или, по крайней мере, одному из ее аспектов.

Икеда: С другой стороны, в глубине жизни имеется и отрицательная энергия, которая выводит те необходимые для поддержания жизнедеятельности желания из нормальных пределов и толкает их к завоеванию других людей и разрушению окружающей среды. Ницше* и Адлер* назвали эту силу «волей к власти», а Маркузе*, Фрейд и другие психологи – «подсознательным влечением к смерти».

Я бы называл эту отрицательную энергию, притаившуюся в жизни человека, «дьявольской жадой», поскольку под ее давящим воздействием другие земные желания искажаются в эгоцентрическую форму.

Тойнби: Идентичность каждого отдельного живого существа со Вселенной сосуществует с обособленностью индивида от Вселенной. Эта обособленность может пробудить в каждом отдельном существе одно из двух ответных чувств, которые не только отличаются друг от друга, но фактически противоположны. Одним из них является «любящее» желание гармонии со всей Вселенной, другим – дьявольская страсть поработить и эксплуатировать остальную Вселенную. «Любящее» желание действительно требует самоотречения, а в некоторых случаях оно может потребовать самопожертвования. Любовь – это побуждение посвятить себя служению другим живым существам и Вселенной.

Икеда: Я полагаю, что безумная страсть человека установить свою тиранию над другими людьми или господство над природой – это результат работы разных видов жажды, соединяющихся в «дьявольской жадде». «Дьявольская жажда» разрывает взаимосвязи между «основополагающим желанием» и многими другими желаниями, пытаясь взять их под свой собственный контроль.

Тойнби: Дьявольская страсть является более естественной, чем любвеобильное желание, поскольку обособленная личность есть суть существования живого. Дьявольская страсть стремится привести обособленную личность к своему логическому выводу, возвеличивая ее до центра и смысла Вселенной. Подобно любвеобильному желанию, дьявольская страсть стремится преодолеть разрыв в единстве и гармонии Вселенной, который возник с появлением обособленной личности. Однако эти два альтернативных способа восстановления гармонии противоположны друг другу. Любовь стремится восстановить гармонию самоотречением; дьявольщина стремится восстановить гармонию самоутверждением.

Икеда: Как можно превратить дьявольскую страсть в любвеобильное желание?

Тойнби: Оба чувства являются реакцией на напряженность, созданную расщеплением Вселенной на обособленные самостоятельные личности. Каждое из них требует свою цену. Самопожертвование, которого может потребовать любовь, может пойти на крайность в виде самоуничтожения, и утраченная гармония будет восстановлена исчезновением жизни отдельной личности. Дьявольское чувство – это попытка обособленной личности сохранить жизнь, которая является его сутью. Однако цена этого агрессивного чувства обособленной личности – конфликт и хаос. Агрессивная личность вступает в конфликт с бесчисленными другими агрессивными личностями, и каждая агрессивная личность конфликтует со Вселенной в целом.

Каким образом обособленное живое существо должно посвятить себя, не уничтожая собственную жизнь? И каким образом оно должно отстоять свои права, не вступая в конфликт с жизнью других обособленных личностей и с жизнью всей Вселенной? Эти вопросы навязаны нам нашим опытом. Мы должны задавать их, но мы можем оказаться неспособными дать на них ответ. Цена жизни может оказаться борьбой за решение неразрешимой проблемы в течение всей жизни.

Икеда: Как справляться с земными желаниями – задача, которая всегда остается актуальной для человека, пока он жив.

Для того чтобы человек мог жить по-человечески, он должен постоянно вести внутреннее бореие для подавления «дьявольской жадности» и проявления «основополагающего желания». Такое бореие необходимо, поскольку и «дьявольская жажда» является неотъемлемой частью самой жизни. Но мы можем и должны уменьшить ее влияние, а также стараться держать ее в латентном, пассивном состоянии. Я считаю, что такое постоянное внутреннее бореие является общей кармой человечества.

Тойнби: Согласно южнобуддийским священным писаниям на языке пали*, Будда практиковал и рекомендовал своим ученикам полное погашение любого желания, и его целью было погашение жизни, или, по меньшей мере, погашение жизни, которая нам известна в самих себе и в других психосоматических живых человеческих существах на этой планете, если в этом суть нирваны. Я считаю, что Будда поставил правильный психологический диагноз, утверждая, что если практически достижимо полное погашение желания, то это равносильно погашению самой жизни, переходу из жизни в угасшее состояние.

Икеда: Да. Как Вы говорите, оригинальный смысл нирваны в том, чтобы «потушить огонь», а значит, в «угасании жизненного состояния». Однако эта интерпретация буддизма хинаяны загоняет человека в тупик, так как ведет к исчезновению самого человека. Более того, она в корне противоречит практике самого Шакьямуни-Будды, который ради спасения людей оставался в земной жизни даже после обретения им просветленного состояния.

Буддизм махаяны не делает погашение земных желаний самоцелью. Он учит, что всякие земные желания, потребности и страсти становятся позитивными и контролируемыми, когда человек посвящает себя сострадательной практике утешения печали других людей, принесения им радости, стремясь тем самым к спасению людей и улучшению социальных условий жизни. У меня больше симпатии вызывает объяснение, сделанное учением махаяны, и я считаю, что это более правильная интерпретация учения Шакьямуни-Будды.

В буддизме махаяны проведены детальный анализ форм выявления разных желаний и страстей, оказавшихся в плену «дьявольской жажды», а также оценка их воздействия на жизнь. На основе результата этих аналитических исследований махаяна пытается предложить практические методы по удержанию «дьявольской жажды» в положении пассивности. Вместо отрицания и истребления разных видов жажды махаяна стремится к их переориентировке, освободив их от воздействия «дьявольской жажды».

Независимо от того, является ли это энергией космоса или общества либо это энергия, выражаемая индивидуумом в форме земных желаний, я не согласен с попыткой закрывать, подавлять или уничтожать ее. Любой энергии, в том числе и энергии человеческих желаний, следует дать созидательное направление ради блага жизни. В противном случае подавленные желания уходят обратным потоком в глубинные слои бессознательной части человеческой психики и могут стать, как указывают психоаналитики, причиной различных заболеваний.

Тойнби: Я согласен, что полное погашение желания невозможно, и оно было бы нежелательным, даже если бы было возможным. Оно невозможно по высказанным Вами причинам. Страсть на самом деле нельзя погасить; ее можно либо выдавить из сознательного в подсознательный уровень психики (с вредными последствиями, о которых Вы упомянули), либо альтернативно ее можно сознательно ориентировать на цели, которые являются верными для себя и добрыми для своих собратьев и для Вселенной в

целом. Я полагаю, что человек должен нацеливать себя не на недостижимую цель погашения желания, а на достижимую и желательную цель – направлять желание на добрые дела. Правильно ли я понял различие в анализе, восприятии и цели между южным и северным буддизмом?

Икеда: Да, совершенно верно. И чтобы дополнить Вас, я лишь добавлю то, как Шакьямуни относился к земным желаниям. Шакьямуни-Будда стал проповедовать бренность всего сущего, как я его понимаю, не с целью показать ничтожность и бесценность существования, а с единственным желанием спасти людей от заблуждения и иллюзий эгоцентрического фиксированного мировоззрения. Если применять понятие бренности к эго, то получается «без эго».

Теперь с этой точки зрения попробуем посмотреть на поток нашей жизнедеятельности. Жизнь меняется в каждый момент. В ней появляется то гнев, то радость. Ее охватывает то высокая идея, то мерзкое намерение. Непостоянство состояний жизни, похоже, подтверждает идею «без эго». Однако признание непостоянства своего «Я» неравнозначно отрицанию «Я» вообще. Мы не можем отрицать «Я», последовательно присутствующего в определенной субстанции, осведомленность о которой составляет существенную часть жизни. В самом деле, утверждение о том, что путем полного отказа от своего «Я» человек войдет в безмятежную нирвану, несостоятельно, так как если отказаться от своего «Я», то жизнь потеряет субъект, который должен наслаждаться умиротворенностью нирваны, что в свою очередь сделает бессмысленным само вхождение в нирвану.

Следовательно, в буддизме махаяны, в частности в философии жизни «Сутры Лотоса», нет ни трактовки об отказе от своего «Я», ни цели погашения земных желаний. Вместо этого, утверждая то, что человек получит подлинное ощущение счастья в гармоничном сосуществовании с другими, «Сутра Лотоса» проповедует согласование и гармонию между своим «Я» и всем остальным миром и Вселенной. Для этого «Сутра Лотоса» предлагает альтруистическую практику, полагая, что именно эта практика позволяет человеческим желаниям становиться полезными и созидательными. Иначе говоря, буддизм махаяны учит нас расширить свое индивидуальное «Я» или малое «Я» до вселенского и универсального «Я» и тем самым преодолеть скованное желаниями малое «Я».

Тойнби: Если я правильно понял Ваше объяснение, то, согласно школе «Сутры Лотоса» северного буддизма, нирвана не является прекращением возрождений. Возрождение продолжается бесконечно. Но если «Я»,

которое возродилось, сможет улучшить свою карму, то его жизнь в бесконечной серии возрождений станет состоянием счастья, а не мучения, а счастье состоит в приближении индивидуального «Я» к вселенскому «Я». Идентична ли эта доктрина доктрине школы индуизма, которая верует в то, что сущность индивидуального «Я» тождественна высшей духовной реальности (*Tat tvam asi*)?

Икеда: Как известно, индуизм – это религия, которая родилась, унаследовав индийскую традицию, в то время как буддизм относится к нетрадиционной для индийского общества религии в том смысле, что он пытался изменить его традицию. Несмотря на такое различие, обе эти религии имеют немало общего с идеологической точки зрения. Исторически индуизм и буддизм взаимно внедряли идеи друг друга, но в то же самое время каждый из них утверждал свои собственные взгляды. Буддизм формировал свой канон с использованием брахманизма*, который до буддизма был влиятельным учением в индийском обществе. А индуизм, образованный после буддизма, заметно несет в себе его влияние.

Концепция *Tat tvam asi*, или *Ты есть это*, выдвинутая философией Упанишад*, встречается в основных канонах буддизма, а позже она стала составлять основную идею индуизма. Данный принцип до сих пор является одним из великих открытий и величайших вкладов индийского народа в сокровищницу человечества.

Особенность буддизма махаяны касается способа приближения малого «Я» к универсальному «Я» и заключается в утверждении, а не в отрицании этого индивидуального малого «Я», как это проповедует, например, хинаяна, и в том, что махаяна ставит особое ударение на вхождение малого «Я» в гармоничную интеграцию со вселенским «Я».

Тойнби: Наше суждение о том, какое отношение к страсти является правильным, определяется нашей концепцией о природе реальности. Как мне представляется, абсолютная реальность – это то, что называется здесь «жизнью Вселенной» и в качестве альтернативы – вселенским «Я». Второе из этих описаний более точное. Оно обращает внимание на двойственность и амбивалентность индивидуального человеческого «Я». С одной стороны, индивидуальное «Я» является (в терминах сравнения с физической природой) осколком вселенского «Я». Это фрагмент целого, который отделил себя от целого и старается, пока он следует линии наименьшего сопротивления, защитить себя от остального целого. Пока индивидуальное «Я»

действует таким эгоистическим способом, оно восстает против вселенского «Я» и отчуждает себя от него.

Это неправильное отношение между индивидуальным «Я» и вселенским «Я». До тех пор пока человеческое существо не исправит это, оно не может быть добродетельным или счастливым. Справедливость этого, я думаю, признана всеми людьми доброй воли, независимо от того, являются ли они южными буддистами, северными буддистами, христианами, агностиками или последователями какого-либо другого пути духовной жизни. В чем они отличаются друг от друга, так это в их особой установке по достижению этой общей цели.

Насколько мне позволяют мои поверхностные знания, я считаю, что Вы верно объяснили южнобуддийскую установку по преодолению разделения, противопоставления и напряженности между индивидуальным «Я» и вселенским «Я». Архат стремится восстановить единство и гармонию через погашение индивидуального «Я», которое он правильно отождествляет с полным погашением любых желаний, не проводя различия между желаниями различного рода и не дискриминируя их.

Я согласен с тем, что установка южного буддизма по восстановлению гармонии и единства неосуществима. Индивид, который сможет успешно погасить свое индивидуальное «Я», этим самым не объединяет себя с вселенским «Я». Напротив, он изолирует себя от доступа к вселенскому «Я». Вы указали на справедливость этого, сказав, что мы не можем отрицать «Я», последовательно присутствующего в определенной субстанции, осведомленность о которой составляет существенную часть жизни.

Это парадокс и трудность для «Я». Наше единственное осознание вселенского «Я» и доступ к нему проходит через индивидуальное «Я». Также справедливо то, что до тех пор, пока индивидуальное «Я» следует линии наименьшего сопротивления, оно восстает против вселенского «Я». Но поскольку обе эти истины являются обоснованными, установка южного буддизма слишком проста – фактически, она слишком глупа. Мы действительно должны управлять индивидуальным «Я», но нашей целью должно быть не погашение его, а его переориентация. Это означает, что в понятиях южнобуддийского психоанализа индивидуального «Я» как очага желаний мы должны проводить различие между разными видами желания. Мы должны подавлять и подчинять наши эгоистические желания, но мы должны, как бы ни была велика цена этого для «Я», следовать нашим бескорыстным желаниям гармонии и единства с нашим вселенским «Я».

Икеда: Мне кажется, что способ осуществления этого слияния может быть связан с тем, что Вы называете самообладанием. Чтобы убедиться, что я правильно понял смысл сказанного Вами, пожалуйста, поясните более конкретно, что Вы подразумеваете под самообладанием.

Тойнби: Я подразумеваю под самообладанием покорение желания, принадлежащего малому «Я» человека, в процессе интеграции малого «Я» с вселенской жизнью. Индивидуальное просвещение – это обязательное средство социальной реформы, потому что в ощущаемом мире явлений, в котором мы, люди, живем и действуем, деятелями являются индивидуальные люди. Конкретный путь к достижению этой цели состоит в том, чтобы следовать тропой сострадания, одного из желаний, врожденно присущего индивидуальному «Я». Сострадание – это желание, которое побуждает индивидуальное «Я» расширять спектр своей озабоченности, с тем чтобы охватить все вселенское «Я» в целом.

В этом, несомненно, очень важном аспекте, как мне кажется, северный буддизм находит поддержку религий иудаистской группы (иудаизм, христианство, ислам). Арабское слово «ислам» означает самоотречение, или подчинение индивидуального «Я» служению вселенскому «Я», которое в иудаистских религиях символизируется антропоморфным понятием «Бог». Я нахожу, что неантропоморфический словарь буддизма является более подходящим выражением непередаваемой истины о «Я».

Икеда: У меня такое же мнение. В буддизме вселенское «Я» тождественно вселенской жизни. Согласно буддийской философии, все обособленные отдельные жизни, в том числе и человеческие, в корне своем соединены со вселенской жизнью, составляя вместе единое целое. Другими словами, отдельная жизнь человека – это выделенная вселенская жизнь.

Атрибутом жизни является ее активность и способность порождать мотивацию и действие. Эта жизненная сила рассматривается буддизмом как «Закон», присущий вселенской жизни. В этом я вижу основное различие в понимании, что такое жизнь, в буддизме махаяны и в иудаистских религиях. Если представить себе антропоморфного Бога, как бы ни называли его, Бог или Аллах, то получается, что человек обладает жизненной силой по воле Бога. В этом случае можно даже сказать, что в принципе человек не отличается от механизма, который приводится в действие внешним источником питания. В отличие от этого в случае буддизма махаяны жизненная сила представляется как «Закон». И этот универсальный «Закон» не существует отдельно от живых существ и вне субстанции. «Закон»

пронизывает все сущее и проявляется во всех живых существах как жизненная энергия. Следовательно, по учению махаяны человек постигает озарение единства и целостности человеческой жизни и жизни вселенской, когда он поистине признает этот универсальный «Закон» внутри себя.

Таким образом, различие в понимании человеческого существа и жизни вообще происходит потому, что иудаистские религии восприняли высшую духовную реальность как антропоморфного Бога, а буддизм махаяны – как основополагающий, универсальный «Закон» Вселенной.

Тойнби: Действительно, кажется более убедительным трактовать вселенское «Я» как «Закон» вместо Бога. Более того, южнобуддийский метод покаяния желания представляется менее легко осуществимым на практике, чем в северобуддийском учении.

Северный буддизм и иудаистские религии, как мне кажется, согласны друг с другом в отрицании южнобуддийского предписания относительно человеческого поведения.

Все высшие религии призывают человека преодолевать свои эгоистические желания. Это очень трудная задача.

Икеда: Действительно, преодоление эгоистических побуждений трудно. Но, тем не менее, человек должен стараться разрешить эту трудную задачу. В противном случае возобладает его внутренняя животная природа.

Я думаю, что высшие религии не смогли достаточно ясно разъяснить для себя и для верующих высшую духовную реальность – то, что буддизм называет большое «Я», или вселенское «Я». Именно эта неясность сделала предложенные ими конкретные способы преодоления эгоизма излишне сложными и трудновыполнимыми. Я имею в виду следующее. В проблеме по преодолению эгоистических желаний или негативных чувств видны объекты преодоления, но неясен субъект действия. Понятно, что должно быть преодолено, но нет ясного понимания того, какое «Я» должно выступать субъектом в этом деле и в чем разница между этим «Я» и вселенским «Я».

Относительно этого буддизм разъясняет, что это «Я» – субъект действия в преодолении эго – равно вселенскому «Я». Если смотреть на индивидуальное «Я» просветленными глазами, то становится ясно, что это «Я» не просто отрезанный фрагмент вселенского «Я», но это оно и есть. Речь идет о реальном ощущении человека, когда его жизнь находится в состоянии будды. Имея такое внутреннее постижение, человек в своих действиях с должной скромностью признает себя частью вселенского «Я».

Следовательно, я вижу роль будущей религии в том, чтобы дать человеку силу и мужество для преодоления эгоистических желаний и развития гуманности. Эта религия должна иметь философию, дающую людям возможность правильного понимания жизни и практический рецепт для достижения гармоничного сочетания между индивидуумом и жизнью Вселенной.

Тойнби: В реальности индивидуальное «Я» и вселенское «Я» идентичны. Я полагаю, что *Tat tvam asi* является истиной. Однако *Tat tvam asi* – это просто умственное суждение. Поэтому оно потенциально верно только до той поры, пока его делает справедливым моральный поступок – и он должен быть сделан индивидуальным «Я». Индивидуальное «Я» отчуждается от вселенского «Я» алчностью. Эта алчность есть желание эксплуатировать Вселенную для целей индивидуального «Я»; противоположностью алчности является сострадание. Применяя на практике сострадание, индивидуальное «Я» может действительно стать вселенским «Я».

Значение судьбы

Икеда: Все люди в этом мире рождаются в разных условиях и обладают разными качествами. Одни живут в обеспеченных семьях, а другие в бедных. Одни обладают талантами, другие нет. Также от рождения все люди априори отличаются друг от друга внешностью, характером и способностями. Правда, следует признать, что способности и моральный облик в известной мере развиваются и формируются собственными усилиями каждого человека. Тем не менее возможность развития и проявления потенциальных способностей, а также развитие мировоззрения во многом зависят от окружающих условий, которые человек не может выбирать для себя сам при рождении. Такие внешние условия можно назвать судьбой в том смысле, что они существуют и возникают как неподвластная человеческой воле среда. Кроме того, если учесть разницу в событиях, испытаниях, встречающихся в жизни людей, мы вынуждены признать существование некоей судьбы.

В этой связи возникает вопрос, каким образом формируется судьба и от чего она зависит? Согласно буддийскому учению, жизнь протекает в трех временных ипостасях: в прошлом, настоящем и будущем. Учитывая такую динамику, деятельность индивида в прошлом определяет его судьбу в настоящем времени. Однако христианство толкует судьбу как волю всеведущего, всемогущего Бога. Такое различие между ними в этих позициях представляется для меня очень интересным.

Тойнби: Буддизм и христианство согласны друг с другом в утверждении, что для объяснения человеческих судеб мы должны заглянуть за пределы одной человеческой жизни.

Буддизм утверждает, что судьба индивида определяется его собственной деятельностью (кармой). Если я правильно понимаю буддийскую концепцию кармы, то именно наши поступки создают для нас своего рода этический банковский счет, в котором баланс (он в конкретный момент может быть положительным или отрицательным) постоянно изменяется свежими записями в колонках кредита и дебета. Это объяснение неравенства судеб требует гипотезы, состоящей в том, что личность сформирована до рождения и не уничтожается со смертью. В соответствии с буддийской верой, личность с ее действующим и еще не закрытым балансовым счетом кармы рождается заново после смерти. Смерть и рождение заново могут повторяться любое количество раз.

Христианство утверждает, что судьба индивида устанавливается всемогущим Богом, который создал Вселенную и направляет ее курс к намеченной им цели. Это христианское объяснение требует гипотезы о существовании всемогущего Бога.

Согласно христианской вере, именно Бог возлагает на человека его характер и определяет время, место и социальное положение, в пределах того времени и места, в которых человек был рожден. В отличие от буддистов христиане придерживаются мнения, что человек живет в этом мире только один единственный раз. В соответствии с христианской верой, время его зачатия в утробе матери является временем начала его духовного, равно как и физического, существования. Но христиане согласны с буддистами в том, что человеческая личность не уничтожается со смертью. Несмотря на то что христиане не верят, что человек когда-либо вновь появится в этом мире, они веруют, что он бессмертен и что после смерти его конечный пункт назначения или небеса (возможно, через чистилище) или ад.

Христиане, которые в своей христианской вере в существование всемогущего Бога идут до логического вывода из этого, верят, что человеку предначертано Богом идти в конечном счете на небеса или в ад. Другие христиане верят, что человеческая судьба после смерти определяется, хотя бы частично, его кармой, которая с христианской точки зрения является счетом, который открывается с рождением и закрывается со смертью в течение единственного срока жизни в этом мире. В истории христианской теологии противоречие относительно соответствующих ролей Бога и самого человека

в определении человеческой судьбы так никогда и не было разрешено в общепринятом соглашении.

За последние триста лет все больше и больше жителей Запада перестали верить в доктрины христианства. Многие экс-христиане не верят больше в существование всемогущего Бога или в бессмертие человеческой личности после смерти. Они согласны с христианами в том, что явление человека в этот мир ограничено сроком единственной жизни. Они утверждают, что его судьба в течение его жизни определяется отчасти комбинацией генов, которые он унаследовал от своих предков, отчасти его окружением и частично его кармой в пределах его единственной жизни.

Мне представляется, что эти постхристианские западные верования на самом деле являются христианскими верованиями, выраженными другими словами. Случайное реальное наследие генов индивида эквивалентно случайному судьбоносному акту Бога. Наследие генов тоже случайно, потому что количество возможных комбинаций генов, в сущности, бесконечно. Роль окружения эквивалентна помещению Богом индивида в определенное время и место, и социальную обстановку. Постхристиане Запада согласны с не верящими в предопределенность христианами в утверждении, что судьба человека частично определяется его кармой, хотя, в отличие от христиан и буддистов, они утверждают, что его баланс кармы не влияет на его судьбу после смерти; как считают экс-христиане, у него нет посмертной судьбы, потому что смерть есть уничтожение.

Икеда: Предположение, что человеческое существование ограничено только этой земной жизнью действительно снимает вопрос о том, что происходит с жизнью после смерти. При этом я допускаю, что такое различие в представлении о потусторонней жизни в свою очередь оказывает немаловажное влияние на образ жизни человека в этом мире.

Мне интересно узнать Ваше мнение относительно вопроса о том, почему судьбы людей различаются при их рождении? В этом контексте мне также хотелось бы уточнить, считаете ли Вы, что высшая духовная реальность обладает волей и что от нее зависят судьбы людей?

Тойнби: Как и другие экс-христиане Запада, я верю, что различия в наследственности и окружающая среда частично объясняют разницу в человеческих судьбах. Но я также верю, что карма играет большую роль, чем ей приписывают некоторые мои более детерминистски настроенные экс-христианские западные собратья. Я также отличаюсь от некоторых из

тех, кто, в отличие от меня, не верит в существование какой-либо высшей духовной реальности вне пределов духовного аспекта человеческой природы, с которым мы знакомы из собственного опыта.

Я получил непосредственный опыт кармы из своей собственной жизни и из жизни других людей, которых я прямо или косвенно знаю. Я могу также считать, что карма оказывала воздействие на историю человеческих сообществ и институтов. Они являются системами отношений между смертными людьми, которые сменяют своих предшественников и сменяются в свою очередь преемниками, и при этом система отношений может, и часто это имеет место на самом деле, продолжаться намного дольше, чем продолжительность одной человеческой жизни. Таким образом, свидетельство влияния кармы на историю сообществ и институтов не требует гипотезы, что личность сохраняет непрерывную тождественность в серии рождений и смертей. Непрерывность сохраняется системой отношений, а не индивидуальностями человеческих существ, которые временно связаны через эту систему. Вот три примера из истории Британии, поясняющие то, что я имею в виду под влиянием кармы на историю сообществ и институтов.

В четырнадцатом и пятнадцатом веках англичане вели Столетнюю войну с целью завоевания Франции. Они потерпели неудачу, и это заставило навсегда отказаться от честолюбивого замысла завоевать территорию континентальной Европы и также вынудило их воздерживаться от политического и военного вмешательства в европейские дела, за исключением единственной задачи – предотвратить завоевание Британии континентальными державами. Это явилось успешным погашением дебетовой записи в британском кармическом счете.

В семнадцатом веке англичане были политически неистовыми. Они сражались в гражданской войне, казнили своего короля и возвели над собой военное правительство взамен абсолютного монарха. Этот развенчивающий иллюзию опыт убедил англичан воздерживаться от насилия в своей политике. В этом примере им удалось преобразовать дебетовый баланс их кармического счета в кредитовый баланс.

В восемнадцатом и начале девятнадцатого века работодатели промышленных рабочих в Британии безжалостно эксплуатировали этих рабочих ради своей прибыли. В двадцатом веке британский средний класс раскаялся в своей прежней экономической жестокости и добровольно уступил больше экономической справедливости индустриальным рабочим. Но к тому времени рабочие в целях самозащиты организовали профсоюзы. Эти союзы в

настоящее время стали довольно мощными для того, чтобы вести наступление. Теперь, когда у них появилась сила, они ведут себя безжалостно ради собственной выгоды, так же как работодатели вели себя в прошлом. В этом случае англичане снова пытались обратить дебетовый баланс кармы в кредитовый баланс, но на сей раз они потерпели неудачу. Им не удалось стать милосердными в их экономических отношениях друг с другом. В отношениях между нанимателями и работниками стороны поменялись местами, однако безжалостность в поведении не была устранена.

Икеда: Я полностью согласен с Вашим представлением о карме, образуемой обществом или системой. Поскольку общества являются совокупностью индивидуальных людей, то допустимо рассматривать их в качестве живых организмов более крупного масштаба. Они имеют собственные законы жизнедеятельности, способы роста и распространения и способность к самовоспроизводству. Я считаю эти функции характерными свойствами живого организма. Как крупномасштабные живые организмы общества, институты и народы формируют свои собственные кармы внутри себя. Затем под влиянием этих карм производят новые кармы.

Если это справедливо, то руководителям, возглавляющим нации и общества, необходимо учесть фактор кармы в социальном и историческом масштабе и принимать важные решения с высокой и дальновидной точки зрения с учетом урегулирования «баланса кармы». Близорукие меры, которыми, возможно, эффективно разрешаются текущие политические или экономические задачи, не обязательно успешны в долгосрочной перспективе. Если правитель, претендующий на политический талант и экономическую находчивость, предпринимает одну за другой агрессивные меры, отрицательные с точки зрения баланса кармы страны или общества, то это в конечном счете приведет его людей к катастрофе и несчастью. Япония во время Второй мировой войны была как раз примером того, когда неистовый фанатизм страны и ее действия, совершаемые без оглядки на весомость исторической кармы, привели нацию к плачевному состоянию и к возмещению непомерной цены.

Кроме того, нынешняя ситуация в Японии тоже подает пример того, о чем Вы говорили. Серьезное ухудшение экологического состояния предупреждает нас, что экономический рост, согласно принципу приоритета прибыли во всех отношениях, превращает кармический счет в дебетовый баланс.

Тойнби: Ваши иллюстрации, похоже, подкрепляют мои идеи о карме в широком масштабе. Однако ранее Вы спрашивали о природе высшей духовной реальности.

Я не верю в существование единственного и всемогущего, однако человекоподобного мужского рода Бога, подобного тому, в которого веруют евреи, христиане и мусульмане. Не верю я также и в многочисленность человекоподобных богов как мужского, так и женского рода, подобных индуистскому пантеону и дохристианскому греческому и скандинавскому пантеонам. В то же время я не считаю заслуживающим доверия, что люди или человекоподобные существа на других обитаемых планетах других солнечных систем являются духовно высшими реальностями во Вселенной. Человеческие существа осознают различие между добром и злом. Их сознание говорит им, что они обязаны всегда делать добро, и все же реально они творят зло, по крайней мере чаще, чем наоборот. Их опыт своего собственного доброго поведения и их осуждение своего собственного плохого поведения предполагает веру в существование чего-то лучшего, чем человеческая натура.

Икеда: Другими словами, смирение человека перед высшей непостижимой реальностью влияет на его нравственное поведение. И почтительное осознание человеком этой высшей духовной реальности находит свое выражение в форме религии.

Тойнби: Человеческая натура творит зло в той мере, в какой она не способна преодолеть свое прирожденное себялюбие. Но иногда она действительно преодолевает его. Иногда человек приносит себя в жертву ради чего-то вне его – какого-либо другого человека или группы людей, всего человечества или всей Вселенной. Когда он поступает так, он старается послужить Вселенной, вместо того чтобы пытаться заставить Вселенную служить его собственной эгоистической алчности. Стимулом, который толкает его на самопожертвование, является любовь. Как любовь, так и алчность – это виды желаний, но они направлены на противоположные цели. Алчность пытается подчинить Вселенную ее фрагменту; любовь – подчинить этот фрагмент Вселенной.

Согласно одной из священных христианских книг, «Бог есть любовь». Если бы человекоподобный Бог действительно существовал, то он и ненавидел бы, и так же любил, он был бы и плохим, и хорошим. Именно таким фактически иудаистский Бог предстает в большинстве случаев в иудейских, христианских и мусульманских священных книгах. Хотя я и не верю, что любовь – это действующее лицо или что любовь всемогуща, я действительно верю, что любовь есть высшая духовная реальность.

Это – не поддающаяся проверке гипотеза, как и вера в существование Бога и вера в рождение людей вновь.

Икеда: Постольку-поскольку любовь существует в душе человека, Ваша вера в то, что любовь есть высшая духовная реальность, приводит к естественному заключению о том, что высшая духовная реальность одновременно находится и во Вселенной, и внутри нас.

Тойнби: Любовь, как мы ее знаем в людях, это отношение между личностями, а личности ненавидят, так же как и любят, и творят зло, так же как и добро. Высшая реальность не может быть личностью, наподобие бога Яхве или бога Вишну. Но я не могу представить себе абсолютную реальность, которая была бы внутриличностной или надличностной. Я могу более точно выразить свою идею, если изложу ее в негативных понятиях: человек не есть духовно высшая реальность, но духовно высшая реальность, или абсолютная реальность, которая не есть человек, – это не Бог и не не-Бог.

Икеда: Это всеобъемлющее и довольно сложное определение. Позвольте мне прокомментировать Ваше определение следующим образом.

Сказав, что высшая духовная реальность не есть Бог, Вы имеете в виду, что это не антропоморфный Бог, подобный тому, который почитается в иудаистских религиях. Однако говоря, что это так же и не не-Бог, Вы отрицаете уподобление Бога человеку, но вместе с тем подчеркиваете существование высшей духовной реальности. Не можем ли мы сказать, что высшая духовная реальность – это *«Закон жизни Вселенной»*? Это универсальный и единый *«Закон»*, который составляет основу всех остальных законов Вселенной. Следовательно, он распространяется на все разнообразные явления во Вселенной, благодаря чему эти явления сохраняют между собой порядок и гармонию.

Движение Вселенной, ее закономерная динамика, пронизанная этим *«Законом»*, представляет собой работу постоянного восстановления гармонии. В этом смысле эта работа *«Закона»* соответствует человеческой духовной деятельности, которая называется состраданием или любовью. Человеческая деятельность, идущая против закономерного ритма Вселенной, каковой является эгоцентризм человека, нарушает эту гармонию. Но стремление человека к единению с вселенским *«Законом»*, наоборот, создает унисон, укрепляющий жизненную силу индивида и обеспечивающий гармоничное сосуществование с остальным миром. На основе этих соображений, я полагаю, Вы называете высшей духовной реальностью то, что я подразумеваю под *«Законом жизни»*.

Высшая духовная реальность, как Вы говорите, не находится ни внутри, ни вне человека. Но когда человек в поисках высшей духовной реальности преодолевает свою эгоистичность, в нем и проявляется высшая духовная реальность. Другими словами, универсальный «Закон жизни Вселенной» постоянно присутствует внутри человека, внутри частички Вселенной как потенциальная возможность.

Мне также кажется, что судьба человека обуславливается его отношением к этой высшей духовной реальности. То есть судьба человека определяется не «некой волей», приписываемой высшей духовной реальности, но действием самого человека и тем, насколько его позиция согласована с высшей духовной реальностью, что вписывается в его карму.

Буддизм понимает судьбу человека как формирование и изменения кармы в контексте причинно-следственных связей. Такое понимание, допускающее принципиальную возможность изменения судьбы, отличается своей конструктивностью и играет важную роль в утверждении сознания человека как субъекта, который в ответе за себя и за мир. Устанавливая эту ответственность и независимость, индивид, в сущности, делает первый шаг к преобразованию своей собственной судьбы, судьбы общества и других институтов.

Тойнби: Представление кармы в обезличенных понятиях, как мне кажется, является одним из великих интеллектуальных и моральных достижений буддизма. Незрелые религии пытались выразить эту же самую истину в личностных понятиях – «Зависть Богов» и «Суд Божий». Эти речевые образы искажают природу кармы, вводя элемент человекоподобного произвола.

Определение истинного прогресса

Икеда: Идея утопии (идеального общества) существует во многих обществах и нациях с древних времен. В Европе «Утопия» сэра Томаса Мора* стала синонимом идеальной земли. Существуют также и другие труды на подобные сюжеты: «Новая Атлантида» Фрэнсиса Бэкона*, «Город Солнца» Кампанеллы* и «Современная утопия» Г. Дж. Уэллса*. На Востоке тоже существуют легенды о «Крае святых отшельников» (Шинсэнкё), «Горе вечной юности и бессмертия» (Хорайсан) и «Дворце морского царства драконов» (Рюгуджо). В них содержатся восточные версии утопий.

Тойнби: Самые ранние образцы из этого литературного жанра были греческими, хотя название «утопия» было выдуманно не греками, а сэром Томасом

Мором. Греческие утопии – например, Платона и Аристотеля – в большинстве случаев ретроспективны. Их авторы сознавали, что к их времени греческая цивилизация прошла свой зенит. Их целью было укрепить общество или зафиксировать его неизменным в надежде спасти его от дальнейшего упадка. Эти греческие утопии никогда в греческой истории не превращались в реальность. С другой стороны, в японской истории режим Токугавы был политическим и социальным достижением в реальной жизни того, чем восхитились бы Платон и Аристотель. Я мог бы добавить, что конечная неудача режима Токугавы навечно зафиксировать японское общество неизменным указывает на то, что утопии Платона и Аристотеля были с долгосрочной точки зрения непрактичными.

Икеда: Ваше сравнение утопических представлений Платона и Аристотеля с сёгунатом Токугавы неожиданно и интересно.

Что касается современников, то их представление об утопии, воображаемой в естественном продолжении современной цивилизации, в большинстве своем пессимистично.

«О дивный новый мир» Олдоса Хаксли* и «1984» Джорджа Оруэлла* стали первыми весточками, иллюстрирующими пессимистический взгляд на утопические версии нашего времени.

В последнее время, кроме всего прочего, вместо утопии появилось новое выражение «компьютопии», означающее общество, в котором будут установлены компьютеры в мозговых частях социальных институтов, и эти компьютеры будут проводить научное руководство на основе своего логического соображения. Но само название «компьютопия» уже окрашено циничной насмешкой над обществом, лишенным человеческих чувств и теплоты, когда люди должны следовать указаниям компьютеров. Пессимизм, характерный для современных версий утопии, отражает суровую реальность современного мира, где вопреки идеальному развитию его цивилизации несчастье людей только усугубляется. Наряду с этим так выражается сомнение современных людей в самой идее утопии. Утопия всегда изображала мирное общество, в котором удовлетворены все человеческие желания. Сегодня современные люди живут в достатке и идея утопии не кажется им более привлекательной, так как материального благополучия недостаточно, чтобы чувствовать себя счастливыми.

Это наводит на мысль о том, что пессимизм современных людей относительно утопии также связан с их представлением о научном прогрессе. До сегодняшнего дня ученых-исследователей вдохновляла идея прогресса:

«Что же я смогу добавить в копилку научной истины своими новыми достижениями? Как дальше развивать технологию?» Исследователи получали радость от того, что принимают участие в общем прогрессе науки. Опираясь на эту духовную опору, они погрузились в исследование, эксперименты и научные размышления. Несомненно, все эти работы способствовали прогрессу, если посмотреть на них в рамках научного мира. Однако возникает сомнение, если посмотреть на то, как научный прогресс отражается на прогрессе человечества. Например, нет никаких сомнений в том, что открытие атома дало эпохальный прогресс науке и технике. Но его продукт – атомные бомбы, сброшенные над Хиросимой и Нагасаки и унесшие сотни тысяч жизней в одно мгновение, – невозможно считать «прогрессом».

Тойнби: Большинство ранних западных утопий Нового времени были оптимистичными, потому что они не проводили радикального различия между научным прогрессом и духовным прогрессом. Во всяком случае в некоторых из них ошибочно предполагалось, что совокупный научный и технологический прогресс автоматически принесет общий духовный прогресс. Это западное заблуждение того времени было потрясено началом Первой мировой войны и вдребезги разбито созданием и применением атомных бомб в конце Второй мировой войны. Г.Дж.Уэллс прожил достаточно долго, чтобы испытать разочарование и горечь. Утопии, появившиеся после Уэллса, являются сатирическими антиутопиями. Они крайне пессимистичны, это реакция на чрезмерный оптимизм утопий, публиковавшихся в течение четырех столетий, предшествующих 1914 году.

Икеда: Я считаю, что важно уточнить и четко обозначить границу между материальным и духовным прогрессом. В области исследования неживых материалов есть возможность четко увидеть содержание научного прогресса. Но когда мы имеем дело с живыми существами, в частности с сознательными и разумными существами, и их духовной деятельностью, то весьма непросто оценить то, насколько новое научное открытие в физических областях принесет прогресс человеческому обществу и его духовности.

Социальные науки изучают человеческий мир. Предметом их исследования является человеческое общество и человек, но не его физиологический и физический аспекты, а психологический и духовно-поведенческий аспекты. В отличие от естественных научных результатов, в социологических исследованиях заданные одинаковые условия не приводят к одинаковым результатам. Те же самые явления для одних могут означать счастье

и радость, а для других – горе и страдание. При создании определенных социальных систем одни чувствуют комфорт, а другие – несвободу. Даже в одном человеке восприятие одного и того же явления меняется: то, что когда-то казалось приятным, в другое время может стать для него невыносимым.

В смене оптимизма на пессимизм в жанре утопии, как Вы говорили ранее, отражается тонкое изменение реакции человеческой психики на научный прогресс. Это в свою очередь означает необходимость переосмысления и переоценки значения прогресса, что не может не затрагивать веру в прогресс как духовную основу научных исследований. Другими словами, необходимо переосмысление прогресса с точки зрения понимания того, на что опирается вся научная работа.

К научным исследователям следовало бы предъявлять требование не замыкаться в своей узкоспециализированной области научных исследований и не искать прогресс только в пределах этой области, но заботиться о вкладе науки в прогресс человека. Люди науки должны руководствоваться своей совестью и гуманной системой ценностей. Возможно, такая моя позиция по отношению к науке подверглась бы резкой критике и отвержению в прежних кругах чистой науки. Однако сегодня, когда вопрос о дальнейшем выживании или вымирании человечества поставлен в зависимость от силы науки, я уверен, что такой подход становится требованием времени.

Тойнби: Научный прогресс, примененный в технологии, создает могущество людей над их человеческими собратьями и над нечеловеческой природой. Могущество этически нейтрально: оно может быть использовано как во благо, так и во зло. Оно просто увеличивает материальное значение эффекта добрых или злых действий. Атомная энергия, используемая во зло, может мгновенно убить миллионы людей, в то время как человеческая мускульная сила, даже вооруженная металлом, может убить только одного за один раз в рукопашном бою.

И наоборот, могущество, дарованное врачам прогрессом медицинской науки, может теперь спасти миллионы жизней, которые когда-то стали бы жертвами бактерий или вирусов. С другой стороны, та же наука, примененная в бактериологической войне, может убить столько же миллионов, сколько и атомная бомба. Таким образом, влияние могущества, порожденного научной технологией, на человеческую жизнь зависит от этического уровня людей, которые владеют этим могуществом.

Прогресс современной технологии – это совокупный итог взаимодействия. В отличие от этого карма, которая обуславливает этические уровни, является текущим счетом в духовной жизни индивидуального человеческого существа, независимо от того, верим ли мы в обладание человеком серией жизней или в то, что у него только одна жизнь в этом мире явлений. В кармическом счете ни дебетовые, ни кредитовые записи не накапливаются; дебетовый или кредитовый баланс изменяется с каждой новой записью в бухгалтерскую книгу. Этический уровень общества в конкретный момент зависит от состояния кармического счета каждого члена общества и от соответствующего этического влияния, позитивного или негативного, которое каждый член общества оказывает на своих сотоварищей. Таким образом, этический уровень общества, в отличие от его научного и технологического уровня, является плавающим и непрочным. Карма, а не научный и технологический прогресс представляет собой тот фактор человеческой жизни, который дает благополучие и счастье или, наоборот, нищету и горе.

Икеда: Ваше высказывание не может не вызвать во мне глубокого волнения, поскольку оно точно совпадает с тем, над чем я постоянно размышляю. Продолжая то, что Вы сказали, зададимся вопросом о том, каким образом человек должен изменить эту карму, которая как камертон определяет тенденцию его характера и которая имеет больше склонность в повторении несчастий, чем счастья. Это тот вопрос, с которым должен сталкиваться и справляться каждый человек в своей жизни. Этот процесс изменения кармы с накопления бед на накопление счастья мы называем «революцией в душе человека».

Тойнби: Важнейшей целью человека, в одинаковой мере и для него самого и для общества, является улучшение своей кармы. Единственный путь ее улучшения для него состоит в увеличении самообладания, и борьба за контроль над собой – это личное дело индивидуального человека. Индивидуальный духовный прогресс и регресс неустойчивы. Согласно индуистской и буддийской верам, эта изменчивость может длиться в продолжении серии жизней. Но нет такого понятия, как совокупный социальный духовный прогресс. Совокупный прогресс науки и технологии не имеет никакого аналога в этической сфере.

Икеда: Следовательно, жизнь человека представляется постоянной борьбой со своей собственной кармой и ее преодолением. Даже когда человек ощущает подъем прекрасного высокого духа.

Прекрасный высокий дух, в одно мгновение наполняющий человека, не гарантирует того, что в следующий момент он не попадет в плен низкого честолюбия, потому что страсти или алчность, дающие выход низменным чувствам, тоже составляют неотъемлемую часть самой жизни. Поэтому крайне важно научиться самообладанию и использовать даже неблагородные энергии в благородных целях и укреплять высокую духовность.

И я верю, что человек способен достигнуть духовного прогресса путем неустанных усилий по самосовершенствованию. Но так как на жизненном пути рядом с возможностями духовного роста человека одновременно подстерегает и пропасть духовного регресса, важно помнить это и сделать свой достойный выбор, чтобы не свести к нулю все усилия духовного прогресса.

Любовь и совесть

Икеда: Вы сказали, что эволюция живых существ – это процесс проявления любви и совести. Но у меня на этот счет другое мнение. Мне представляется, что любовь и совесть относятся к категории ценностей, в то время как эволюция живых существ в принципе не связана с такими ценностными факторами.

Эволюция живых существ подтверждается путем сравнения физиологических особенностей, в частности структур головного мозга (центральной нервной системы), который поддерживает психологические функции. Согласно физиологии, лобные доли головного мозга ответственны за интеллект живых существ, и человек в значительной степени отличается от других животных большим развитием этих лобных долей.

Вместе с тем физиологи головного мозга утверждают, что лобные доли, управляющие интеллектом человека, генерируют в человеке творческое начало, но в то же самое время служат источником его жестокости. Если это верно, то получается, что результатом эволюции живых существ является одновременное усиление полярных качеств: любви и совести – с одной стороны, и гнева и хитрости – с другой.

Правильно ли я понимаю в этой связи, что Вы специально использовали такое выражение, как «процесс проявления любви и совести», так как Вашей целью было не дать объективное научное определение биологической эволюции, а выразить субъективную надежду, которую Вы возлагаете на человечество?

Тойнби: Физиологи головного мозга, кажется, действительно показали, что определенные участки человеческого мозга связаны с определенными эмоциями и побуждениями. Но невянтное слово «связаны» указывает на нашу неспособность понять природу отношений между этими двумя различными типами реальности. Органическое вещество мозга является физическим телом, а не психическим явлением; а психическая деятельность – это не физическая деятельность, хотя она и может иметь неясную пока связь с физико-электрическими явлениями и без них, может, и не существует.

Возможно, что загадка связи между психической деятельностью и физическими явлениями в какой-то среде органической материи объясняется ограниченностью человеческого мышления. Человеческое сознание, жизнь и материя в реальности могут составлять единое неделимое целое, непостижимое для нас. Нам удастся понять его частично, расчлняя его умственно, но это понимание с помощью умственного анализа неполно, потому что нам не удастся понять отношение между элементами, на которые мы мысленно препарируем человеческую природу. Я согласен, что биологическая эволюция порождает зло, равно как и добро, и что она может породить больше зла, чем добра.

Икеда: Я тоже считаю, что человеческая жизнь представляет собой психосоматическую интегральность. И несмотря на то что мы мысленно можем разделить ее на два таких разных фактора, как психику и тело, эти факторы по сути своей остаются неделимыми.

Для дальнейшего нашего обсуждения относительно проявлений любви и совести в контексте биологической эволюции я бы хотел уточнить некоторые моменты. Вы говорите, что любовь и совесть не могут проявить себя вне человеческой жизни. Я согласен с Вами в том, что любовь и совесть отличают жизнь человека. Но в этой связи у меня возникает вопрос, почему или по какой причине появилась жизнь человека, способная проявить эту любовь и совесть. Я знаю, что, отвечая на этот вопрос, Вы не будете ссылаться на Бога – Создателя жизни человека. А допускаете ли Вы мысль, что эволюция и появление любви и совести есть телеологический* процесс изменения, стремящийся к выявлению своей высшей духовной реальности?

Тойнби: Я не думаю о духе любви и доброты как о Боге в том смысле, что он человекоподобная личность, у которой имеются замыслы, и который старается их осуществить. Любовь и доброта, которые известны мне из непосредственного опыта, проявляют себя в чувствах и поступках людей,

а также некоторых видов млекопитающих и птиц. Доброта – это стремление или по крайней мере частично стремление некоторых людей. Она также, я полагаю, руководящее указание, которое каждый человек получает от своей совести даже тогда, когда человек сознательно не повинуется своей совести. Человеческий поступок, хороший он или плохой, является телеологическим. Но я не думаю, что биологическая эволюция является телеологической в том смысле, что она ориентирована соответственно внутреннему свойству (имманентно) или какой-то трансцендентной внешней силой на этическую или какую-то иную цель, исключая, возможно, увековечивание жизни.

Икеда: Я тоже считаю ошибкой приписывать телеологическую значимость эволюции живых существ. Существует ли какая-то часть головного мозга, с Вашей точки зрения, управляющая любовью и совестью или вызывающая их проявление? Если проявление любви и совести действительно составляет суть природы эволюции живых существ, то физические свойства человека должны содержать врожденную функцию, ответственную за такое проявление. Насколько мне известно, еще ни одна теория не доказала то, что любовь и совесть управляются функцией определенной части головного мозга. С другой стороны, такие качества, как желания, логическое мышление и память напрямую относятся к мозгу. Мне кажется, что любовь и совесть материализуются через взаимосвязи чувств, мышления и памяти, и когда случается аномалия в этих взаимосвязях, любовь и совесть превращаются в ненависть или побуждение убивать. Это приводит меня к заключению о том, что любовь и совесть формируются апостериори*, следовательно, не столько в результате эволюции, а сколько под влиянием социальной и исторической среды.

Тойнби: Я не согласен. Любовь и совесть часто приводили человека к тому, что он отвергал и восставал против существовавших кодексов социального поведения. Но эти мятежи не могли инспирироваться самими социальными кодексами. Однако, поскольку человек есть общественное животное, которое не могло стать человеческим и не могло оставаться человеческим иначе, как в общественной среде, некоторые мыслители предположили, что любовь и совесть не имеют абсолютной этической ценности, а являются психическими механизмами, для того чтобы сделать общественную жизнь полезной. Мне кажется, что это еще один способ заявить, что любовь и совесть – это плоды эволюции, появившиеся на этапе, на котором эволюция породила человеческое общественное животное.

Икеда: Хотя можно согласиться с тем, что любовь и совесть являются плодами эволюции, но невероятно, чтобы эволюция шла к порождению любви и совести.

История показывает, что огромное количество жестокостей совершалось во имя любви и совести. Европа, например, являлась свидетельницей многих отвратительных деяний во время Крестовых походов и Религиозных войн. Безжалостные деяния, как я полагаю, были совершены по приказу совести тех, кто верил, что это доказательство любви к Богу и свершение справедливости от имени Бога.

Многочисленные подобные примеры в человеческой истории указывают на то, что любовь и совесть, хотя они, несомненно, имеют ценность сами по себе, в действительности не являются абсолютным добром. В зависимости от объекта любви и в зависимости от принципов, на которых базируется совесть, они могут стать относительным добром или относительным злом.

Тойнби: Конечно, я согласен с тем, что любовь и совесть часто неправильно адресуются. Я считаю, что все человеческие существа сознают разницу между правильным и ошибочным и чувствуют моральную обязанность поступать так, как они считают правильным, и воздерживаться от того, что они полагают неправильным. В то же время разные общества и разные личности внутри одного и того же общества придерживаются разных взглядов на то, что является правильным и ошибочным на практике. Кодекс поведения одного общества и отдельного индивида может оказаться ошибочным в глазах какого-то другого общества или индивида. До тех пор пока любовь и совесть других людей представляются нам ошибочно направленными, они, весьма вероятно, предстанут для нас следствиями зла, несмотря на то что заявленные намерения этих других людей, очевидно, должны бы произвести добрые последствия. Таким образом, практические применения этих концепций добра и зла различаются, и наши суждения о применении этих концепций другими людьми субъективны. Тем не менее мы все соглашаемся с тем, что есть различие между добром и злом и в ощущении обязанности делать добро в соответствии с нашим понятием о том, что есть добро.

Икеда: Только тогда, когда любовь направлена на все человечество и на все другие формы жизни на Земле, и только тогда, когда совесть основана на беспредельном уважении к неприкосновенности жизни, они обе проявят свои добрые аспекты. Даже и в этом случае любовь и совесть, как мы их

понимаем, могут оказаться злом, когда это касается существ из космоса, если таковые существуют. Из этого следует, что нигде не может быть абсолютного добра.

Тойнби: Я согласен с тем, что любовь и совесть не дадут добрых результатов до тех пор, пока они не направлены на все человечество и на все формы жизни на Земле и где угодно во Вселенной, а также и на всю Вселенную в целом. Однако в соответствии с некоторыми кодексами поведения считается неправильным не трудиться для блага своей страны за счет остального человечества и не трудиться для своей собственной семьи за счет остальной своей нации. Более того, даже если кто-то верит, что ему необходимо трудиться для блага всего человечества и всей Вселенной в целом, то это трудно, поскольку человек, подобно всем нечеловеческим живым существам любого рода, по своей природе эгоцентричен. Это выдающийся поступок (*tour de force*) для любого живого существа – посвятить себя Вселенной, вместо того чтобы постараться эксплуатировать Вселенную. В этом смысле любовь и совесть противоестественны, а незтичное стремление действовать в собственных интересах является естественным. Тем не менее мы сознаем, что эгоизм – это ошибка и зло и что самопожертвование – это правое дело и добро, и мы не можем отменить это этическое суждение даже тогда, когда мы осознанно нарушаем его.

Любовь и совесть, так же как доброта и правота, – понятия относительные. Доброта была бы бессмысленной, если бы у нее не было полной противоположности, называемой злом. Правота предполагает ошибочность. Аналогично, любовь предполагает ненависть, совесть предполагает проступок. Нирвана предполагает желание и страдание, вызванное желанием, которые погашены в нирване. В любой из этих пар противоположностей оба полюса дополняют друг друга и поэтому логически неразделимы. Таким образом, в логике они на равных друг с другом, но в этике – нет.

Этически мы принимаем сторону одного из этих противоположных полюсов, выступая против другого. Когда мы сознательно творим зло и вред, мы все-таки чувствуем, что должны делать доброе дело и поступать правильно. Мы не можем заставить себя считать, что добро и зло этически неотличимы, эквивалентны или взаимозаменяемы. Английский поэт Милтон* вложил в уста Сатаны слова: «Зло, будь моим добром». Конечно, произнести эти слова можно, но невозможно перевернуть наши чувства относительно добра и зла.

Тот факт, что оба полюса в каждой из этих пар противоположностей логически дополняют друг друга и в то же время этически несоизмеримы,

приводит меня к предположению, что существует дух во Вселенной, который содействует любви, совести, добру и правоте, нирване, но что этот дух не всемогущ. Он всегда сталкивается со своей полной противоположностью. Торжество доброты не гарантируется тем фактом, что мы не можем не принять ее сторону и не можем стать на сторону зла в наших этических суждениях даже тогда, когда совершаем зло преднамеренно. Мы не можем не чувствовать, что мы обязаны делать добро, чего бы это ни стоило, и мы знаем, что цена этого может оказаться высокой и что, даже принося себя в жертву во имя добра, своим самопожертвованием не сможем, как мы видим, помочь торжеству добра.

Икеда: Совесть и алчность, любовь и ненависть сосуществуют в каждом из нас в сложных противоречивых отношениях. И действительно нет гарантии того, что совесть и любовь восторжествуют. Более того, для человека крайне трудно признать самоотречение или самопожертвование во имя любви и совести.

Тойнби: Я прихожу к выводу, что жизнь – это парадоксальная, неудобная, трудная и болезненная штука. Если ситуация, в которой находится человек, именно такова, то как ему действовать в ней? Южный буддизм отстаивает погашение жизни с помощью подавления желания, совершая таким образом выход в нирвану. Северный буддизм утверждает, что Будда и бодхисаттвы добровольно откладывали свой выход в нирвану, когда они получали способность совершить этот выход, и что они поступали так, чтобы помочь другим живым существам совершить этот выход, в котором Будда и бодхисаттвы отказывали себе временно – возможно, на бесчисленное количество периодов, как это было в случае с бодхисаттвами.

Я нахожу идеалы северного буддизма более пригодными, чем идеалы южного буддизма. Возможно, это потому, что идеалы северного буддизма более похожи на идеалы христианства, а я был воспитан как христианин.

Икеда: Как человеку жить? – этот самый актуальный вопрос жизни составляет причину возникновения религии, и ответ на него является ее целью. И я признаю, что даже в религиозных учениях очень сложно найти конкретный ответ.

На мой взгляд, основное направление возможных вариантов ответа на этот вопрос следует искать, как Вы сказали, в русле образа жизни, проповедуемого северным буддизмом, то есть учением махаяны. Суть его заключается в том, чтобы формировать свое «Я» как личность, способную получать непревзойденную радость в своей альтруистической практике.

Сострадание как реальная любовь

Икеда: Если задуматься над тем, чего больше всего не хватает в современном обществе, то это, пожалуй, неподдельной любви или, лучше сказать, человеколюбия. Но лишний раз подчеркивать то, насколько человек нуждается в любви, было бы не совсем целесообразно. Дело в том, что излишняя идеализация любви заслоняет нас от ее сущности. Обратной стороной любви является ненависть. Иногда под внешностью любви может маскироваться эгоистичная страсть.

Тойнби: В современных западных языках слово «любовь» используется в двух значениях, которые не только различаются, но в действительности противоположны. В обоих значениях любовь означает желание, но в одном случае она означает желание отдать и помочь, тогда как в другом она означает желание взять и использовать. Необходимы два разных слова.

Я согласен, что в современном мире даже та любовь, которая означает дать, а не взять, имеет тенденцию к тому, чтобы улетучиться, будучи превращенной в обезличенную. Обезличенная любовь представляется мне противоречием в понятиях, потому что жертвенная любовь, как нам известно из опыта, это личное чувство. Одна личность испытывает ее к другой личности, и это чувство ведет эту личность к совершению поступка (если необходимо, то и крайне высокой ценой для себя) по оказанию помощи другой личности.

Икеда: Вы имеете в виду, что в наше время в значительной степени утрачивается «дающая любовь», которая исходит от всего сердца и души индивидуума. Действительно, дающая и помогающая любовь во многом, а может быть, и целиком «исполняется» институтами социального обеспечения и благотворительными организациями. Это превращает любовь в институциональную функцию, отрезанную от индивидуальных человеческих чувств.

Тойнби: Одна из причин, по которой любовь сегодня находится в постоянной опасности рассеяться в обезличенном отношении, состоит в том, что современный мир функционирует в очень крупном масштабе и организован обезличенно, частично для того чтобы получить возможность справиться с огромными современными количествами и величинами и, возможно также отчасти, по причине нарастающей секуляризации жизни в западных странах с конца семнадцатого века христианской эры. В течение этих последних трех столетий деперсонализация человеческих отношений

распространилась с Запада в другие части мира как следствие временного мирового превосходства Запада.

Деперсонализация любви на современном Западе иллюстрируется современной эволюцией слова «милосердие». Исходное латинское слово «*caritas*» означает буквально «влюбленность»; производное английское слово «*charity*», однако, стало означать не любовь, а передачу богатыми подачки бедным. Милосердие как благотворительность в современном западном смысле оказывалось в скудных размерах с чувством снисходительности, которое прямо противоположно уважению.

Предоставление и получение благотворительности несли с собой в подтексте, что получатель является низшим в сравнении с дающим либо этически, либо экономически, либо и в том и другом отношении, и в этом психологическом обрамлении милосердие вызывало обиду со стороны получателя. Частым возражением на Западе в адрес тех, кто предлагает помощь, является «Я не хочу милостыни». Конечно, каждый человек на самом деле хочет милосердия в его первоначальном смысле, а именно любви. Вряд ли можно почувствовать или сказать «Я не хочу милосердия» в таком смысле. Однако вполне естественно не желать милости в том смысле этого слова, который предполагает отношения неравенства, не сопровождаемые искренней любовью.

Икеда: Как Вы верно отметили, несмотря на то что благотворительность в качестве социального деяния несет в себе добро, сложность заключается в том, что она сопряжена с множеством сопутствующих психологических проблем. И если благотворительность, лишённая любви, то есть души, теряет изначальный благородный смысл, то, в свою очередь, любовь, которая не сопровождается действием, тоже может оказаться чистой абстракцией и лишённой содержания.

Если мы расшифруем любовь с точки зрения буддийской концепции *джи-хи*, то она наполняется смыслом, который в переводе означает сострадание и милосердие. Буддийский термин *джи-хи* состоит из двух слогов, означающих «устранить боль» и «принести радость». Здесь «устранить боль» подразумевает устранение причины страдания и печали человека. Это действие, осуществляемое на основе сострадания. Буддизм придает важное значение состраданию, готовности человека внимательно прислушаться к душевной боли других людей, как к своей собственной, и предпринимать совместные действия для ее устранения.

Без такой сострадательной души невозможно испытывать нежность к другим людям и действовать для конкретного разрешения проблемы. Чувство сострадания появляется только у высокоразвитых интеллектуальных существ с развитой психикой и способностью воображения. Для того чтобы, застав другого в страданиях, помочь ему ощутить сочувствие, требуется проникнуться и представить себе подобное переживание. Способность к состраданию является одной из отличительных особенностей человека. Наблюдается тенденция к тому, что чем меньше развит интеллект у живого существа, тем равнодушнее его участие к страданиям или смерти других особей. Это еще одно подтверждение значимости сострадания для человека. Такая сострадательная душа, на мой взгляд, составляет основу для проявления в человеке и любви, и милосердия.

Кроме того, я считаю, что человеческое общество и его коллективное поведение не могли бы быть, если бы у человека не было сострадательной души. Здесь я имею в виду следующее. В целом коллективный образ жизни довольно широко распространен среди разных живых существ. Но в случае человечества, несмотря на то что каждый его член обладает неизмеримо сильным самосознанием, а это означает самостоятельность его суждений, люди все равно осознанно поддерживают коллективные связи. Эта осознанность, которая выражает участие человека в других людях, выделяет его среди животных.

Важно также, чтобы это сострадание не осталось просто чувством, но перешло к действиям. Оно значительно теряет свою ценность, если оно не может принести людям больше, чем успокоение, смирение и солидарность слабым. Сострадательной душе необходимо придать активный действенный характер. В буддизме такую активную форму сострадания назвали «устранением боли», что составляет половину концепции *джи-хи* (милосердия). Сострадательная, отзывчивая человеческая душа должна вести человека к мужественным действиям по устранению причины людских страданий.

Тойнби: Таким образом, Вы объясняете «устранение боли» как буддийское сострадание в терминах практического действия.

Икеда: Да, именно так. Другая половина концепции *джи-хи* (милосердия) означает «принести радость». Здесь, правда, следует уточнить, что буддизм подразумевает под словом «радость», а именно то, что милосердная личность должна приносить людям. В буддизме радость не тождественна временному, частичному удовольствию. Она также не означает уход от

реальности. Но это радость самой жизни, или радость существования. Такая радость, несомненно, включает в себя как материальные развлечения, так и духовные удовольствия. Но подлинная радость – это радость существования, которую человек чувствует, когда его жизнь насыщена позитивной энергией. Поэтому «приносить радость» в буддизме означает содействовать человеку в нахождении его собственного внутреннего источника чистой и мощной жизненной энергии.

Спрашивается, почему до сих пор человечество, которое успешно могло распространять религию любви по всему миру, не может прекратить кровавые войны и конфликты? Неужели любовь так бессильна перед ненавистью? Нет, я не думаю, что это так. Но, пожалуй, потому, что любовь приветствовалась и активно внедрялась без уточнения ее реального содержания, что неизбежно сделало ее абстрактной для многих людей, она часто поглощалась ненавистью.

Тойнби: Как я уже упоминал, слово «любовь», как оно используется сегодня, является неопределенным. Я считаю буддийские термины, во всяком случае их японские версии, представленные в таких словах, как *джи-хи*, более точными и поэтому более реалистичными.

Каким образом настоящая любовь между людьми должна быть придана человеческим отношениям в сообществе, где эти отношения стали обезличенными частично из-за размеров сообщества и отчасти из-за преобладающей тенденции рационализировать структуру и деятельность общественной жизни? Несмотря на то что рационализация в принципе желательна, некоторые ее влияния на человеческие отношения являются нежелательными. Может ли буддийская традиция дать решение этой проблемы в сложившихся социальных обстоятельствах в Японии и в других так называемых развитых странах? Деперсонализирована ли жизнь в Японии и лишены ли человеческие отношения любви так же и в такой же мере, как и в западных странах, где традиционные религиозные истоки не буддийские, а христианские? Неизбежна ли компьютеризация в современном мире? И могут ли сосуществовать компьютеризация и любовь?

Икеда: У нас в Японии то же самое положение, что и на Западе. Общество становится все масштабнее и сложнее. На фоне этого люди все больше становятся деперсонализированными. Утрачивается и духовность. Несмотря на то что традиционной религией Японии является буддизм, он сохранен больше в форме исторических зданий и формальности обрядов, тогда как большая часть его духовного содержания, к сожалению, предана

забвению. В действительности возможно, что буддийская традиция в Японии утрачена еще в большей степени, чем христианская традиция в европейских обществах.

Далее я изложу свое мнение, отвечая на Ваши вопросы о том, каким образом мы можем реабилитировать человеколюбие в современных человеческих отношениях в условиях рационализации и обезличивания общества, а также какие меры для разрешения этой проблемы мы могли бы извлекать из буддийской традиции. Главное учение буддизма и идеал, к которому оно стремится, состоит в утверждении самостоятельного созидательного «Я» во взаимозависимых началах существования. Другими словами, в том, чтобы человек осознал себя «хозяином» своей судьбы и занял конструктивную позицию в своем отношении к жизни. Это подразумевает его ответственность за себя и возможность изменить карму собственными силами. Это также указывает на его ответственность за социальную и природную окружающую среду. Действие этого созидательного «Я» буддизм распознает как *дзи-хи* (милосердие). В данном контексте созидательное «Я» соответствует «миру Будды» из концепции «Десять миров», а *дзи-хи* (милосердие) – «миру Бодхисаттвы», что означает милосердное участие к другим живым существам.

Современное рационализирующее, обезличивающее общество и сложные межчеловеческие отношения в нем – все это социальная среда. И задача буддизма состоит в том, чтобы не дать человеку разрушиться в этой среде и не поставить себя в полную зависимость от нее, но установить свое созидательное отношение к ней и тем самым вносить в нее позитивные изменения. Какими бы ощутимыми ни были силы рационализации и деперсонализации современной реальности, всегда есть возможность для расширения индивидуальных контактов и человеческих отношений. Но все это зависит от личности, от стабильности и устойчивости утвержденного созидательного «Я».

В конце концов, общество включает в себя каждого отдельного человека. Каждым из них управляет и движет тоже человек. Компьютерное управление осуществляется тоже человеком – оператором компьютера. Следовательно, самое главное – не забывать о своей созидательной роли. Когда у каждого возникнет такое сознание ответственности и такая позиция по отношению к своему обществу, то я верю, что возрождение и расширение человеколюбия или милосердное *джи-хи* в современном мире станет еще более возможным.

Расширяя сферу любви

Икеда: Считают, что характерной особенностью женщины является чистота ее любви, но в то же время как раз из-за этого и появляется ее стремление к исключительному обладанию. Конечно, последнее встречается также и у мужчин, и в действительности у отдельных мужчин это стремление к обладанию может проявляться даже в более экстремальной форме, чем у женщин.

Тойнби: Я согласен, что обычно любовь и стремление к обладанию у женщин сильнее, чем у мужчин. К этим двум женским качествам я бы добавил еще терпение, которое вместе со стремлением к обладанию является следствием любви.

Икеда: Такая женская любовь может стать важным источником особого влияния, которое женщины могут оказать на общество.

Вы указали терпение и стремление к обладанию как свойства женщин, сопровождающие их любовь. Несомненно, что терпение служит лучшим помощником для проявления любви в конкретных действиях. Стремление к обладанию может усилить любовь, но в то же самое время сузить и исказить ее, когда оно направлено и концентрируется на одном объекте.

Следовательно, если женщина сможет твердо сохранить бескорыстие в любви и не ограничивать ее только близкими людьми или семейным институтом, а сумеет направить ее на широкие социальные сферы, мне кажется, тогда она становится подлинно самостоятельной личностью, появление которой непременно имеет важное созидательное значение для современного мира.

С этой точки зрения женщинам следовало бы обдумать, во что вкладывать свою душу и любовь и до каких пределов ее расширять. Внимательное переосмысление своей любви к мужу и детям трансформирует женскую любовь от стихийного чувства в осознанное человеколюбие. Оно приведет женщину к выводу, что в ней заложен бесценный инстинкт хранить и защищать жизнь – самое сокровенное в этом мире. Женщина больше чем мужчина дорожит и жалеет жизнь и ненавидит борьбу и войну как угрозу жизни, потому что именно ей предназначено рожать и растить новую жизнь. Женская и материнская любовь поддерживается этой необходимостью сохранения жизни. Тут мы обнаруживаем ее любовь как более живое, широкое, богатое чувство милосердия, направленное на все живое.

Тойнби: Я согласен с тем, что в женщинах любовь имеет тенденцию становиться сильнее, а неуживчивость слабее. Эта женская добродетель

будет иметь первостепенную важность в оказании помощи человечеству в достижении, по крайней мере, двух целей, которые должны быть достигнуты в ближайшем будущем: запрещения войны и ограничения агрессивного соперничества.

Хорошо известно, что женщины больше настроены против войны, чем мужчины. Несмотря на то что сами женщины традиционно освобождены от военной службы, они своим естественным женским чутьем знают, что убийство или увечье их мужей и сынов в войне представляет собой зверство, которое не может быть оправдано никакими выгодами, которые победа может принести государству, гражданами которого они являются. Спартанские матери, которые гнали своих сынов на смерть в войне, пользуются дурной славой, так как их отношение было омерзительно противоестественным. Есть также некоторые признаки того, что жены членов профсоюзов не так проникательны, как мужчины, в отношении попытки добиться увеличения зарплаты с помощью забастовок, которые временно обедняют семью и могут довести до постоянной бедности в случае банкротства производства, на котором муж зарабатывает на жизнь. В этих двух областях женское стремление к обладанию и любвеобильность действуют совместно, чтобы направить женские голоса в защиту мира вместо войны, и в защиту экономического сотрудничества вместо экономической борьбы.

Икеда: Подобное свойство женщин, уходящее корнями в признание неприкосновенной ценности жизни, само по себе имеет важное значение для любого человеческого общества. Тем более мне хочется, чтобы как можно больше женщин могли трансформировать свою чистую любовь в открытое всем глубокое человеколюбие. Я верю, что увеличение числа таких женщин станет надежным залогом предотвращения войны и создаст тихое, но мощное течение прочного мира. Я также верю в то, что раскрытие и реализация этой основополагающей силы женщин в обществе глубоко связано с достижением подлинной эмансипации женщин.

Тойнби: Да, Вы совершенно правы. В то время как женское стремление к обладанию тяготеет к тому, чтобы ограничить кругозор женщины заботой о членах своей собственной семьи, женская любовь потенциально имеет вселенский масштаб, потому что этот масштаб – это сущность самой любви. Любовь означает отдавать себя в противоположность тому, чтобы брать для себя. Любовь, как и стремление к обладанию, не имеет иных границ, кроме границ Вселенной.

В истории китайской философии имела место полемика по вопросу о том, каково правильное распределение человеческой любви. Конфуцианский философ Мэн-цзы, ссылаясь на Конфуция как на авторитетный источник, утверждал, что любовь должна распределяться неравномерно. Любви к членам собственной семьи должен быть отдан приоритет над любовью к людям незнакомым и чужестранцам. Мэн-цзы вел поединок с Мо-цзы*, который утверждал, что человеческая любовь должна одинаково распространяться на всех других людей. Это одна из основных вечных этических и социальных проблем человеческой жизни.

Это насущный вопрос сегодня, когда стало очевидно, что человечество должно научиться жить вместе единой семьей, потому что это единственная альтернатива массовому самоубийству в нашу эпоху, когда расстояния сократились и когда атомная энергия используется для вооружений. Проблема стоит остро, поскольку современные общественные тенденции тянут человечество в направлении, противоположном тому, которого требуют достигнутые технологические реальности. Национализм становится более фанатичным; все более мелкие частицы человечества теперь требуют отдельного местного национального суверенитета. В каждой нации рамки семейной жизни сокращаются. Традиционная человеческая семья объединяла вместе под одной крышей не только родителей и их неповзрослевших детей, но также дедушек и бабушек. Урбанизация жизни проявляется в уменьшении рамок семьи только до пары супругов и их неповзрослевших детей. Больше нет места в семье для дедушек и бабушек и нет никаких обязанностей у детей по отношению к родителям, когда дети выросли. Поэтому настойчивое требование конфуцианской школы соблюдать обязанности, врожденно присущие семейным отношениям, никогда не было более уместным, чем сегодня. В то же время требование Мо-цзы об обязательности всеобщей любви еще более кстати в мире, который технологически уже объединен, но все еще разобщен эмоционально.

Икеда: Согласно конфуцианской традиции, любовь должна размещаться дифференциально по принципу приоритета близости, где отношения «родители–дети» и «хозяин–вассалы» занимают центральное место. Однако Мо-цзы отвергает эту позицию и утверждает, что любовь должна быть всеобщей. То есть нужно любить другого человека, как самого себя, чужого отца, как своего собственного, чужое государство, как свое.

Несмотря на это различие в позициях, оба эти учения сходятся в оценке роли человеколюбия в обществе. И Вы правы, сказав, что современное

общество как никогда ранее нуждается именно в этом высоконравственном человеколюбии. Сегодня ослабление любви очевидно. К сожалению, нередко встречаются люди, которые не умеют любить своих близких, своих родителей, братьев или сестер. Бывают даже такие, у которых утрачена любовь даже к собственным детям. И нельзя сказать, что такое слабое и скудное проявление любви к другим не связано с тенденцией пренебрежения к собственной жизни, в глубине которого лежит полное отчаяние или самоубийство. Если человек не может любить самого себя и не признает ценность своей жизни, то как же он может «полюбить другого так же, как себя»?

Нам необходимо реабилитировать ценность человеческой жизни, опираясь на глубокое учение о собственной жизни и о жизни Вселенной. Когда человек осознает, что его жизнь является неповторимым и незаменяемым сокровищем, у него будет реальная возможность, чтобы в его душе открылся мощный источник возрождения любви. Постигание достоинств собственной жизни позволит человеку признать неприкосновенность жизни других людей, ровно как своей собственной, и испытать неподдельную любовь к живым существам.

Далее, я полностью согласен с Вами в том, что всеобщая любовь по Мо-цзы востребована современным миром, где в международных отношениях царят эгоизм, предвзятость и взаимное непонимание. Учение о всеобщей любви Мо-цзы предоставляет логическое подкрепление призывам против агрессивной войны. Мо-цзы трактует, что агрессивное вторжение державным государством в слабое маленькое государство, массовое убийство в войне и причинение экономических потерь аморальны и должны быть подвергнуты жесткой критике исходя из той же простой и ясной логики, по которой мы критикуем кражу воров чужих принадлежностей. Его суждение удивительно современно. В свое время Мо-цзы развертывал свое учение о всеобщей любви во всекитайском масштабе. Но сегодня мы должны перефразировать его во всемирном масштабе.

Тойнби: Как и современное поколение человечества, Конфуций жил в эпоху воинствующего национализма. При его жизни уже началась эпоха Сражающихся царств (Chan Kuo), хотя принято считать ее начало уже после смерти Конфуция. Примечательно, что Конфуций провел аналогию между семьей и государством и утверждал, что подданные правителя обязаны испытывать и проявлять на деле такую же преданность этому правителю, какая положена отцу от его детей. После политического объединения Китая

и установления конфуцианства в качестве официальной философии Китайской империи конфуцианская концепция правителя как главы расширенной семьи была применена по отношению к императору. Любовь и лояльность, которые первоначально относились к главе семейства, должны были распространяться на императора, как утверждалось конфуцианцами в эпоху империи, потому что император был главой большей семьи, включающей «все, что находится под небесами». В новейшую эпоху человеческой истории «все, что находится под небесами», еще более расширилось, охватив всю поверхность земного шара и все человечество вместо громадной, но все же не глобальной части человечества, которая находилась под китайским суверенитетом, сюзеренитетом или культурным влиянием в течение двадцати одного века до 1839 года.

Отстаиваемая конфуцианцами классификация проявлений любви в виде серии концентрических окружностей, несомненно, более близка по духу человеческой натуре, чем доктрина Мо-цзы об обязательности всеобщей любви. Каждый человек по своему опыту знает, что для него легче любить людей, с которыми он лично знаком, чем любить незнакомцев. Однако насущная необходимость нашего времени состоит в том, чтобы точно выполнять это этически трудное требование к нам: полюбить незнакомцев и обратить эту всеобщую любовь в практическое поведение. Само конфуцианство утверждает, что сфера действия любви должна быть всеобщей, хотя в самом дальнем от центра круге, или в дальней из концентрических окружностей, любовь может вполне оправданно быть меньшей интенсивности, чем в самом близком к центру круге. Таким образом, конфуцианство в принципе является моцзыистским.

Примечательно также, что, хотя в китайском обществе до сих пор конфуцианство, относительно сходное с моцзыизмом, преобладает над абсолютным моцзыизмом, современный Китай принял мессианскую идеологию – коммунизм, который нацелен на объединение всего человечества в единое братское коммунистическое общество. Коммунизм является еретической версией старой мессианской религии – христианства, а христианство – источник марксистского универсализма. Все основатели трех основных докоммунистических мессианских религий – буддизма, христианства и ислама – оторвались от своих семей и своих родных городов ради проповедей пути к спасению для всего человечества. Их примеру вслед за Христом последовал святой Франциск, который был вынужден порвать со своим отцом ради свободы на деле подражать Христу.

Икеда: Душе, связанной с узкой и однобокой любовью, не доступно подлинное человеколюбие. Более того, трудно сказать, что такая узкая любовь, направленная только на своих, достойна называться подлинной любовью. Следовательно, даже для того чтобы чувствовать подлинную любовь к своим близким, необходимо один раз оторваться от семейных привязанностей ради того, чтобы обрести широкое человеколюбие, которое в свою очередь возвращается к близким в качестве подлинной любви.

Тойнби: После того как буддизм был признан в качестве одной из религий Китая, неоконфуцианская школа китайских философов резко критиковала Будду с позиций конфуцианской этики за уход из своей семьи. В условиях современного кризиса в человеческих отношениях, при котором единственной надеждой человечества на собственное спасение является всеобщая любовь, я полагаю, что мы обязаны быть конфуцианцами в том смысле, что должны отстаивать справедливость аналогии между нашим долгом перед всем, что находится под небесами, и нашими обязанностями перед нашим близким семейным кругом. Я также верю, что мы обязаны выйти за пределы даже этой расширенной интерпретации конфуцианства. Я полагаю, что мы должны быть моцзыистами. Мы должны стремиться к достижению всеобщей любви без деления ее на уровни или качества. Мо-цзыизм более труден на практике, чем конфуцианство. Но, как мне кажется, Мо-цзы, а не Конфуций, является тем философом, чье учение наиболее подходит человечеству в настоящее время. На западной оконечности Старого Света Зенон, основатель стоической школы греческой философии, учил, что человек – это гражданин Вселенной. Зенон по сути был моцзыистом, хотя и не знал, что ему предшествовал восточноазиатский философ.

Икеда: Я тоже считаю, что любовь по Мо-цзы более востребована, чем любовь по конфуцианской школе, особенно для тех, кому надлежит жить в современном мире. Что касается различия между буддизмом и философией Мо-цзы по этому вопросу, следовало бы отметить, что буддизм, исходя из необходимости всеобщей любви для счастья человека, уделяет большое внимание практической стороне этого вопроса. Буддизм делает вывод, что источник милосердия и всеобщей любви находится во всех людях без исключения как та сила, которая наполняет жизнь динамизмом. В этом заключении я вижу величие этого учения. И буддизм предлагает практический способ, для того чтобы душа человека стала наполняться этим живительным и благородным чувством всеобщей любви.

Другими словами, если Мо-цзы аргументирует необходимость и важность всеобщей любви, то буддизм выводит людей на путь реализации этой идеи и указывает, как каждый без исключения может находить и развивать эту всеобщую любовь в глубине своей души.

Я думаю, что Шакьямуни-Будда почитался бесконечными поколениями во все времена и во всех пространствах, потому что сам Шакьямуни был воплощением всеобщей любви. Его милосердная душа жила ради других, а свет его личности и поныне согревает сердца многих людей.

Показать своей жизнью реализуемость высокой идеи, которую проповедует религиозное учение, как это сделал Шакьямуни-Будда, – это жизнь и сила подлинной религии. Именно этим религия отличается от философии, которая призывает к логическим и умственным заключениям. Я не сомневаюсь, что так можно сказать и относительно жизней Христа, Мохаммеда и святого Франциска, о ком Вы упомянули.

Наивысшая человеческая ценность

Икеда: Существуют различные системы и критерии ценностей, на основе которых строятся модели человеческого поведения. Некоторые считают, что всякие критерии скорее относятся к вопросам вкуса индивидуума. Другие считают, что критерии ценностей создаются обществом и общественной системой, в том числе такие как богатство, социальное положение, виды отдыха и т.д., которые и становятся парадигмами поведения людей. Третьи выступают за более достойные человеческие ценности, такие как доброта, любовь, жажда знаний, опираясь на концепцию, которую Альберт Швейцер* называл «уважением к жизни».

Мое понимание этого вопроса схоже со Швейцером. Я убежден в необходимости универсальных критериев, согласно которым достоинство жизни признается неприкосновенной наивысшей ценностью. Утверждение неприкосновенности жизни означает непризнание более ценного, чем жизнь, как в социальных отношениях, так и в религиозных. Это означает непризнание чего-то, что, являясь внешним фактором для жизни, может оказать давление на гуманизм.

Тойнби: Я согласен с тем, что достоинство жизни – это универсальный, абсолютный стандарт. Но мы не должны сводить понятие «жизнь» к понятию жизни обособленных или наполовину обособленных живых существ, экземплярами которых мы сами являемся. Вся Вселенная в целом и все в ней является живым в смысле обладания достоинством. Так называемые

неодушевленные и неорганические части природы имеют достоинство. Есть достоинство у земли, воздуха, воды, камней, родников, рек, морей; если мы, люди, нарушаем их достоинство, мы нарушаем и свое собственное достоинство.

Открытие этой истины принадлежит, я уверен, японцам, которые имеют древнюю традицию уважения к так называемой неодушевленной природе, так же как к растительному и животному царствам и к человеческой природе. Эта традиция установлена в синтоизме, и ей сопутствует сильное эстетическое чувство – острое восприятие прекрасного. Однако японцы стали нарушать достоинство неживой природы с тех пор, как они восприняли современную научную технологию от Запада сто лет тому назад, а особенно после удивительного взрыва технологического мастерства и производительности в Японии после Второй мировой войны.

Сегодня существует всемирный протест против загрязнения природы человеческой техникой. Нынешнее поколение признает, что, нарушая достоинство природы, человек нарушает свое собственное достоинство. Те знания, которыми обладаю я по истории Японии и о чувстве достоинства у японцев (особенном для японской жизни, которое производит глубокое впечатление на иностранцев), приводят меня к предположению, что протест в Японии против загрязнения среды уже сейчас или скоро станет особенно сильным.

Икеда: Сегодня загрязнение окружающей среды является самой злободневной социальной проблемой Японии. Беспокойство населения по этому поводу выражается в форме различных местных движений против загрязнения и в защиту экологии. Однако нормативно-правовая база нашей страны пока еще далека от совершенства, чтобы официальные органы могли принимать достаточные меры по регулированию и контролю над источниками загрязнения.

Природа, включающая в себя и одушевленные и неодушевленные объекты, в целом сохраняет грандиозную гармонию между всеми ее частями, которые подобно великолепным кружевам тонко связаны друг с другом «жизненной нитью». Человек также составляет ее часть, как и другие члены природы. Следовательно, человек, нанося природе ущерб своими технологическими возможностями, наносит ущерб и себе. Буддизм рассматривает эту всеобъемлющую природу – точнее всю Вселенную – как «жизнь».

Иммануил Кант говорил: «В царстве целей все имеет или цену, или достоинство. То, что имеет цену, может быть заменено также чем-то другим

как эквивалентом; что выше всякой цены, стало быть не допускает никакого эквивалента, то обладает достоинством». (Основы метафизики нравственности. 1785 // *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965).

Признание неприкосновенного достоинства жизни означает, что жизнь не имеет эквивалента, ничто не может заменить ее. Сегодня люди строят свои жизни в соответствии с самыми разными системами ценностей. Утверждается диверсификация ценностей. Это заслуживает одобрения в том смысле, что люди тем самым освобождаются от прежде установленных ценностей, ограничивающих их узкими унифицированными рамками, например национализмом. Однако мы должны, признавая положительные стороны диверсифицированных ценностей, также искать такую ценность, которая может послужить общим фундаментом для всех людей, живущих разнообразными ценностями. Не имея общего ценностного фундамента, люди в принципе будут лишены общего языка для установления взаимного доверия и сотрудничества. В этих размышлениях я прихожу к выводу о том, что основополагающей ценностью для всего человеческого сообщества должна стать гуманность человека и неприкосновенность достоинства его жизни.

Тойнби: Я вновь согласен с Вашим убеждением и с буддийским взглядом на жизнь. Отличие между ценой и достоинством, процитированное из работ Канта, является хорошим разъяснением. Цена относительна, и все, что имеет цену, может быть обменено на что-то равное по цене (такова функция денег). В противоположность этому достоинство (иными словами, честь) абсолютно, а не относительно; и нет ничего, какой бы ценой оно ни обладало, что могло бы быть обменено на достоинство или на честь. Человек презираем другими людьми и он презирает себя сам, если он продает свое достоинство и честь, чтобы получить богатство или социальное положение, или даже чтобы спасти свою жизнь. Утрата достоинства и чести – расплата за моральную и физическую трусость. Достоинство невозместимо; поэтому утрата достоинства невосполнима, если достоинство непоправимо утрачено. Я думаю, что в этом смысл отрывка из христианского Нового Завета: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Матф. 16, 26; Марк. 8, 36–37).

Человек теряет свое достоинство, если он продает его. Он также теряет свое собственное достоинство, если он не уважает достоинство других людей. Позорно пытаться заставить человеческого собрата вести себя подло,

либо подвергая его гонению, либо с помощью подкупа. Гонитель и искуситель теряет свое собственное достоинство и честь независимо от того, сохранит ли его жертва свое достоинство и честь или не сможет сохранить их под морально недозволенным давлением.

Икеда: То, что Вы сказали, совершенно верно. То, как человек относится к себе, к другим людям и ко всем явлениям и вещам, с которыми он сталкивается в своей жизни, в конечном счете определяется тем, какой системы ценностей он придерживается.

Тойнби: Я согласен с тезисом о том, что достоинство является ценностью, которая, в отличие от других ценностей, является абсолютной и ее невозможно заменить ничем. Из этого я делаю вывод, что наше осознание человеческого достоинства должно заставить нас быть скромными. Человеческая натура имеет достоинство, но ее достоинство непрочное и никогда не бывает полным. Человек обладает чувством собственного достоинства до тех пор, пока он бескорыстный, альтруистичный, сострадательный, любящий и посвящает себя другим живым существам и Вселенной. Он является недостойным, если он алчен и агрессивен. Готовность, с которой мы позволяем себе быть алчными и агрессивными, унижительна, и низость наших этических качеств еще более унижительна из-за ее контраста с блеском наших технологических свершений.

Икеда: Жизнь человек сама по себе неприкосновенна в том смысле, что ее ничем нельзя заменить. Именно поэтому, как Вы сейчас сказали, каждый из нас обязан предпринимать усилия к самосовершенствованию для того, чтобы каждый из нас оправдал неприкосновенное достоинство жизни. Надо сказать, что человек в ответе за свое достоинство.

Я полагаю, что осознание незаменимости и неприкосновенности жизни появилось в человеке, как только он стал разумным существом. Несмотря на это история человечества перекрашена постоянными актами раздора, ненависти и взаимного нанесения ущерба. Поэтому главные усилия сегодня должны быть направлены на образование и самосовершенствование человека, чтобы подтвердить достоинство жизни своими реальными поступками, не наносящими вреда другим людям и всему окружающему, полными милосердия и помощи всему живому.

Тойнби: Уровень этической деятельности человека был низок, и он не вырос. Уровень его технологической деятельности вырос по восходящей кривой, которая стремится вверх быстрее в наше время, чем когда-либо в

прошлом, о котором мы имеем документальные свидетельства. Следовательно, диспаритет между нашей технологией и нашей этикой более значителен в настоящее время, чем он был когда-либо. Это не просто унизительно, а смертельно опасно.

Сложившаяся ныне ситуация должна заставить нас быть скромными, а это чувство смирения должно подстегнуть нас к тому, чтобы мы достигли достоинства, без которого наша жизнь не имеет ценности и не может быть счастливой. Человеческое достоинство не может быть достигнуто в области технологии, в которой человеческие существа стали так опытны. Оно может быть достигнуто только в области этики, и этические достижения измеряются той степенью, в которой наши поступки управляются состраданием и любовью, а не алчностью и агрессивностью.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ*

Август (Augustus) – Август Октавиан (имя, данное при рождении, – Гай Октавий) (63 г. до н. э.–14 г. н. э.), внучатый племянник императора Юлия Цезаря, усыновленный им в завещании. После убийства Цезаря (44 до н. э.) стал носить имя Гай Юлий Цезарь Октавиан, в соответствии с именем своего приемного отца. В 27 г. до н. э. после длительного периода гражданских войн стал римским императором под именем Гай Юлий Цезарь Октавиан Август (сенат присвоил ему почетное имя Август – возвеличенный богами). Он был принцепсом сената, имел империй (т.е. военную власть) высших магистратов, пожизненную власть народного трибуна, неоднократно избирался консулом, был верховным жрецом (с 12 до н. э.) [145, 256].

Адлер (Adler) Альфред (1870–1937) – австрийский врач-психиатр и психолог. Ученик Фрейда, основатель индивидуальной психологии. Главным источником мотивации считал стремление к самоутверждению как компенсацию возникающего в раннем детстве чувства неполноценности, определяющего специфический для человека «жизненный стиль». Оказал влияние на неофрейдизм [374].

Аид (Гадес, Плутон) – в греческой мифологии бог подземного мира и царства мертвых; Аид – также само царство мертвых [109].

Алкестида (Алкеста) – в греческой мифологии (миф излагается в трагедии Еврипида «Алкестида») дочь царя Пелия, супруга Адмета. Когда ее муж, обреченный на раннюю смерть, получает возможность сохранить себе жизнь, если кто-либо согласится заменить его в царстве мертвых, Алкестида соглашается сойти в Аид вместо Адмета. Свое решение Алкестида объясняет тем, что муж и царь, оставшись в живых, лучше сумеет сохранить царство и обеспечить будущее детей. Неожиданно навестивший дом Адмета Геракл, несмотря на радушный прием, замечает, что все домочадцы опечалены, и узнает причину их горя. Подкараулив у могилы Алкестиду и пришедшую за ней смерть, Геракл отбивает Алкестиду и возвращает ее мужу. Согласно

*В квадратных скобках указаны страницы, на которых в тексте диалога встречаются данный термин или имя.

более поздней версии мифа, богиня Персефона, растроганная силой супружеской любви Алкестиды, возвращает ее мужу еще более прекрасной, чем она была раньше. В основе мифа об Алкестиде мотив самопожертвования во имя любви [109].

Апостериори (лат. *a posteriori*, букв. – из последующего) – философский термин, означающий знание, полученное из опыта, в противоположность *a priori* («доопытному» знанию). Противоположность этих двух типов знания встречается уже у Аристотеля и Бозция, а также у европейских схоластов. Лейбниц понимал под познанием апостериори все опытное познание или «истины факта» в отличие от «истин разума», т.е. познания *a priori*. По Канту, апостериорное знание не может обладать свойствами априорного знания. Апостериорное знание, получаемое при помощи чувственного восприятия, носит случайный и неистинный характер, оно основано на прошлом опыте и не исключает возможности приобретения в будущем нового опыта, не согласовывающегося со старым. Для того чтобы такое знание приобрело всеобщий и необходимый характер, его нужно подвести под априорные формы знания [396].

Архат – (санскрит) в буддизме хинаяны тот, кто достиг высшей ступени просветления, то есть «освобождения» (нирваны) от цепи перерождений (сансары). В китайских манускриптах архат интерпретируется как тот, кто заслуживает приношения; тот, кто завершил изучение и практику буддизма; тот, кто освобожден от иллюзий, мыслей и страстей; тот, кто освобожден от цепи перерождений как избавившийся от порочного круга *шести троп* *эго*. Среди них «тот, кто заслуживает приношения» – это одно из десяти почетных названий Будды, что указывает на то, что **архат** первоначально был употреблен как синоним Будды. По мере возникновения буддизма махаяны термин «архат» стал означать только мудрецов буддизма хинаяны [307, 379].

Архетип (от греч. *arche* – начало и *typos* – образ) – прообраз, идея. В «аналитической психологии» К.Г. Юнга – изначальные, врожденные психические структуры, образы (мотивы) – составляющие содержание так называемого «коллективного бессознательного» и лежащие в основе общечеловеческой символики сновидений, мифов, сказок и других созданий фантазии, в т.ч. художественной [41].

Асанга (IV или V в.) – индийский философ-буддист. Родился в семье брахмана в Гандаре (Северная Индия). Вместе с его братом Васубандху считается одним из главных учителей школы «Только Сознание», известной

как йогачара (санскр. *виджнянавада*), являющейся одной из двух главных школ махаяны в Индии, в центре которой идея исключительной значимости виджняны, или чистого сознания [32,33].

Асклепий – в греческой мифологии бог врачевания, сын Аполлона. Воскрешал мертвых (Ипполит, Главки и др.) – за что Зевс убил его перуном (поразил его молнией). Атрибут Асклепия – змея, центр культа – в Эпидавре. У древних римлян Асклепий именуется Эскулапом [107].

Бальфур (Balfour) Артур Джеймс (1848–1930) – английский государственный деятель, лорд с 1922 г., один из лидеров Консервативной партии. В 1887–1891 гг. министр по делам Ирландии, проводил политику жестоких репрессий против ирландского национально-освободительного движения. В 1891–1892 и 1895–1902 гг. министр финансов. В 1902–1905 гг. премьер-министр. Правительство Бальфура поддерживало Японию в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Оно заключило соглашение с Францией (1904) ставшее основой Антанты. В 1915–1916 гг. он морской министр, в 1916–1919 гг. министр иностранных дел Великобритании. Явился автором так называемой «декларации Бальфура» (2 ноября 1917 г.) о создании еврейского «национального очага» в Палестине, отражавшей стремление британского империализма к сохранению господства на Ближнем Востоке. С марта 1918 г. активно участвовал в осуществлении антисоветской интервенции. В 1919–1922 и 1925–1929 гг. входил в состав правительства [230].

Барнард (Barnard) Кристиан (р. 1922) – южноафриканский хирург. Впервые произвел пересадку (1967) и подсадку (1974) сердца больному. В соавторстве с З. Стандером опубликовал антирасистский роман «Нежелательные элементы» (1974) [108].

Бодхисаттва (бодисаттва) (санскр.: тот, чья сущность – просветление) – в буддизме махаяны – идеальное существо, которое, в отличие от архата хинаяны, выступает прежде всего как наставник и образец для других людей, ведущий их по пути нравственного совершенствования к достижению просветления. В основе идеала бодхисаттвы в махаяне – космический принцип связанности всех существ взаимным состраданием и взаимной помощью [49, 329, 338–341, 399, 404].

Босс (Boss) Медард (1904–1990) – швейцарский психиатр, психолог, представитель экзистенциального психоанализа. Получил психоаналитическое образование в Берлине и Лондоне. Сотрудничал с К.Г. Юнгом (1938). Основывался на философии Хайдеггера. Разработал основы экзистенциального психоанализа, ориентированного на излечение

неврозов и психозов за счет устранения предвзятых понятий и интерпретаций пациента. Согласно его основам, фундаментальным принципом психотерапии должна быть «открытость» пациента бытию. Сочинения: *Existential Foundations of Medicine and Psychology*. L.; N.Y., 1979; *Psychoanalysis and Daseinsanalyse*. N.Y., 1963 [30].

Брахманизм – 2-я стадия (1-е тыс. до н. э.) формирования индийской религии – индуизма, развившаяся в результате приспособления к ведической религии индоарийских племен местных культов индийского автохтонного населения. Верховные боги – Брахма, Вишну и Шива, большую роль играли антимистические представления, культ предков. Сложный ритуал, совершаемый брахманами, строгая обрядовая регламентация жизни, аскетические подвиги рассматривались как средства, обеспечивавшие по закону кармы лучшее перевоплощение души (сансара) и конечное освобождение от цепи перерождений. Брахманы: 1) одна из высших каст в Индии, по происхождению – древнее сословие (варна) жрецов. Источники существования большинства брахманов связаны не с религиозным культом, а с землевладением, государственной службой и пр.; 2) древнеиндийские священные книги (VIII–VI вв. до н. э.) – дополняющие в основном описания и толкования ритуала ведической религии [378].

Будда (санскр., букв. – просветленный) в буддийской религии существо, достигшее высшего духовного знания (просветления) и кому таким образом открыта вечная и абсолютная (предельная) истина, то есть подлинная сущность всех явлений, и кто указывает дорогу другим к достижению такой же просвещенности. В Индии слово «будда» было первоначально нарицательным именем, означавшим некоего пробужденного или просвещенного, которое относилось к тем, кто достиг какого-либо религиозного пробуждения. В более узком значении Будда – имя, данное Сиддхартхе Гаутаме (623–544 до н. э.). Он происходил, по преданию, из царского рода племени шакьев в Северной Индии (одно из имен Будды – Шакьямуни, «отшельник из шакьев»). В возрасте 29 лет Будда оставил семью и дом отца и после 7-летних скитаний, аскетических подвигов и глубоких медитаций стал проповедником учения, получившего название буддизма. С превращением Будды в идеал многочисленные будды появились в священных писаниях махаяны. В буддийских учениях существуют различные определения будды. В учениях хинаяны оно обозначает того, кто перешел в состояние нирваны, в котором и тело и сознание погашены. Учение махаяны в целом утверждает, что стать буддой можно только после бесчисленных чрезвычайно длительных периодов времени аскетизма и заслуживающей поощрения

практической деятельности. Буддизм школы Ничирена, основанный на «Сутре Лотоса» и считающий ее главным манускриптом учения Шакьямуни, утверждает, что любой человек обладает возможностью стать буддой в настоящей жизни. Такие выражения, как «будды десяти направлений» или «будды трех существований» передают идею о том, что будды или потенциальные возможности просвещения, которые они символизируют, являются вездесущими (см. также Махаяна и Хинаяна) [15, 32, 47, 98, 102, 103, 189, 190, 319, 322, 328–330, 333, 339–341, 367, 371, 375–377, 378, 381, 399, 404, 410, 411].

Бэкон Фрэнсис (1561–1626) – английский философ. Лорд-канцлер при короле Якове I. В трактате «Новый органон» (1620) провозгласил целью науки увеличение власти человека над природой, предложил реформу научного метода: очищение разума от заблуждений («идолов», или «призраков») – обращение к опыту и обработка его посредством индукции, основа которой – эксперимент. Автор утопии «Новая Атлантида» (изд. 1627) [389].

Васубандху, индийский философ-буддист (IV или V в.). Примыкал сначала к буддизму хинаяны, затем – представитель йогачаров, школы буддизма махаяны. Известен как автор «The Dharma Analysis Treasury» («Кладезь изучения Закона» или по санскриту «Абхидхармакоша») – запись лекций, в которых изложены учения ранних школ буддизма, в частности вайбхашики. Позже под влиянием старшего брата Асанга он обратился к махаяне и развивал учение махаяны школы «Только Сознание» Он автор 500 работ по хинаяне и 500 по махаяне (См. также Асанга) [32, 33, 34].

Ватсон (Уатсон) Джеймс Девей (Watson, James Dewey) (р. 1928) – американский биохимик. Основные работы относятся к молекулярной биологии. Совместно с Ф.Х.К. Криком построил (1953) модель ДНК – двойную спираль. Изучал структуру вирусов и их роль в возникновении злокачественного роста тканей. Исследовал (с 1958) бактериальные рибосомы и роль РНК в белковом синтезе. Нобелевская премия по физиологии и медицине (1962, совместно с Ф.Х.К. Криком и М.Х. Уилкинсом). Автор многих монографий: «Молекулярная биология генов» («Molecular Biology of the Gene», 2nd ed. New York, 1970); «ДНК – секрет жизни» («DNA the secret of life»/ USA, 2003) и др. [25].

Гамов (Gamow) Георгий Антонович (Джордж) (1904–1968), известный американский физик-теоретик, принадлежит к плеяде физиков, сыгравших выдающуюся роль в развитии мировой науки. Родился в России в г. Одессе. Окончил физический факультет Ленинградского университета в 1926 г.

В 1928 г. первым в мире создал теорию альфа-распада, одного из 4 типов радиоактивности. По приглашению академика А.Ф. Иоффе три года работал в ЛФТИ рядом с выдающимися учеными – Н.Н. Семеновым, И.В. Курчатовым, Я.И. Френкелем, В.А. Фоком и др. В 1933 г. выехал в научную заграничную командировку, где принял решение выехать на жительство в США. С 1934 г. стал профессором университета Дж.Вашингтона. В 1936 г. вместе с профессором Эдвардом Теллером обобщает теорию еще одного типа радиоактивности – бета-распада, вводит в физику понятие «взаимодействие Гамова–Теллера». В 1941 г. Э. Теллер покинул университет и занялся созданием атомной бомбы, став «отцом» водородной бомбы. Гамов к этим работам не привлекался, очевидно, по причине русского происхождения. Он переключил свои интересы на астрофизику и космологию. Первым в мире стал рассчитывать модели звезд с термоядерными реакциями, в 1942 г. предложил модель оболочки красного гиганта, исследовал роль нейтрино при вспышках новых и сверхновых звезд. В 1946–1948 гг. разработал теорию образования химических элементов путем последовательного нейтронного захвата. В эти же годы он первым в мире выдвигает теорию «горячей Вселенной», из которой вытекало существование реликтового излучения, образовавшегося в момент Большого взрыва. Эта теория Гамова была подтверждена американскими исследователями А. Пензиасом и Р. Вильсоном, которые в 1978 г. стали нобелевскими лауреатами. В 1954 г. Гамов опубликовал статью, где первым поставил проблему генетического кода, доказывая, что «при сочетании 4 нуклеотидов тройками получаются 64 различные комбинации», чего вполне достаточно для «записи наследственной информации», выражая при этом надежду, что «кто-нибудь из более молодых ученых доживет до ее расшифровки». В октябре 1968 г. Р. Холли, Х. Коране и М. Ниренбергу была присуждена Нобелевская премия за расшифровку генетического кода [315].

Гедонизм (от греч. *hedon* – удовольствие) – направление в этике, утверждающее наслаждение, удовольствие как высшую цель и основной мотив человеческого поведения [136].

Гейзенберг (Heisenberg) Вернер Карл (1901–1976) – немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики. Сформулировал одно из важнейших положений физики микромира – принцип неопределенности. Дал математическое обоснование протонно-нейтронной модели атомного ядра. Труды по квантовой теории ферромагнетизма, квантовой электродинамике, теории поля, философии естествознания. Лауреат Нобелевской премии (1932) [324].

Гоминиды (от лат. *homo* – человек) – семейство отряда приматов. Включает людей современного типа (неоантропов) – а также их предшественников – архантропов и палеоантропов. К семейству гоминид обычно относят и австралопитеков [241, 323, 325].

Декарт Рене (1596–1650) – французский философ, математик, физик и физиолог. В основе философии Декарта – дуализм души и тела, «мыслящей» и «протяженной» субстанции. Материю отождествлял с протяжением (или пространством), движение сводил к перемещению тел. Общая причина движения, по Декарту, Бог, который сотворил материю, движение и покой. Человек – связь безжизненного телесного механизма с душой, обладающей мышлением и волей. Безусловное основоположение всего знания, по Декарту, – непосредственная достоверность сознания («мыслю, следовательно, существую»). Существование Бога рассматривал как источник объективной значимости человеческого мышления. В учении о познании Декарт – родоначальник и сторонник рационализма и сторонник учения о врожденных идеях [33, 353].

Декларация Бальфура – см. **Бальфур**.

Дух первых поселенцев (дух фронта). В американской историографии заметное место занимает теория фронта (границы) – сформулированная в 1893 г. Ф.Д. Тернером [Turner, Frederick Jackson (1861–1932)] в его докладе на съезде Американской исторической ассоциации. Согласно этой теории (Frontier Theory), история США и национальный характер американцев определялись наличием свободной земли и продвижением границы населенной полосы (Frontier) на Запад. Наличие свободных земель на Западе в ходе всей истории США всегда служило своего рода социальным «предохранительным клапаном» и способствовало развитию у американцев духа предпринимательства и демократического индивидуализма [193].

Дхарма (санскр., происходит от корня *dhri*, означающего сохранить, заботиться, или поддерживать) – термин, существенный для буддизма, имеет много значений, в частности: 1) (часто с прописной) *Закон* или абсолютная истина. *Сокровенный Закон*, объемлющий непостижимую истину. *Универсальный Закон*, пронизывающий все сущее во Вселенной; 2) учение Будды или сутры; 3) (часто с прописной) *Проявление Закона* как феномена; 4) (в буддизме хинаяны) первичные элементы бытия [102, 103].

Дюбо Рене Жюль (Dubos, Rene Jules) (1901–1982), американский микробиолог. Родился 20 февраля 1901 г. в Сен-Брисе (Франция). Окончил Национальный сельскохозяйственный институт в Париже (1921). В 1924 г.

уехал в США и поступил в Университет Рутгерса, где в 1927 г. получил степень доктора философии. С 1927 г. и до конца жизни (не считая периода 1942–1944 гг., когда он был профессором тропической медицины в медицинской школе Гарвардского университета) работал в Рокфеллеровском институте медицинских исследований (ныне Рокфеллеровский университет) в Нью-Йорке. В центре научных интересов Дюбо находился вопрос о влиянии почвенных бактерий на патогенные микроорганизмы. Результаты, полученные Дюбо, сыграли важную роль в открытии стрептомицина и других антибиотиков. С 1946 г. был главным редактором «Журнала экспериментальной медицины» («Journal of Experimental Medicine»). Впоследствии Дюбо оставил занятия микробиологией и посвятил себя деятельности по защите окружающей среды: писал книги и эссе, выступал с лекциями. В 1969 г. его книга о взаимоотношениях человека и окружающего мира «Такое человеческое животное» («So Human an Animal», 1968) была удостоена Пулитцеровской премии [10].

Зенон из Элей (ок. 490–430 до н. э.) – древнегреческий философ, представитель элейской школы. Аристотель считал его основателем диалектики как искусства постижения истины посредством спора или истолкования противоположных мнений. Известен знаменитыми парадоксами (апориями) – «Ахиллес», «Стрела» и др., обосновывающими невозможность движения, множественности вещей и т.п. [96, 97, 410].

Йога (санскр., букв. – связь, единение, сосредоточение, усиление). 1) учение и метод управления психикой и физиологией человека, составной элемент религиозных и философских систем Индии, ставящих целью достижение состояния освобождения (нирваны). Признает существование в человеке неосознаваемых сил и возможности управления ими (через определенную организацию психики), для чего разработана система физических упражнений. Йога достигла известных успехов в управлении дыхательной и другими физиологическими функциями организма, в реализации желаемых психических состояний человека. Основная философская идея: соотносительность человеческой психофизиологии и космоса; 2) одна из 6 ортодоксальных (признающих авторитет вед) систем индийской философии, основанная на Патанджали; осмысляла природу и функции йогических методов, этапы их применения и др. В общих философских вопросах придерживалась учения санкхьи [36, 63].

Кампанелла (Campanella) Томмазо (1568–1639) – итальянский философ, поэт, политический деятель; создатель коммунистической утопии; монах-доминиканец. В 1598–1599 гг. возглавил в Калабрии заговор против

испанского владычества, был схвачен, около 27 лет провел в тюрьмах, где создал десятки сочинений по философии, политике, астрономии, медицине, в том числе «Город Солнца» (1602, опубликовано в 1623) – произведение в форме рассказа мореплавателя об идеальной общине (в рамках всемирной теократии), руководимой учено-жреческой кастой и характеризующейся отсутствием частной собственности, семьи, государственным воспитанием детей, общеобязательным трудом при 4-часовом рабочем дне, развитием науки и просвещения. Автор канцон, мадригалов, сонетов [389].

Кант Иммануил (1724–1804) – немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии; профессор университета в Кенигсберге, иностранный почетный член Петербургской АН (1794). В 1747–1755 гг. разработал космогоническую гипотезу происхождения Солнечной системы из первоначальной туманности («Всеобщая естественная история и теория неба», 1755). В развитой с 1770 г. «критической философии» («Критика чистого разума», 1781; «Критика практического разума», 1788; «Критика способности суждения», 1790) выступил против догматизма умозрительной метафизики и скептицизма с дуалистическим учением о непознаваемых «вещах в себе» (объективном источнике ощущений) и познаваемых явлениях, образующих сферу бесконечного возможного опыта. Условие познания – общезначимые априорные формы, упорядочивающие хаос ощущений. Идеи Бога, свободы, бессмертия, недоказуемые теоретически, являются, однако, постулатами «практического разума», необходимой предпосылкой нравственности. Центральный принцип этики Канта, основанной на понятии долга, – категорический императив. Учение Канта об антиномиях теоретического разума сыграло большую роль в развитии диалектики [412–413].

Крик Фрэнсис Харри Комптон (Crick, Francis Harry Compton) (1916–2004). американский биохимик. Совместно с Дж. Д. Ватсоном построил (1953) модель ДНК – двойную спираль из нитей полинуклеотидов, связанных водородными «мостиками». Лауреат Нобелевской премии 1962 г. (совм. с Дж.Д. Ватсоном и М.Х. Уилкинсом). В дальнейшем Крик и Ватсон предложили общую теорию структуры малых вирусов. Крик продолжил работать в области биохимии и генетики белкового синтеза (адаптерная гипотеза) и расшифровки генетического кода. Автор ряда научных работ, в том числе монографий: *Structure for deoxyribose nucleic acid* // *Nature*. 1953. Vol. 171. P. 737 (with J.D. Watson); *Строение вещества наследственности* // *Физика и химия жизни*. М., 1960; *Генетический код (I)* // *Структура и функция клетки*. М., 1964; *Life Itself: Its Origin and Nature*. N.Y., 1981 [25].

Лысенко Трофим Денисович (1898–1976) – агроном, создатель псевдонаучного «мичуринского учения» в биологии в СССР. Отрицая классическую генетику (т.н. «менделизм-морганизм») как «идеалистическую» и «буржуазную», утверждал возможность наследования приобретенных признаков, «перерождения» одного вида в другой и т.п. Многочисленные практические рекомендации Лысенко для сельского хозяйства (сверх-скоростное выведение новых сортов и др.) были несостоятельными и нанесли большой экономический ущерб. С 30-х гг. по 1964 г. (особенно после сессии ВАСХНИЛ 1948 г.) деятельность Лысенко поддерживалась И.В. Сталиным и затем Н.С. Хрущевым, а его «марксистское» учение и практические рекомендации, якобы направленные на революционную переделку природы и сулившие быстрое решение продовольственной проблемы, внедрялись административно. В результате монополизма Лысенко и его сторонников (так называемой «лысенковщины») были разгромлены научные школы в генетике, ошельмованы честные ученые, деградировало биологическое и сельскохозяйственное образование, затормозилось развитие биологии и сельского хозяйства [24–26].

Лю Бан (он же **Хань Лю Бан**) (247–195 до н. э.) – один из руководителей народного восстания в Китае в 209–206 гг. до н. э., уничтожил первую централизованную китайскую императорскую династию Цинь и основал наиболее продолжительную по времени правления императорскую династию Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.). Происходил из семьи зажиточного общинника, служил старостой. В 209 г. присоединился к антициньскому восстанию, возглавленному Чэнь Шэном. После гибели последнего (208 г. до н. э.) Лю Бан – командующий повстанческими отрядами. В конце 207 г. до н. э. взял Сяньян – столицу империи Цинь. В 202 г. до н. э. Лю Бан провозгласил себя императором Гао-цзу. Сделал ряд уступок земледельцам, снизив налоги и отменив суровые законы династии Цинь [145, 248, 256].

Максвелл (Maxwell) Джеймс Клерк (1831–1879) – английский физик, создатель классической электродинамики, один из основоположников статистической физики. Создал теорию электромагнитного поля (уравнения Максвелла), описывающую электромагнитные явления в средах и в вакууме. Предсказал существование электромагнитных волн и электромагнитную природу света. Установил закон распределения молекул газа по скоростям (распределение Максвелла). Ввел статистические представления в термодинамику и впервые употребил термин «статистическая механика». Исследовал вязкость, диффузию, теплопроводность газов, цветное зрение. Основатель и

первый директор (1871) Кавендишской лаборатории в Кембриджском университете (Великобритания), ставшей мировым научным центром [326].

Маркузе (Marcuse) Герберт (1898–1979) – немецко-американский философ и социолог. Наряду с Т. Адорно и М. Хоркхаймером – один из основателей Франкфуртского института социальных исследований. С 1934 г. – в США. В годы Второй мировой войны (1939–1945) работал в информационных органах американской разведки, выступал с антифашистскими статьями. В 1950-х гг. эксперт Русского института при Колумбийском и Русского центра при Гарвардском университетах. Профессор Брандейского (1954–1965) и Калифорнийского (с 1965) университетов. Согласно теории Маркузе, развитие науки и техники позволяет господствующему классу современного капиталистического общества сформировать через механизм потребностей новый тип массового «одномерного человека» с атрофированным социально-критическим отношением к обществу и тем самым «сдерживать и предотвращать социальные изменения». Включаясь под воздействием навязываемых ему «ложных» потребностей в потребительскую гонку, рабочий класс стран развитого капитализма «интегрируется» в социальное целое и утрачивает свою революционную роль. В этих условиях революционная инициатива, по Маркузе, переходит в рамках «развитого» общества к аутсайдерам (люмпены, преследуемые национальные меньшинства, безработные и т.п.), а также к радикальным слоям студенчества и гуманитарной интеллигенции [374].

Махаяна (санскр., букв. – большая колесница) – наряду с хинаяной одно из двух основных направлений буддизма, так называемый северный буддизм. Возникнув в Индии, с начала н. э. распространилась в Китае, Тибете, Японии и др. Махаяна подчеркивает важность альтруистической практики – так называемого пути бодхисаттвы – для собственного просветления и также для помощи другим в достижении просветления. Школы махаяны возникли на рубеже конца первого века до н. э. и начала новой эры как новое буддийское движение возвращения к духу Будды идти к людям и работать для них [14, 312, 330, 340, 341, 376, 378, 380, 381].

Мендель (Mendel) Грегор Иоганн (1822–1884) – австрийский естествоиспытатель, основоположник учения о наследственности (менделизм). Монах (1843), настоятель (1868) августинского монастыря св. Фомы (Брюнн, ныне Брно). Применив статистические методы для анализа результатов скрещивания различных сортов гороха, Мендель в 1865 г. открыл закономерности передачи наследственных признаков от поколения к поколению.

Результаты, полученные Менделем, были поняты и оценены лишь в 1900 г., когда его опыты повторили («переоткрыли») сразу три ученых: Х. де Фриз (Голландия), К. Корренс (Германия) и Э. Чермак (Австрия). Проведя почти одновременно собственные опыты, они убедились в справедливости выводов Менделя. Труды по пчеловодству, садоводству, метеорологии и др. Закон независимого расщепления признаков, известный теперь как закон Менделя, положил начало новому направлению в биологии – менделизму, ставшему фундаментом генетики [24–26].

Милтон (Мильтон) – (Milton) Джон (1608–1674) – английский поэт, политический деятель, мыслитель. Сын нотариуса, близкого пуританским кругам. В 1632 г. окончил Кембриджский университет, получив степень магистра искусств. Уже в ранних произведениях Милтона сказалось его знакомство с философией Ф. Бэкона и др., его близость к пуританской поэзии. В период Английской буржуазной революции XVI в. Милтон – выдающийся публицист, сторонник независимых. В защиту свободы печати против принятого Долгим парламентом закона о цензуре написал памфлет «Ареопагитика» (1644, рус. пер. 1907). Книга «Иконоборец» (1649), обосновывающая осуждение и казнь короля Карла I как тирана, убийцы и откровенного врага английского государства, открывает полемику с роялистскими памфлетистами Англии и континентальной Европы. Неоднократно высказывал тревогу по поводу положения дел в Англии, порицая нарушение прерогатив парламента, отсутствие религиозной свободы, расправу с демократическим движением. После реставрации Стюартов (1660) сочинения Милтона «Иконоборец» и два памфлета «Защита английского народа» были публично сожжены. Избежав тюрьмы и смерти, Милтон вел уединенную жизнь. Его бедствия усугубила слепота. В этот период напряженного творчества им созданы поэмы на библейском материале «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671), а также «История Британии» (1670). Воздействие Милтона на развитие европейской поэзии прослеживается вплоть до 30-х гг. XIX в. Английского поэта и мыслителя знали и высоко ценили в России XVIII–XIX вв., и сам Милтон проявил интерес к России, посвятив ей «Краткую историю Московии» (1682, рус. пер. под названием «Московия Джона Мильтона», 1875) [398].

Монотеизм (от *monos* – один и греч. *teos* – Бог) (единобожие) – система религиозных верований, основанная на представлении о едином Боге. К монотеистическим религиям относятся иудаизм, христианство и ислам [46, 49, 330, 353, 358–360, 362, 363].

Мор (More) Томас (1478–1535) – английский гуманист, государственный деятель; один из основоположников утопического социализма. Друг Эразма Роттердамского. Канцлер Англии в 1529–1532 гг. Будучи католиком, отказался дать присягу королю как «верховному главе» Англиканской церкви, после чего обвинен в государственной измене и казнен; канонизирован католической церковью (1935). В сочинении «Утопия» (1516), содержащем описание идеального строя фантастического острова Утопия (название дано Мором), Мор изобразил общество, где нет частной собственности и обобществлены производство и быт; труд – обязанность всех, распределение происходит по потребности. Слово «утопия» стало впоследствии нарицательным [389, 390].

Морган Томас Хант (1866–1945) – американский зоолог и генетик, один из основоположников генетики. Президент Национальной академии наук США (1927–1931). Работы Моргана и его школы (Г. Дж. Меллер, А. Г. Стертевант, К. Бриджес и др.) обосновали хромосомную теорию наследственности; установленные закономерности расположения генов в хромосомах прояснили цитологический механизм законов Менделя и способствовали разработке генетических основ теории естественного отбора. Лауреат Нобелевской премии (1933) «за открытия, связанные с ролью хромосом в наследственности». В Нобелевской лекции Морган заявил, что вклад генетики в медицину носит преимущественно чисто образовательный характер. «В прошлом сам предмет наследственности человека был настолько расплывчатым и засоренным всевозможными мифами и предрассудками, что обретение научного понимания сути предмета есть уже достижение первостепенной величины», – сказал он. В этой речи Морган высказал предположение, что открытие явления сцепления с полом может когда-нибудь оказаться полезным для диагностики генетических заболеваний [24].

Мо-цзы (Мо Ди) (479–400 до н. э.) – древнекитайский философ, противник конфуцианства. Взгляды Мо-цзы и его учеников собраны в книге «Мо-цзы». Основной тезис учения Мо-цзы о «всеобщей любви и взаимной выгоде» – попытка своеобразного этического обоснования идеи равенства всех людей [407–411].

Муавия I (? – 680) – основатель и первый халиф (с 661 г.) династии Омейядов, сын главы мекканских курейшитов Абу Суфьяна. Фактически Муавия основал монархическое правление в Арабском халифате [248].

Мэйдзи (с япон. – просвещенное правление) – официальное название периода правления (с 1868 г.) японского императора Муцухито (правил в 1867–1912) [91, 166, 219, 263, 286, 354, 364].

Мэн-цзы (ок. 372–289 до н. э.) – древнекитайский философ, последователь Конфуция. Взгляды Мэн-цзы изложены в книге «Мэн-цзы». Сформулировал тезис о незыблемости деления людей на правящих и управляемых [367, 407].

Ницше (Nietzsche) Фридрих (1844–1900) – немецкий философ, представитель иррационализма и волюнтаризма, поэт. Учился в Боннском и Лейпцигском университетах. В 1869–1879 гг. профессор классической филологии Базельского университета. Творческая деятельность Ницше оборвалась в 1889 г. в связи с душевной болезнью. Первый крупный предвозвестник империалистической идеологии в Германии. Его философский идеал – мощная, сильная своей волей, духовная личность, для которой все позволено, независимо от нынешних понятий добра и зла. Это – «сверхчеловек» (Ueberschensch) – подчиняющийся другой, высшей морали, а не обычной морали рабов. Христианство, проповедующее равенство всех людей, самоуничтожение, сострадание к низшим, – величайшее зло; дурно все, что вытекает из слабости, хорошо же все, что возвышает чувство мощи в человеке; необходимо самое полное беспредельное развитие своего «я». Всякое знание и мышление условно. В учении Ницше мы видим яркое выражение умственных течений конца XIX в.: индивидуализма, эстетизма, жажды личной свободы. Философия Ницше оказала влияние на различные направления буржуазной мысли XX в. – философию жизни, прагматизм, экзистенциализм (каждое из этих направлений по-своему толковало Ницше). Оказал значительное влияние на писателей конца XIX – начала XX в. как в Германии (С. Георге, Г. Манн, Т. Манн, Г. Хессе, Г. Бенн), так и в др. странах – К. Гамсун (Норвегия), А. Стриндберг (Швеция), А. Жид (Франция), Э. Синклер, Дж. Лондон (США), Икбал (Индия), на русских символистов В. Иванова, А. Белого, В. Брюсова. Творчество Ницше явилось, по существу, одновременно саморазоблачением и утверждением тенденций буржуазной культуры в эпоху империализма, «прообразом» реакционных тенденций в философии, политике, морали XX в.; ницшеанство использовали и идеологи немецкого фашизма. Философы-марксисты, начиная с Ф. Меринга и Г.В. Плеханова, выступали с резкой и последовательной критикой идей Ницше и ницшеанства [374].

Ничирен (1222–1282) – (или Ничирен Дайшонин, что означает «Большой мудрый Ничирен») родился в семье рыбака в деревне Тоджо провинции Ава (нынешняя префектура Тиба). В 1233 г. вступил в храм Сейчо-джи школы Тендай. Проходил обучение в главных храмах Киото. Основоположник новейшего буддизма, основанного на «Сутре Лотоса», утверждающего

природу будды внутри каждого смертного, неприкосновенное достоинство самой жизни и принципиальную возможность просветления всех людей на Земле. Сегодня его учение исповедуют более десяти миллионов людей в 190 странах мира. Основные труды: «Установление благоденствия в стране через правильное учение», «Письмо из ост. Садо», «Подлинная сущность всех явлений», «Открывая глаза», «Выбор времени» [168].

Ода Нобунага (1534–1582) – японский полководец, первый из объединителей (Ода Нобунага, Хидэёси Тоётоми, Иэясу Токугава) страны. Был главой небольшого княжества в провинции Овари (центральная часть о. Хонсю). В 1558 г. начал борьбу с соседними феодальными князьями. В 1568 г. вступил в г. Киото, являвшийся резиденцией сёгунов и официальной столицей Японии. В 1573 г. низложил последнего сёгуна из дома Асикага. К 1582 г. объединил под своей властью не менее трети страны. Боролся с буддийским духовенством, выступавшим против централизации государства и действовавшим в союзе с враждебными князьями. С 1570 г. вел кровопролитную борьбу во многих провинциях с сектой икко, под знаменем которой выступали широкие народные массы (так называемые икко-икки – восстания секты икко). С целью укрепления феодальных порядков Ода начал кадровую перепись земель, уничтожил внутренние заставы, учредил единую денежную единицу, вел строительство дорог. Был убит одним из своих ближайших сподвижников Мицухидэ Акэти [295].

Ортега-и-Гассет (Ortega y Gasset) Хосе (1883–1955) – испанский философ. Профессор Высшей педагогической школы в Мадриде (с 1908 г.). Преподавал курс метафизики в Мадридском университете, возглавляя одноименную кафедру факультета философии и языка (1910–1936). Основатель (1948) Института гуманитарных наук в Мадриде. Творчество Ортеги оказало существенное воздействие на испанскую и мировую философию и культуру. Не являясь философом-систематиком, ориентируясь на заочный диалог в сократическом стиле с классиками предшествующей философской традиции (Г. Галилей, Г. Лейбниц, И. Кант, Г. Гегель и др.), Ортега стремился в первую очередь конструктивно преодолеть постулаты рационализма Р. Декарта, в соответствии с которыми, по Ортеге, человек в главной своей ипостаси – человек «познающий», а не человек «живущий». По мнению Ортеги, культура есть не только особый живой организм, но также и совокупность устремлений самих людей. «Верования», «идеи, которыми мы являемся», по мысли Ортеги, суть неотъемлемая «конститутивная потребность каждой человеческой жизни, какова бы она ни была». Ортега в числе первых осознал, что Европа вступает в новый период исторического

развития, аналогичный двухвековому Возрождению: «Мы покидаем одно время, чтобы вступить в другое» [258].

Оруэлл (Orwell) Джордж (наст. имя Эрик Блэр) (1903–1950) – английский писатель и публицист. Участник испанской войны 1936–1939 (кн. «Памяти Каталонии», 1938). В сатире «Скотный двор» (1945) показал перерождение общества, возникшего на основе революционных принципов и программ, в тоталитарный режим. В романе-антиутопии «1984» (1949), опираясь на реальный опыт фашизма и социализма, изобразил будущее мировое общество как тоталитарный иерархический строй, основанный на изощренном физическом и духовном порабощении масс, пронизанный всеобщим страхом и ненавистью [390].

Пали – литературный среднеиндийский язык, относится к индийской группе индоевропейской семьи языков. Пали – язык буддийского Канона. Сложился в Индии, распространился на о. Шри-Ланка, в Мьянме, Таиланде, Лаосе, Камбодже, Вьетнаме [375].

Пантеизм – (от *pan* – все и греч. *theos* – бог) – религиозные и философские учения, отождествляющие Бога и мировое целое. Пантеистические тенденции проявляются в еретической мистике Средних веков. Характерен для натурфилософии Возрождения и Б. Спинозы (отождествлявшего понятия «Бог» и «природа») – а также И.Г. Гердера, И.В. Гёте и классической немецкой философии [358, 359, 360–362].

Печчеи Аурелио (Peccei Aurelio) (1908–1984) – итальянский менеджер фирмы «Фиат» и общественный деятель. Родился в г. Турине (Италия), в либеральной, чуждой религиозной ограниченности семье. Окончил экономический факультет Туринского университета. Печчеи принадлежал к не-марксистскому левому движению «Джустития элиберта» («Справедливость и свобода»), которое выступало за радикальное обновление итальянского общества. Благодаря энциклопедической эрудиции, особенностям базовой подготовки, работе в различных странах Азии, Африки, Латинской Америки и также участию во многих международных форумах, посвященных проблемам развития, Печчеи осознал глубинную общность целого ряда региональных социально-экономических вопросов, необходимость постановки и системного рассмотрения ни этой основе особого класса проблем, получивших название «мировых», «глобальных». Для обсуждения этих проблем по инициативе Печчеи в 1971 г. была создана неправительственная организация – Римский клуб. По заданию Римского клуба международными коллективами был подготовлен целый ряд докладов, получивших

широкую известность. Особый резонанс в самых различных кругах общественности вызвала публикация в 1972 г. доклада «Пределы роста», выполненного под руководством Д. Медоуза. Это исследование представляло собой первую попытку моделирования взаимодействия ряда фундаментальных показателей (рост населения, истощение ресурсов, загрязнение среды и др.), характеризующих мировое развитие. Философия Римского клуба изложена по существу в работе А. Печчеи «Человеческие качества» [10, 444].

Психосоматика (от *psyche* – душа и греч. *soma* – тело) – термин означает связь души и тела, т.е. психики и здоровья; подход к объяснению соматических заболеваний, при котором основное внимание уделяется роли психических факторов; в узком смысле – течение в современной, главным образом американской и западноевропейской медицине, возникшее на основе применения психоанализа к истолкованию и терапии вегетативных неврозов и других телесных заболеваний [28, 301, 303, 308–313, 318, 321].

Ренессанс (Возрождение) – эпоха в идейном и культурном развитии ряда стран Западной и Центральной, а также Восточной Европы. Основные отличительные черты культуры Ренессанса – светский характер, гуманистическое мировоззрение, обращение к античному культурному наследию, своего рода «возрождение» его (отсюда название). Вопрос о хронологии, границах Возрождения (в Италии, где Возрождение подразделяется на раннее, высокое и позднее, – 14–16 вв., в др. странах – 15–17 вв.), его территориальном распространении и национальных особенностях дискутируется в современной науке [352, 353, 356].

Реформация (от лат. *reformatio* – преобразование) – общественное движение в Западной и Центральной Европе в XVI в. Носило в основном антифеодальный характер, приняло форму борьбы против католической церкви. Начало Реформации положило выступление в 1517 г. в Германии М. Лютера. Идеологи Реформации выдвинули тезисы, которыми фактически отрицалась необходимость католической церкви с ее иерархией и духовенства вообще, отвергалось католическое Священное Предание, отрицались права церкви на земельные богатства и др. Под идейным знаменем Реформации происходили Крестьянская война 1524–1526 гг. в Германии, Нидерландская и английская революции. Реформация положила начало протестантизму [352, 353].

Ризман Дэвид (1909–2002) – американский социолог, автор книги «Одинокая толпа» (1950) – в которой он назвал целое поколение «одиноким толпой», желая показать этим, что часто в присутствии других мы чувствуем себя изолированными и одинокими [258].

Сартр (Sartre) Жан Поль (1905–1980) – французский писатель, философ и публицист. Участник Движения Сопротивления. Основатель и глава французского атеистического экзистенциализма. Один из наиболее значительных представителей французской феноменологии, в основе которой – противопоставление объективности и субъективности, свободы и необходимости («Бытие и ничто», 1943); пытался дополнить марксизм экзистенциальной антропологией («Критика диалектического разума», 1960). Основные темы художественных произведений: одиночество, поиск абсолютной свободы, абсурдность бытия. Незавершенная тетралогия «Дороги свободы» (1945–1949) – пьесы-притчи «Мухи» (1943) – «Дьявол и Господь Бог» (1951) и др. В 1964 г. Сартру присуждена Нобелевская премия по литературе, от которой он отказался [82].

Селье (Selye) Ганс (1907–1982) – канадский патолог. Родился в Вене, с 1932 г. в Канаде. Сформулировал концепцию стресса, ввел понятие адаптационного синдрома, болезней адаптации [113].

Сёгун – титул правителей Японии в 1192–1867 гг., при которых императорская династия была лишена реальной власти. Всего было три династии сёгунов: Минамото (1192–1333), Асикага (1335/1338–1573) и Токугава (1603–1867) [281, 286, 390].

Сорок семь ронинов. В 1701 г. в замке сёгуна один из самураев по имени Кира Ёсихиса спровоцировал ссору с самураем Асано Наганори. Асано выхватил меч и ранил обидчика, что было расценено как страшное преступление, так как дворец сёгуна считался священным местом, где нельзя обнажать меч под страхом смерти. По приговору сёгуна Асано был вынужден совершить ритуальное самоубийство – сэппуку. Все имущество Асано было конфисковано, а его вассалы стали самураями без сюзерена – ронинами. С точки зрения кодекса поведения самурая, отомстить за погибшего хозяина было обязанностью его вассалов. Это был *гири* – священный долг, который надлежало исполнить, не щадя собственной жизни. Сорок семь самураев поклялись во что бы то ни стало отомстить за своего господина. Декабрьской ночью 1703 г. 47 воинов направились к замку обидчика. После короткого штурма Кира был схвачен и обезглавлен. Один из самураев отправился известить семью Асано о справедливом возмездии. После этого самураи отправились к храму Сэнгакудзи, где был похоронен Асано, и позже сдались властям. Эта история имела огромный резонанс во всей Японии. Сам сёгун выразил восхищение столь беспредельной храбростью и верностью. Но закон был непримирим и всех 47 человек приговорили к сэппуку. Их

похоронили рядом с господином. Могилы 47 ронинов и ныне почитаемы в Японии, они остаются хрестоматийными героями, а их вендетта – одним из ярчайших событий национальной истории [189] .

Страбон (64/63 до н. э. – 23/24 н. э.) – греческий географ. Много путешествовал. Автор «Географии» (17 книг) – свода географических знаний Античности и «Исторических записок» (до нас не дошли). [58]

Сюнь-цзы (ок. 313–238 до н. э.) – древнекитайский философ, последователь Конфуция. Написал трактат «Сюнь-цзы». [367]

Телеология (от греч. *telos*, *pod. надеж teleos* – цель и *logos* – учение) – философское учение, приписывающее процессам и явлениям природы цели (целесообразность или способность к целеполаганию) – которые или устанавливаются Богом (Х. Вольф), или являются внутренними причинами природы (Аристотель, Г.В. Лейбниц). Таким образом, все в мире осуществляется в соответствии с заранее предопределенной Богом или природой целью [395, 396].

Теология (от греч. *theos* – Бог и *logos* – учение) (богословие) – совокупность религиозных доктрин о сущности и действии Бога. Предполагает концепцию личного абсолютного Бога, сообщающего человеку знание о себе в Откровении. В строгом смысле слова о теологии принято говорить применительно к иудаизму, христианству, исламу [85, 347, 352, 353, 355, 384].

Тоётоми Хидэёси (1536–1598) – полководец и государственный деятель феодальной Японии. Выходец из крестьян. Проявив выдающиеся военные способности, Тоётоми стал одним из ближайших помощников Ода Нобунага в его войнах за создание централизованного государства. После гибели Ода в 1582 г. Тоётоми сконцентрировал в своих руках фактическую власть, формально занимая лишь пост канцлера (кампаку). Он предпринял ряд походов против князей с целью усиления централизованного феодального государственного аппарата. Осуществил реформы, направленные на укрепление феодального строя. В 1588 г. издал указ об изъятии оружия (мечей, коротких мечей, луков, ружей и др.) у крестьян. В 1589–1595 гг. провёл ряд мероприятий, направленных на реставрацию крепостничества: была осуществлена перепись земельных владений; крестьянам, записанным в реестровых книгах за определенными земельными участками, было запрещено уходить с земли. В 1592–1598 гг. японские феодалы вели под руководством Тоётоми захватническую войну против Кореи, рассчитывая затем завоевать Китай и другие страны Дальнего Востока, однако потерпели поражение [145, 209, 226, 256, 295].

Токугава Иэясу (1542–1616) – полководец и государственный деятель, основатель династии сёгунов Токугава. Один из ближайших сподвижников и последователей Оды Нобунага и Тоётоми Хидэёси, внес значительный вклад в создание централизованного феодального государства в Японии. В последние годы жизни Иэясу издал целую серию указов, регламентирующих жизнь императорского двора, дворянства, духовенства, которые способствовали упрочению позиции сёгуната [145, 209, 226, 256, 286, 295, 354, 390].

Упанишады (санскр. – сокровенное знание) – заключительная часть вед, их окончание («веда-анта»); основа всех ортодоксальных (принимających авторитет вед) религиозно-философских систем Индии, в том числе веданты. Из свыше 200 упанишад около 10 считаются главными. Время создания VII–III вв. до н. э. – XIV–XV вв. н. э. Разнообразное содержание упанишад подчинено практическим целям достижения духовного освобождения. В центре упанишады – учение о тождестве брахмана и атмана [378].

Уэллс (Wells) Герберт Джордж (1866–1946) – английский писатель. Классик научно-фантастической литературы. В романах «Машина времени» (1895), «Человек-невидимка» (1897), «Война миров» (1898) опирался на новейшие естественнонаучные концепции; осмысливая историю развития цивилизации, акцентировал внимание на жестокости и неотвратимости научно-технического прогресса. В романах «Когда спящий проснется» (1899) и «В дни кометы» (1906) – социальные и нравственные прогнозы. Менее известны его трактаты просветительского, философского, политического содержания, среди которых очерк «Современная утопия» (1909). Остросовременное звучание имели бытовые романы «Киппс» (1905), «Тоно Бенге» (1909), в которых – попытка в традициях О. де Бальзака дать «поперечный» разрез английского общества. В 1914, 1920 и 1934 гг. посещал Россию (книги «Россия во мгле», 1920; «Опыт автобиографии», 1934). Антифашистские романы «Накануне» (1927), «Самодержавие мистера Паргема» (1930) [389, 391].

Фарадей (Faraday) Майкл (1791–1867) – английский физик, основоположник учения об электромагнитном поле. Открытое Фарадеем явление электромагнитной индукции (1831) лежит в основе электротехники. Установил (1833–1834) законы электролиза. Открыл пара- и диамагнетизм, вращение плоскости поляризации света в магнитном поле. Ввел понятия электрических и магнитных полей, предсказал существование электромагнитных волн [326].

Феодор Тарсийский (602–690) – христианский богослов, епископ, седьмой Кентерберийский епископ (с 668 г.). Родился в Тарсе, древнем главном городе Киликии в епархии Византийской империи (современный г. Тарсус в Турции). В детстве пережил разрушительные войны между Византией и Персидской империей. Образование получил в Константинополе, где изучал астрономию, астрологию, медицину, гражданское римское право, греческую риторику, философию и др. Известен как организатор епархиальной структуры английской церкви. Его мудрая политика примирения с кельтской церковью заложила основы британской церкви. Уже в Средние века Кентербери стал местом зарождения и процветания искусств и духовных наук, выдающимся представителем которых считается монах Беда Досточтимый (Baeda Venerabilis) (ок. 673–735). Иллюстрирование книг становится особым видом искусства, и в итоге появляется на свет прекрасно изданное Линдисфарнское Евангелие. Похоронен в Кентербери в церкви св. Петра. Поминается в святцах восточной ортодоксальной церкви 19 сентября [74].

Франциск Ассизский (лат. Franciscus Assisiensis) (1181 или 1182–1226) – итальянский проповедник, основатель ордена францисканцев, автор религиозных поэтических произведений («Похвала добродетели», «Похвала Богу» и др.). С 1207 г. начал нищее житие, с 1209 г. подчинил свою жизнь служению духовному наследию Иисуса Христа, став проповедником. Вскоре у него появились последователи в Италии и почти во всех европейских странах, которые организовались во францисканские братства. В 1228 г. канонизирован. Рассказы и легенды о нем собраны в анонимном сборнике «Цветочки св. Франциска Ассизского» [47–49, 371, 409, 411].

Фрейд Зигмунд (1856–1939) – австрийский психолог, психиатр и невропатолог, создатель психоанализа. Первоначально проводил исследования по анатомии и физиологии нервной системы. С 80-х гг. XIX в. работал в области практической медицины. Вместе с И. Брейером опубликовал в 90-х гг. работы о происхождении истерии и о гипнозе. В дальнейшем отказался от применения гипноза и создал свой способ лечения больных при помощи психоанализа, основанного на толковании ассоциаций, сновидений, ошибочных действий больного. На полученном материале создал трехчленную структуру личности (сознание, предсознательное и бессознательное) и опубликовал работы «Толкование сновидений» (1900), «Психопатология обыденной жизни» (1901), «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905) и др. В основе неврозов усматривал наличие

сексуальных проблем, этот же лейтмотив был им перенесен в область философии и культуры: «Леонардо Да Винчи» (1913), «Тотем и табу» (1913). В 1920-х гг. уточнил свою концепцию, в результате чего структура личности была представлена инстанциями Я (Ego), Оно (Id) и Сверх-Я (Super-Ego) [32, 374].

Фромм (Fromm) Эрих (1900–1980) – выдающийся мыслитель XX в., во многом определивший общественные настроения своей эпохи, немецко-американский психолог и социолог, представитель неопрейдизма. В 1929–1932 гг. сотрудник Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне; в 1933 г. эмигрировал в США; ряд лет вел практику врача-психоаналитика; с 1951 г. профессор университета в Мехико. Фромм отходит от биологизма З. Фрейда, приближаясь по своим взглядам к антропологическому психологизму и экзистенциализму. Разрабатывая целостную концепцию личности, стремился выяснить механизм взаимодействия психологических и социальных факторов в процессе ее формирования. Связь между психикой индивида и социальной структурой общества выражает, по Фромму, социальный характер, в формировании которого особая роль принадлежит страху. Страх подавляет и вытесняет в бессознательное черты, несовместимые с господствующими в обществе нормами. Типы социального характера совпадают с различными историческими типами самоотчужденного человека (накопительский, эксплуататорский, «рецептивный» (пассивный), «рыночный»). Различные формы социальной патологии в современном буржуазном обществе Фромм также связывает с отчуждением. Критикуя капитализм как больное, иррациональное общество, Фромм с позиций надклассового гуманизма выдвигает утопический проект создания гармонического «здорового общества» при помощи методов «социальной терапии» [258].

Фронтир – см. **Дух первых поселенцев**.

Хаксли (Гексли) (Huxley) Олдос (1894–1963) – английский писатель. Интеллектуальные романы «Желтый Кром» (1921) и «Контрапункт» (1928) – об идейном и духовном кризисе современной цивилизации. Антиутопии «О дивный новый мир» (1932) и «Обезьяна и сущность» (1948) – сатира на тоталитаризм, стандартизированный образ жизни «общества потребления». Смятение и тревога за будущее, неверие в социальный прогресс и духовный потенциал личности (роман «Гений и богиня», 1955) привели Хаксли к мистицизму, идеям буддизма (роман «Остров», 1962) [390].

Хань Лю Бан – см. **Лю Бан**.

Хань У-ди (140–87 гг. до н. э.), знаменитый китайский император, крупнейший и известнейший из правителей Хань, за долгий период правления которого были заложены идейные и институциональные основы китайской конфуцианской империи, просуществовавшей с тех пор без заметных структурных изменений вплоть до XX в. Нанес окончательный удар по удельным владениям. Именно У-ди в 121 г. до н. э. издал специальный указ, согласно которому наследственные уделы должны были обязательно делиться между всеми многочисленными детьми их владельцев. Этот указ практически ликвидировал и без того не слишком устойчивый в древнем Китае принцип майората (точнее – права одного, не обязательно старшего, чаще выбранного отцом наследника на родовое владение) – что практически означало исчезновение быстро дробившихся уделов. Во времена У-ди империя Хань была поделена на 102 области с ответственными перед центром губернаторами. Была установлена сильная бюрократическая администрация, в которой важную роль играли цензоры-прокуроры с правом действенного контроля. Для выкачивания денег из разбогатевших частных собственников была возобновлена система откупов и продажи рангов. У-ди ввел государственную монополию на выплавку железа и добычу соли, чеканку монет и изготовление вина. Были проведены крупные конфискации земли и рабов у чересчур разбогатевших собственников. Вся система администрации У-ди была скорректирована таким образом, чтобы максимально усилить государство, сделать наиболее эффективной центральную администрацию и выкачать как можно больше средств из кармана частных собственников, предоставляя некоторым из них за это определенные, до того запретные для них привилегии и к тому же используя их знания и опыт в организации необходимых производственных предприятий (система откупов и т.п.) [158].

Хинаяна (санскр., букв. – малая колесница) – наряду с махаяной одно из двух направлений буддизма; южный буддизм. Утвердилась в Шри-Ланке, Мьянме (бывшая Бирма), Лаосе, Таиланде и др. странах. Буддийский идеал «освобождения» принял в хинаяне форму преимущественно личного совершенствования, независимого от каких-либо внешних условий (так называемый идеал архата). Развила учение о дхармах [329].

Цезарь Гай Юлий (Gaius Julius Caesar) (102 или 100–44 до н. э.) – римский диктатор (49–45 гг. до н. э., с 44 г. до н. э. – пожизненно), полководец, писатель. Из патрицианского рода Юлиев. Начал политическую деятельность как сторонник демократической группировки. В 60 г. до н. э. вступил в союз с Г. Помпеем и Крассом (1-й триумвират). Его полководческий талант ярко

проявился при завоевании Галлии (58–51 гг. до н. э.) и в гражданской войне (49–45 до н. э.). Вплоть до XIX в. военачальники учились у Цезаря военному искусству. А.В. Суворов и Наполеон считали знание трудов Цезаря обязательным для каждого офицера. В 49 г. до н. э., опираясь на армию, начал борьбу за единовластие. Разгромив Помпея и его сторонников в 49–45 гг. до н. э. (Красс умер в 53 г. до н. э.), оказался во главе государства. Сосредоточив в своих руках ряд важнейших республиканских должностей (диктатора, консула и т.п.) – стал фактически монархом. Убит в результате заговора республиканцев во главе с Г. Кассием и М.Ю. Брутом. Автор «Записок о галльской войне» и «Записок о гражданских войнах»; провел в 46 г. до н. э. реформу календаря (Юлианский календарь) [145, 188, 192, 220, 248, 256].

Цинь Ши Хуан-ди (259–210 до н. э.) – объединил Китай и в 220 г. до н. э. стал первым императором Китая (первым, носившим титул Хуан). Создал систему централизованной власти, первоначально основанной на легизме, которую наследовали все последующие китайские династии, заменив легизм (сформировавшееся в IV–III вв. до н. э. теоретическое обоснование тоталитарно-деспотического управления государством и обществом, первым в китайской теории добившееся статуса единой официальной идеологии в первой централизованной империи Цинь) на более гуманное конфуцианство. В период правления Цинь Ши Хуана были стандартизированы китайская письменность, денежная система, система мер и весов. При нем было начато строительство Великой Китайской стены [145, 226, 256, 259].

Цин (или Дайцин) – императорская маньчжурская династия в Китае в 1644–1911 гг. Пришла к власти в результате завоевания Китая маньчжурами. Свергнута Синьхайской революцией 1911–1913 гг. [164, 348].

Цянь Лун (1662–1796) – китайский император, расширил владения Китая до границ Индостана и Бухары. При Цянь Луне сношения между Китаем и Россией сделались особенно оживленными [283].

Чжи И (538–597), известен еще и как Тянь-тай – буддийский наставник и основатель школы Тянь-тай. Первоначально носил фамилию Чэнь. Выходец из уезда Сюйчань провинции Хэнань, 18-ти лет, вскоре смерти родителей, ушел в монахи. На горе Тянь-тай (откуда его имя и название его школы) он изучал «Сутру Лотоса». Перед восхождением на престол Суйский император Ян-ди присвоил Чжи И титул «мудрый», поэтому его обычно называют «Большой учитель Мудрый» (чжичжэ даши, что можно также перевести «Большой учитель среди Мудрых»). Автор сочинений по медитации, в том числе «Остановка и созерцание для желторотых», «Шесть тонких

методов-ворот» («Лю мяо фа мэнь») и др., в которых развивал учение о методах регулирования тела, дыхания, лечения болезней остановкой, или созерцанием и т.д. Его основные труды: «Погружение в себя и самосозерцание», «Изначальный смысл “Сутры Лотоса”» и др. [33, 34, 340].

Шакьямуни – см. Будда.

Шан – древнекитайское государство Шан или Инь, существовавшее в XIV–XI вв. до н. э. [348].

Швейцер (Schweitzer) Альберт (1875–1965) – немецко-французский мыслитель-гуманист, теолог, врач, пастор, музыковед, теоретик философии культуры, общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии Мира (1952) и франкфуртской премии Гёте (1928). Смысл бытия человека, полагал Швейцер, – непрестанное самосовершенствование с целью гармонизации и улучшения собственной природы. Иной путь не является достойным человека, его духа, освященного божественным происхождением. По мнению Швейцера, именно уровень гуманизма, достигнутый обществом в целом, адекватно отражает степень его зрелости и человекосоразмерности [411].

Шпенглер (Spengler) Освальд (1880–1936) – немецкий философ, историк, представитель философии жизни. Развил учение о культуре как множестве замкнутых «организмов» (египетский, индийский, китайский и т.д.) – выражающих коллективную «душу» народа и проходящих определенный внутренний жизненный цикл (длящийся около тысячелетия). Умирая, культура перерождается в цивилизацию, в которой господствует голый техницизм, а на смену творчеству и развитию приходят бесплодие и окостенение. Главное сочинение – «Закат Европы» (т. 1–2, 1918–1922) [14,442].

Эйнштейн (Einstein) Альберт (1879–1955) – физик-теоретик, один из основоположников современной физики. Известен прежде всего как автор теории относительности. Эйнштейн внес также значительный вклад в создание квантовой механики, развитие статистической физики и космологии. Лауреат Нобелевской премии по физике 1921 г. [39, 42, 310, 313, 326, 327].

Эпистемология – (от греч. *episteme* – знание, и *logos* – учение) – то же, что и теория познания [100, 333].

Эпоха Эдо (или сёгунат Токугавы – см. выше) – заключительный период японского Средневековья, известный в исторической литературе как Эпоха Токугава, или Эпоха Эдо. Период Эдо (1603–1867) назван так по ставке сёгунов из рода Токугава в Эдо. Характеризуется бурным ростом городов, развитием городской культуры, резким увеличением населения. После войн

и усобиц наступило мирное время, в умах и сердцах людей произошел так называемый переход «от возвышенного к земному» [187, 286].

Эсхатология (от греческого *eschatos* – последний, конечный и *logos* – учение) – религиозное учение о конечных судьбах мира и человека. Различаются: индивидуальная эсхатология – учение о загробной жизни единичной человеческой души; всемирная эсхатология – учение о цели Космоса и истории и их конце. [64]

Юкава (Yukawa) Хидэки (р. 1907) – японский физик, член Японской академии наук (1946). В 1929 г. окончил университет в г. Киото, с 1932 г. преподавал там же. В 1933–1939 гг. в Университете Осака, с 1939 г. профессор Университета Киото. В 1948 г. был приглашен в Институт высших исследований (Принстон, США). В 1949–1953 гг. профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке. В 1953–1970 гг. руководил Научно-исследовательским институтом фундаментальной физики Университета Киото. Основные труды по теории ядра. В 1935 г. предложил теорию ядерных сил, объяснившую их краткодействие. Из нее следовало, что взаимодействие нуклонов происходит в результате обмена мезонами – частицами с массой около 300 электронных масс, которые были обнаружены в 1947 г. экспериментально. Лауреат Нобелевской премии (1949). Иностранный член АН СССР (1966), член Лондонского королевского общества (1963) [327].

Юнг (Jung) Карл Густав (1875–1961) – швейцарский психолог и философ, основатель «аналитической психологии». Развил учение о коллективном бессознательном, в образах которого (так называемых архетипах) видел источник общечеловеческой символики, в том числе мифов и сновидений («Метаморфозы и символы либидо», 1912). Оказал влияние на культурологию, сравнительное религиоведение и исследование мифологии [41].

ИЗ БИОГРАФИИ АРНОЛЬДА ТОЙНБИ

Тойнби Арнольд Джозеф (Toynbee, Arnold Joseph) (1889–1975) – английский историк, философ, дипломат и общественный деятель, родился в Лондоне 14 апреля 1889 г. Получил образование в Винчестерском колледже и Оксфордском университете. В 1913 г. женился на Розалинде Мёррей, дочери Гилберта Мёррея, оксфордского профессора-классика. Их сын Филипп стал известным романистом. Они развелись в 1946 г., и в том же году Тойнби женился на своей давней помощнице Веронике Марджори Боултер. В 1919–1924 гг. Тойнби – профессор византиноведения, греческого языка, литературы и истории Лондонского университета, а с 1925 г. вплоть до своей отставки в 1955 г. – научный руководитель Королевского института международных отношений и научный сотрудник Лондонского университета. В 1920–1946 гг. – редактор «Обзора международных отношений». После Первой и Второй мировых войн участвовал в качестве эксперта в Парижских мирных (1919–1920 гг. и 1946 г.) и других международных конференциях. Во время Второй мировой войны Тойнби занимал пост директора научного отдела Министерства иностранных дел Великобритании. В 1956 г. был награжден орденом Кавалеров Почета. Умер Тойнби в Йорке 22 октября 1975 г.

Вовлеченность в мировую политику на самом высоком уровне в значительной степени определила характер и масштабы исторического мышления А. Тойнби, ставшего одним из выдающихся представителей цивилизационного подхода к мировой истории.

Тойнби последовал за О. Шпенглером и его «Закатом Европы» в отрицании традиционной концепции единства мировой истории и предложил взамен сравнительное исследование культур, обнаруживающих поразительное сходство в жизненном цикле – возникновении, развитии и упадке. Однако он отвергал шпенглеровскую теорию культур как организмов, имеющих продолжительность жизни в 1000 лет, и в качестве причин их упадка называл нравственное вырождение и утрату творческого подхода к возникающим проблемам.

Тойнби разработал оригинальный вариант концепции локальных цивилизаций. В качестве единиц членения исторического процесса он считал цивилизации, которые отождествлялись им с состоянием общества, при котором появляется творческая элита, свободная от участия в воспроизводстве материальной жизни. Принадлежащие к ней администраторы, профессиональные солдаты и священники наделены, по Тойнби, даром мистического порыва, ведущего к универсализации всемирно-исторического процесса. Именно они создают неповторимый духовный облик каждой цивилизации, находящий воплощение в ее символах. По сравнительным таблицам Тойнби выходило, что в Западной Европе во времена Наполеоновских войн и в Габсбургской монархии в 1526–1918 гг., несмотря на Тридцатилетнюю войну, Первую мировую войну и т.п., царил мир. Однако и сам Тойнби, и многие его поклонники были склонны отмахиваться от указаний на допущенные неточности, считая эти поправки заурядными общими местами; по их мнению, имело значение только то, что более или менее явно следовало из томов 1–6 принесшего ему всемирную известность 12-томного труда «Исследование истории» (A Study of History, 12 vols., 1934–1961), а именно, что возвращение к католицизму в той или иной его форме могло бы остановить закат западной цивилизации, начавшийся вместе с эпохой Реформации.

С годами его научные взгляды претерпели серьезные изменения. Если в начале своего пути (1910-е гг.) Тойнби рассматривал в качестве основной единицы всемирной истории национальное государство, а позже (в 1920–1940-е гг.) видел ее в локальных цивилизациях, то на завершающем этапе творческой биографии (1950–1970-е гг.) на основе изучения высших религий мира он пришел к «экуменической» концепции развития человечества. Религиозный взгляд Тойнби на универсум, претерпевший эволюцию от христианства к мистическому пантеизму «экс-христианского» толка, стал основой его мировоззрения. Опубликованные в 1954 г. после 15-летнего перерыва тома 7–10 «Исследования истории» уже не содержали многих прежних идей. Показав в «Приложении» к 6-му тому, что множество высказываний и эпизодов жизни Иисуса Христа можно найти в дохристианском эллинистическом фольклоре и что само христианство возникло из религиозного синкретизма, Тойнби отвергал претензии христианства на исключительность. Наша цивилизация, считал он, погибнет; но она, подобно эллинизму, сослужит свою историческую роль, если, умирая, породит новую синкретическую религию.

Многочисленные публикации Тойнби включают научные монографии, такие как «Западный вопрос в Греции и Турции» (1922), «Греческая историческая мысль» (1924), а также несколько томов очерков и лекций, опубликованных после того, как было выпущено ставшее бестселлером сокращенное (в одном томе) изложение первых шести томов «Исследования истории». Наиболее интересна публикация Гиффордских лекций – «Подход историка к религии» (1956). Из поздних работ Тойнби заслуживают внимания: «Америка и мировая революция» (1962); «Между Нигером и Нилом» (1965); «Изменяющиеся города» (1970) и «Константин Багрянородный и его эпоха» (1973).

Необыкновенная эрудиция Тойнби несомненна, однако его концепция и методы были подвергнуты серьезнейшей критике. Популярность Тойнби – в значительной мере феномен американской культуры, в Англии у него больше критиков, чем поклонников. Тем не менее его идеи об историческом значении религии и плодотворности надматериальных ориентиров, разумеется, были вполне здоровыми, и даже его критики признавали, что ему удалось их популяризировать.

ИЗ БИОГРАФИИ ДАЙСАКУ ИКЕДЫ

Дайсаку Икеда – буддийский мыслитель, философ, писатель, поэт, педагог. Родился 2 января 1928 г. в Токио в семье торговца водорослями. В послевоенное время окончил Институт Фудзи. По образованию экономист. В 1947 г. в возрасте 19 лет вступил в общество Сока Гаккай (Soka Gakkai) вскоре после встречи с известным педагогом Джосэем Тода (вторым президентом Сока Гаккай), ставшим его учителем, под руководством которого он изучал философию, политику, литературу, искусство, экономику, юриспруденцию, химию и другие предметы. В 1952 г. он вступил в брак с Канэко и имеет двух сыновей. В 1960 г. Д. Икеда сменил Джосэя Тода, став третьим президентом Сока Гаккай. С 1979 г. он является его почетным президентом. За 19 лет его руководства обществом буддийское движение получило интенсивное развитие глобального масштаба. В 1975 г. Дайсаку Икеда основал международную буддийскую организацию Сока Гаккай Интернэшнл (Soka Gakkai International, SGI) и стал президентом этого светского миротворческого общества, членами которого являются около 10 миллионов человек, представителей более 190 стран и регионов мира.

Д. Икеда посетил более 50 стран, в которых встречался с деятелями науки, культуры и политики. Он убежден в том, что преодоление конфронтации между народами и создание гуманного человеческого общества возможно только ненасильственным путем – посредством диалога. Он определяет цель движения SGI как содействие миру и процветанию человечества через поддержку образования и культуры. Он рассматривает мир не только как отсутствие войны, но и как духовное состояние цивилизации, основой которого является уважение жизни, достоинства и прав всех граждан планеты.

Д. Икеда – основатель ряда учреждений, призванных осуществлять идеи гуманизма и милосердия. В их числе – образовательная система, в составе которой детские сады, начальные, средние и высшие школы, университеты, Фонд образования имени Макигучи; в сфере культуры – Концертная ассоциация «Мин-Он» (Min-On), Музеи изобразительных искусств Фудзи в г. Токио и в префектуре Сидзуока; в сфере науки – Научно-исследовательский институт восточной философии, Международный исследовательский

центр по вопросам мира имени Джосея Тода, Бостонский центр по исследованию проблем XXI столетия (Boston Research Center for 21st Century) и др.

Д. Икеда является автором многих произведений, изданных на японском языке, которые отражают широкий спектр его разносторонних интересов и включают поэзию, научные труды, работы по проблемам политики и цивилизации. В их числе философские труды о буддизме, повести и эссе для подростков, сказки для детей, такие как «Мальчик и Сакура», «Беседа с молодежью» и целый ряд других.

Многие его произведения, такие как «The Human Revolution» (Революция в душе человека, в 12 томах), «Life – an Enigma, a Precious Jewel» (Жизнь – это загадка, драгоценное сокровище), «Мой Будда», а также более сорока диалогов, проведенных Д. Икедой с представителями разных духовных традиций (христианства, ислама, иудаизма), с представителями цивилизаций Запада и Востока, среди которых такие выдающиеся мыслители современности, как Арнольд Тойнби (Избери жизнь), Аурелио Печчеи (Пока еще не слишком поздно), дважды лауреат Нобелевской премии Лайнус Полинг (Вся жизнь в борьбе за мир), ректор МГУ им. М.В. Ломоносова А.А. Логунов (Третий радужный мост; Наука и религия), М.С. Горбачев (Моральные уроки XX века), писатели Чингиз Айтматов (Ода величию духа) и Альберт Лиханов (Тропинка в страну детства), ректор МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Садовничий (На рубеже веков. Диалоги об образовании и воспитании), космонавт А.А. Серебров (Космос. Земля. Человек), индийский государственный деятель и философ Каран Сингх (Человечество на распутье) и целый ряд других, были переведены более чем на 30 иностранных языков.

Д. Икеда часто выступает с лекциями перед широкой общественностью по актуальным проблемам современности. С 1982 г. он ежегодно направляет свои обращения в ООН с конкретными мирными предложениями по вопросам, связанным с ролью ООН, ядерным разоружением, защитой окружающей среды.

Д. Икеда является обладателем более 200 степеней и званий почетного доктора и почетного профессора, присвоенных ему университетами всех континентов мира. Он был удостоен степеней почетного доктора Московского университета им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского университета, Дальневосточного университета, Международного университета (Россия), Университета Глазго (Великобритания), Университета Палермо (Италия), Софийского университета (Болгария), Гонконгского

университета, Университета Буэнос-Айреса, Университета Гуанажуато (Мексика), Филиппинского университета, Анкарского университета (Турция), Найробийского университета (Кения), Федерального университета Парана, Федерального университета Рио-де-Жанейро (Бразилия), Монгольского национального университета, Университета Чжэду (Республика Корея) и др.

Имеет звание почетного профессора Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, Пекинского, Фуданского и Фуханского университетов (КНР), Государственного университета Сан-Маркос (Перу), Автономного университета Санто-Доминго (Доминиканская Республика), Восточно-Азиатского университета (Макао) и др.

Д. Икеда – лауреат Премии мира ООН, Почетной премии ООН, награды «За гуманность» Верховного Комиссара по делам беженцев при ООН, премии «Поэт-лауреат» Всемирной ассоциации поэтов, Международной премии Мира за вклад в дело углубления взаимопонимания между молодыми поколениями и др.

Награжден орденом Солнца Перу степени Великого Креста (Перу), орденом Христофора Колумба степени Великого Креста (Доминиканская Республика), орденом Васко де Балбоа (Панама) и др.

Д. Икеда увлекается фотографированием и всегда делает фотоснимки в странах, где пролегает его путь. Персональные выставки его фоторабот проводились во многих странах мира, в том числе во Франции, Швеции, Австрии, России, Китае, США, Бразилии, Канаде, Мексике, Австралии и др., где получили много международных наград.

Свою активную миротворческую деятельность Дайсаку Икеда продолжает и поныне.

Тойнби А.Дж., Икеда Д.
Избери жизнь.
Диалог Арнольда Дж. Тойнби и Дайсаку Икеды

Переплет художника
В.А. Чернецова

Художественный редактор
Ю.М. Добрянская

Корректоры
В.В. Конкина, Н.И. Коновалова,
Г.А. Ярошевская

Компьютерный набор и верстка
Ю.М. Канцур

Подписано в печать 03.05.2007. Формат 70×100 1/16
Бумага офс. № 1. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Уч.-изд. л. 28,9. Тираж 3000 экз. Заказ № 990
Изд. № 8502

Ордена «Знак Почета»
Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7
Тел.: 629-50-91. Факс: 203-66-71.
E-mail: kd_mgu@ Rambler.ru
Тел.: 939-33-23 (отдел реализации).

В Издательстве МГУ
работает служба «КНИГА – ПОЧТОЙ»
Тел.: 629-75-41

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в ИПП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Арнольд Тойнби, профессор истории, «международный мудрец», как его назвал журнал «Тайм», «наряду с Эйнштейном, Швейцером или Бертраном Расселом». Дайсаку Икеда — президент Сока Гаккай Интернэшнл, буддийской светской организации, насчитывающей 10 миллионов членов и посвятившей себя развитию образования, культуры и укреплению мира. В 1971-1974 гг. Тойнби и Икеда обсуждали многие животрепещущие проблемы, с которыми сталкивается

современный человек как на Западе, так и на Востоке. Они обменялись вопросами и ответами в письменном виде и провели беседы, которые записывались и впоследствии были отредактированы Ричардом Л. Гейджем. Профессор Тойнби перечитал и одобрил текст книги до своей последней болезни. Он умер в октябре 1975 г. в возрасте 86 лет.

Трудности, возникающие на пути человека, были рассмотрены этими двумя выдающимися людьми во всех их аспектах: личных и социальных, политических и международных, философских и религиозных. Обсуждались специфические темы, затрагивавшие широкий спектр проблем, от индивидуальных, таких как самоубийство и эвтаназия, до глобальных, вызываемых ростом народонаселения, загрязнением окружающей среды и истощением природных ресурсов. Они искали не абстрактные ответы, а решение проблемы значения эволюции для индивидуального человека. Соответственно они сформулировали основополагающий вопрос: изберет ли человечество к спасению своей судьбы путь гуманной революции в мышлении и морали? И помимо текущих проблем они рассмотрели проблемы вечные, такие как природа человека, его отношение к другим существам, к природе и к Вселенной.

В этом диалоге Тойнби и Икеда признали тот факт, что выживанию человека угрожают его способность уничтожить естественную окружающую среду и дисбаланс между его моральной незрелостью и его технологическим героизмом; но они верят, что злу, порожденному человеком, можно найти рукотворное излечение, и сделали оптимистический акцент на неотъемлемой цельности человечества и Вселенной.

Издательство
Московского университета

ISBN 978-5-211-05343-4

